АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1859.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-Петербургъ.

1859.

СОДЕРЖАНІЕ:

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

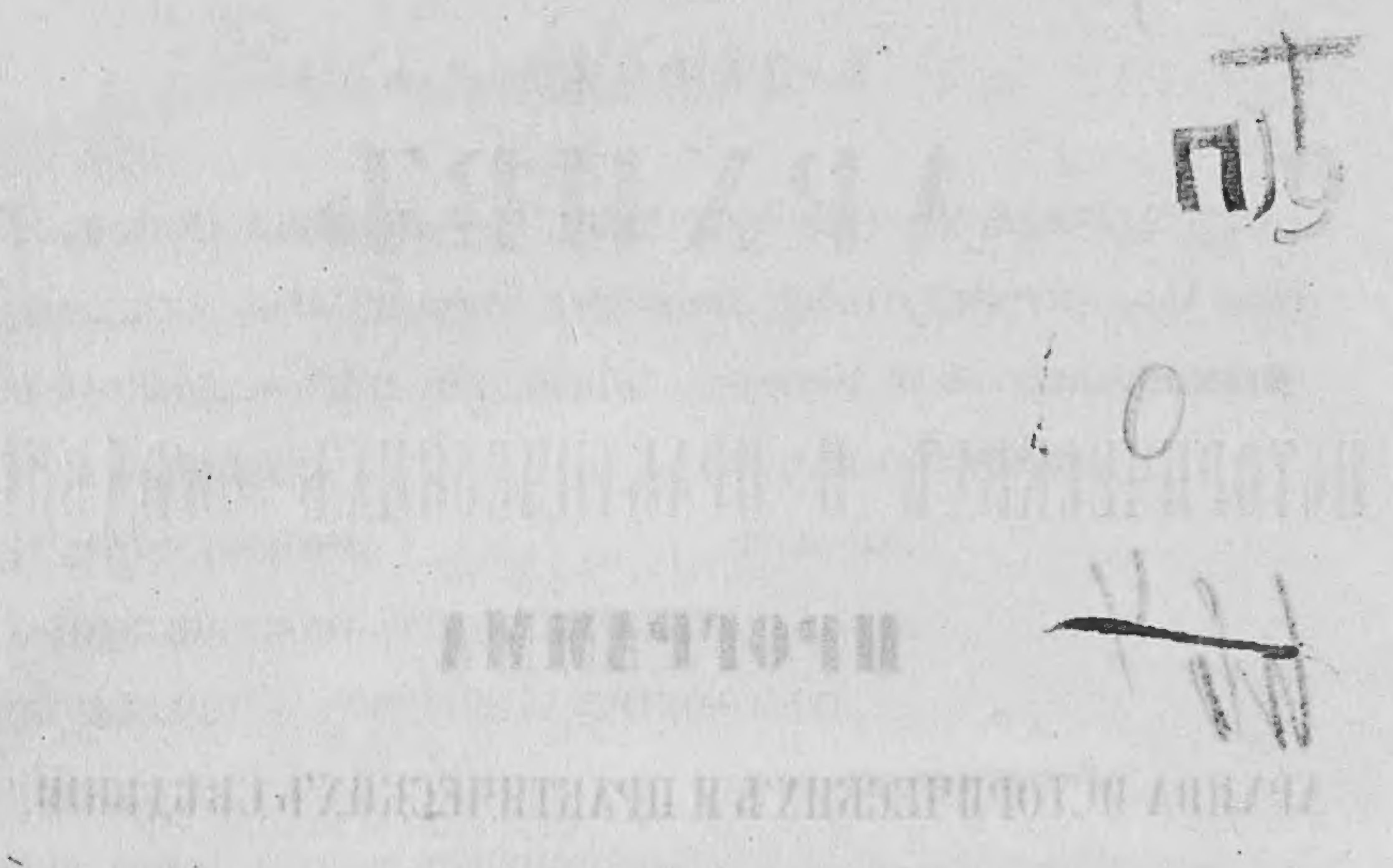
ИЗДАВАЕМЫЙ

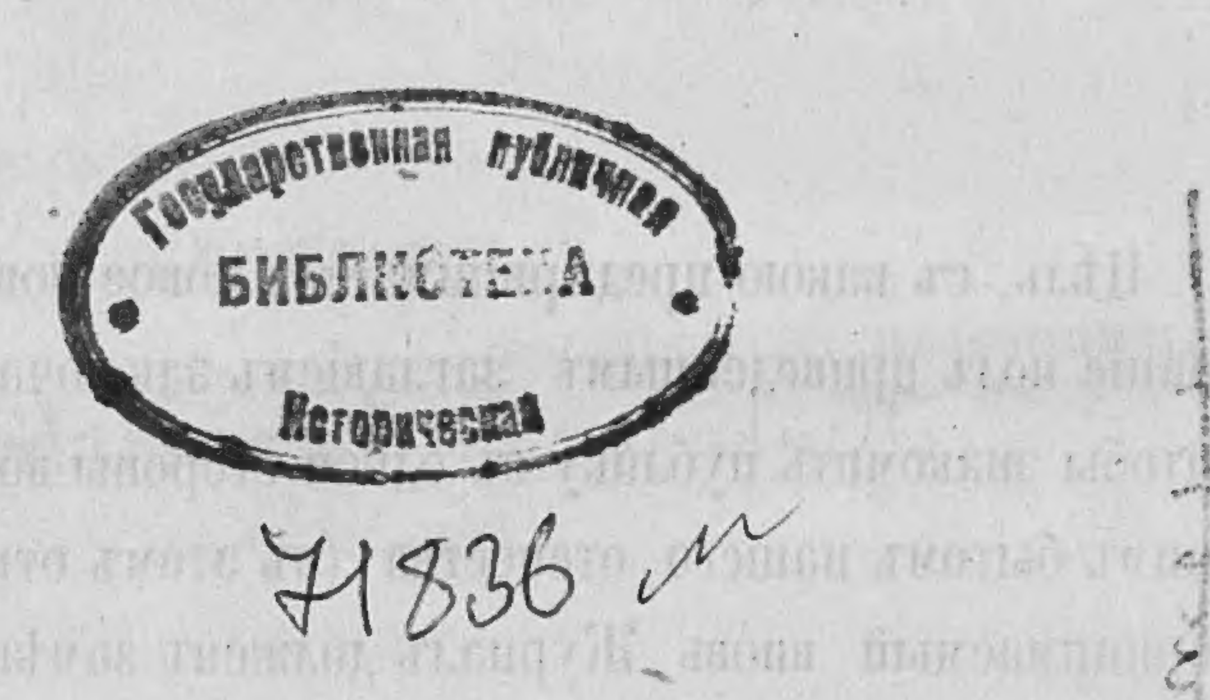
Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-Петербургъ.

1858.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В Канцеляріи.

ПРОГРАММА

АРХИВА ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССІИ.

Цѣль, съ какою предпринимается новое повременное изданіе подъ приведеннымъ заглавіемъ заключается въ томъ, чтобы знакомить публику съ одной стороны вообще съ древнимъ бытомъ нашего отечества (въ этомъ отношеніи предпринимаемый вновь Журналъ долженъ замѣнить «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній»), а съ другой—съ тѣми данными настоящаго времени, которыя, представляя картину современнаго быта въ разныхъ слояхъ Русскаго общества и въ разныхъ частяхъ Россіи, могли бы притомъ служить полезнымъ указаніемъ способовъ, принимаемыхъ Правительствомъ или предполагаемыхъ частными лицами для лучшаго удовлетворенія признаваемыхъ имъ потребностей. Обѣ эти части изданія, не смотря на то, что относятся къ разному времени, будутъ приводимы въ тѣснѣйшую между собою связь на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Русское государство въ томъ видѣ или съ тѣми началами и формами общественнаго быта, какія имѣетъ теперь, есть результатъ долговременнаго развитія и бо̀льшею частію постепеннаго перехода отъ началъ и формъ этого быта у народа младенчествующаго къ началамъ и формамъ современныхъ намъ Европейскихъ государствъ, результатъ, который обусловливался усердною дѣятельностію нашего Правительства въ теченіи многихъ столѣтій на пользу общественную. Подъ вліяніемъ этой продолжительной дѣятельности Правительства, многіе существенные вопросы, занимающіе насъ въ настоящее время, подвергались не одинъ разъ тщательному разсмотрѣнію или рѣшенію такъ или иначе на основаніи данныхъ извѣстной эпохи. Отсюда ясно, что историческое изученіе нашего быта, историческая разработка всѣхъ общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ нашихъ предковъ, съ указаніемъ на тѣ данныя, какія при рѣшеніи ихъ имѣлись въ виду у Правительства, составляютъ существенную необходимость при современномъ пересмотрѣ и рѣшеніи тѣхъ-же вопросовъ; такое изученіе ихъ и разработка тѣмъ болѣе полезны, что они послужатъ лучшимъ пособіемъ для того, чтобы вглядѣться пристальнѣе въ самыя начала и формы нашей общественной жизни и различить тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ чрезъ всю нашу исторію и слѣдовательно могутъ быть названы національными, отъ тѣхъ, которыя были приняты нами и выработаны какъ народомъ Европейскимъ. И такъ, при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся общественнаго быта, мы, по возможности, будемъ всегда предпосылать твердую основу, заключающуюся въ историческихъ разы-

сканіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду необходимую связь, существующую между положительнымъ правомъ и дѣйствительною жизнію, мы назначаемъ особое *Приложеніе* къ нашему изданію для разсмотрѣнія практическихъ вопросовъ современной юриспруденціи, Русской и иностранной, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ наукою и опытомъ.

Согласно изложенной выше цѣли и направленію предпринимаемаго нами Журнала, мы раздѣляемъ его на слѣдующіе отдѣлы:

I. Изслѣдованія какъ чисто историческаго, такъ и историко-юридическаго, историко-практическаго и археологическаго содержанія.

II. Очерки современнаго быта. Въ составъ ихъ войдутъ какъ описанія мѣстныхъ обычаевъ, нравовъ, такъ и мѣстныхъ условій природы, имѣющихъ вліяніе на эти обычаи и нравы, на торговлю, хозяйство, и проч. Сюда-же принадлежатъ обозрѣнія законодательной и правительственной дѣятельности съ цѣлью указать на то, что представляется почему-либо важнымъ для общественнаго развитія; статьи о современныхъ путяхъ сообщеній, объ отношеніяхъ между различными классами обществъ, о цѣнѣ за трудъ, и т. п.

III. Матеріалы, относящіеся до исторіи, права, статистики и экономическаго быта преимущественно древней Россіи. Сюда-же относятся переводы иностранныхъ сочиненій о древней Россіи. Изъ новыхъ матеріаловъ въ этотъ отдѣлъ войдутъ тѣ оффиціальные акты законодательной и правительственной дѣятельности Верховной власти, на важность коихъ было указано въ предъидущемъ отдѣлѣ.

IV. Обозрѣніе изданій историко-юридическаго и практическаго содержанія какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ, и вообще имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ цѣли и направленію «Архива», и Библіографическая хроника, которая будетъ заключаться въ краткихъ извѣстіяхъ о сочиненіяхъ и изданіяхъ, заслуживающихъ вниманіе по тому-же отношенію.

V. Смѣсь. Замѣтки и новости, служащія къ объясненію быта и письменности древняго и новаго времени.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Собраніе юридическихъ въ Россіи вопросовъ и задачъ съ историческимъ или практическимъ ихъ изъясненіемъ.

II. Извлеченіе изъ новыхъ сочиненій, выходящихъ за границей, представляющихъ историческій и практическій интересъ въ отношеніи къ юриспруденціи.

Годовое изданіе «Архива» будетъ состоять изъ шести книгъ, заключающихъ въ себѣ каждая отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ.

Желающіе доставлять статьи для помѣщенія въ «Архивѣ», согласныя съ цѣлью и направленіемъ этого Журнала, благоволятъ обращаться *въ Редакцію «Архива»*, находящуюся *въ С. Петербургѣ, на Владимірской улицѣ, въ домѣ г. Маслова*, или же *въ Контору Редакціи, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Демидова*. По этимъ адресамъ должны быть высылаемы и деньги для полученія «Архива». При семъ Редак-

ція покорнѣйше проситъ гг. отправляющихъ статьи или деньги сообщать ей какъ можно точнѣе свое *имя и фамилію и мѣсто своего жительства.*

Цѣна годовому изданію «Архива» въ С. Петербургѣ *девять рублей*, съ пересылкою же въ другіе города Россіи *десять* рублей серебромъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ НИКОЛАЙ КАЛАЧОВЪ.

Бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго графа М. М. Сперанскаго, составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для русской юриспруденціи, теоретической и практической, не только той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ этотъ знаменитый государственный мужъ, но и въ отношеніи къ исторіи нашего законодательства. Изъ нихъ однѣ принадлежатъ Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, куда онѣ поступили послѣ кончины графа, послѣдовавшей въ 1839 году февраля 11; другія хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которой принесены въ даръ въ 1856 году покойною дочерью его, вдовою дѣйств. тайнаго совѣтника, Е. М. Фроловой-Багрѣевой. Важнымъ источникомъ для разъясненія того, что въ этихъ матеріалахъ покажется несовсѣмъ понятнымъ для нѣкоторыхъ читателей, могутъ служить изустныя замѣчанія немногихъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, которыя находились, по службѣ, подъ начальствомъ графа, и въ особенности тайнаго совѣтника К. Г. Рѣпинскаго, бывшаго въ теченіи болѣе двухъ десятилѣтій однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его сотрудниковъ.

Мы думаемъ оказать немаловажную услугу любителямъ русскаго права, пользуясь счастливыми обстоятельствами, которыя доставляютъ намъ возможность украсить нашъ журналъ нѣкоторыми изъ сочиненій, мыслей и замѣтокъ покойнаго графа Сперанскаго. Предлагаемые на первый разъ отрывки заимствованы нами изъ бумагъ,

принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ, и за сообщеніе ихъ и разрѣшеніе издать ихъ въ свѣтъ мы считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ принести чувствительную благодарность Начальнику Библіотеки, его высокопревосходительству барону Модесту Андреевичу Корфу. Впрочемъ всѣ помѣщаемые здѣсь отрывки находятся въ Публичной Библіотекѣ лишь въ копіяхъ, почему мы свѣряли ихъ съ дубликатами копіи же, хранящихся во Второмъ Отдѣленіи, признавая это необходимымъ, ибо въ нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ сдѣланы поправки рукою самого графа.

РЕДАКТОРЪ.

МЫСЛИ ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО.

О СИСТЕМѢ ЗАКОНОВЪ ВООБЩЕ.

Законы, по раздѣленію, принятому въ Юстиніановыхъ изложеніяхъ, суть или публичные, ко всему составу государства принадлежащіе (jus publicum), или приватные, къ пользамъ частныхъ людей относящіеся (jus privatum). Тѣ и другіе проистекаютъ изъ трехъ источниковъ: или изъ понятій естественнаго смысла (jus naturae), или изъ обычаевъ и законовъ другихъ народовъ (jus gentium), или наконецъ изъ постановленій собственно Римскихъ (jus civile).

Сіе первоначальное раздѣленіе привело въ послѣдствіи къ другому, нынѣ болѣе употребительному. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

Законы суть или естественные, или положительные. *Естественные* законы (jus naturae) суть тѣ, кои однимъ здравымъ разумомъ установляются; *положительные* (jus positivum) установляются верховною властію.

Естественные законы дѣлятся на два рода: публичные и приватные (jus publicum et jus privatum). Законы естественные публичные дѣлятся еще на два рода: на внутренніе и внѣшніе (jus civitatis et jus gentium). Законы естественные приватные не дѣлятся на роды, но располагаются по ихъ предметамъ такъ же, какъ и законы положительные приватные.

Законы положительные дѣлятся такъ же, какъ и естественные, на два главные рода: на публичные и приватные.

Законы положительные публичные (jus civitatis statuarium) заключаютъ въ себѣ: 1) законы государственные основные (jus fundamentale), 2) законы о правахъ состоянія (jus privilegiorum),

*

3) законы управленія (jus politice), 4) законы уголовные (jus criminale); 5) законы церковные (jus ecclesiasticum).

Законы положительные приватные не имѣютъ родовъ и дѣлятся по предметамъ: на законы о лицахъ, о вещахъ и объ искахъ (jus personarum, jus rerum et jus actionum). Въ послѣдствіи имъ присвоено въ особенности именованіе законовъ гражданскихъ (jus civile), хотя въ первоначальномъ смыслѣ всѣ роды законовъ, свойственныхъ Риму, назывались *jus civile* и законы сіи противополагались законамъ внѣшнимъ (juri gentium).

Здѣсь представляется сіе раздѣленіе въ общемъ его начертаніи; безполезно было бы исчислять всѣ измѣненія и поправленія, въ немъ сдѣланныя. Первоначальная ихъ основа есть одна и таже: система Юстиніанова.

Сія система какъ въ первоначальномъ ея видѣ, такъ и въ послѣдующихъ ея исправленіяхъ, во первыхъ, есть произвольна, и во вторыхъ, не можетъ быть приложена къ Россійскому законодательству.

I. Произвольность системы Юстиніановой. Въ преклонномъ и близкомъ уже къ паденію вѣкѣ Римской Имперіи, ни въ умѣ, ни въ силѣ государственнаго управленія нельзя было по естественному вещей порядку ожидать здравыхъ и точныхъ о законахъ понятій. Римскіе законы, памятникъ долголѣтняго гражданскаго образованія и великой законодательной мудрости, въ изложеніи Юстиніановомъ представляютъ развалину великолѣпнаго зданія, въ коей рукою слабыхъ и маловѣдущихъ художниковъ (1) на удачу слѣплены разнородные драгоцѣнные остатки. Не найдя въ преданіяхъ общаго чертежа, они выдумали свой; когда же по сему тѣсному чертежу приступили къ построенію, тогда на опытѣ оказалось, что многіе матеріалы оставались безъ размѣщенія; сему неудобству желали пособить двумя средствами и допустили двѣ новыя погрѣшности: 1) непрестанныя отъ чертежа отступленія, вставки въ немъ и поправки, разнообразныя и часто противорѣчащія опредѣленія однихъ и тѣхъ же понятій; 2) когда же и сіе средство было недостаточно, тогда прикрѣпляли уже оставшіяся части одну къ другой безъ всякаго чертежа, безъ всякой почти связи или съ связію, составленною изъ греческихъ полуученыхъ того вѣка тонкостей (2).

---

(1) Законника Трибоніана и шестнадцати его сотрудниковъ.—(2) Septendecim

Къ погрѣшностямъ перваго рода должно отнести два главныя раздѣленія законовъ, сими законниками введенныя,—раздѣленіе ихъ на публичные и приватные, а потомъ на естественные, общенародные и гражданскіе.

Есть, безъ сомнѣнія, законы природы, Творцомъ ея установленные. Но законы сіи составляютъ не особенный родъ, но основаніе всѣхъ законовъ человѣческихъ. Они объемлютъ всю природу, а не одно царство животныхъ, и слѣдовательно нельзя опредѣлить ихъ однимъ инстинктомъ животнымъ, нельзя сказать: *jus naturae est, quòd natura omnia animalia docuit.* Еще менѣе можно допустить другое опредѣленіе, коимъ желали первое исправить, а именно, что законы естественные суть тѣ, кои, исходя изъ однихъ началъ здраваго разума, къ благосостоянію государства прилагаются,—какъ будто законы положительные, верховною властію издаваемые, основаны не на тѣхъ же началахъ разума, и какъ будто разумъ, объемлющій различіе климата, степень образованія и мѣстныя обстоятельства и законы къ нимъ приспособляющій, не есть здравый разумъ.

Раздѣленіе законовъ на публичные и приватные также неправильно и произвольно, хотя и могло бы быть правильно, но составныя части каждаго изъ сихъ родовъ опредѣлены безъ точности.

---

homines Graeci rudioris jam seculi, Romanorum mores et sermonem vix leviter docti, perpetuis aulae negotiis iisque gravissimis toti plerique immersi, in varias curas et partium studia, difficillimis illis temporibus, saepissime tracti, ingentem bis mille voluminum molem, quibus jurisconsultorum jam aliquot seculis a se remotorum opera continebantur, quae et ipsa magno annorum et opinionum intervallo a se invicem dissidebant, et quorum non pauca legum antiquarum et maxime XII Tabularum, Ciceronis jam aevo intellectu difficilium interpretationes exhibebant, magna virium fiducia aggrediuntur, legunt, ex iis in suos, quaecunque vellent, usus colligunt, illa rejiciunt, haec servant, truncant, in partes scindunt atque disjiciunt, mutant, augent, ad genium sui seculi attemperant, in suos quaeque titulos referunt et ita unum ex innumeris opus sibi, si diis placet, ex omni parte responsurum componunt, idque legendum, approbandum, et confirmandum vel praemii properandi desiderio capti, vel insignem diligentiae et eruditionis laudem ex festinatione captantes, vel saltem taedium longioris laboris fugientes intra triennii metas offerunt, quod vel ipse Imperator, plus justo tamen alias festinare solitus, intra decennium vix perfici posse prudens speraverat.—Observ. J. M. Silberradii ad Heineccii Hist. Jur. civilis Rom. ac Germ. 1765 § CCCXC.

Законы имѣютъ двѣ составныя части: правило и охраненіе (sanctio). Охраненіе всѣхъ законовъ есть сила государственная (публичная) и слѣдовательно съ сей стороны всѣ законы суть публичные. Цѣль законовъ публичныхъ, какъ напр. законовъ безопасности, столько же относится къ государству вообще, какъ и къ частнымъ людямъ въ особенности; слѣд. съ сей стороны и законы безопасности могутъ назваться приватными (¹). Нельзя вообразить себѣ государство безъ обывателей и слѣдовательно представить законы, полезные государству, но безполезные для частныхъ людей. Правда, есть собственность частная и собственность государственная (res publica et res privata), но въ семъ уваженіи приватнымъ законамъ должно было бы противопоставить токмо законы государственнаго хозяйства, а не всѣ вообще законы, къ частной собственности не принадлежащіе.

Не взирая, однакоже, на всѣ недостатки Юстиніановой системы, таково есть превосходство Римскихъ законовъ въ существѣ ихъ, что изложеніе ихъ, хотя и безобразное, принято въ Европѣ во всеобщее почти употребленіе. Недостатки сего изложенія старались исправить или сокрыть разными дополненіями и измѣненіями, и хотя доселѣ въ семъ не успѣли, хотя коренной порокъ сей системы—произвольность плана—ничѣмъ не можетъ быть совершенно исправленъ; тѣмъ не менѣе однакоже, чѣмъ болѣе употребляли времени и трудовъ въ обработываніи его, тѣмъ болѣе самою работою къ нему привыкали и тѣмъ сильнѣе прилѣплялись.

Къ сему присоединилось другое обстоятельство. Римскіе законы, даже и послѣ разрушенія Западной Имперіи въ нѣкоторыхъ странахъ ея (въ Италіи и частію во Франціи) оставались въ дѣйствіи; потомъ когда народы Германскаго поколѣнія начали помышлять о письменномъ изложеніи собственныхъ ихъ законовъ, они непримѣтно вовлекались силою примѣра и смежности въ систему законовъ Римскихъ, подъ именемъ Ѳеодосіева и Адріанова изложенія тогда извѣстныхъ.

(¹) По противорѣчію, коимъ всѣ Юстиніановы изложенія исполнены, въ нихъ же самихъ можно найти лучшее на нихъ опроверженіе. Въ нихъ же самихъ законы приватные считаются вмѣстѣ и публичными. L. 8 ff. de tut. L. 29 ff. de test. tut. L. 18 § 1 ff. de damno infect.

Въ послѣдствіи, когда сдѣлалось извѣстнымъ Юстиніаново изложеніе, особенно же когда въ XII-мъ вѣкѣ открыты въ Амалфіи такъ называемые Флорентинскіе Пандекты, тогда законы Римскіе, а съ ними и система Юстиніанова, укоренились во всѣхъ училищахъ, во всѣхъ судахъ, содѣлались святынею для всѣхъ законниковъ. Тщетно было бы помышлять испровергнуть сіе тысячелѣтнее могущество тамъ, гдѣ оно дѣйствуетъ, особливо когда нѣтъ еще системы, которая бы могла замѣнить систему Юстиніанову съ очевиднымъ преимуществомъ.

Совсѣмъ другія обстоятельства были въ Россіи, и сіе ведетъ ко второй части настоящаго разсужденія.

II. *О несовмѣстности Юстиніановой системы съ Россійскимъ законодательствомъ.* Есть догадки, что въ первыхъ вѣкахъ основанія Россійскаго государства разныя изложенія законовъ Римскихъ, подъ именемъ законовъ Греческихъ, имѣли нѣкоторое участіе въ составѣ нашего законодательства, и что въ позднѣйшія времена, съ переводомъ Фотіева Номоканона или Кормчей книги, Градскіе законы, въ ней содержащіеся, отрывокъ, или, лучше сказать, отдаленное послѣдствіе системы Юстиніановой, принимаемы были у насъ въ соображеніе. Но сіе суть догадки. А подлинники законовъ, до насъ дошедшіе, указуютъ намъ совсѣмъ другіе источники. Русская Правда очевидный имѣетъ отпечатокъ сѣверныхъ Германскихъ законовъ. Новгородскія грамоты и Судебники разныхъ годовъ, сохраняя нѣкоторое сходство съ сими законами, имѣютъ уже свой мѣстный, природный обликъ. Ни въ раздѣленіи предметовъ, ни въ судебномъ ихъ языкѣ ничего нѣтъ похожаго на изложеніе Юстиніаново. Въ предисловіи къ Уложенію 1649 года хотя и постановлено принимать въ соображеніе гражданскіе законы Греческихъ царей и хотя быть можетъ, что нѣкоторые законы и дѣйствительно оттуда заимствованы, но ни въ языкѣ, ни въ системѣ Уложенія нѣтъ ничего Римскаго, ничего Юстиніанова.

Въ законахъ, а особенно въ уставахъ (регламентахъ), во время Петра Великаго изданныхъ, учрежденія и уставы Нѣмецкіе были принимаемы въ соображеніе. Сіе доказывается и содержаніемъ ихъ, и слогомъ, и самыми словами. Но рѣшительнаго поворота отъ Россійскаго природнаго законодательства къ системѣ Юстиніановой ни въ сихъ уставахъ, ни въ послѣдующихъ не видно, исключая

Изображенія процессовъ 1716 года. Первые слѣды нѣкотораго сближенія съ сею системою являются въ Наказѣ 1768 года. Но Наказъ сей остался безъ дѣйствія.

Такимъ образомъ отъ самой древности до временъ нашихъ, Россійское законодательство дѣйствовало и возрастало собственными своими природными силами, и можетъ быть одно во всей Европѣ ничего почти непосредственно, и весьма мало посредствомъ Нѣмецкихъ законовъ, почерпало въ общемъ источникѣ законовъ—въ Римскомъ правѣ.

Отсюда происходитъ не только въ существѣ законовъ, но и въ системѣ ихъ, и еще болѣе въ языкѣ судебномъ и дѣловомъ, столь рѣзкое различіе между законодательствомъ Европейскимъ и Россійскимъ, что соединить ихъ нѣтъ почти никакой возможности, не перемѣнивъ обычаевъ, навыковъ, образа мыслей всѣхъ судей и дѣлопроизводителей.

Есть многія сходства въ законахъ и особенно въ дѣлопроизводствѣ; но сіи сходства возникли не отъ подражанія, но отъ общаго правила, что одинакія обстоятельства производятъ у разныхъ народовъ одинакія послѣдствія. Проявляются даже нѣкоторыя и въ словахъ подражанія, но это суть болѣе покушенія и попытки, нежели обдуманный и рѣшительный планъ законодателя.

Изъ сего слѣдуетъ, что еслибы система изложеній Юстиніановыхъ и дѣйствительно была основательна, то и тогда можно было бы только пожалѣть, что она съ нашими обычаями не совмѣстна; но къ счастію, и жалѣть не о чемъ.

Одно неудобство: молодые наши законники, вмѣсто одной, должны учиться двумъ разнымъ системамъ: Россійской и Римской; ибо никто ни въ какомъ государствѣ не долженъ имѣть притязанія быть истиннымъ законовѣдцемъ, не зная законовъ Римскихъ, такъ какъ никто не можетъ быть свѣдущъ въ исторіи своей страны безъ познанія исторіи общей; но и сіе неудобство современемъ прекратится. Не выше силъ человѣческихъ слить обѣ системы въ одну, т. е. приспособить изложеніе Римскихъ законовъ къ системѣ Россійскаго уложенія, и тогда обученіе ихъ будетъ столько же просто и удобно, сколько нынѣ оно трудно и рѣдко бываетъ основательно.

О ПРАВѢ ВООБЩЕ.

Право иногда употребляется въ смыслѣ закона (objective), а иногда въ смыслѣ власти (subjective). Употребленіе сего слова въ первомъ смыслѣ Россійскому языку не свойственно. Слово *jus* могло быть употребляемо въ смыслѣ закона, ибо оно происходитъ отъ *jussum* (jus a jubendo); по сему понятію *jus* есть родъ, а законъ его видъ. Но слово *право* происходитъ отъ слова *править;* правятъ *по закону* лица и мѣста, *закономъ* установленныя; но законъ самъ по себѣ не правитъ. Управленіе дѣйствуетъ по закону; но законъ различенъ отъ управленія. Право есть слѣдствіе закона и закономъ опредѣляется. Если законъ называть правомъ: то право (subjective) будетъ опредѣляемо правомъ (objective),—смѣшеніе и въ другихъ языкахъ весьма примѣчательное, но отъ привычки и употребленія менѣе примѣтное.

Право обыкновенно различаютъ отъ дѣйствительной власти и поставляютъ его въ одной способности или возможности имѣть власть. Сіе происходитъ отъ того, что власть (potestas) смѣшиваютъ съ владѣніемъ (possessio). Власть надъ имуществомъ имѣетъ три степени: въ первомъ она установляется, во второмъ совершается, въ третьемъ вступаетъ въ силу обладанія. Каждый изъ сихъ степеней власти есть право; но въ первомъ право установленное, во второмъ право совершенное, въ третьемъ право обладанія. Напр. заключенъ, но нигдѣ не явленъ договоръ на покупку имѣнія,—симъ *установлено* право, т. е. власть продавца на деньги, когда покупщикъ получитъ власть на имущество; договоръ явленъ и совершенъ въ актахъ,—симъ *совершено* право, прежде установленное; наконецъ продавцу заплачены деньги, а покупщикъ введенъ во владѣніе,—симъ право совершенное вступуло въ силу *обладанія.* Въ каждомъ изъ сихъ степеней есть власть, а не одна возможность; если право есть возможность обладанія: то что же будетъ право обладанія,—возможность къ чему?—Что будетъ обязанность, каждому праву соотвѣтствующая? Неужели одна возможность повиновенія? Правда, что одинъ можетъ имѣть право на имущество, между тѣмъ какъ другой имъ владѣетъ, и сіе даетъ понятію права видъ одной возможности, а не власти; но въ семъ примѣрѣ первый не имѣетъ права обладанія, а имѣетъ право установленное или со-

вершенное, онъ имѣетъ токмо притязаніе къ праву обладанія, а второй имѣетъ право обладанія: если право перваго судомъ утвердится, тогда притязаніе его обратится въ право обладанія, а право послѣдняго признано будетъ завладѣніемъ.

(¹) Во всѣхъ законныхъ пріобрѣтеніяхъ не столько предметъ права, сколько власть надъ нимъ, т. е. право на него пріобрѣтается.

Что̀ пріобрѣтаетъ частное лицо, когда пріобрѣтаетъ состояніе? Одну власть пользоваться тѣмъ состояніемъ, къ коему оно причислено. Слѣдовательно пріобрѣтаетъ право состоянія.

Въ пріобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ пріобрѣтается также власть располагать ими по произволу. Часто лицо, ихъ пріобрѣтающее, не вступаетъ и даже не можетъ вступить въ дѣйствительное ихъ употребленіе, но имѣетъ власть употреблять ихъ, т. е. пріобрѣтаетъ на нихъ право.

Въ пріобрѣтеніи движимыхъ имуществъ также бо̀льшею частію пріобрѣтается власть права, нежели предметъ права. Изъ сего исключаются тѣ токмо движимыя имущества, коихъ обладаніе, по особенному ихъ свойству, всегда или бо̀льшею частію сопряжено съ дѣйствительнымъ ихъ употребленіемъ, какъ-то наличныя деньги.

Въ пріобрѣтеніи личныхъ правъ всегда пріобрѣтается право, а не предметъ его. Нельзя сказать: я пріобрѣтаю дѣйствіе другаго; но я пріобрѣтаю власть, право надъ дѣйствіемъ другаго.

Пріобрѣтеніе:

а) Первообразное изъ общественнаго.

б) Производное отъ другихъ изъ общаго въ общее и изъ особеннаго въ особенное.

в) Производное изъ общаго въ особенное (de communi dividundo).

Къ первообразному пріобрѣтенію должно отнести все, что пріобрѣтается трудомъ, искуствомъ и знаніемъ. Сюда принадлежитъ

(¹) Въ копіяхъ, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ и у К. Г. Рѣпинскаго, съ боку, противъ первой строки, написано: «къ праву вообще».

собственность открытія и сочиненій въ наукахъ, искуствахъ и ремеслахъ.

Въ пріобрѣтеніи производномъ (в) изъ общаго въ особенное, должно установить: 1) какимъ образомъ имущество можетъ вступать въ общее владѣніе: [а) per modus primitivos, б) per derivativos] даромъ, выдѣломъ, договорами, наслѣдствомъ. 2) Какимъ образомъ выходитъ изъ общаго. Сюда принадлежитъ и тотъ случай дѣлежа, гдѣ главная часть имущества увлекаетъ всѣ съ нею сопряженныя.

Посему въ 3-й книгѣ раздѣлить: а) о первообразномъ пріобрѣтеніи, б) о производномъ просто, в) о производномъ сложномъ.

---

(1) Право не должно смѣшивать съ способностію.

Право subjective имѣетъ два разныя значенія: опредѣленное или неопредѣленное; право на сію именно вещь, на то или другое дѣйствіе лица есть право опредѣленное; право дѣлать или не дѣлать, употреблять или не употреблять что либо есть право неопредѣленное.

Въ первомъ смыслѣ право есть всегда власть; во второмъ оно есть токмо способность. Въ первомъ смыслѣ оно есть истинное положительное право: ибо оно опредѣляется и охраняется закономъ; во второмъ оно не есть положительное право, ибо оно не опредѣляется и не охраняется закономъ, но токмо имъ не воспрещается; оно стоитъ внѣ положительнаго закона и имъ не объемлется; и сіе право въ истинномъ и точномъ смыслѣ можно назвать правомъ естественнымъ или нравственнымъ.

NB. Во введеніи о различіи законовъ нравственныхъ нужно прибавить: отъ закона нравственнаго возникаетъ и право нравственное. Оно ни что иное есть, какъ способность, нравственнымъ закономъ опредѣляемая, оно не есть власть, потому что нравственный законъ не имѣетъ понудительной силы охраненія.

Смѣшеніе коренныхъ понятій о силѣ охранительной было причиною смѣшенія и въ законѣ, и въ правѣ и его опредѣленіи.

---

(1) Въ копіяхъ, противъ первой строки, написано: «къ праву яко способности».

О ПРАВѢ ЛИЧНОМЪ.

Право въ смыслѣ власти никогда не можетъ принадлежать какой либо вещи, но всегда принадлежитъ лицу. Слѣд. относительно къ лицу, правомъ обладающему, само собою разумѣется, что право его есть право личное, ибо другаго и быть не можетъ. Но предметъ власти можетъ быть двоякій: онъ есть или дѣяніе другаго лица, или какое либо имущество. Отсюда естественное раздѣленіе права, по предмету его, на два: на личное и вещественное. Одни лица и имущества могутъ подлежать власти общественной и частной. Она не можетъ имѣть другихъ предметовъ дѣйствія.

Лицо составляютъ жизнь, мысли, чувства и дѣянія. Изъ сихъ составныхъ частей, мысли и движенія сердечныя, когда они никакими знаками дѣяній не изъявлены, подлежатъ однимъ законамъ совѣсти. Жизнь можетъ подлежать законамъ общественнымъ, потому единственно, что она есть источникъ дѣяній; одни дѣянія и дѣянія произвольныя объемлются властію законовъ. Слѣд. весьма свойственно власть надъ дѣяніями именовать правомъ личнымъ. И понеже дѣянія сіи суть произвольны: то власть на оныя можетъ возникать токмо отъ двухъ началъ, или отъ права крѣпостнаго, или отъ договора. Посему и право личное дѣлится естественно на два рода: право личное крѣпостное и право личное добровольное. То и другое опредѣляется въ своемъ мѣстѣ подробно. Всѣ договоры, коихъ предметъ состоитъ въ обязательствѣ лица къ какому либо дѣйствію *(do ut facias et facio ut facias)* составляютъ право личное.

О ЗАКОНАХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ.

Въ Римскомъ Законодательствѣ подъ именемъ законовъ гражданскихъ разумѣлись всѣ законы мѣстные, собственные (jus civile, jus proprium), а не заимствованные отъ законодательства другихъ народовъ, которое именовалось jus gentium. Въ послѣдствіи, когда законы Римскіе вошли въ общее Европейское законодательство, смыслъ сего слова измѣнился. Подъ именемъ гражданскихъ законовъ *(loix civiles, bürgerliche Gesetze)* начали разумѣть одни законы собственности; законы же внутренней безопасности получили особенноеименованіе законовъ полиціи; а законы государственна-

го хозяйства—отдѣльное названіе законовъ финансовыхъ или камеральныхъ. Но при семъ измѣненіи всѣ три рода законовъ въ ихъ совокупности сохранили прежнее ихъ коренное названіе, съ тѣмъ различіемъ, что въ семъ смыслѣ въ Германіи они уже именовались Landrecht. Такимъ образомъ Римское слово jus civile получило два разныя значенія: подъ словомъ Landrecht, земскіе законы, оно сохранило прежнее свое Римское значеніе, объемлющее три рода законовъ; подъ словомъ Loix civiles, bürgerliche Gesetze, оно означаетъ законы собственности. Къ сему смѣшенію подали поводъ сами законники временъ Юстиніановыхъ. Въ двухъ ихъ изложеніяхъ, въ Уложеніи и Сводѣ (codex et digesta) вмѣщаются всѣ три разряда законовъ; напротивъ въ учебной книгѣ законовъ (Institutiones) въ первыхъ главахъ излагается теорія законовъ въ совокупномъ ихъ смыслѣ; въ самомъ же составѣ сей книги изложеніе ограничивается одними законами о собственности. Такимъ образомъ, по смыслу сей книги, leges civiles суть loix civiles, bürgerliche Gesetze, законы о собственности; напротивъ, по смыслу другихъ двухъ изложеній, leges civiles суть Landrecht, законы земскіе.

Слово *Законы гражданскіе* ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ у насъ не можетъ быть свойственно.

Оно не можетъ выражать законовъ собственности 1) потому что, по коренному значенію, слово *гражданинъ* не что другое есть какъ обыватель города; законы же собственности принадлежатъ ко всей землѣ, а не къ однимъ городамъ ея; 2) потому что употребленіе расширило значеніе сего слова и перенесло его на другія понятія, кои съ собственностію не имѣютъ связи. Въ церковныхъ постановленіяхъ судъ гражданскій, или свѣтскій, означаетъ судъ и тяжебный и уголовный; гражданское вѣдомство и градскіе законы означаютъ всякое вѣдомство и всѣ законы не церковные. Въ военныхъ уставахъ гражданское управленіе и гражданскіе законы означаютъ всякое управленіе и всѣ законы не военные. Такимъ образомъ стѣснить слово *гражданскій* въ одно понятіе собственности воспрещаетъ коренное значеніе сего слова, а наипаче его употребленіе.

Еще менѣе слово сіе можетъ быть употребляемо въ смыслѣ законовъ земскихъ (Landrecht). Законы сіи заключаютъ въ себѣ

между прочимъ и законы уголовные; но въ общемъ употребленіи гражданскій законъ, гражданскій судъ противопоставляются у насъ законамъ и суду уголовному. Напротивъ наименованіе сихъ законовъ земскими, и старинному значенію сего слова и настоящему смыслу его, есть весьма сообразно и прилично.

Само собою впрочемъ разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ объ употребленіи сего слова законномъ и судебномъ (de usu fori), въ коемъ смыслъ словъ долженъ быть опредѣленъ со всевозможною точностію, а не о томъ обычномъ употребленіи, коему нельзя постановить никакихъ правилъ, usus quem penes arbitrium est et jus et norma loquendi.

Отсюда два вопроса: 1) Какое именованіе можетъ быть у насъ наиболѣе свойственно и отличительно для законовъ частной собственности? 2) Должно ли именовать ихъ законами частными?—Но законы частной собственности суть законы для всѣхъ подданныхъ общіе, и слѣдовательно частными назвать ихъ невозможно. Если же ни частными, ни гражданскими назвать ихъ невозможно, то остается именовать ихъ просто законами собственности.

Здѣсь не излишне будетъ присоединить еще одно слѣдующее примѣчаніе.

Законы о безопасности, и особенно о безопасности внѣшней, именуются вообще *законами политическими*. Употребленіе сего слова и по происхожденію его, и по разнымъ побочнымъ его значеніямъ, весьма не свойственно. Тамъ, гдѣ оно укоренилось, отмѣнить его невозможно. Но въ нашихъ законахъ, гдѣ употребленіе его еще непримѣтно, нѣтъ причины вводить его и тѣмъ умножать число словъ, понятіямъ несообразныхъ.

О СИСТЕМѢ ЗАКОНОВЪ СОБСТВЕННОСТИ.

Законы собственности въ Юстиніановомъ изложеніи слѣдующій имѣютъ видъ. Они дѣлятся на три главные отдѣла: 1) законы о лицахъ, 2) законы объ имуществахъ и 3) законы объ искахъ.

Въ послѣдствіи при разныхъ приспособленіяхъ сей системы къ мѣстному разныхъ государствъ законодательству, они получили

слѣдующій почти общій или по крайней мѣрѣ обыкновенный видъ. Изъ первыхъ двухъ отдѣловъ составлены три части Уложенія подъ именемъ закона о лицахъ, о вещахъ и закона о обязательствахъ; а изъ третьяго отдѣла объ искахъ, составлено особое Уложеніе или Уставъ судопроизводства, который иногда, слагаяся съ учрежденіемъ судебныхъ мѣстъ, именуется вообще Судебнымъ уставомъ, а иногда отдѣльно составляетъ Книгу о судопроизводствѣ.

Отъ сего общаго состава, въ Германіи принятаго, во Французскомъ Гражданскомъ Уложеніи сдѣлано нѣкоторое отступленіе. Сіе Уложеніе раздѣлено на три части: 1) о лицахъ, 2) объ имуществахъ и разныхъ ихъ измѣненіяхъ, 3) о разныхъ образахъ пріобрѣтенія собственности.

Не должно искать точности въ Юстиніановыхъ изложеніяхъ. Это суть болѣе разсужденія законника о законахъ, нежели самый текстъ закона. Посему можно пройти безъ замѣчанія разныя смѣшенія въ словахъ и выраженіяхъ, но нельзя не замѣтить слѣдующихъ главныхъ неудобствъ въ сихъ изложеніяхъ.

1) Первая ихъ часть, законы о лицахъ, представляетъ довольно правильное очертаніе законовъ не о лицахъ вообще, но о правѣ состоянія лицъ, хотя много тутъ есть пропусковъ и смѣшенія въ понятіяхъ о пріобрѣтеніи сего права и о способахъ, коими оно совершается. Главный недостатокъ сей части состоитъ въ томъ, что она выходитъ изъ своихъ предѣловъ и сливается со второю; въ ней опредѣляется не токмо право состояній, но и образъ пріобрѣтенія правъ вещественныхъ въ нѣкоторыхъ состояніяхъ, какъ то: въ малолѣтствѣ, въ правѣ родителя надъ дѣтьми, въ рабствѣ, и проч.

2) Вторая часть, о вещахъ, есть смѣсь всего, что можно сказать въ законѣ объ имуществахъ. Здѣсь раздѣленіе и роды имуществъ смѣшаны съ ихъ пріобрѣтеніемъ; право личное смѣшано съ вещественнымъ; охраненіе смѣшано съ правиломъ. Сверхъ того какъ общія правила о пріобрѣтеніи имуществъ измѣняются по различію правъ особенныхъ состояній, то надлежало сдѣлать одно изъ двухъ: или составить изъ сихъ измѣненій особенное отдѣленіе, или при каждомъ правилѣ означить всѣ его изъятія. Не сдѣлано ни того, ни другаго; напротивъ нѣкоторыя изъ сихъ изъятій помѣщены въ первой части и вещественныя права отнесены къ закону о лицѣ,

другія оставлены во второй части. Но важнѣйшее неудобство состоитъ въ зыблемости и неопредѣлительности понятій собственности (dominii), обладанія, (possessionis) и завладѣнія (usurpationis). Для установленія сихъ понятій написаны цѣлыя библіотеки; но предметъ сей остался столько же темнымъ, какъ и былъ прежде.

3) Третья часть, объ искахъ, представляетъ законы объ охраненіи права собственности, ибо искъ есть средство къ отысканію права въ судѣ и слѣд. къ охраненію его—actio est remedium juris. Въ сей части менѣе допущено смѣшенія, нежели въ другихъ, хотя и въ ней есть много правилъ, кои болѣе принадлежатъ ко второй части, нежели къ третьей.

Недостатки Юстиніановыхъ изложеній въ приспособленіи ихъ къ мѣстному законодательству другихъ государствъ отчасти исправлены, но коренной порокъ неправильнаго и произвольнаго раздѣленія предметовъ остался безъ исправленія.

Раздѣленіе во Французскомъ Уложеніи, болѣе уклоняясь отъ образца Юстиніанова, болѣе имѣетъ и правильности. Но смѣшеніе предметовъ въ первой части также ощутительно. Въ ней, установляя право состоянія, установляется вмѣстѣ и право вещественное нѣкоторыхъ состояній, право потому же раздѣленію принадлежащее къ третьей части, т. е. къ образу пріобрѣтенія. Во второй части есть смѣшеніе понятій о собственности, тѣмъ болѣе разительное, что въ сей части собственность опредѣляется какъ dominium plenum, а въ третьей части всѣ договоры найма и тому подобные виды dominium non plenum вмѣщаются въ понятіе той же собственности. Отъ того, что не отдѣлены и не собраны во едино измѣненія въ вещественномъ и личномъ правѣ, отъ различія состояній происходящія, измѣненія сіи, исключая правъ торговаго состоянія, разсѣяны во всей книгѣ въ видѣ частныхъ случаевъ или изъятій, и тѣмъ съ одной стороны связь самыхъ правилъ безпрестанно прерывается, а съ другой трудно опредѣлить съ точностію, какимъ измѣненіямъ въ правѣ подлежитъ каждый родъ состоянія. Право крѣпостное (jus in re) нигдѣ съ точностію не опредѣлено и не различено отъ другихъ правъ (jus ad rem). Охраненіе въ однихъ мѣстахъ присоединено къ правилу, въ другихъ же, и въ большей части, отнесено къ особой системѣ, къ Уложенію о Судопроизводствѣ.

О собственности.

Слово *собственность* (dominium) въ древнихъ нашихъ законахъ и даже въ Уложеніи 1649 года не было еще употребляемо. Понятіе его выражаемо было другими словами: *отчиною*, *куплею* (купленнымъ имуществомъ), *выслуженнымъ имуществомъ*. Сіе понятіе о собственности противопоставлялось тогда *помѣстьямъ*, *найму* и всякому управленію по довѣренности и препорученію. Съ уничтоженіемъ права помѣстнаго, право собственности могло быть противопоставляемо токмо праву найма, праву пользованія (ususfructus), и препорученію, и сверхъ того праву, всѣмъ совокупно и никому въ особенности не принадлежащему, или праву всеобщему. Въ семъ смыслѣ слово сіе и нынѣ употребляется, и въ семъ же смыслѣ и въ новомъ составѣ Уложенія (¹) оно принято, съ тѣмъ токмо различіемъ, что оно найму и пользованію не противопоставляется. Въ самомъ дѣлѣ имущество нанятое хотя принадлежитъ въ собственность первоначальному его владѣльцу; но въ предѣлахъ найма, и доколѣ срокъ не минулъ, оно принадлежитъ также и нанимателю. Тотъ и другой имѣютъ на него право собственности, но въ разныхъ границахъ; одинъ на время и по условію, а другой навсегда, исключая однако же время найма. Слѣдовательно права̀ обоихъ суть ограниченныя, посему наемъ и всякое пользованіе не только не противополагается праву собственности, но даже въ немъ заключается; оно противополагается токмо праву полному.

Когда власть одного лица надъ дѣяніями другаго, или надъ имуществомъ, принадлежитъ не одному тому лицу исключительно, но совмѣстно съ нимъ и всякому другому, кто можетъ или пожелаетъ тѣмъ пользоваться: тогда *право* именуется *всеобщимъ*. Таково есть право на свѣтъ солнечный, на воздухъ и вообще на всѣ стихіи; таково есть право всѣхъ и каждаго на все то, что не воспрещено закономъ и что̀ не присвоено кому либо исключительно.

Когда напротивъ власть принадлежитъ одному лицу или нѣкоторому числу лицъ исключительно такъ, что они одни могутъ упо-

(¹) Здѣсь разумѣлся проектъ Гражданскаго Уложенія, составленный при Императорѣ Александрѣ I, но не доведенный до окончательнаго совершенія. *Примѣчаніе барона М. А. Корфа.*

треблять сію власть, и никто другой безъ ихъ согласія той власти законно имѣть не можетъ: тогда право именуется *правомъ собственности*.

Посему собственность съ одной стороны противополагается чужому, а съ другой всеобщему.

Право собственности можетъ быть полное и ограниченное; оно есть *полное*, когда предметъ власти во всемъ его пространствѣ, какъ въ существѣ его, такъ и въ произведеніяхъ, принадлежитъ одному лицу или обществу исключительно такъ, что одно то лицо или общество можетъ располагать имъ по произволу, ничѣмъ другимъ кромѣ общаго закона не ограниченному; когда напротивъ предметъ власти принадлежитъ или не во всемъ его пространствѣ, или токмо въ однихъ его произведеніяхъ, но не въ существѣ его, или же не одному лицу или обществу, но многимъ въ совокупности такъ, что власть одного ограничивается властію и согласіемъ другаго: тогда право собственности есть *ограниченное*.

Посему право собственности на одно и тоже имущество можетъ быть вмѣстѣ полное и ограниченное; оно есть полное въ отношеніи къ тому обществу, коему принадлежитъ исключительно, но есть ограниченное въ отношеніи къ каждому члену того общества.

Въ иностранныхъ законахъ словомъ симъ (dominium, propriété, Eigenthum) выражаются два различныя понятія: одно означаетъ предметъ права или самое имущество; другое образъ его принадлежности лицу. Употребленіе его въ первомъ смыслѣ хотя и на Россійскомъ языкѣ можетъ быть допущено, но оно было бы безполезно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло бы подать поводъ къ смѣшенію: во второмъ смыслѣ значеніе его есть весьма неопредѣленно. Съ одной стороны въ большей части иностранныхъ законовъ собственность изображается, какъ право самое полное и высшее располагать имуществомъ по произволу, ничѣмъ кромѣ закона неограниченному, и потому она противополагается какъ найму, такъ и всякому роду пользованія; но съ другой, къ числу способовъ, коими пріобрѣтается собственность имуществъ, отнесенъ и наемъ и всѣ вообще условныя пользованія. Слѣдовательно въ первомъ случаѣ пользованіе противополагается собственности (dominium utile dominio directo), а въ другомъ понятіе пользованія вмѣщается въ понятіи собственности. Сіе смѣшеніе и противорѣчіе понятій

произошло отъ того, что первоначально во всѣхъ государствахъ, какъ и у насъ, слово собственность противополагалась праву помѣстному (феодальному); потомъ когда сіе право измѣнилось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ изчезло, тогда надлежало бы измѣнить и значеніе словъ; но привычка сохранила ихъ, не взирая на перемѣну вещей и понятій такъ, что собственность опредѣляется въ иностранныхъ законахъ какъ *dominium plenum* и *directum*, а потомъ въ тѣхъ же законахъ употребляется просто какъ dominium.

ОБЪ ОХРАНЕНІИ.

Охраненіе есть существенная часть закона: оно составляетъ всю его обязательность. Законъ безъ охраненія есть умозрительное правило, предметъ науки, а не жизненная сила человѣческихъ обществъ. Legum eas partes, quibus poenas constituimus adversus eos, qui contra leges fecerint, *sanctiones* vocamus. Instit. L. 2 instit. 1. Sanctiones sacrandae sunt aut genere ipso, aut abtestatione et consecratione legis aut poenae, quum caput ejus qui contra facit, consecratur. Cic. pro Corn. Balb. 33. c. 14.

Въ своемъ мѣстѣ доказано, что предметъ всѣхъ законовъ есть одинъ и тотъ же: право состоянія, право личное и право вещественное.

Чтобъ познать, какимъ образомъ права сіи охраняются, должно прежде опредѣлить, какимъ образомъ они могутъ быть нарушены.

Всѣ возможныя нарушенія правъ собственности принадлежатъ къ четыремъ главнымъ: 1) къ присвоенію или ущербу безъ права, съ насиліемъ или подлогомъ; 2) къ присвоенію или ущербу безъ права, но безъ насилія и подлога; 3) къ присвоенію или ущербу подъ предлогомъ права, съ насиліемъ или подлогомъ; 4) къ присвоенію или ущербу подъ предлогомъ права, безъ насилія или подлога.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ право собственности охраняется законами безопасности; въ послѣднихъ же двухъ законами собственности посредствомъ суда.

*

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ законы хозяйства охраняютъ ввѣренную имъ собственность своими средствами, не призывая на помощь законы безопасности, то сіе происходитъ единственно отъ того, что въ сихъ случаяхъ они имѣютъ собственную свою полицію, т. е. законы безопасности удѣляютъ имъ на сіи случаи часть своей силы.

Когда въ установленіи права, или въ совершеніи его, или въ обладаніи соблюдены нѣкоторыя токмо правила законнаго пріобрѣтенія, другія же опущены или нарушены, тогда въ пріобрѣтеніи находится токмо *предлогъ къ праву*, а не самое право.

О ЗАВѢЩАНІЯХЪ.

Жизнь каждаго народа начинается патріархальнымъ бытомъ. Такъ было у древнихъ Германцевъ, Кельтическаго племени, также было и у Славянскаго. У послѣдняго этотъ патріархальный типъ, можетъ быть вслѣдствіе особенной черты народности, удержался долѣе.

Въ патріархальномъ состояніи общество живетъ подъ вліяніемъ повѣрій, нравовъ и обычаевъ; власти родоначальника довольно для внутренняго порядка, члены рода сообща пользуются естественными произведеніями, отдѣльной собственности не существуетъ, а слѣдовательно не можетъ быть и столкновеній, не можетъ быть и обязательныхъ правилъ, опредѣляющихъ права на ея пріобрѣтеніе и пользованіе.

При дальнѣйшемъ развитіи общества, когда родовыя отношенія ослабѣваютъ и личность начинаетъ освобождаться изъ своей замкнутости въ родѣ, является необходимость въ общеобязательныхъ постановленіяхъ; но эти первоначальныя постановленія, какъ преимущественно вызванныя необходимостію личной безопасности, относятся къ уголовному праву. Въ Русской Правдѣ болѣе всего встрѣчается постановленій о вирахъ за убійство, разбой, увѣчье, потомъ о татьбѣ и немного статей, относящихся къ частному праву, напр. о поклажѣ, рѣзѣ, и т. п.

Христіанская религія своимъ животворнымъ вліяніемъ старалась проникнуть и во внутренній семейный бытъ нашихъ предковъ. Озабочиваясь о распространеніи христіанскихъ истинъ, духовенство обратило свое вниманіе, какъ на личныя домашнія отношенія, такъ и на имущественныя. Само собою разумѣется, что завѣщательныя распоряженія, какъ послѣднее дѣйствіе умирающаго, послѣдній разсчетъ его съ жизнію, не могъ не остаться безъ вліянія религіи. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ какъ поступало въ этомъ

случаѣ духовенство, какими правилами оно руководствовалось. Но эти правила не могли имѣть общеобязательной силы, они не гарантировались свѣтскою властію и оставались дѣломъ совѣсти, дѣломъ внутренняго убѣжденія. Такъ по правиламъ духовнымъ требовалось для дѣйствительности духовнаго завѣщанія подтвержденія 7 или 5 послуховъ, а между тѣмъ мы видимъ большую часть завѣщаній подписанныхъ только двумя, а есть даже совершенно безъ подписи свидѣтелей. По обычаю дѣлались распоряженія умирающимъ, обычаемъ они исполнялись, отъ обычая была ихъ внутренняя сила. Вотъ почему, между прочимъ, имѣли у насъ силу словесныя духовныя завѣщанія даже до начала настоящаго столѣтія. Вспомнимъ при этомъ случаѣ какъ возставало наше духовенство противъ кровной мести, многоженства или браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, противъ поля, противъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ, а между тѣмъ, не смотря на всѣ старанія, они долго еще жили въ народѣ.

Многіе изъ нашихъ изслѣдователей переносятъ свой современный взглядъ въ древній бытъ и видятъ полныя юридическія учрежденія, насилуя историческіе факты. Въ государствѣ только могутъ быть правильныя юридическія положенія, могутъ быть рѣзко обозначены отношенія отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу и къ обществу. Но и здѣсь долго еще въ дѣйствіяхъ правительства замѣчается какая-то шаткость и неопредѣленность; на многіе отдѣлы частнаго права не обращается еще должнаго вниманія. Отъ этого мы не видимъ почти никакихъ постановленій завѣщательнаго права ни въ уставныхъ грамотахъ, ни въ Судебникахъ, ни въ дополнительныхъ къ Судебникамъ указахъ, ни въ Уложеніи, ни въ статьяхъ новоуказныхъ. Непоколебимость въ исполненіи завѣщаній держалась чувствомъ уваженія къ распоряженіямъ умершаго. Это былъ долгъ совѣсти. Отсюда объясняется и то, что завѣщательное право стояло выше права наслѣдственнаго. Такъ въ договорахъ Олега, Русской Правдѣ, Судебникахъ прямо говорится, что наслѣдство открывается только послѣ лицъ, не оставившихъ послѣ себя завѣщанія. Самыя дѣла о духовныхъ завѣщаніяхъ разбирались судомъ духовнымъ.

Петръ Великій дѣла о духовныхъ передалъ суду свѣтскому. Это былъ переворотъ въ завѣщательномъ правѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

Петръ Великій не издалъ никакихъ постановленій о духовныхъ завѣщаніяхъ въ руководство свѣтскимъ судамъ. Поэтому были въ ходу тѣ же правила, которыми руководствовалось духовенство, и тѣ немногія постановленія, которыя были изданы его послѣдователями. Такъ продолжалось до 1831 года, когда изданы были полныя правила о духовныхъ завѣщаніяхъ, вошедшія въ нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ. И такъ при разсмотрѣніи завѣщательнаго права мы беремъ три отдѣла: 1) древній до Петра Великаго, т. е. до передачи дѣлъ этого рода суду свѣтскому, характеризующійся совершеннымъ отсутствіемъ въ отношеніи къ нимъ законодательныхъ постановленій; 2) съ Петра Великаго до 1831 года: здѣсь видно стремленіе правительства опредѣлить разные возникающіе случаи изъ завѣщательнаго права по началамъ государственнымъ, и 3) настоящее постановленіе. Разсмотримъ каждый изъ этихъ періодовъ отдѣльно.

I.

ПОДСУДНОСТЬ.

До введенія Христіанства исполненіе распоряженій умершаго производилось старшимъ въ родѣ или ближними его, совершенно безъ всякаго посторонняго вмѣшательства (¹). И это очень естественно. Во времена, когда семейственныя отношенія такъ святы, кто могъ оспаривать завѣщаніе умершаго? Не было ли это преступленіе, которымъ бы гнушался каждый родичь! И могло ли

(¹) Въ договорѣ Олега съ Греками говорится, что послѣ Русскаго, умершаго въ Греціи не урядивши своего имѣнія, оно отсылается въ Русь къ ближнимъ его, если же было уряженіе, то уряженное бралъ тотъ, кому было назначено. Здѣсь не говорится ни о какомъ должностномъ посредствующемъ лицѣ.

семейство, въ своей замкнутости, допустить вмѣшательство кого либо въ распоряженія своего умершаго родственника. Христіанская религія не могла разорвать вдругъ и безъ борьбы этой замкнутости. Впрочемъ это доказывается и положительно тѣмъ, что ни въ Уставѣ св. Владиміра о церковномъ судѣ, ни въ Русской Правдѣ нѣтъ никакихъ указаній ни на ограниченіе власти завѣщательнаго распоряженія или ряда, ни объ исполненіи его. Между тѣмъ о спорѣ за наслѣдство безъ завѣщанія сказано и въ Уставѣ (1), и въ Русской Правдѣ (2). Изъ этого мы въ правѣ заключить, что духовенство или свѣтская власть могли вмѣшиваться лишь въ томъ случаѣ, когда родственники, при возникшемъ спорѣ, прибѣгали къ ихъ посредничеству. Но почему въ Уставѣ св. Владиміра разборъ такихъ тяжебъ предоставленъ духовенству, а въ Русской Правдѣ князю? Это еще не рѣшено. Можетъ быть въ первомъ случаѣ говорится о наслѣдствѣ послѣ лицъ, подлежавшихъ вѣдомству духовному, напр. іереевъ, иноковъ, чтецовъ, людей задушныхъ, и т. п., а во второмъ о наслѣдствѣ послѣ дружинниковъ, огнищанъ, смердовъ, и т. п. Но во всякомъ случаѣ и въ томъ и въ другомъ памятникѣ говорится о спорѣ, тяжбѣ. Завѣщательныя же распоряженія не могли подлежать спору, во 1) какъ мы уже говорили, по уваженію къ распоряженію умершаго родича, во 2) по власти старшаго въ родѣ или семействѣ. Это намъ кажется яснымъ изъ постановленія Русской Правды, въ которомъ говорится о распоряженіи умершаго какъ о дѣлѣ безспорномъ: «аже кто умирая роздѣлить домъ, на томь же стояти» (3). Но это, по нашему мнѣнію, не дастъ еще права оспаривать вліяніе духовенства въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Когда языческій семейный кругъ сталъ проникаться духомъ Христіанской религіи, его прежніе обычаи и вѣрованія стали постепенно подчиняться новому взгляду, другимъ убѣжденіямъ. Духовное лице, присутствуя при торжественномъ моментѣ смерти, разрѣшая и напутствуя умирающаго, по необходимости даже должно было входить во всѣ его мірскія отношенія. Мало по малу, современно распространенію и утвержденію Хри-

(1) Степ. кн., изд. Миллер., ч. 1, стр. 158.—(2) Рус. Достопамятн. ч. 1. стр. 46. (3)—Рус. Дост. ч. I, стр. 44.

стіанства, это вліяніе укоренялось болѣе и болѣе. Но что истины Христіанской религіи распространялись въ народѣ не безъ борьбы, можно видѣть изъ посланія митрополита Фотія Новгородскому духовенству въ 1410 г., а еще болѣе изъ посланія Новгородскаго архіепископа Макарія игумнамъ, священникамъ и діаконамъ Вотской пятины ([1]). Безъ всякаго сомнѣнія духовенство во всѣхъ своихъ дѣлахъ руководствовалось Греко-Римскими постановленіями, Номоканономъ.

Но вліяніе духовенства было дѣломъ частнымъ; такъ вѣроятно смотрѣли на него и князья наши. Въ «Судномъ Законѣ людямъ» находится нѣсколько постановленій о завѣщаніяхъ въ главѣ «о умираніи», которыми, вѣроятно, по своему усмотрѣнію, пользовались духовныя лица ([2]). Но чѣмъ глубже и обширнѣе развивалось религіозное чувство, тѣмъ вмѣшательство духовенства становилось необходимѣе. Самая величина вкладовъ въ монастыри и церкви, дѣлаемыхъ по религіозному убѣжденію умирающими на успокоеніе души своей, налагала на духовенство обязанность заботиться о строгомъ и непремѣнномъ исполненіи ихъ посмертныхъ распоряженій. Такимъ образомъ какъ совершеніе завѣщанія, такъ и всѣ дѣла этого рода постепенно входили въ исключительное завѣдываніе духовенства. Это дало возможность послѣднему вводить систематическія правила о совершеніи завѣщательнаго акта ([3]). По крайней мѣрѣ всѣ завѣщанія, дошедшія до насъ отъ XV, XVI и XVII вѣковъ, составлены подъ вліяніемъ духовнымъ. Съ XVII вѣка, можетъ быть и ранѣе,—впрочемъ мы не имѣемъ объ этомъ свѣдѣній,— Московскіе князья стали упоминать о завѣщаніяхъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они признали ихъ подлежащими вѣдомству духовенства. Такимъ образомъ дѣла по завѣщаніямъ судились святительскими боярами, при соучастіи старостъ поповскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, градскихъ старостъ и цѣловальниковъ, на которыхъ жалобы приносились въ Патріаршій Разрядъ ([4]).

([1]) А. Э. т. 1, N 369. Дополн. къ Акт. Ист. т. 1, N 28 и 43. Ср. Стогл. гл. 41, 92 и 93.—([2]) Рус. Дост. ч. 2. стр. 193.—([3]) А. Эксп. т. IV, стр. 458. Акт. Юр. стр. 391.—([4]) Стогл. гл. 68 (А. И. т. I, N 155). Соборныя статьи 1667 г. мая 28 (А. Э. т. IV, N 155).

Такъ какъ все древнее судопроизводство носило на себѣ характеръ финансовый, то и въ этомъ случаѣ Церковь, кромѣ вкладовъ на успокоеніе души, пользовалась значительнымъ, какъ увидимъ ниже, доходомъ въ пошлинахъ.

Подсудность дѣлъ о завѣщаніяхъ духовенству продолжалась до Петра Великаго.

КАКІЯ ЛИЦА ИМѢЛИ ПРАВО ЗАВѢЩАТЬ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРІОДѢ?

Лице, владѣвшее и распоряжавшее имуществомъ при жизни своей, имѣло право распорядиться имъ и посредствомъ завѣщанія. Слѣдовательно здѣсь вопросъ совпадаетъ съ вопросомъ о правѣ владѣнія. Но право обладанія обусловливается политическимъ и личнымъ положеніемъ лица.

Въ первомъ отношеніи, по всѣмъ извѣстіямъ нашихъ памятниковъ, не видно въ древнемъ періодѣ, чтобы какому либо состоянію отказывалось въ правѣ владѣть имуществомъ, кромѣ одного несвободнаго состоянія. Холопы сами разсматривались какъ вещь, какъ собственность владѣльца, а потому и нельзя предположить у нихъ никакой возможности дѣлать завѣщанія, развѣ только по желанію самого владѣльца (1). Близко къ холопамъ подходили закупы, наймиты, но они уже имѣли свою собственность, а стало быть имѣли право и завѣщавать (2). Исключеніе изъ общаго правила, повидимому, составляли смерды, которые хотя и принадлежали къ свободному состоянію, но ограничены были въ правахъ составленія завѣщанія. Такъ наслѣдство послѣ бездѣтныхъ смердовъ принадлежало князю: «Аще смердъ умретъ безажю, то князю задница» (3). Главное имущество смерда, какъ поселянина, заключалось въ землѣ, но принадлежала ли земля на правѣ собственности смерду? Едва ли. И въ послѣдующее время мы видимъ, что поселянинъ произвольно бросаетъ свой обработываемый участокъ и переходитъ на другой. При множествѣ необработанной земли каждый могъ занимать землю, незанятую кѣмъ-либо другимъ. Кому

---

(1) Рус. Дост. ч. 1, стр. 36, 53—58.—(2) Тамъ же, ч. 1, стр. 11, 48.—(3) Тамъ же, ч. 2. стр. 103.

же принадлежали свободныя земли? Намъ кажется, онѣ принадлежали князю, какъ вотчиннику всего округа своего княжества. Принимая эту мысль, намъ становится яснымъ, почему послѣ смерда наслѣдство идетъ князю. Смердъ не имѣлъ права собственности на отдѣльный участокъ, слѣдовательно не могъ и передавать его по завѣщанію по своему произволу.

Болѣе ограниченій мы не встрѣчаемъ въ нашихъ древнихъ законодательныхъ памятникахъ. Напротивъ, въ числѣ дошедшихъ до насъ завѣщательныхъ актовъ, мы видимъ завѣщанія, сдѣланныя людьми почти всѣхъ сословій, даже монахами (1), монахинями (2), монастырскими людьми (3) и крестьянами (4).

Что касается до личнаго положенія лица, условливающаго его право обладанія, то оно заключается въ совершеннолѣтіи, достаточномъ развитіи умственныхъ способностей, и т. п. Объ возрастѣ, въ которомъ дозволялось совершать акты, а слѣдовательно и завѣщанія, въ нашихъ древнихъ историческихъ и юридическихъ памятникахъ нѣтъ яснаго свѣдѣнія. Можно предположить, что возрастъ, необходимый для правильнаго составленія актовъ, былъ одинаковъ съ возрастомъ для вступленія въ бракъ. Женившійся составлялъ какъ бы отдѣльное хозяйство, слѣдовательно могъ и распоряжаться своимъ имуществомъ. По Стоглаву (гл. 18) совершеннолѣтіе для вступленія въ бракъ опредѣляется для мужескаго пола 15, а для женскаго 12 лѣтъ (5).

Лишенные же умственныхъ способностей, т. е. безумные и сумасшедшіе, какъ фактически не пользующіеся правомъ владѣнія, не могли составлять и завѣщаній. Такъ объ этомъ говорится въ Судномъ Законѣ людямъ: «Устрояти имѣніе здравымъ ходящимъ и цѣлымъ умомъ» (6). Что это положеніе имѣло тогда практическую силу, на это указываютъ и оговорки, помѣщенныя въ началѣ почти всѣхъ древнихъ, дошедшихъ до насъ завѣщаній: «Будучи въ полномъ умѣ и памяти» (7). Послѣ этого заявленія въ нѣкоторыхъ

---

(1) А. Ю. N 409, 422, 423.—(2) А. Ю. N 419.—(3) А. Ю. N 427.—(4) А. Ю. N 424.—(5) Почти этотъ же возрастъ на право составленія завѣщаній опредѣляется и духовными постановленіями, именно для мужескаго пола 14, а для женск. 12. О знач. Кормч., Калачова, прил. стр. 41.—(6) Рус. Дост. ч. 2 стр. 196. О знач. Кормч. Калачова прил. стр. 41.—(7) А. Ю. N 410, 411, 414—427.—

грамотахъ завѣщательныхъ встрѣчается выраженіе: «и никѣмъ не нуженъ» (1). Это послѣднее не показываетъ ли что для полной силы требовалось и собственное желаніе.

Само собою разумѣется, что юридическія лица, какъ не умирающія, не могли дѣлать завѣщаній.

О ЛИЦАХЪ, КОТОРЫЯ ИМѢЛИ ПРАВО ПРІОБРѢТАТЬ ПОСРЕДСТВОМЪ ЗАВѢЩАНІЙ.

Тѣ же лица, которыя имѣли право владѣть имуществомъ, имѣли право и пріобрѣтать его посредствомъ завѣщаній. Единственное, кажется, исключеніе составляли монастыри и церкви. Въ духовныхъ распоряженіяхъ каждаго христіанина того времени главное мѣсто занимало распоряженіе о успокоеніи души. Съ этой цѣлью были жертвуемы въ пользу монастырей помѣстья и вотчины и всякаго рода имущества. Съ Іоанна IV начинается рядъ запрещеній монастырямъ пріобрѣтать посредствомъ завѣщаній недвижимыя имущества. Такъ въ 1551 г. дозволено было давать вотчины монастырямъ только съ доклада государю (2). Въ 1572 г. вовсе запрещено отказывать вотчины монастырямъ, владѣющимъ значительнымъ недвижимымъ имуществомъ, а бѣднымъ монастырямъ дозволено съ доклада государя и съ боярскаго приговора (3). Въ 1580 г. рѣшительно воспрещено отказывать въ монастыри вотчины, вмѣсто чего дозволялось давать деньги по стоимости вотчины (4). Это же правило было подтверждено и Уложеніемъ. (5) Въ Уложеніи же находится запрещеніе владѣть лицамъ монашескаго званія вотчинами, а слѣдовательно въ пользу ихъ не могло быть составлено завѣщаніе (6).

---

(1) Собр. гос. гр. и дог. ч. 1 N 21.—(2) А. Э. т. I, N 227. Соборный приговоръ царя и духовенства 1551 г. мая 11.—(3) А. И. т. I, стр. 270. Приговоръ собора духовенства и бояръ 1572 г. октября 9.—(4) А. Э. т. I, N 308. Приговоръ царя Іоанна IV, духовенства и бояръ 1580 г. января 15.—(5) Улож. гл. XVII, ст. 42.—(6) Тамъ же, ст. 43.

Содержаніе завѣщаній.

Содержаніе завѣщаній было многоразлично: все, что принадлежало лицу, дѣлалось предметомъ его распоряженій. Мы уже говорили, что главное мѣсто въ этихъ распоряженіяхъ занимали различные вклады въ монастыри и церкви на успокоеніе души (1). Эти распоряженія, до запрещенія ихъ правительствомъ, были особенно поощряемы духовенствомъ. Далѣе, озабочиваясь судьбою своихъ ближнихъ, напр. жены и малолѣтныхъ дѣтей, завѣщатель поручалъ наслѣдниковъ обыкновенно матери ихъ, духовнымъ лицамъ, родственникамъ и лицамъ должностнымъ (2).

Что касается до имущественныхъ отношеній, то владѣлецъ передавалъ, по своему завѣщанію, или полное право собственности, или только право владѣнія и пользованія (3). На основаніи Греко-Римскихъ постановленій духовенство старалось опредѣлить участіе жены въ имѣніи мужа ея половинною частію, въ другой же половинѣ должны быть назначаемы завѣщаніемъ наслѣдниками дѣти (4). Но, кажется, въ практикѣ того времени собственникъ не стѣснялся какими-либо правами дѣтей своихъ на его имущество. Даже въ томъ же Судномъ Законѣ людямъ, изъ котораго мы взяли предъидущія постановленія, находится положеніе, по которому исполнитель завѣщанія выполнялъ его противъ воли жены и дѣтей умершаго (5).

У насъ до Петра В. въ составъ имуществъ входили вотчины, помѣстья, тяглыя земли, дворы, холопы, денежные капиталы и разныя движимыя вещи. Разсмотримъ, какъ подлежали завѣщательному праву эти различные роды имуществъ.

Не будемъ разбирать различныхъ мнѣній о происхожденіи вотчинъ; по нашей цѣли для насъ довольно знать, что вотчины, по отношенію правъ владѣнія, пользованія, а главное распоряженія, раздѣлялись на вотчины, принадлежавшія потомкамъ прежнихъ владѣтельныхъ князей, вотчины родовыя и пріобрѣтенныя куплею отъ казны или постороннихъ лицъ. Болѣе всѣхъ подвергались ограниченіямъ въ правѣ распоряженія вотчины потомковъ прежнихъ владѣтельныхъ

---

(1) А. Ю. N 409, 412, 413, 416, 417, 418 и др.—(2) А. Ю. N 409, 410, 412.—(3) Улож. гл. XVII, ст. 7. А. Ю. N 409. — (4) Рус. Дост. ч. 2, стр. 198.— (5) Рус. Дост. ч. 2, стр. 194.

князей, вошедшихъ въ составъ подданныхъ Московскихъ. Іоаннъ III Васильевичъ и Василій Іоанновичъ запрещали отдавать такія вотчины въ монастыри по душѣ ([1]). Это запрещеніе вошло и въ приговоръ собора духовенства 1551 г. ([2]). Изъ указа 1562 г. января 15 видно, что не имѣвшій мужескаго потомства собственникъ такихъ вотчинъ не могъ предоставить ихъ по смерти своей ни сестрѣ, ни дочери, ни отдать въ монастырь по душѣ. если же онъ отказывалъ брату или племяннику, то исполненіе и мѣра исполненія зависѣли отъ воли государя. Равнымъ образомъ такой собственникъ могъ отказать часть своей вотчины въ пожизненное владѣніе своей женѣ, но отъ усмотрѣнія государя зависѣло ограничить назначенную ей часть ([3]). Это положеніе было подтверждено соборомъ 1572 г. ([4]). Во время Уложенія о такихъ вотчинахъ болѣе не упоминается.

Были ли ограничиваемы собственники родовыхъ вотчинъ въ своихъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ? Прямаго ограниченія въ этомъ отношеніи мы не встрѣчаемъ въ нашихъ законодательныхъ памятникахъ до послѣдней четверти XVII столѣтія. Напротивъ того въ Судебникахъ прямо говорится, что дѣти наслѣдуютъ только по неимѣнію завѣщанія ([5]). Если бы было отличіе въ отношеніи родовыхъ вотчинъ, то оно было бы означено. Вѣроятно, что каждый владѣлецъ изъ прирожденной любви къ своимъ ближнимъ родственникамъ болѣе всего озабочивался ихъ обезпеченіемъ, и кромѣ того очень можетъ быть, что по обычаю родъ всегда сохранялъ свое родовое имущество ([6]); можетъ быть также и верховная власть изъ политическихъ видовъ,—такъ какъ вотчинники были служилые люди,—поощряла этотъ обычай; но прямыхъ указаній въ законодательствѣ на такое признаніе правъ рода на родовое имущество мы не встрѣчаемъ до половины XVII вѣка. Въ Уложеніи косвеннымъ образомъ уже признается это право: «А которые—сказано здѣсь—вотчинники померли,а вотчины ихъ послѣ ихъ, по духовнымъ и по даннымъ ихъ, даны ихъ племянницамъ и внучатамъ и правнучатамъ дѣвкамъ, и тѣмъ вотчинамъ быти за ними *по родству* ([7])»; далѣе

([1]) А. Э. т. 1. стр. 219. — ([2]) А. Э. т. 1. стр. 219. — ([3]) А. И. т. 1. стр. 268—270.—([4]). А. И. т. 1. стр. 270.—([5]) Зак. Іоанна III и Суд. Іоанна IV. изд. Калайдовича и Строева стр. 21 и 91. — ([6]) А. Ю. № 409.—([7]) Улож. гл. XVII ст. 1.

запрещается оспаривать дѣтямъ и внучатамъ духовную на купленную вотчину, когда та духовная не была оспариваема при свидѣтельствѣ ([1]). Почему же именно купленную? Не могла ли быть оспариваема духовная на родовую вотчину, если только она вообще могла имѣть силу? Въ 1650 г. запрещено было отказывать по духовнымъ родовыя и выслуженныя вотчины женамъ за приданое и за прожитыя деньги ([2]). Прямое же запрещеніе отдавать родовую вотчину по духовному завѣщанію мимо дѣтей родственникамъ, или мимо послѣднихъ и первыхъ чужеродцамъ, было издано только въ 1679 г: «кто родовую или выслуженную или купленную, буде купилъ выслуженную или родовую вотчину у родственника роду своего, напишетъ въ духовной мимо дѣтей своихъ, сыновей и дочерей, братьямъ роднымъ и родственникомъ и чужеродцомъ, и духовная хотя и свидѣтельствована,........ и по тѣмъ духовнымъ тѣхъ вотчинъ не давать, а давать тѣ вотчины по Уложенію умершаго дѣтямъ, а будетъ дѣтей не будетъ, и тѣ вотчины отдавать родственникомъ, а по духовнымъ такихъ вотчинъ не давать ([3])». Объ ограниченіи права на случай отдачи въ монастыри и церкви по душѣ мы уже упоминали: это ограниченіе относится до всѣхъ вообще вотчинъ.

Одинаковую судьбу съ родовыми вотчинами имѣли вотчины выслуженныя, пожалованныя, впрочемъ, само собою разумѣется, только тогда, когда вотчина давалась государемъ не въ пожизненное пользованіе, а въ полную собственность, т. е. когда жалована была отцу, дѣтямъ, внучатамъ, однимъ словомъ потомству ([4]); но какъ въ этотъ періодъ еще не было опредѣленныхъ юридическихъ положеній, то въ памятникахъ встрѣчается иногда пожалованіе и одному лицу на полномъ правѣ распоряженія. Что существовали, однако, завѣщанія на пожалованныя вотчины какъ и на родовыя мимо дѣтей родственникамъ или чужеродцамъ, это видно изъ того же указа 1679 г., запрещающаго такаго рода распоряженіе.

Иногда наше правительство продавало порозжія земли въ вотчину частнымъ лицамъ. Какими правами въ отношеніи завѣщательномъ пользовались собственники такихъ вотчинъ, мы не знаемъ.

([1]) Улож. гл. XVII ст. 31.—([2]) Ук. 1650 г. мая 1 (34). — ([3]) Ук. 1679 г. іюля 19 (764).—([4]) Въ настоящемъ законодательствѣ полная собственность называется вѣчнымъ и потомственнымъ владѣніемъ. Это названіе имѣетъ основаніе историческое. А. Э. т. і, № 160, 340.

Но какъ въ купчихъ на такія земли означалась продажа покупщику, женѣ его и дѣтямъ, т. е. въ полную собственность, то отсюда можно, кажется, заключить, что завѣщатель такую собственность имѣлъ право отказывать по своему произволу. Что же касается до помѣстій, купленныхъ въ вотчину, то указомъ 1687 г. они сравнивались съ родовыми и выслуженными вотчинами.

Наконецъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о вотчинахъ благопріобрѣтенныхъ, купленныхъ у чужеродцевъ. Въ отношеніи этихъ вотчинъ завѣщатель собственникъ могъ вполнѣ распоряжаться по своему произволу, не стѣсняясь какими либо правами. Если можно еще сомнѣваться, относится ли статья Судебника, по которой предоставляются земли сыну, а за неимѣніемъ сына дочери, только за отсутствіемъ духовной, къ землямъ родовымъ, то во всякомъ случаѣ купленная вотчина подлежитъ этому правилу. Мы видѣли, что Уложеніемъ воспрещался даже дѣтямъ споръ на завѣщаніе по купленной вотчинѣ, когда споръ не былъ предъявленъ при свидѣтельствѣ. Можно почти утвердительно сказать, что и при свидѣтельствѣ споръ могъ быть только объявленъ на подложность завѣщанія.

Были еще различныя политическія обстоятельства, ограничивавшія собственника въ его завѣщательныхъ распоряженіяхъ. Такъ извѣстно, что у насъ въ древнемъ періодѣ всѣ лица свободнаго состоянія пользовались правомъ свободнаго перехода. Бояре, дружинники и служилые люди нерѣдко переходили изъ одного княжества въ другое и тѣмъ еще болѣе спутывали и такъ неустроенныя поземельныя отношенія. Да и князю не разсчетливо было имѣть у себя въ службѣ вотчинника, котораго интересы были привязаны по поземельнымъ владѣніямъ къ интересамъ другаго князя. Оттого въ договорахъ князей съ Новгородомъ мы встрѣчаемъ условія, чтобы ни князья, ни члены его семейства, дружины, бояре не могли никакимъ образомъ пріобрѣтать земель во владѣніяхъ Новгородскихъ (1). Точно такія же условія включались въ договоры князей между собою (2). Иногда впрочемъ дозволялись такія пріобрѣтенія, но не иначе, какъ съ согласія князя (3), не иначе, потому что

(1) Собр. госуд. гр. и дог. т. 1 N 1—12, 14—16, 18, 20.—(2) Тамъ же, ст. 36, 44, 56, 57, 66, 77, 100, 103, 108, 111, 114, 116, 119, 120, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 132, 136, 141.—(3) Тамъ же, ст. 63, 91, 92.

собственникъ, перешедшій въ службу къ другому князю, терялъ свои вотчины, находящіяся во владѣніяхъ перваго ([1]). Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этихъ договоровъ владѣлецъ, служившій Московскому князю, не могъ отказать завѣщаніемъ хотя бы и купленныя Московскія вотчины своему родственнику, подданному князя Тверскаго.

Кромѣ исчисленныхъ ограниченій существовали еще ограниченія временныя, установленныя Московскими князьями. Извѣстно, что существовалъ особый классъ служилыхъ людей, которые, владѣя вотчинами и помѣстьями въ опредѣленномъ мѣстѣ, напр. на границахъ, обязывались отправлять опредѣленную службу. Такіе служилые люди составляли собою совершенно особый разрядъ, такъ что дозволялось отчуждать, продавать и закладывать имъ свои вотчины только между собою, другимъ же Московскимъ подданнымъ рѣшительно запрещалось пріобрѣтать такого рода земли. Сюда относятся запрещенія царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича на пріобрѣтеніе земель отъ Бѣлозерцевъ ([2]), Казаковъ ([3]), служилыхъ людей городовъ Украинскихъ ([4]), уѣздовъ Смоленскаго, Дорогобужскаго, Бѣльскаго, Рославльскаго ([5]), и т. п. Конечно эти запрещенія прямо относились къ продажѣ и закладу, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что они касались и другихъ способовъ отчужденія, а въ томъ числѣ и посредствомъ духовныхъ завѣщаній. Разумѣется эти ограниченія уничтожились сами собою когда всѣ отдѣльныя части плотно слились въ Московскомъ государствѣ, когда помѣстную систему замѣнили денежные оклады.

Этимъ краткимъ очеркомъ мы старались показать въ какой мѣрѣ вотчины могли служить предметомъ завѣщаній. Теперь перейдемъ къ другимъ родамъ имуществъ.

Нѣтъ никакихъ извѣстій въ нашихъ памятникахъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что помѣстья подлежали произвольному распоряженію. Помѣстья давались какъ вознагражденіе за службу вмѣстѣ съ обязательствомъ службы. Согласно такому значенію по-

---

([1]) Тамъ же, ст. 87, 89, 101, 103, 109, 111, 115, 117, 120, 123, 126, 129, 132, 134, 141. — ([2]) Рус. Вѣст. 1842 г. N 11 и 12 стр. 116, 117. Указ. кн. Ц. Мих. Ѳеод. Улож. гл. XVI ст. 49, 50.—([3]) Рус. Вѣст. 1842 г. № 11 и 12, стр. 132.—([4]) Тамъ же, N 11 и 12, стр. 128.—([5]) 1682 г. іюля 2 (935).

мѣстій, они не могли быть ни продаваемы, ни закладываемы. Конечно помѣщикъ могъ промѣнять свои помѣстья, могъ дать ихъ въ приданое за дочерьми и тогда эти помѣстья записывались уже за зятьями, на которыхъ равномѣрно переходила и обязанность службы, могъ поступиться своимъ помѣстьемъ или половиной въ пользу сыновей, но все это не иначе какъ съ вѣдома правительства, слѣдовательно не на правѣ собственности. По такому значенію помѣстной системы можно рѣшительно сказать, что помѣстья не подлежали завѣщательнымъ распоряженіямъ. Въ послѣдствіи помѣстья слились съ вотчинами въ одно понятіе недвижимыхъ имѣній.

Существовалъ еще въ древнемъ періодѣ особый разрядъ земель тяглыхъ. Земли эти принадлежали правительству, но были въ вѣчномъ владѣніи сельскихъ общинъ или частныхъ лицъ. Каждый членъ такой общины, каждый владѣлецъ пользовался опредѣленнымъ участкомъ, внося подати и отправляя повинности, однимъ словомъ, неся тягло. Это пользованіе имѣло видъ вотчинныхъ правъ: напр. крестьянинъ могъ продать свой участокъ другому, могъ сдать его на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ самъ принялъ,—въ этомъ случаѣ онъ продавалъ и сдавалъ только свое право пользованія. Но при томъ неустроенномъ состояніи, въ какомъ находились тогда поземельныя отношенія, тяглые люди присвоили себѣ право продавать свои участки бѣломѣстцамъ, которые постоянно уклонялись отъ платежа податей, слѣдовательно въ этомъ случаѣ была продажа какъ будто въ вотчину. Впрочемъ правительство постоянно запрещало такого рода сдѣлки. Изъ этого понятія о тяглыхъ земляхъ мы заключаемъ, что они не подлежали завѣщательнымъ распоряженіямъ своихъ владѣльцевъ на правѣ собственности, но могли подлежать на правѣ владѣнія и пользованія. Въ послѣдствіи эти тяглыя земли сдѣлались или вотчинами или казенными.

Какъ земли были вотчинныя и тяглыя, точно также и городскіе дворы раздѣлялись на бѣлые и тяглые. Это различіе условливалось и званіемъ владѣльца. Дворы, принадлежавшіе духовнымъ, служилымъ людямъ, гостямъ, освобождались отъ всякихъ податей—были дворы бѣлые, дворы же платящихъ подати были дворы тяглые. Изъ видовъ финансовыхъ правительство хотя и дозволяло пріобрѣтеніе бѣломѣстцами тяглыхъ дворовъ, но съ платежемъ тягла. А какъ бѣломѣстцы постоянно стремились обѣливать свои дворы,

то царь Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшительно запретилъ всякій переходъ дворовъ отъ тяглыхъ къ бѣломѣстцамъ ([1]). Это запрещеніе часто повторялось и постоянно не соблюдалось ([2]). Въ 1700 году опять дозволенъ былъ переходъ, но съ переходомъ же тягла ([3]). Изъ этого мы видимъ, что владѣлецъ тяглаго двора могъ, посредствомъ завѣщанія, предоставить его или тяглому же, или, когда дозволялось, бѣломѣстцу съ платежемъ тягла. Что касается до бѣлыхъ дворовъ, то они были или на правѣ вотчинномъ, на правѣ полной собственности, и тогда собственникъ такого двора могъ имъ распоряжаться произвольно, т. е. продавать, закладывать, дарить и завѣщать, или на правѣ помѣстномъ,—когда владѣлецъ получалъ землю подъ дворъ отъ казны. Владѣлецъ такого двора ограничивался въ своихъ распоряженіяхъ до тѣхъ поръ, пока этотъ дворъ не былъ пожалованъ въ собственность, или пока за него не была выплачена опредѣленная въ казну сумма.

Въ статьѣ о лицахъ, имѣющихъ право дѣлать завѣщанія, мы сказали, что холопы, по политическому значенію своему, не могли дѣлать никакихъ распоряженій. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о нихъ, какъ о предметѣ содержанія завѣщаній. Что холопы разсматривались въ древнія времена какъ вещь, какъ собственность, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: изъ постановленій Русской Правды ([4]) видно, что холопъ могъ быть утаенъ, украденъ, онъ могъ быть уничтоженъ безъ всякой отвѣтственности по закону: « а кто осподарь огрѣшится ударитъ холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ ([5])», говоритъ Двинская грамота Василія Дмитріевича 1399 г. Такой взглядъ несогласенъ съ истинами Христіанской религіи, оттого наше духовенство старалось всѣми средствами смягчить эти строгія отношенія. И если убѣжденія духовныхъ лицъ оказывались безплодными при жизни владѣльца, то они имѣли полную силу при его кончинѣ. На эти старанія духовенства указываютъ постановленія, помѣщенныя въ Законѣ Судномъ людямъ: « предая имѣніе свое предъ послухъ,

---

([1]) А. И. т. III, стр. 95.—([2]) А. И. т. III, стр. 105, 106, 114. Улож. гл. XIX, стр. 99. П. С. З. т. 2, стр. 723, 724.—([3]). Ук. 1700 г. іюня 15 (1798).—([4]) Рус. Дост. ч. 1. стр. 36, 55—58.—([5]) А. Арх. Э. т. I, N 13. Впрочемъ Герберштейнъ говоритъ: ultimo supplicio solus princeps servos et alios afficere potest (Rer. Moscov. etc. стр. 36).

да выпишетъ первое свободь ([1])». Вліяніе Христіанства обнаруживаютъ всѣ духовныя XV, XVI и XVII вѣковъ. Въ рѣдкой изъ нихъ нѣтъ освобожденія холоповъ ([2]). Конечно, не всегда было такое отпущеніе безусловно и безмездно,—иногда назначалась въ духовной сумма, которую долженъ былъ уплатить отпускаемый ([3]), иногда отпускался на волю послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы наслѣднику, иногда даже послѣ смерти наслѣдника ([4]), иногда мужъ безъ жены, или отецъ безъ дѣтей и наоборотъ ([5]). Разумѣется, эти условія зависѣли отъ степени услугъ, оказанныхъ владѣльцу холопомъ. Такъ мы видимъ въ числѣ отпускаемыхъ на волю по духовнымъ большею частію приказныхъ, которые, безъ сомнѣнія, могли оказать владѣльцу больше услугъ. Если по духовной холопу не назначалась свобода, то назначеніе его тому или другому наслѣднику совершенно зависѣло отъ воли собственника, составлявшаго завѣщаніе ([6]). Въ этомъ случаѣ кажется не существовало никакого ограниченія.

Но кромѣ обѣльныхъ холоповъ существовали еще холопы кабальные. Кабальными назывались холопы, пожертвовавшіе своею свободою по какому нибудь обязательству, кабалѣ, напр. за извѣстную сумму денегъ. Такіе холопы были только крѣпки владѣльцу, получившему кабалу, и потому они не могли быть отказываемы въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ ([7]). Мало того, отецъ такого владѣльца въ своей духовной могъ даровать свободу кабальнымъ холопамъ своего сына ([8]).

Что касается до крестьянъ, — людей несвободнаго состоянія, крѣпкихъ землѣ съ конца XVI или начала XVII в.,—то они подлежали правамъ вотчиннымъ, о чемъ мы уже говорили.

Въ духовныхъ завѣщаніяхъ допетровскаго времени одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ распоряженія о капиталахъ, «кому ми что дати или у кого ми что взяти.» Въ этомъ отношеніи собственникъ не ограничивался ничьими правами, по своему произволу могъ дарить, завѣщать тому или другому лицу ту или другую сумму денегъ. Равнымъ образомъ это относится и до другихъ движимыхъ вещей, какъ напр. скота, домашней утвари, и т. п.

([1]) Рус. Дост. ч. 2, стр. 198.—([2]) А. Ю. N 409.—([3]) А. Ю. N 414, 410.—([4]) А. Ю. N 420.—([5]) А. Ю. № 409, 410, 420, 417. — ([6]) Улож. гл. XX, ст. 31, 63, 61, 64, 77.—([7]) Тамъ же, ст. 61, 63, 64.—([8]) Тамъ же, ст. 106.

Разсмотрѣвъ въ какой мѣрѣ подлежали различные виды имуществъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, мы должны въ заключеніе сказать, что вообще постановленій, ограничивающихъ собственника въ его послѣднихъ распоряженіяхъ (за исключеніемъ вышеизложенныхъ) не было. Между тѣмъ въ Греко-Римскихъ законахъ находились постановленія, ограничивающія владѣльца въ его духовныхъ распоряженіяхъ по всѣмъ родамъ имуществъ. Такъ въ Законѣ Судномъ людямъ говорится: «попущаеть бо судъ нашь, да аще хощеть дарити отъ своея части жену си вѣщную, то дарить достоиною частію, еже нарѣчется полдъму: на полу бо дому даеть ему судъ власти, а полъ вѣщь члвцска не дасть ему, должномъ сущь отецъ чада своя кормити; тѣмь бо ся множьство родное сдержить (1)». Такъ какъ, вѣроятно, эти постановленія служили руководствомъ духовнымъ лицамъ, которыя съ своей стороны, безъ всякаго сомнѣнія, были главными руководителями при составленіи завѣщаній, то и нельзя отвергнуть ихъ вліянія. Но имѣли ли они обязательную силу, на это нѣтъ никакихъ въ нашихъ памятникахъ указаній. Правда, что въ указѣ Іоанна IV говорится: «которые князи и бояре, и дѣти боярскіе, и всякаго чина люди дѣтей не имѣютъ, а похотятъ свои отчины продати, или заложити, или въ монастырь по душѣ отдати вольно всѣ свои купли. А не будетъ кому купли, ино изъ отчинъ до половины, а болѣе половины отчинъ мимо отчичь ни продать, ни заложить, ни по душѣ не отдать. А продастъ кто или заложитъ, или по душѣ отдастъ болѣе половины, а отчичь будетъ бить челомъ о томъ: и ту лишнюю продажу отдати отчичу. А кто, не опытавъ, болѣе половины купилъ или подъ закладъ взялъ, а тотъ тѣ деньги потерялъ» (2). Но здѣсь упоминается о продажѣ и о залогѣ; что же касается до отдачи по душѣ въ монастыри, то ограничительныя распоряженія по этому предмету начинаются съ этого времени. Да и при томъ неустроенномъ состояніи, въ какомъ находилось тогда государство едва ли имѣло это постановленіе практическую силу.

---

(1) Рус. Дост. ч. 2, стр. 198.—(2) Судебн. Ц. Іоанна Грозн., изд. Татищевымъ, въ Продолж. Др. Рос. Вивл. 1780, стр. 170.

СОВЕРШЕНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ древнемъ періодѣ существовали два рода духовныхъ завѣщаній: словесныя и письменныя. Вѣроятно, словесныя завѣщанія были преимущественно употребляемы до того времени, когда стало входить въ обычай укрѣплять права свои на имущества письменными актами, т. е. до XIV вѣка. Съ этого же времени словесныя завѣщанія составлялись только на имущества малозначительныя, или исполненіе которыхъ не могло встрѣтить затрудненій. Но существованіе ихъ еще подтверждается въ 1680 г. (1).

Изъ нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ Законѣ Судномъ людямъ, мы можемъ видѣть самый способъ составленія завѣщаній (2). Умирающій, назначивъ исполнителя своего завѣщанія,—который назывался испоручникомъ,—приказывалъ ему устроить свое имѣніе сообразно своему назначенію въ присутствіи послуховъ, не менѣе 7, знающихъ лично завѣщателя. Тутъ же означаются и качества, которыя должны имѣть испоручникъ и послухи. Испоручникъ не долженъ быть ни пьяница, ни расточитель, ни имѣющій вражду съ завѣщателемъ; на немъ лежала главная обязанность исполненія завѣщанія (3). Точно также и послухи «свитедѣльствовани о добрѣ, а не будуть разбойници, ни пьяници, ни татье, ни иноея никоея злобы имуще».

Что же касается до письменныхъ духовныхъ завѣщаній, то изъ дошедшихъ до насъ первое было составлено Антоніемъ Римляниномъ въ 1147 г. (4), потомъ два завѣщанія Владиміро-Волынскаго князя Владиміра Васильковича въ 1286 г. (5). Далѣе слѣдуетъ подлинное завѣщаніе князя Ивана Даниловича 1328 г. (6) и наконецъ рядъ завѣщаній нашихъ князей, помѣщенныхъ въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Множество духовныхъ завѣщаній помѣщено въ Актахъ Юридическихъ и Историческихъ.

Древнѣйшія завѣщанія написаны на пергаминѣ, болѣе позднія на бумагѣ хлопчатной или тряпичной, уставомъ или полууставомъ (7).

---

(1) Ук. 1680 г. іюня 21 (827).—(2) Рус. Дост. ч. 2, стр. 193—198.—(3) Рус. Дост. ч. 2, стр. 194. Улож. гл. XX, ст. 53.—(4) Ист. Гос. Рос. Карамз. т. 2. примѣч. 210.—(5) Собр. гос. гр. и дог. т. 2, N 4 и 5.—(6) Собр. гос. гр. и дог. т. 1, N 21.—(7) Собр. гос. гр. и дог. т. I, N 21, 22, 24, 25, 26, 30, 34, 39—42, 51, 82, 83, 86, 87, 96, 105, 112, 121, 122, 130—132, 147, 151. т. 2, N 4, 5, А. Ю. N 409—428.

Большая часть духовныхъ писались посторонними, писцами, изъ которыхъ нѣкоторые означили свои имена и отчества, другіе же и званія. Обыкновенно онѣ начинались: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа»; далѣе «се язъ худый рабъ Божій такой-то, пишу сію душевную грамоту при своемъ животѣ», или «написахъ сіе рукописаніе, отходя сего свѣта, своимъ цѣлымъ умомъ и разумомъ, никѣмъ не нуженъ;» потомъ излагались самыя распоряженія (1). Въ изложеніи порядка распоряженій Новгородскія завѣщанія отъ прочихъ отличаются тѣмъ, что въ нихъ сначала излагались распоряженія о имуществѣ, потомъ исчислялись долги завѣщателя на другихъ и другихъ на немъ (2), тогда какъ въ другихъ мы видимъ, что сначала излагались долги, кому ми что дати или у кого ми что взяти, а потомъ распоряженія о наличномъ имуществѣ (3). Въ концѣ находилась подпись духовнаго отца, что̀ служитъ очевиднымъ доказательствомъ вліянія религіознаго элемента въ составленіи завѣщаній. Послѣ подписи духовника слѣдовали подписи свидѣтелей. Мы видѣли какія условія должны были имѣть послухи или свидѣтели; здѣсь присовокупимъ, что указомъ Іоанна IV запрещалось быть мужу душеприкащикомъ своей жены, подъ опасеніемъ недѣйствительности ея распоряженій, въ томъ предположеніи, что жена, бывъ въ полномъ подчиненіи своего мужа, не могла имѣть въ этомъ случаѣ самостоятельности (4). Относительно же количества свидѣтелей, мы видимъ, что во всѣхъ завѣщаніяхъ число ихъ различно: иногда встрѣчается множество свидѣтелей, очень рѣдко семь, чаще два и четыре, а въ нѣкоторыхъ только подпись духовнаго отца или писца и призваніе въ свидѣтели Самого Бога. Это утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что первоначально составленіе завѣщанія, равно какъ и исполненіе жило и проникалось обычаемъ, потомъ хотя духовенство и наложило свою печать на этотъ актъ умирающаго, но все таки требованія Греческихъ постановленій по крайней мѣрѣ до позднѣйшаго времени не соблюдались. Въ концѣ завѣщаній находилась подпись писца и означеніе какою печатью завѣщаніе запечатано. Означенія же года, мѣсяца и числа составленія мы не встрѣчаемъ до XVI вѣка; съ этого времени въ нѣкото-

(1) Ср. вышеозначенныя грамоты. — (2) А. Ю. N 409 стр. 429—436. — (3) А. Ю. N 410—428.—(4) Ук. 1557 г. янв. 2 (А. И. т. I, стр. 257).

рыхъ только означается годъ отъ сотворенія міра; но со второй четверти XVII вѣка въ концѣ всѣхъ духовныхъ завѣщаній означается годъ, мѣсяцъ и число (1). Во многихъ актахъ встрѣчается заклинаніе завѣщателя о непремѣнномъ исполненіи его послѣдней воли: «а кто сіе рукописаніе преступитъ, судится со мною предъ Богомъ въ день страшнаго суда,» и т. п. (2). Составлялись завѣщанія, вѣроятно, на дому; это было дозволено Уложеніемъ (3). Случалось, что къ первоначальнымъ духовнымъ дѣлались приписки, дополненія или измѣненія, иногда въ той же формѣ какъ и первыя, за тѣми же рукоприкладствами (4).

Засвидѣтельствованіе завѣщанія.

Составленное такимъ образомъ завѣщаніе для полной дѣйствительности своей долженствовало быть представлено для засвидѣтельствованія къ епархіальному епископу или по смерти завѣщателя, душеприкащикомъ его, или еще при жизни имъ самимъ (5). При явкѣ къ засвидѣтельствованію производился допросъ, какъ писцу, такъ и послухамъ: дѣйствительно ли писалъ то духовное завѣщаніе такой-то и они подписывались, по просьбѣ ли завѣщателя, былъ ли тотъ въ то время въ здравомъ умѣ, самъ ли подписывалъ, если умѣлъ писать, или,—если подписывался другой, то по просьбѣ ли его; таковы ли были дѣйствительно распоряженія завѣщателя. Въ случаѣ единогласнаго подтвержденія допросомъ и правильности распоряженій и составленія, допросъ этотъ вписывался въ духовную и подписывался епископомъ и дьякомъ и послѣ взятія пошлинъ возвращался душеприкащику. Списокъ съ духовной, если онъ былъ, оставлялся при епископскихъ дѣлахъ.

Такъ какъ въ древнемъ періодѣ при совершеніи всѣхъ актовъ брались пошлины, то точно также и при засвидѣтельствованіи духовныхъ, именно въ XVII вѣкѣ взыскивалось съ рубля по 7 коп. Пошлина бра-

---

(1) Впрочемъ и въ концѣ XVI в. въ нѣкоторыхъ грамотахъ означено не только годъ, но даже мѣсяцъ и число. А. Ю. N 422.—(2) Новгородскія грамоты А. Ю. N 409.—(3) Улож. гл. X стр. 250.—(4) А. Ю. N 420, 416, 417. —(5) А. Ю. N 410—412, 416, 417, 419, 420, 422, 427. Собр. гос. гр. и дог. т. 1 № 30.

лась съ оцѣнки, назначенной въ духовной, а если не было въ завѣщаніи такой оцѣнки, то она производилась цѣновщиками, или о цѣнности отбиралось письменное показаніе душеприкащиковъ и духовнаго отца. Въ случаѣ же перехода по завѣщаніямъ дворовъ, о цѣнности ихъ дѣлалась справка въ Земскомъ Приказѣ, или отбиралась купчія. Исключеніе составляли имущества, жертвуемыя по душѣ въ монастыри и церкви, пошлина съ которыхъ не была взимаема. По Уложенію съ вотчинъ, отказываемыхъ по духовнымъ, при запискѣ ихъ за новымъ владѣльцемъ, если цѣна не была означена въ самой духовной, бралось по писцовымъ книгамъ съ четверти по 3 деньги (1), съ долговыхъ же претензій по полтинѣ (2).

Въ такомъ видѣ производилось засвидѣтельствованіе, если духовная составлена была правильно во всѣхъ отношеніяхъ; въ противномъ же случаѣ она не свидѣтельствовалась и не имѣла никакой силы.

Въ заключеніе мы остановимся на вопросѣ: могли ли быть оспариваемы завѣщанія? Вѣроятно въ древнія времена, когда семейственныя отношенія чтились свято и безупречно, споровъ на завѣщанія отъ родственниковъ не могло быть. Въ послѣдствіи же возникали споры, какъ при предъявленіи къ засвидѣтельствованію, такъ и по засвидѣтельствованіи. Въ первомъ случаѣ дѣлалось изслѣдованіе и если споръ оказывался ложнымъ, то завѣщаніе свидѣтельствовалось съ помѣщеніемъ въ этомъ свидѣтельствѣ и спора. Во второмъ же случаѣ споръ могъ быть только на тѣ распоряженія завѣщанія, которыя были противозаконны.

II.

Разсматривая завѣщательное право въ древнемъ періодѣ, мы видѣли, что оно вполнѣ до введенія Христіанства имѣло силу въ народномъ обычаѣ, что духовенство, руководствуясь Номоканономъ, старалось Греко-Римскія постановленія ввести у насъ и въ отношеніи къ завѣщаніямъ; но какъ эти постановленія не были утверждены верховною властію, то слѣдовательно не были зако-

(1) Улож. гл. XVII ст. 54.—(2) Улож. гл. XVIII ст. 35.

номъ и не могли имѣть обязательной силы. Съ Петра В. вообще можно означить другой періодъ нашего законодательства, не потому впрочемъ, чтобъ имъ были произведены перемѣны или измѣненія во всѣхъ рѣшительно частяхъ законодательства (напротивъ извѣстно, что нѣкоторые отдѣлы частнаго права вовсе имъ были не початы), но перемѣна состояла въ направленіи, въ идеѣ его постановленій. Сознавая всю недостаточность и односторонность учрежденій древней Россіи, Петръ В. не могъ не увлечься желаніемъ слишкомъ быстрой реформы, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ мѣрахъ его видно развитіе начала юридическаго. Въ гражданскомъ правѣ, напр., раздѣленіе актовъ, гербовая бумага, законъ о нераздробленіи недвижимыхъ имуществъ и т. п. ясно обозначаютъ это новое направленіе, отразившееся и въ завѣщательномъ правѣ. Установленіе крѣпостнаго порядка и переносъ дѣлъ о завѣщаніяхъ изъ вѣдомства духовнаго въ гражданское вывели разсматриваемое нами право изъ народнаго обычая въ область законодательства. Почти въ одной только этой перемѣнѣ, но какъ такой перемѣнѣ, которая совершенно измѣняетъ взглядъ на юридическое учрежденіе, заключается новый періодъ. Однако съ передачей дѣлъ по завѣщаніямъ въ вѣдомство гражданское вмѣстѣ съ тѣмъ не было издано никакихъ новыхъ постановленій относительно самихъ завѣщаній: вотъ почему стало возникать множество случаевъ, требовавшихъ разрѣшенія верховной власти, которые и подали поводъ къ цѣлому ряду указовъ по частнымъ дѣламъ. Не рѣдко эти указы, по различію обстоятельствъ, возбудившихъ дѣло, были противорѣчащи другъ другу. Такъ однимъ указомъ напр. опредѣлялся срокъ на представленіе завѣщанія къ засвидѣтельствованію двухъ мѣсячный, съ признаніемъ въ противномъ случаѣ его недѣйствительности, другимъ—срокъ этотъ распространялся на неопредѣленное время; то завѣщаніе разсматривалось какъ актъ крѣпостной, то встрѣчаемъ взглядъ, что завѣщаніе не есть какой либо актъ, но простое изъявленіе воли завѣщателя; то бездѣтный владѣлецъ могъ предоставить свое родовое имѣніе мимо ближайшихъ родственниковъ отдаленнымъ даже по женскому колѣну, то онъ былъ лишаемъ этого права; то уничтожались завѣщанія за несоблюденіе формы, то утверждались завѣщанія совершенно неоформленныя именно только потому, что въ нихъ заключалась воля завѣщателя. Изъ

этого легко заключить, что въ настоящемъ періодѣ на завѣщательное право нельзя смотрѣть какъ на полное юридическое учрежденіе, а какъ на подготовку, на которую должно обратить преимущественное вниманіе.

ПОДСУДНОСТЬ.

Подсудность по завѣщательному праву можно разсматривать съ двухъ сторонъ: или въ отношеніи обряда совершенія этого акта, или въ отношеніи дѣлъ по оспариванію акта. Въ древнемъ періодѣ мы видѣли, что оба эти отношенія были, на основаніи права обычнаго, въ вѣдомствѣ духовномъ. Обычай такъ тѣсно сроднился съ взглядомъ народа, что мысль Петра В. о перенесѣ этихъ дѣлъ въ вѣдомство гражданское довольно долго не приводилась въ исполненіе. Вѣроятно отъ этого даже въ самыхъ указахъ его мы встрѣчаемъ противорѣчія. Указомъ 1700 г. января 1 (1) повелѣвалось духовныя, точно также какъ и другіе акты, писать съ этого числа въ Ратушѣ добрымъ подьячимъ Ратушской Палаты. Изъ указа же 16 декабря того же года (2) видно, что духовныя писались по прежнему домашнимъ образомъ и подписывались митрополитомъ. Вслѣдъ за симъ указомъ 1701 г. января 30 (3) разрѣшалось писать всякія крѣпости, въ томъ числѣ и завѣщанія, подьячимъ Палатки Ивановской площади, съ назначеніемъ послѣднихъ въ вѣдомство боярина Оружейной Палаты. Это же подтверждено и указомъ 1701 г. марта 7 (4). Далѣе въ указахъ того же года іюля 4 (5) и ноября 7 (6) видимъ, что завѣщанія писались какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ у крѣпостныхъ дѣлъ; свидѣтельствовались же въ Московскомъ Судномъ Приказѣ. Между тѣмъ въ указѣ 1703 г. ноября 19 (7) сказано, что просители о свидѣтельствѣ завѣщаніи должны были обращаться въ тѣ Приказы, въ которыхъ тѣ чины судомъ вѣдомы. Но свидѣтельство въ Московскомъ Судномъ Приказѣ, какъ видно по указамъ 1704 г. февраля 25 (8) и 1705 г. ноября 6 (9), продолжалось. Впрочемъ постановленія эти не исполня-

---

(1) П. С. З. N 1740.—(2) Тамъ же, N 1818.—(3) Тамъ же, N 1833.—(4) Тамъ же, N 1838.—(5) Тамъ же, N 1862.—(6) Тамъ же, N 1876.—(7) Тамъ же, N 1949.—(8) Тамъ же, N 1970.—(9) Тамъ же, N 2080.

лись; разительнымъ тому доказательствомъ служитъ указъ 1722 года апрѣля 12 (¹), гдѣ буквально выражено, что завѣты или духовницы до настоящаго времени подписывались духовнымъ начальствомъ. Съ учрежденіемъ Юстицъ-Коллегіи крѣпостныя дѣла и записка духовныхъ завѣщаній окончательно перешли въ ея вѣдомство; засвидѣтельствованіе производилось при 1 Департаментѣ Юстицъ-Коллегіи въ Москвѣ и Юстицъ-Конторѣ въ Петербургѣ (²). По засвидѣтельствованіи завѣщанія въ Юстицъ-Коллегіи наслѣдникъ или душеприкащикъ обязанъ былъ явить его въ Вотчинной Коллегіи, если распоряженія касались до недвижимаго имѣнія (³). Такъ продолжалось до царствованія Екатерины II. Съ учрежденіемъ губерній въ 1775 г. засвидѣтельствованіе завѣщаній перешло въ вѣдомство Гражданскихъ Палатъ или вообще къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ совершались крѣпостные акты (⁴).

Если свидѣтельство завѣщаній почти до конца царствованія Петра В. производилось духовнымъ вѣдомствомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣла о духовныхъ по спорамъ, благодаря энергическимъ мѣрамъ Петра, производились уже въ судахъ свѣтскихъ. Указомъ 1700 г. декабря 16 (⁵) уничтоживъ Патріаршій Разрядъ, Петръ В. велѣлъ всѣ спорныя гражданскія дѣла «по духовнымъ и по ряднымъ и по иныхъ какимъ крѣпостямъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ» передать въ Помѣстный Приказъ, спорныя же дѣла о движимомъ имуществѣ въ вѣдомство Московскаго Суднаго Приказа (⁶). Какія средства употреблялъ Петръ В. для исполненія своихъ распоряженій видно изъ указа его митрополиту Нижегородскому Исаіи (⁷), которому поручалось высылать всякія судныя и допросныя дѣла и по духовнымъ въ Московскій Судный Приказъ, въ случаѣ же неисполненія предписывалось взять приказныхъ людей митрополита и доставить ихъ въ Москву, гдѣ и держать до присылки тѣхъ дѣлъ. По Духовному Регламенту дѣла о сомнительныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ знатныхъ особъ разсматривались и рѣшались Духовною и Юстицъ-Коллегіею (⁸).

(¹) П. С. З. N 3963 п. 16.—(²) Ук. 1763 г. декабря 15. П. С. З. N 11989 п. 16.—(³) Ук. 1730 г. декабря 20 N 5658.—(⁴) Тамъ же, ук. 1775 г. ноября 7, N 14392 § 115.—(⁵) Тамъ же, N 1818.—(⁶) Тамъ же, 1701 г. ноября 7, N 1876.—(⁷) Ук 1701 г. іюля 4, N 1862.—(⁸) Ук. 1721 г. янвяря 25, N 1718.—

Вообще должно сказать, что съ учрежденіемъ Юстицъ-Коллегіи перешли къ ней всѣ дѣла о раздѣлѣ «по завѣтомъ и безъ завѣтовъ оставшагося отъ умершихъ имѣнія наслѣдникомъ, и о причитаніи въ наслѣдство достойныхъ, и о лишаемыхъ отъ наслѣдія, также и о свидѣтельствѣ завѣтовъ или духовницъ» (1). Съ учрежденіемъ губерній всѣ спорныя дѣла о завѣщаніяхъ перешли вмѣстѣ съ другими дѣлами въ вѣдомство судебныхъ мѣстъ. Мы не будемъ излагать порядокъ процесса о завѣщаніяхъ, потому что этотъ порядокъ былъ общій для всѣхъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ и долженъ быть изложенъ въ Исторіи гражданскаго судопроизводства.

ЛИЦА, ИМѢЮЩІЯ ПРАВО ДѢЛАТЬ ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ юридическихъ источникахъ этого періода мы встрѣчаемъ только одно постановленіе, которымъ запрещалось, по отношеніямъ сословнымъ, право завѣщанія. Прибавленіемъ къ Духовному Регламенту 1722 г. было повелѣно имѣнія, остающіяся послѣ смерти монашескихъ властей, присылать въ Святѣйшій Синодъ, а послѣ монашествующей братьи оставлять въ пользу монастырской казны (2). Но Императрица Екатерина II указомъ 1766 г. февраля 20 (3) дозволила архіереямъ, игумнамъ и прочимъ монашествующимъ властямъ дѣлать завѣщанія о своемъ собственномъ имѣніи, исключая вещей, принадлежащихъ къ ризницамъ. Кромѣ этого, кажется, исключеній нѣтъ. Напротивъ во многихъ указахъ встрѣчаемъ выраженія: «всякихъ чиновъ духовныя» (4).

Указомъ 1802 г. апрѣля 24 (5) дозволено лицамъ свободнаго состоянія, а равно государственнымъ крестьянамъ, пріобрѣтать на свое имя незаселенныя имѣнія (земли) и распоряжаться ими по произволу, отчуждать, дарить и завѣщать. Здѣсь прямо выражена мысль, что то физическое лице, которое имѣетъ право пріобрѣтать собственность, можетъ и распоряжаться своею собственностью.

---

(1) Ук. 1722 г. апр. 12 П. С. З. N 3963 п. 1 и рез.—(2) П. С. З. ук. 1722 г. 6 мая № 4022 ст. 61; 1737 г. окт. 20, № 7406; 1740 г. сентября 1, № 8225; 1741 г. іюня 26, № 8405; 1753 г. февр. 11, № 10071.—(3) Тамъ же № 12577.—(4) Ук. 1700 г. дек. 16, № 1818; 1703 г. ноября 19, № 1949; 1704 г. февр. 25, № 1970.—(5) П. С. З. № 20244.

Такъ уничтожено одно завѣщательное распоряженіе на томъ основаніи, что завѣщатель составилъ актъ уже въ то время, когда былъ лишенъ правъ состоянія. И такъ обладаніе правами гражданства было первое и необходимое условіе права завѣщательнаго.

Что касается до вліянія личныхъ качествъ на право дѣлать завѣщанія, то наше законодательство представляетъ много источниковъ, въ которыхъ ясно выражена мысль, что для законности завѣщанія необходимо нормальное состояніе умственныхъ способностей завѣщателя, т. е. здравый умъ и память. Эти условія были необходимы для правильнаго составленія крѣпостныхъ актовъ, а слѣдовательно они относились и къ завѣщаніямъ (¹). Замѣчательно рѣшеніе Сената 1766 г. ноября 10 (²), коимъ уничтожено завѣщаніе князя Шаховскаго, отчасти и по причинѣ самоубійства завѣщателя какъ такого поступка, который или есть преступленіе, или обнаруживаетъ безуміе: «когдажъ оное (самоубійство) произведено въ безпамятствѣ и въ безуміи, то и таковое завѣщаніе, если оное въ то время писано будетъ, недѣйствительно, а паче такимъ сомнѣніемъ подтвержденное, какъ Шаховскаго записка есть, которая и числа не показываетъ, дабы узнать, въ которое оное писано. Слѣдовательно непорядочное изъясненіе мыслей, соображая съ таковымъ неистовымъ поступкомъ, и доказываетъ, что онъ то все чинилъ въ безумствѣ или безпамятствѣ: и посему оной записки за духовную признать и указное исполненіе по ней допустить не можно». Но въ этомъ рѣшеніи мы не видимъ ссылки на указъ, которымъ бы запрещалось безумнымъ и сумасшедшимъ дѣлать завѣщанія. Равнымъ образомъ такого постановленія не встрѣчаемъ и послѣ, хотя законодательство всегда признавало практическое значеніе этого запрещенія по обычаю (³).

Въ отношеніи возраста, въ которомъ лица получали право дѣлать завѣщанія, прямаго постановленія въ нашемъ законодательствѣ этого періода не находится, но, какъ видно изъ источниковъ, имѣлъ силу въ этомъ отношеніи указъ Петра В. 1714 г. марта 23, которымъ запрещено вѣрить письмамъ и записямъ малолѣтнихъ (менѣе

(¹) Ук. 1726 г. іюля 19, П. С. З. № 4937; 1740 г. іюня 6, № 8127. — (²) П. С. З. № 12779. — (³) Ук. 1811 г. марта 16, № 24558; 1813 г. сент. 3, № 25448; 1817 г. ноября 23, № 27157.

20 лѣтъ). Указомъ 1785 г. декабря 22 п. 2 (¹) лицамъ, достигшимъ 17 лѣтъ, дозволено управлять своимъ имѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось ранѣе 21 года отчуждать то имѣніе безъ согласія попечителя.

Кромѣ этихъ необходимыхъ условій наши законы считаютъ существеннымъ для правильнаго дѣйствія завѣщанія желаніе или волю завѣщателя. Указомъ 1713 апрѣля 24 (²) утверждено завѣщаніе кн. Мих. Черкасскаго на томъ основаніи, что владѣлецъ въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ самовластенъ и раздѣлилъ по своей родительской волѣ.

И такъ, разсматривая всѣ узаконенія этого періода, мы встрѣчаемъ три условія для составленія завѣщанія: 1) чтобъ лицо имѣло право дѣлать завѣщаніе по своимъ сословнымъ правамъ, 2) чтобъ оно имѣло право собственности на предметъ завѣщанія, 3) собственное желаніе завѣщателя. Кромѣ этихъ случаевъ еще находимъ въ нашихъ узаконеніяхъ два ограниченія собственнику завѣщателю: когда завѣщательное распоряженіе владѣльца удостоивалось Высочайшаго утвержденія, то онъ уже не могъ отмѣнять его самопроизвольно (³), и когда имѣніе собственника находилось въ опекунскомъ управленіи (⁴). Иностранцы подвергались тѣмъ же постановленіямъ, иногда только имъ дѣлалось снисхожденіе по уваженію невѣдѣнія формальностей (⁵).

ЛИЦА, ВЪ ПОЛЬЗУ КОТОРЫХЪ МОГЛИ БЫТЬ ДѢЛАЕМЫ ЗАВѢЩАНІЯ.

Всякое лицо, которое могло имѣть право на собственность, могло получить эту собственность и по завѣщанію. Такому положенію нисколько не противорѣчитъ то, что иногда лицо хотя имѣетъ право, но по своимъ качествамъ не пользуется этимъ правомъ; тогда оно и по завѣщанію получаетъ только право. Такъ напр. малолѣтный имѣетъ право на собственность, но не пользуется еще этимъ правомъ, не владѣетъ, поэтому и по завѣщанію онъ полу-

(¹) Ук. 1785 г. дек. 22, П. С. З. № 16300, п. 2.—(²) Ук. 1713 г. апр. 24, № 2667; 1790 г. ноябр. 23, № 16922.—(³) Ук. 1817 февр. 22, № 26689.—(⁴) Ук. 1817 апр. 16, № 26795.—(⁵) Ук. 1709 г. март. 10, № 2226.

частъ только право, воспользоваться же можетъ имъ лишь по опредѣленію законодательства. Во всѣхъ узаконеніяхъ разсматриваемаго періода хотя это и не высказано, но признано вообще за основное положеніе.

На основаніи политическаго взгляда наши законы изъ этого общаго правила дѣлаютъ два исключенія: мы видѣли при обозрѣніи перваго періода мѣры, ограничивавшія и наконецъ совершенно запретившія пріобрѣтать какимъ бы то ни было образомъ монастырямъ и церквамъ недвижимыя имущества. Это запрещеніе имѣло силу до царствованія Императора Александра I. Указомъ 1810 г. мая 29 (1) хотя и оставлены въ своей силѣ запретительныя постановленія, но дозволено монастырямъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія съ испрошеніемъ каждый разъ Высочайшаго соизволенія. Что же касается до запрещенія пріобрѣтать монашествующимъ, то оно оставалось во всей своей силѣ. Даже оно подтверждено указомъ 1812 г. іюня 24 (2). Другое исключеніе помѣщено въ изданіи Карантиннаго Устава въ 1818 г. августа 21 (3). Въ § 17 этого Устава сказано, что карантинные чиновники и служители не могутъ быть наслѣдниками по завѣщанію, составленному лицомъ, выдерживающимъ срокъ въ томъ карантинѣ, если только они не суть вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдники и по закону.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Предметами завѣщанія могутъ быть права личныя и права имущественныя. Въ отношеніи личныхъ правъ въ нашихъ узаконеніяхъ упоминается только о правѣ родителей назначить опекуна къ своимъ малолѣтнымъ дѣтямъ на случай смерти своей. Впрочемъ въ началѣ своемъ это былъ обычай родоваго быта: «приказыванье по животъ свой». Такой обычай сохранялъ свою юридическую силу и въ настоящемъ періодѣ, хотя прямаго узаконенія мы не встрѣчаемъ до указа 1826 г. августа 4 (4), состоявшагося по частному дѣлу титулярной совѣтницы Анны Тапровой. Изъ этого указа ви-

---

(1) П. С. З. № 24246.—(2) Ук. 1812 г. іюня 24, № 25162.—(3) Ук. 1818 г. авг. 21, № 27490.—(4) Ук. 1826 г. авг. 4, № 507.

дно, что завѣщатель могъ даже совершенно отстранить отъ опекунства надъ имуществомъ своего малолѣтнаго другаго родителя.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть права имущественныя въ томъ объемѣ, въ какомъ они входили въ право завѣщательное. Мы уже сказали, что лицо по завѣщанію могло передать только то, на что имѣло право. Тотъ, кто имѣлъ право полной собственности, тотъ могъ и передать эту собственность; тотъ кто имѣлъ право на отдѣльную принадлежность собственности, тотъ только и могъ передать одну такую отдѣльную часть. Это признавалось неоспоримою истиною въ практикѣ и если не было ясно выражено въ законахъ, то именно потому, что не было и спорнаго дѣла, которое бы вызвало подобное узаконеніе.

Займемся теперь подробнѣе разсмотрѣніемъ тѣхъ положеній нашего законодательства, которыя опредѣляли права завѣщателя.

Владѣя имуществомъ какъ собственностью, завѣщатель могъ передать свое право одному или многимъ, но не иначе, какъ каждому отдѣльно, поэтому запрещалось завѣщать въ совмѣстное владѣніе и собственность нѣсколькимъ лицамъ. Духовное завѣщаніе коллежскаго ассессора Яковлева (1) не было утверждено отчасти потому, что въ немъ отказывалась большая часть имѣнія въ совмѣстное четырехъ братьевъ съ матерью нераздѣльное владѣніе. Но отдѣлять отъ собственности права принадлежностныя (въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ) нашими узаконеніями дозволялось, какъ высказано прямо въ указѣ 1804 г. мая 29 (2). На этомъ основаніи мужу позволялось предоставлять имѣніе свое женѣ въ пожизненное владѣніе (3). Только нѣкоторыя имущества считались нераздѣльными, напр. фабрики, заводы (4).

Коснувшись, сколько позволили намъ источники и цѣль изслѣдованія, собственности, какъ права, перейдемъ къ различнымъ разрядамъ имуществъ.

Собственность, какъ имущество, можетъ быть движимая и недвижимая. Названія движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ встрѣчаются уже въ отдаленныхъ историческихъ памятникахъ. Въ Корм-

(1) 1785 г. мая 15, П. С. З. № 16203.—(2) П. С. З. № 21310.—(3) Ук. 1814 г. іюня 15, П. С. З. № 25606; 1817 г. февр. 15, № 26678; 1823 мая 23, № 29482.—(4) Ук. 1785 г. мая 15, П. С. З. № 16203.

чей книгѣ (1) помѣщено и изчисленіе имуществъ, называемыхъ недвижимыми: «села или нивы, или винограды, или сѣножатвы, или лѣсъ, или борти, или воды, или озера, или рѣки;» въ Никоновской лѣтописи подъ 1317 годомъ употреблено названіе *двигомыхъ* и *недвигомыхъ* вещей; изъ соборнаго постановленія 1580 г. января 15 (2) мы видимъ, что недвижимыми назывались села и деревни, пожни и сѣножати; но право гражданства это названіе получило не ранѣе Петра В. Въ указѣ 1714 г. марта 23 (3) изчисляются въ недвижимыхъ имуществахъ: вотчины родовыя, выслуженныя и купленныя, помѣстья, дворы и лавки. Подъ движимыми имуществами, называвшимися въ древнемъ періодѣ *товаромъ*, *животомъ*, *скотомъ*, всегда разумѣлись вещи удобопереносимыя: деньги, платья, припасы, хлѣбъ, и. т. п. Значеніе этого различія имуществъ чрезвычайно важно и, какъ мы сейчасъ увидимъ, права завѣщателя въ обоихъ имуществахъ были совершенно различны.

Полно и неограниченно было право собственника въ распоряженіи движимымъ имуществомъ. Мы видимъ изъ узаконеній по спорнымъ завѣщательнымъ дѣламъ, что рядомъ съ оспоренными пунктами на счетъ другихъ имуществъ, утверждались распоряженія собственника въ движимомъ (4). Указомъ 3 февраля 1827 г. (5) на духовныя завѣщанія о денежныхъ капиталахъ и вещахъ запрещено даже принимать споры о родовомъ происхожденіи этихъ движимыхъ имуществъ и давать такимъ спорамъ производство. Даже одно только признаніе долговъ въ завѣщаніяхъ налагало на наслѣдниковъ обязанность ихъ уплачивать, какъ это видно изъ духовныхъ завѣщаній кн. Долгорукова (6) и гр. Самойлова (7). Сюда относятся только слѣдующія ограниченія: по закону Петра В. о единонаслѣдіи, собственникъ долженъ былъ раздѣлить свое движимое имущество между дѣтьми своими, кромѣ награжденнаго недвижимымъ имѣніемъ; но собственникъ бездѣтный могъ располагать по произволу, т. е. имѣлъ право завѣщать родственнику или постороннему. Съ уничтоженіемъ этого закона само собою разрушилось и такое ограниченіе. Въ 1817 г. (8) дозволялось по Уставу Коммисіи

(1) Гл. 18, 7 всел. соб. пр. 12 толк. — (2) А. Э. т. 1, стр. 373.—(3) П. С. З. № 2789.—(4) Ук. 1817 г. ноября 26, П. С. З. № 27163. — (5) 1827 г. февр. 3, № 871, п. 5. — (6) Ук. 1817 г. ноября 26, № 27163. — (7) 1829 г. янв. 27, № 2631.—(8) 1817 г. апр. 16, № 26791, § 18.

погашенія долговъ каждому объявить капиталъ безсрочнаго обезпеченнаго долга, но не менѣе какъ въ 3000 рублей, родовымъ, изъ рода неотчуждаемымъ, но 6 ноября 1824 г. это было уничтожено. Въ томъ же году запрещена передача пожалованныхъ арендъ по завѣщаніямъ до истеченія сроковъ мимо жены пожалованнаго, его дѣтей или другихъ потомковъ нисходящей линіи другимъ лицамъ (1). Другихъ ограниченій мы не встрѣчаемъ и, кажется, ихъ вовсе не было.

Что касается до недвижимыхъ имуществъ вообще, то при первомъ взглядѣ на права завѣщателя такого рода имуществъ, мы встрѣчаемъ узаконенія Петра В., запрещающія послѣднему въ родѣ распоряжаться на случай смерти своимъ имѣніемъ (2). Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, когда и какимъ образомъ уничтожилось это запрещеніе. Далѣе находится ограниченіе въ законѣ 1714 г. марта 23 о единонаслѣдіи. Петръ В. въ видахъ государственныхъ и для поддержанія дворянскихъ родовъ запретилъ раздробленіе недвижимыхъ имуществъ и повелѣлъ: кто имѣетъ сыновей, тому предоставлять право назначить наслѣдникомъ всего своего недвижимаго имѣнія одного изъ сыновей, если же не будетъ сыновей, то одной изъ дочерей; бездѣтный же можетъ отдать недвижимое одному, фамиліи своей, кому пожелаетъ. Жена, оставшаяся бездѣтною, послѣ смерти мужа, получаетъ недвижимое имѣніе его по смерть свою или до постриженія: въ этихъ обоихъ случаяхъ она можетъ назначить наслѣдникомъ мужниннаго имѣнія самопроизвольно ближняго изъ рода мужа, а къ своему имѣнію изъ рода своего. Въ дополненіе, отчасти и въ измѣненіе этого указа, въ 1725 году было пояснено, что жена можетъ назначить наслѣдника къ своему имѣнію и не наслѣдника имѣнія мужа, что она своему же наслѣднику можетъ передать и четвертую часть, выдѣленную ей изъ имѣнія мужа, и если мужъ не назначилъ завѣщаніемъ къ своему имѣнію наслѣдника, то жена, оставшаяся послѣ него съ дѣтьми, можетъ назначить одного изъ дѣтей наслѣдникомъ какъ къ своему, такъ и мужнему имѣнію (3). Но Императрица Анна Іоанновна, находя указъ о нераздробленіи недвижимыхъ имуществъ несогласнымъ съ общественнымъ благомъ, уничтожила его и указомъ 1731 г. марта 17 (4) возстано-

(1) 1824 г. сент. 28, № 30072, п. 2.—(2) 1712 г. янв. 23, № 2471.—(3) 1725 г. мая 28, № 4722, п. 2, докл. 6, рез. 1, 2, 3.—(4) 1731 март. 17, № 5717.

*

вила права завѣщателя согласно Уложенію и новоуказныхъ статей, вышедшихъ въ дополненіе, а не въ противность Уложенія. Этимъ же указомъ сравнены помѣстья и вотчины и соединены въ одно названіе недвижимыхъ имуществъ.

Переходя къ имуществамъ благопріобрѣтеннымъ и родовымъ, мы прежде всего замѣтимъ, что въ древнія времена не существовало этого юридическаго понятія: оно выработалось только во второй половинѣ XVIII вѣка и съ того времени получило значительную роль въ гражданскомъ правѣ. Изъ обозрѣнія узаконеній о движимыхъ имуществахъ мы уже знаемъ, что они всегда считались благопріобрѣтенными, поэтому остается разсмотрѣть, какія недвижимыя имущества вошли въ составъ благопріобрѣтенныхъ и какія въ составъ родовыхъ и въ какой мѣрѣ подлежали тѣ и другія завѣщательнымъ распоряженіямъ. Въ сферѣ недвижимыхъ имуществъ заключались вотчины, пожалованныя, купленныя у казны, у чужеродцевъ, помѣстья, дворы, лавки, и т. п. Изъ этихъ разрядовъ только вотчины купленныя или вообще купли не подлежали ограниченіямъ въ завѣщательномъ отношеніи. Въ одной куплѣ родъ не имѣлъ совершенно никакого обязательнаго значенія. Изъ этого можно заключить, что наше законодательство всегда признавало болѣе права у собственника въ имуществѣ его, трудомъ пріобрѣтенномъ, т. е. имуществѣ благопріобрѣтенномъ. Указомъ о нераздробленіи имуществъ и о единонаслѣдіи всѣ недвижимыя имущества получили одинаковое значеніе. Съ уничтоженіемъ этого закона всѣ прежнія постановленія Уложенія и новоуказныхъ статей возъимѣли прежнюю силу, но вмѣстѣ съ тѣмъ особенное значеніе помѣстій исчезло. До Екатерины II собственникъ въ своихъ завѣщательныхъ распоряженіяхъ долженъ былъ сообразоваться съ тѣми правами, которыя имѣли имущества по своему происхожденію и которыя были изложены въ древнемъ періодѣ. Въ жалованной грамотѣ дворянству въ первый разъ высказано юридическое основаніе имуществъ благопріобрѣтенныхъ. «Благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить, или завѣщать, или въ приданое, или на прожитокъ отдать [1]» и т. д. Точно также выражено и въ Городовомъ По-

[1] 1785 г. апр. 21. П. С. З. № 16187 ст. 22.

ложенія: «Мѣщанинъ, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ его состоянію приличнаго имѣнія, имъ благопріобрѣтенное имѣніе воленъ дарить или завѣщать (1)», и т. д. Но понятіе перваго пріобрѣтателя не было еще совершенно выяснено, возникали нѣкоторыя сомнѣнія, которыя и разрѣшались отдѣльными узаконеніями. Изъ указа 1802 г. января 29 видно, что выдѣленная опредѣленная часть оставшемуся въ живыхъ супругу должна считаться имуществомъ благопріобрѣтеннымъ. Въ этотъ же составъ имуществъ вошли и вотчины, по указу 1805 г. февраля 22, выслуженныя, пожалованныя. Наконецъ указомъ 1807 г. ноября 30 по частному дѣлу объ имѣніи статскаго совѣтника Вердеревскаго признаны были благопріобрѣтенными имущества хотя и родовыя, но которыя владѣльцами проданы были чужеродцамъ и потомъ обратно ими куплены, также и имущества, купленныя отъ родственниковъ, у которыхъ они были благопріобрѣтенными. Сенатскимъ рѣшеніемъ 1816 г. марта 20 признано также благопріобрѣтеннымъ имущество, купленное отцемъ у сына, которому оно досталось отъ матери. Кромѣ этихъ случаевъ безъ всякаго сомнѣнія благопріобрѣтенными считались имущества, пріобрѣтенныя у чужеродцевъ и собственнымъ трудомъ нажитыя. Распоряженіе этими имуществами совершенно зависѣло отъ произвола завѣщателя; онъ могъ завѣщать ихъ какъ родственникамъ, такъ и чужеродцамъ. Такъ изъ различныхъ узаконеній видно (2), что нѣкоторыя духовныя завѣщанія, уничтоженныя во многихъ пунктахъ, утверждались въ пунктахъ о распоряженіи имѣніемъ благопріобрѣтеннымъ. Дозволялось даже излагать различныя условія объ образѣ пользованія и управленія, лишь-бы условія эти не были противны законамъ (3).

Совершенно другое значеніе имѣли въ завѣщательномъ правѣ имущества родовыя. Безъ всякаго сомнѣнія, родъ въ древнія времена имѣлъ всегда фактическое отношеніе къ имуществу, но оно не было выражено законодательствомъ; по мѣрѣ же того какъ отношенія стали слагаться въ юридическую норму, многія имущества, какъ мы уже видѣли, по характеру ограниченій собственниковъ въ рас-

---

(1) 1785 г. апр. 21 (П. С. З. № 16188) ст. 88.—(2) 1798 г. февр. 17, № 18381; 1802 г. апр. 24, № 20244; 1816 г. сент. 13, № 26432. — (3) 1804 г. мая 29, № 21310.

поряженіяхъ ими, долженствуютъ быть отнесены къ имуществамъ родовымъ. Таковы были выслуженныя, пожалованныя вотчины, помѣстья, и т. п. Съ ограниченіемъ значенія рода измѣнялось и вмѣстѣ съ тѣмъ слагалось опредѣлительно значеніе имуществъ родовыхъ. Въ упомянутой жалованной грамотѣ дворянству и купечеству сказано: «наслѣдственнымъ же имѣніемъ да не распоряжаютъ инако, какъ законами предписано». Здѣсь мы видимъ главною принадлежностію родовыхъ имуществъ порядокъ наслѣдственный. Въ послѣдствіи значеніе родовыхъ имуществъ распространилось и на имущества, какъ доставшіяся хотя по завѣщанію, но такимъ лицамъ, которыя имѣли право наслѣдства, такъ и на доставшіяся по купчимъ отъ такихъ родственниковъ, къ которымъ имущество перешло изъ того же рода.

Законодательствомъ до Петра В. завѣщатель въ распоряженіяхъ своихъ родовымъ недвижимымъ имуществомъ ограничивался, какъ мы видѣли, правами своихъ ближайшихъ родственниковъ. По постановленію 1714 г. о единонаслѣдіи всѣ недвижимыя имущества дѣлались родовыми, потомъ съ уничтоженіемъ этого закона прежнія ограниченія возобновились, но только въ отношеніи къ родовымъ имѣніямъ. Какъ расширялся или стѣснялся объемъ понятія о родовыхъ имуществахъ, такъ соразмѣрно распространялись или уменьшались и ограниченія. Изъ сенатскихъ рѣшеній по частнымъ дѣламъ видно (1), что всегда уничтожались духовныя, составленныя въ родовыхъ имѣніяхъ съ уничтоженіемъ правъ дѣтей завѣщателя. Только бездѣтному собственнику предоставлялось болѣе правъ. По тому же закону Петра В. о единонаслѣдіи пункт. 3 дозволялось бездѣтному владѣльцу предоставить имѣніе одному родственнику своей фамиліи, кому пожелаетъ, слѣдовательно позволялось отказывать дальнимъ родственникамъ, мимо ближайшихъ. Въ послѣдствіи этотъ указъ подвергался различнымъ толкованіямъ и служилъ основаніемъ противоположныхъ рѣшеній. Нѣкоторыя завѣщанія, которыми бездѣтные владѣльцы предоставляли свои имѣнія мимо ближайшихъ сродниковъ по мужескому колѣну дальнимъ по женскому, были уничтожаемы на томъ основаніи, что закономъ Петра В. дозволено отказывать родственникамъ фамиліи своей, женская же линія теряетъ по замужству названіе

(1) 1798 г. февр. 17. П. С. З. № 18381; 1811 март. 16, № 24558.

своей фамиліи. Въ другихъ же указахъ объяснялось, что фамилія въ законѣ Петра не обозначаетъ прозваніе, но вообще родство. Первый взглядъ высказанъ въ рѣшеніяхъ Сената и узаконеніяхъ 1798 г. февраля 17 (1), 1811 г. октября 26 (2), а другой въ рѣшеніи Сената 1791 г. октября 16 (3). Иногда рѣшеніями Сената, на основаніи буквальнаго смысла закона о единонаслѣдіи п. 3, уничтожались духовныя, по которымъ родовыя имѣнія переходили мимо ближайшихъ отдаленнымъ многимъ, а не одному (4). Наконецъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, по частному дѣлу объ утвержденіи духовнаго завѣщанія тайнаго совѣтника Державина, окончательно дозволено бездѣтнымъ собственникамъ предоставлять свои родовыя имѣнія родственникамъ по женской линіи (5). Кромѣ запрещеній, относящихся до перехода родовыхъ имѣній, въ завѣщаніяхъ о такихъ имуществахъ не дозволялось даже помѣщать никакихъ условій владѣнія ими (6).

Послѣ бездѣтныхъ владѣльцевъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о завѣщательномъ правѣ послѣдняго въ родѣ. Закономъ 1712 г. января 23 (7) Петръ В. запретилъ послѣднему въ родѣ дѣлать какія либо завѣщательныя распоряженія. Въ 7 же пунктѣ указа 1714 г. марта 23 (8) сказано: «а для возобновленія фамилій, въ которой фамиліи мужескаго пола останется одинъ, прочіе же отъ нисходящей и восходящей линіи того рода всѣ вымрутъ, кромѣ женска полу, которыхъ едина или нѣсколько осталося въ дѣвицахъ или замужныя: то помянутой послѣдней оной фамиліи повиненъ всѣ недвижимые вещи, которые ему по наслѣдію пришли, отдать въ наслѣдіе единой изъ оныхъ кому похочетъ, замужней, вдовѣ, или дѣвицѣ, однакожъ съ такимъ изъясненіемъ, что мужъ замужней повиненъ принять прозвище того, отъ кого получитъ недвижимое..... ежели жъ никто изъ нихъ прозванія онаго не пріимутъ, тогда недвижимое все повинно будетъ взять на Государя». Эти стѣснительныя постановленія уничтожены въ отношеніи благопріобрѣтенныхъ имуществъ жалованными грамотами дворянству и купечеству

(1) 1798 г. февр. 17, П. С. З. № 18381.—(2) 1811 г. окт. 26, № 24835.—(3) 1791 г. окт. 16, № 16993 (стр. 263, 264).—(4) 1811 г. марта 16, № 24558.—(5) № 27468, 1818 г. авг. 12.—(6) 1786 г. дек. 15, № 16470.—(7) Ук. 1712 г. янв. 23, № 3471.—(8) Ук. 1714 г. марта 23, № 2789.

Екатерины II и постановленіемъ Александра I, 1804 г. марта 29 (1). Послѣдніе же въ родѣ собственники родовыхъ имуществъ сравнены въ правахъ своихъ съ бездѣтными.

Мы видѣли, что одну изъ главныхъ статей духовныхъ завѣщаній древняго времени составляли отпуски на волю крѣпостныхъ людей. Точно тоже продолжалось и въ настоящемъ періодѣ. Прямаго дозволенія въ законодательствѣ не было, но оно безмолвно признавало силу обычая. Только въ Сенатскомъ указѣ 1813 г. іюня 20 (2) пояснено, что отпуски на волю, въ духовныхъ помѣщаемые, должны утверждаться по законамъ о духовныхъ завѣщаніяхъ и назначенный къ увольненію не прежде можетъ получить свободу, какъ по совершенномъ утвержденіи воли завѣщателя. Въ 1803 г. февраля 20 состоялось положеніе о увольненіи владѣльцами крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, въ силу котораго помѣщики условія свои объ этомъ предметѣ обязывались представлять губернскому предводителю дворянства, для дальнѣйшаго ходатайства объ утвержденіи ихъ верховною властью. На основаніи этого положенія всѣ распоряженія касательно увольненія въ свободные хлѣбопашцы, помѣщаемыя въ завѣщаніяхъ, должны были считаться недѣйствительными. Указомъ 1804 г. декабря 19 (3) запрещалось увольнять въ завѣщаніяхъ крестьянъ изъ родоваго имѣнія въ свободные хлѣбопашцы съ тѣмъ, чтобы при жизни завѣщателей тѣ крестьяне были имъ крѣпки. Это же правило распространено въ 1805 г. янв. 25 и на имѣнія благопріобрѣтенныя. Сенатскимъ рѣшеніемъ 1813 г. сентября 3 (4) уничтожено завѣщаніе г. Пасевьевой отчасти на томъ основаніи, что въ немъ назначены были крестьяне послѣ смерти мужа ея въ вольные хлѣбопашцы. Точно также уничтожены тѣ пункты завѣщанія графа Салтыкова, въ которыхъ излагались распоряженія о увольненіи (5).

Что касается до другихъ родовъ имуществъ, напр. дворовъ, лавокъ и т. п., то они входили въ составъ недвижимыхъ имуществъ и подвергались тѣмъ правиламъ, о которыхъ сказано выше.

---

(1) П. С. З. № 21310.—(2) П. С. З. № 25409.—(3) П. С. З. № 21562.—(4) П. С. З. № 25448.—(5) 1817 г. авг. 17, № 27002.

Составленіе завѣщаній.

Двоякій порядокъ составленія завѣщаній, письменный и словесный или изустный, замѣняется, въ разсматриваемомъ періодѣ, однимъ письменнымъ. Можетъ быть имѣли значеніе изустные наказы умирающаго для наслѣдниковъ его, но они не имѣли никакой уже юридической силы. Мы видѣли рядъ узаконеній, разсматривающихъ письменныя завѣщанія, но ни одно не признаетъ словеснаго. Напротивъ въ 1804 г. (1) Сенатскимъ рѣшеніемъ уничтожена одна изустная память, а наконецъ въ 1823 г. (2) совершенно уничтожено всякое обязательное значеніе словеснаго завѣщанія. И такъ мы должны только разсмотрѣть, какъ и какимъ образомъ составлялись письменныя завѣщанія. Форма духовныхъ древняго періода продолжалась до Петра В. Преобразователь Россіи, имѣя въ виду съ одной стороны искорененіе неурядицы и ябедничества, съ другой приращеніе финансовъ, велѣлъ всѣ акты, относящіеся какъ до вещныхъ имущественныхъ отношеній, такъ и до личныхъ обязательствъ, составлять крѣпостнымъ порядкомъ. Эти правила крѣпостнаго порядка относились и до составленія завѣщаній. Всѣ акты повелѣно было въ 1699 г. (3) писать на гербовой бумагѣ, приготовлявшейся сначала въ столбцахъ, а съ 1705 г. (4) въ видѣ листовъ, подъ опасеніемъ за несоблюденіе этого правила недѣйствительности. Акты писались (5) писцами крѣпостныхъ дѣлъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность быть осмотрительными, не допускать подскобокъ, поправокъ въ словахъ и приписокъ между строкъ, какъ въ самомъ актѣ, такъ и въ рукоприкладствѣ. Допускались только малыя поправки, если онѣ заключались не въ числахъ и въ опредѣленіи цѣнности и мѣры, съ тѣмъ, чтобы такія поправки были оговорены въ рукоприкладствѣ, и если не было между составляющими актъ какого либо сомнѣнія на счетъ этого или спора. Эти правила, изданныя въ 1701 году, чрезъ нѣсколько лѣтъ (6) были дополнены повелѣніемъ писать актъ ровными строками и не оставлять между словами и подписями пустыхъ мѣстъ. Если же кто по болѣзни или по

(1) 1804 г. іюля 19. П. С. З. № 21405.—(2) 1823 г. марта 21, № 29373.—(3) 1699 г. дек. 9, № 1732.—(4) Ук. 1705 г. ноября 6, № 2080.—(5) Ук. 1701 г. янв. 30, № 1833 и марта 7, № 1838.—(6) Ук. 1705 г. ноября 6, № 2080.

другимъ уважительнымъ причинамъ не могъ лично явиться къ крѣпостнымъ дѣламъ (¹) для написанія акта, тотъ могъ пригласить писца къ себѣ на домъ, гдѣ, въ присутствіи свидѣтелей, составляемъ былъ актъ, подписываемъ дающимъ и свидѣтелями и потомъ отсылаемъ съ довѣреннымъ лицомъ для записки въ книгу. Что касается до формы актовъ (относившейся и къ завѣщаніямъ), то въ началѣ всегда означался годъ отъ Рождества Христова, мѣсяцъ и число составленія акта, потомъ излагалось самое содержаніе. Древнее начальное выраженіе: «се язъ» было уничтожено. Въ слѣдъ за изложеніемъ содержанія, актъ подписывался дающимъ и потомъ свидѣтелями, которые обязывались въ рукоприкладствѣ означать и свое званіе. Число свидѣтелей опредѣлялось неодинаковое: акты на 200 рублей и болѣе подписывались тремя, пятью и даже болѣе свидѣтелями, на низшія суммы двумя, но не менѣе. Въ свидѣтели повелѣвалось теперь, а въ прежнее время обычаемъ, брать людей добрыхъ, извѣстныхъ и которые могли бы быть отысканы въ случаѣ надобности. Послѣ подписи свидѣтелей слѣдовала подпись подьячаго, писавшаго крѣпость. Акты на большія суммы (о многихъ тысячахъ) подписывалъ дьякъ. Написанные такимъ образомъ акты вносились въ заведенныя для того книги. Эту записку въ книгѣ подписывали оба участвующіе въ актѣ. Указомъ 1701 г. (²) всѣ крѣпости раздѣлялись на три статьи, изъ коихъ въ третью статью, гдѣ крѣпости записывались только перечнемъ, отнесены и духовныя завѣщанія. Но въ 1705 году (³), по вновь составленному распредѣленію статей крѣпостныхъ, духовныя завѣщанія названы крѣпостями первой статьи, записываемыми въ книгу также только перечнемъ; исключенія изъ этого правила допускались лишь для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ (⁴).

Послѣ Петра В. объемъ актовъ, совершаемыхъ крѣпостнымъ порядкомъ, сталъ постепенно уменьшаться. Екатерина I въ 1725 г. (⁵) признала дѣйствительными духовныя завѣщанія, писанныя до 1714 г. домашнимъ порядкомъ. А въ 1726 году (⁶) уже повелѣно признавать и впредь дѣйствительными завѣщанія, писанныя не у

(¹) Ук. 1701 г. янв. 30. П. С. З. № 1833; марта 7, № 1838.—(²) Ук. 1701 г. янв. 30, № 1833.—(³) Ук. 1705 г. ноября 6, № 2080. — (⁴) 1713 г. апр. 24, № 2667. (⁵) 1725 г. мая 28, № 4722 п. 14, докл. 2, резол. 2. — (⁶) Ук. 1726 г. іюля 19, № 4937.

крѣпостныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ возстановился домашній порядокъ составленія духовныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда требовалось, чтобы завѣщанія были писаны на гербовой бумагѣ, въ противномъ случаѣ при явкѣ взыскивались пошлины за негербовую бумагу ([1]). Даже копіи съ завѣщаній долженствовали быть писаны на гербовой бумагѣ ([2]). О дѣйствительности завѣщанія, писаннаго на простой бумагѣ, со взысканіемъ денегъ за негербовую, неоднократно подтверждалось ([3]). Далѣе, указомъ 1812 г. февраля 10 ([4]) повелѣно, чтобы завѣщанія писались на крѣпостной бумагѣ, соразмѣрной суммѣ имѣнія; но допускались къ свидѣтельствованію писанныя и на простой, съ тѣмъ, чтобы при явкѣ взысканы были деньги за негербовую бумагу, какая слѣдуетъ по цѣнѣ. Наконецъ положеніемъ о гербовомъ сборѣ окончательно опредѣлено крѣпостныя духовныя завѣщанія писать на крѣпостной бумагѣ по цѣнѣ завѣщаемаго имѣнія, съ домовыхъ же, писанныхъ на простой бумагѣ, при явкѣ ихъ въ Гражданской Палатѣ, взыскивать за крѣпостную бумагу по цѣнѣ имѣнія ([5]).

Мы не встрѣчаемъ въ узаконеніяхъ формы для домашнихъ завѣщаній, но выработанная обычаемъ извѣстная форма съ небольшими измѣненіями, вѣроятно, сохранялась. Указомъ 1791 г. ([6]) требовалось только, чтобы духовная утверждена была рукоприкладствомъ самого завѣщателя или, за неумѣніемъ грамоты, по его приказанію, подписью отца духовнаго и свидѣтелей. Но о качествѣ и количествѣ свидѣтелей не было яснаго опредѣленія. Изъ узаконеній видно, что въ свидѣтели допускались и родственники тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ дѣлались завѣщанія ([7]), и что не признавались законными тѣ завѣщательныя распоряженія, которыя не были подписаны свидѣтелями ([8]), или подписаны только однимъ ([9]), или подписаны свидѣтелями послѣ смерти завѣщателя ([10]). Иногда уничтожались духовныя завѣщанія и потому, что въ нихъ находились помарки, приписки или слова неявственно написанныя. Въ 1817 г. ([11]) уничтожено

([1]) Ук. 1726 г. іюля 19. П. С. З. № 4937.—([2]) Ук. 1797 г. дек. 18, № 18278.—([3]) Ук. 1799 г. авг. 11, № 19076.—([4]) П. С. З. № 24992 § 17, 18.—([5]) 1821 г. ноября 24, № 28814. — ([6]) Ук. 1791 г. окт. 16, № 16993.—([7]) Ук. 1740 г. іюня 6, № 8127.—([8]) Ук. 1766 г. ноября 10, № 12779.—([9]) Ук. 1786 г. декабря 15, № 16470.—([10]) Ук. 1813 г. сент. 3, № 25448.—([11]) Ук. 1817 г. ноябр. 23, № 27157.

завѣщаніе надворнаго совѣтника Чоглокова, писанное на четырехъ листахъ, на томъ основаніи, что первый листъ, на которомъ помѣщено раздѣленіе имѣнія между дѣтьми, ни самимъ завѣщателемъ, ни свидѣтелями не подписанъ. Въ Карантинномъ Уставѣ (1) запрещено чиновникамъ и служителямъ карантина быть душеприкащиками завѣщаній лицъ, выдерживающихъ въ томъ карантинѣ срокъ. Но рядомъ съ этими узаконеніями находимъ указъ 1815 г. іюня 16 (2), которымъ утверждено духовное завѣщаніе, писанное не у крѣпостныхъ дѣлъ и несходное съ обрядомъ и формами, вообще принятыми, на томъ основаніи, что присвояющіе себѣ имѣніе ничѣмъ доброй воли составителя завѣщанія не опровергли. Въ 1828 г. (3) подтверждены указы 1 марта 1704 г. и 4 іюня 1824 г., которыми допускались раскольники и старообрядцы къ свидѣтельству завѣщаній, составляемыхъ людьми одного съ ними обряда, но съ тѣмъ добавленіемъ, чтобъ эти свидѣтели писались въ видѣ частныхъ лицъ, а не въ званіи отцевъ духовныхъ, присвояемомъ нѣкоторыми изъ нихъ. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 1829 г. января 27 (4) утверждено распоряженіе, помѣщенное въ особенной запискѣ, приложенной къ завѣщанію, на томъ основаніи, что завѣщатель предоставилъ себѣ въ завѣщаніи право дѣлать прибавленія. Въ завѣщаніяхъ означалась цѣнность завѣщаемаго, но этого не требовалось закономъ.

Составленное на этихъ основаніяхъ завѣщаніе должно было храниться подлинникомъ. Въ 1767 г. (5) не было утверждено завѣщаніе, писанное даже у крѣпостныхъ дѣлъ, именно потому, что послѣ смерти завѣщателя къ свидѣтельству не было представлено подлинника. При учрежденіи Сохранной Казны Воспитательнаго Дома (6) дозволено было вкладчикамъ вносить въ Опекунскіе Совѣты для храненія и исполненія, по ихъ вѣдомству, запечатанныя завѣщанія при объявленіяхъ; въ полученіи завѣщанія выдавалась вносителю копія съ объявленія. При пріемѣ завѣщанія вкладчику напоминалось, что онъ можетъ измѣнить его во всякое время. Болѣе подробныя правила изложены въ 1812 г. (7): дозволено вносить въ Опе-

(1) 1818 авг. 21 (П. С. З. № 27490) § 17.—(2) П. С. З. № 25879.— (3) Ук. 1828 г. окт. 18, № 2356.—(4) П. С. З. № 2631.—(5) П. С. З. № 13011. — (6) 1772 г. ноября 20, № 13902.—(7) 1812 г. апр. 13, № 25075.

кунскіе Совѣты для храненія завѣщанія при объявленіи, въ которомъ бы значилось или чтобъ распечатать и выдать когда представлена будетъ копія съ этого объявленія, или когда представлено будетъ свидѣтельство о смерти завѣщателя. Въ первомъ случаѣ при потерѣ копіи съ объявленія дѣлается тѣмъ, кому нужно завѣщаніе, публикація о потерѣ въ вѣдомостяхъ, съ назначеніемъ трехъ мѣсячнаго срока, по истеченіи котораго выдается завѣщаніе тому, кто представитъ свидѣтельство о смерти завѣщателя. Отъ неизвѣстныхъ, вносящихъ завѣщанія на сохраненіе, повелѣно требовать, чтобы въ объявленіяхъ прикладывали печать для того, чтобы въ случаѣ утраты копіи съ объявленія, завѣщаніе было выдано или распечатано при представленіи печати, или чтобы дѣлалась въ объявленіи какая либо оговорка на случай потери копіи. Самому завѣщателю или его повѣренному во всякое время выдавалось обратно внесенное имъ завѣщаніе. Въ 1829 г. (1) запрещено было принимать въ Опекунскіе Совѣты для храненія такія духовныя завѣщанія, которыя представлены безъ означенія имени завѣщателя. Также было дозволено вносить для храненія въ Московскій Попечительный Комитетъ (2).

ЗАСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Срокъ для представленія къ засвидѣтельствованію духовныхъ завѣщаній узаконеніемъ 1704 г. февраля 25 (3) назначался двухмѣсячный; почему завѣщанія, не представленныя въ этотъ срокъ, должны были считаться недѣйствительными. Но само собою разумѣется, что это относилось до завѣщаній, совершаемыхъ, по установленію Петра В., крѣпостнымъ порядкомъ; но со времени дозволенія составлять завѣщанія домашнимъ порядкомъ, должны ли были эти послѣднія подлежать дѣйствію означеннаго срока? Въ разрѣшеніе этого вопроса существуютъ узаконенія, другъ-другу противорѣчащія. Такъ въ 1791 г. (4) утверждено одно духовное завѣщаніе, для явки котораго двухмѣсячный срокъ уже истекъ, на томъ именно основаніи, что указами 1726 г. іюля 19 и сентября 7, возстановившими домашній порядокъ въ составленіи завѣща-

---

(1) 1829 г. окт. 27. П. С. З. № 2362.—(2) 1823 г. марта 28, № 29387.—(3) 1704 г. февр. 25, № 1970.—(4) 1791 г. окт. 16, № 16993.

ній, не назначено никакого срока для представленія ихъ къ засвидѣтельствованію. Но въ 1813 г. ([1]) уничтожено одно завѣщаніе и по той причинѣ, что послѣ смерти завѣщателя оно не было представлено къ засвидѣтельствованію въ двухмѣсячный срокъ. Въ указѣ 1829 г. ([2]) находятся на счетъ этого положительныя правила: «1) Срокъ на явку домашнихъ духовныхъ завѣщаній, остающихся по смерти завѣщателя не явленными, назначается: для пребывающихъ въ Россіи годовой, а для находящихся за границею двухгодовой. 2) Срокъ сей имѣетъ быть изчисляемъ со дня смерти завѣщателя. 3) Таковыя духовныя предъявляемы быть должны къ явкѣ тѣми лицами, въ рукахъ коихъ находятся; кредитными установленіями по правиламъ, въ нихъ существующимъ; а наблюденіе срока въ отношеніи къ лицамъ, находящимся подъ опекою, возлагается на ихъ опекуновъ на общемъ основаніи законовъ. 4) При описи имѣнія умершаго, ежели чиновники правительства найдутъ духовное завѣщаніе, обязаны немедленно отдать оное тому, въ чью пользу оно сдѣлано; въ случаѣ же отсутствія сего лица, отправить въ присутственное мѣсто, которое, записавъ духовную у крѣпостныхъ дѣлъ, вызываетъ для полученія оной наслѣдника по завѣщанію, чрезъ публичныя вѣдомости. 5) Домовыя завѣщанія, представляемыя къ крѣпостнымъ дѣламъ, по прошествіи вышеозначенныхъ сроковъ, не пріемлются и остаются ничтожными. 6) Но ежели наслѣдникъ по завѣщанію можетъ представить неопровергаемыя доказательства, что срокъ для явки пропущенъ имъ по неизвѣстности о существованіи завѣщанія или по другой законной причинѣ, въ такомъ случаѣ оставляется ему право иска до истеченія общей земской давности, считая оную также со дня смерти завѣщателя».

По представленному такимъ образомъ духовному завѣщанію производился въ подтвержденіе его допросъ, какъ завѣщателю, такъ и свидѣтелямъ, какъ мы видѣли въ древнемъ періодѣ. Впрочемъ изъ рѣшенія 1791 г. оказывается, что допросъ завѣщателю не считался необходимымъ. О засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія публиковалось, и объявленіе о томъ прибивалось къ судейскимъ дверямъ, что уничтожено указомъ 1786 г. ноября 11 ([3]).

([1]) Ук. 1813 г. сент. П. С. З. № 25448. — ([2]) Ук. 1829 г. сент. 4, № 3134. — ([3]) Ук. 1786 г. ноября 11, № 16460.

При засвидѣтельствованіи брались пошлины за записку въ книгу и крѣпостныя. Указомъ 1701 г. [1] опредѣлено отъ записки духовныхъ взимать по гривнѣ съ большихъ, а съ среднихъ и меньшихъ по 10 и 6 денегъ. По указу 1705 г. [2] повелѣно брать за письмо завѣщаній у крѣпостныхъ дѣлъ до 50 рублей на бумагѣ подъ двуденежнымъ гербомъ по гривнѣ съ крѣпости, а на сумму выше 50 и до 100 рублей, что подъ гривеннымъ гербомъ, по 5 алтынъ съ крѣпости, а выше 100 рублей и въ тысячахъ со 100 рублей по гривнѣ; отъ записки же въ книгу брать: которыя подъ полтиннымъ клеймомъ по 6 алтынъ по 4 деньги, подъ полуполтиннымъ по 3 алтына по 2 деньги, подъ гривеннымъ по 10, подъ двуденежнымъ по 6 денегъ. Если отказъ по духовнымъ заключался въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, то пошлины брались съ четверти по алтыну [3]. Деньги эти отсылались по указу 1733 г. [4] въ Генеральный Кригсъ-Коммисаріатъ для содержанія госпиталя. Императрица Екатерина II, по случаю заключенія мира съ Турціею, манифестомъ 1775 г. марта 17 [5] вовсе уничтожила сборъ съ духовныхъ и завѣщательныхъ писемъ. По въ 1808 г. октября 28 [6] повелѣно взимать крѣпостныхъ пошлинъ съ купчихъ, дарственныхъ записей и т. п. актовъ отчужденія по 6%, съ завѣщательныхъ же актовъ, съ которыхъ не бралось прежде крѣпостныхъ пошлинъ, настоящимъ указомъ повелѣно брать только съ тѣхъ духовныхъ, по которымъ переходятъ недвижимое имѣніе или денежные капиталы, родовые или благопріобрѣтенные, вмѣсто ближайшихъ наслѣдниковъ дальнимъ или постороннимъ. Канцелярскихъ пошлинъ опредѣлено брать по 10 рублей со всѣхъ актовъ. Цѣну недвижимому имѣнію назначаетъ по совѣсти самъ завѣщатель въ духовной или наслѣдникъ при вступленіи во владѣніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ эта цѣна не была ниже опредѣленной закономъ. Цѣна эта опредѣлена мужская въ 100 рублей, а женская въ половину, если послѣдняя помѣщается въ актѣ отдѣльно. По указу 1814 г. іюня 15 [7] объ освобожденіи отъ платежа пошлинъ съ имѣній, достающихся отъ мужа женѣ въ пожизненное владѣніе, повелѣно, чтобы при продажѣ

---

[1] Ук. 1701 г. янв. П. С. З. 30 № 1833. — [2] 1705 г. ноября 6, № 2080. — [3] Ук. 1717 г. авг. 7, № 3099. — [4] Ук. 1733 г. апр. 26, № 6382. — [5] П. С. З. № 14275. — [6] П. С. З. № 23317. — [7] П. С. З. № 25606.

этого имѣнія взимались двойныя крѣпостныя пошлины, равно взимались пошлины при закладѣ этого имѣнія и съ отпускаемыхъ на волю. Положеніемъ о гербовомъ сборѣ 1821 г. (1) повелѣно съ имѣній, переходящихъ по духовнымъ завѣщаніямъ мимо ближайшихъ по закону наслѣдниковъ дальнимъ и даже постороннимъ, съ которыхъ до сихъ поръ взималось по 6%, взимать впредь по 4% съ цѣны имѣнія. Но во многихъ случаяхъ въ платежѣ пошлинъ допускались изъятія. Такъ освобождались отъ платежа пошлинъ капиталы, завѣщаемые инвалидамъ, сиротамъ и бѣднымъ людямъ, безъ истребованія отъ этихъ лицъ свидѣтельствъ о бѣдности (2): освобождались отъ платежа пошлинъ покупаемыя Приказами Общественнаго Призрѣнія недвижимыя имѣнія, также не брались и съ обращаемыхъ въ пользу ихъ по завѣщаніямъ или въ даръ имѣній и капиталовъ (3). Это освобожденіе распространено такимъ же образомъ и на Императорское Благотворительное Общество. Въ этомъ же году повелѣно не взыскивать пошлинъ съ имѣній, завѣщаемыхъ одному ближайшему наслѣднику мимо другихъ равныхъ по родству сонаслѣдниковъ. Въ 1824 г. (4) освобождены отъ взысканія пошлинъ имѣнія, завѣщаваемыя въ пользу бѣдныхъ и на богоугодныя заведенія, состоящія въ Ганноверскомъ королевствѣ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: свидѣтельствовалась ли духовная, въ которой допущены распоряженія, противныя законамъ? Кажется, что законодательство хотѣло видѣть въ свидѣтельствѣ только утвержденіе подлинности завѣщанія, а не законности заключающихся въ немъ распоряженій. Въ указѣ 1726 г. (5) мы читаемъ: «когда такія духовныя, писанныя въ домахъ, а не у крѣпостныхъ дѣлъ, гдѣ въ Коллегіяхъ и въ прочихъ судныхъ мѣстахъ явлены будутъ, а нѣкоторые пункты въ тѣхъ духовныхъ написаны будутъ нашимъ указамъ противны, и по такимъ духовнымъ *въ дѣйство производить* то, что написано съ указами согласно, а что написано указамъ въ противность, того *въ дѣйство не производить*, а поступать въ томъ по указамъ». Такъ Костромская Гражданская Палата (6) получила выговоръ за то, что сама вошла при свидѣтельствѣ

(1) Ук. 1821 г. ноябр. 24, П. С. З. № 28814. — (2) Ук. 1818 г. авг. 21, № 27493.—(3) Ук. 1821 г. мая 5, № 28621.—(4) Ук. 1824 г. февр. 27, № 29818.—(5) Ук. 1726 г. сент. 7, № 4953.—(6) Ук. 1819 г. марта 24, № 27729.

завѣщанія въ изслѣдованіе вопроса какого рода завѣщаемое имущество, благопріобрѣтенное или родовое.

Но когда при представленіи къ свидѣтельству духовнаго завѣщанія возникалъ споръ со стороны наслѣдниковъ, то рѣшеніе этого спора подлежало вѣдомству судебныхъ учрежденій по правиламъ судопроизводства, а спорное имущество должно было брать въ вѣдомство Дворянской Опеки съ тѣмъ, что, въ случаѣ разстройства имѣнія, взятаго въ опеку, спорящія стороны имѣли право просить о перемѣнѣ опекуновъ ([1]). Вскорѣ это положеніе добавлено было слѣдующимъ: «когда при явкѣ къ утвержденію духовнаго завѣщанія или, по утвержденіи, при вводѣ во владѣніе предъявленъ будетъ споръ, то спорное имущество берется въ вѣдомство Дворянской Опеки; если же при этихъ двухъ дѣйствіяхъ спора не возникло, то имѣніе оставляется во владѣніи у того лица, кому было введено, хотя бы въ продолженіи двухъ лѣтъ и возникъ споръ; въ послѣднемъ случаѣ налагается только запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ. По истеченіи двухъ лѣтъ спора не пріемлется. При утвержденіи духовнаго завѣщанія дѣлаются, подобно какъ въ купчихъ, публикаціи о переходѣ имѣнія, дабы въ теченіи двухъ лѣтъ могли предъявлять споръ ([2])». Въ 1829 г. ([3]) правила о владѣніи имуществомъ завѣщаннымъ были дополнены слѣдующими: «п. 7) наслѣдники родовые, вступивъ во владѣніе имѣніемъ, не отвѣтствуютъ наслѣдникамъ по домашнему завѣщанію ни въ доходахъ, ни въ управленіи до того времени, доколѣ завѣщаніе не будетъ въ надлежащемъ мѣстѣ явлено, и по сей явкѣ не будетъ открытъ искъ установленнымъ порядкомъ; по открытіи же иска поступать со спорнымъ имѣніемъ на основаніи существующихъ о томъ узаконеній. п. 8) Если имѣніе будетъ продано или заложено родовыми наслѣдниками до открытія иска, то продажа сія и залогъ, яко учиненные на имѣніе свободное и безспорное, суть дѣйствительны и даже въ томъ случаѣ, когда домашнее завѣщаніе будетъ признано и утверждено законнымъ порядкомъ, продажа и залогъ, до явки того завѣщанія совершившіеся, не уничтожаются, но полученныя по купчей или по закладной деньги взыскиваются безъ процентовъ въ

([1]) Ук. 1815 г. марта 31. П. С. З. № 25815. — ([2]) Ук. 1815 г. ноября 25, № 26004.—([3]) П. С. З. № 3134 (т. IV стр. 637).

пользу того, кому по завѣщанію присуждено будетъ имѣніе. п. 9) Если въ завѣщанномъ имѣніи до открытія иска устроены будутъ родовымъ наслѣдникомъ какія либо заведенія или употреблены будутъ какія либо издержки на его усовершеніе, то, при переходѣ самаго имѣнія къ наслѣднику по завѣщанію, всѣ означенныя издержки по законному доказательству должны быть возвращаемы бывшему временному владѣльцу отъ получающаго имѣніе сіе по завѣщанію, безъ вычета, какъ выше сказано, доходовъ, съ имѣнія собранныхъ. Въ случаѣ же, когда имѣніе родовымъ наслѣдникомъ продано или заложено, то упомянутыя издержки должны быть вычитаемы изъ той суммы, которая слѣдовать будетъ въ возвратъ наслѣднику по завѣщанію вмѣсто имѣнія по предъидущей 8 статьѣ. п. 10) Въ случаѣ утайки родовымъ наслѣдникомъ домоваго завѣщанія, въ пользу другаго лица учиненнаго, поступать на томъ основаніи, какъ вообще о самовольныхъ завладѣніяхъ законами предписано».—Гражданскія Палаты, по засвидѣтельствованіи духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ помѣщены пожертвованія на богоугодныя заведенія и на тюрьмы, обязаны увѣдомлять о первыхъ Приказы Общественнаго Призрѣнія, а о вторыхъ начальниковъ губерній ([1]).

ОСОБЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ СОСТАВЛЕНІЯ ЗАВѢЩАНІЙ.

Изъ общаго порядка составленія завѣщаній уже въ настоящемъ періодѣ сдѣланы были нѣкоторыя изъятія. Они относились до лицъ, находящихся въ карантинѣ, на кораблѣ, за границей и къ завѣщаніямъ вдовъ. Лицамъ, выдерживающимъ карантинный срокъ, указомъ 1818 г. ([2]) дозволено составлять духовныя завѣщанія за свидѣтельствомъ четырехъ добронравныхъ свидѣтелей; о совершеніи же такихъ завѣщаній карантинное начальство увѣдомляло кого слѣдуетъ. Въ 1828 г. ([3]) дозволено офицерамъ и нижнимъ чинамъ составлять въ военныхъ госпиталяхъ духовныя завѣщанія, но за свидѣтельствомъ дежурнаго офицера, врача и священника. Составленное такимъ образомъ завѣщаніе представлялось въ контору

([1]) Ук. 1829 г. октября 7. П. С. З. № 3217.—([2]) 1818 г. авг. 21, № 27490 § 143.—([3]) 1828 г. март. 21, № 1889.

госпиталя. Морскимъ Уставомъ (1) корабельному секретарю вмѣнено въ обязанность писать и духовныя завѣщанія на гербовой бумагѣ, а въ случаѣ неимѣнія ея, то и на простой, но это завѣщаніе должно быть за свидѣтельствомъ находящихся на кораблѣ офицеровъ и внесено въ корабельный протоколъ. Совершеніе духовныхъ завѣщаній за границей относилось къ обязанности, для военныхъ—полковыхъ канцелярій, а вообще для Русскихъ подданныхъ—канцеляріи при посольствахъ и при консульствахъ, какъ и вообще совершеніе актовъ (2). Что касается до вдовъ, то закономъ 1803 г. (3) имъ дозволено объявлять при жизни своей Опекунскимъ Совѣтамъ, кому оные должны, по смерти ихъ, выдать внесенный въ ихъ пользу во Вдовью казну капиталъ и невзятые проценты, также дѣлать особыя о нихъ завѣщанія или подписывать на самыхъ билетахъ; но въ такомъ случаѣ должно быть засвидѣтельствовано отцемъ духовнымъ или тѣмъ, кто погребеніе совершилъ, и городничимъ или частнымъ приставомъ, а въ уѣздахъ земскимъ исправникомъ и другими довѣрія достойными чиновниками, въ иностранныхъ же земляхъ Россійскимъ министромъ, консуломъ или магистратомъ того города, гдѣ вдова имѣла жительство, что помянутая на билетѣ надпись подлинно рукою участвующей въ немъ вдовы и безъ всякаго чьего либо принужденія писана или подписана, и что въ живыхъ ея уже не находится; въ слѣдствіе чего и деньги выдаются тому, кому предписано, завѣщано или по надписи назначено.

III.

Изъ исчисленныхъ нами различныхъ узаконеній по частнымъ дѣламъ составилось изданное 1 октября 1831 года положеніе о духовныхъ завѣщаніяхъ. Это положеніе перешло въ Сводъ Законовъ изд. 1832 г., и потомъ въ изданія 1842 г. и 1857 г. Послѣднее дѣйствующее законоположеніе постоянно пополняется новыми постановленіями, помѣщаемыми въ Продолженіяхъ къ Своду. Впро-

(1) 1720 г. янв. 12, № 3485.—(2) 1765 г. дек. 5, № 12517.—(3) 1803 г. Февр. 1, № 20607.

чемъ, имѣя въ виду Продолженія, изданныя къ Своду 1842 г., нельзя сказать, чтобъ предметъ нашего изслѣдованія часто восполнялся. Кромѣ того довольно замѣчательно, что въ числѣ вообще дѣлъ, производящихся въ судебныхъ мѣстахъ, дѣла по спорамъ о завѣщаніяхъ занимаютъ довольно незначительный объемъ. Но если мы примемъ во вниманіе какъ часто встрѣчаются духовныя, въ которыхъ изложены распоряженія, несогласныя съ опредѣленіями закона, то нельзя не согласиться, что въ нашемъ завѣщательномъ правѣ имѣютъ силу два элемента: юридическій и обычный.

Предположивъ изложить въ настоящемъ мѣстѣ завѣщательное право догматически, мы будемъ руководствоваться Сводомъ Законовъ изд. 1857 г., на основаніи котораго и постараемся, въ принятой уже нами системѣ, представить это право въ томъ объемѣ, въ какомъ оно дѣйствуетъ нынѣ. Но мѣстами намъ кажется неизлишнимъ останавливаться на тѣхъ статьяхъ Свода, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія въ практическомъ отношеніи.

Прежде однако чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію принадлежащихъ сюда статей Свода, укажемъ на помѣщенное въ дѣйствующихъ законахъ опредѣленіе завѣщанія. Оно слѣдующее: «Духовное завѣща-«ніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ, на «случай его смерти» (1). Отсюда видно, что понятіе распоряженія на случай смерти составляетъ главную и отличительную черту этого способа отчужденія имуществъ. Въ положеніи о дарственныхъ записяхъ высказано еще, что духовныя завѣщанія, коими имѣнія при жизни владѣльца укрѣпляются за другими лицами безповоротно, должны быть признаваемы дарственными записями, и наоборотъ дарственныя записи, посредствомъ коихъ имущество должно поступить въ другое владѣніе, не при жизни, но по смерти дарителя, принадлежатъ, по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ (2).

ПОДСУДНОСТЬ.

Подсудность по засвидѣтельствованію завѣщательныхъ актовъ опредѣляется законодательствомъ слѣдующимъ образомъ: «крѣпостныя духовныя завѣщанія являются при жизни завѣщателя лично

---

(1) Т. X Св. Зак. Гр. изд. 1857 г., ст. 1010.—(2) Тамъ же, ст. 991.

имъ самимъ въ Уѣздномъ Судѣ, въ Магистратѣ, или Гражданской Палатѣ, или въ мѣстахъ имъ равныхъ, въ самомъ ихъ присутствіи, а не на дому завѣщателя»...... [1] «Домашнія завѣщанія пишутся въ мѣстѣ пребыванія завѣщателя и являются въ Гражданской Палатѣ»...... [2] Относительно примѣненія этихъ статей въ практикѣ не встрѣчается никакого затрудненія. Само собою разумѣется, что какъ завѣщанія вносятся въ крѣпостную книгу, то слѣдовательно и явка завѣщаній можетъ быть во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся крѣпостныя дѣла. За этимъ опредѣленіемъ не встрѣчается уже никакихъ другихъ условій, какъ въ отношеніи мѣстоположенія имущества, такъ и пребыванія лица. Такимъ образомъ завѣщательныя распоряженія объ имѣніяхъ, находящихся въ одной губерніи, могутъ быть безпрепятственно свидѣтельствуемы при крѣпостныхъ дѣлахъ другой губерніи. На томъ основаніи, что крѣпостныя завѣщанія причислены по ст. 728 Гражд. Зак. къ актамъ явочнымъ, они свидѣтельствуются въ Уѣздномъ Судѣ, не ограничиваясь суммою. Но домашнія, причисленныя по ст. 728-й къ актамъ явочнымъ, а по ст. 923 къ домашнимъ, всегда и на всякія суммы должны быть являемы въ Гражданской Палатѣ. Изъ этихъ правилъ законодательство дѣлаетъ два исключенія или, лучше сказать, дозволенія. «По управленію государственными имуществами, волостныя правленія снабжаются отъ окружнаго начальника шнуровою книгою для записки духовныхъ завѣщаній токмо о движимомъ имуществѣ не свыше 15 руб. и о строеніяхъ на казенной землѣ».... [3] Точно также и по управленію коннозаводскими крестьянами волостныя правленія снабжаются отъ окружныхъ начальниковъ особою книгою для записки свидѣтельствуемыхъ ими духовныхъ завѣщаній коннозаводскихъ крестьянъ и всѣхъ сдѣлокъ между ними. Впрочемъ не возбраняется крестьянамъ свидѣтельствовать свои акты и по общему законному порядку [4]. Послѣднее дозволеніе, кажется, должно быть отнесено и къ государственнымъ крестьянамъ. Вообще смыслъ этихъ статей дозволительный, но не обязательный. Государственный крестьянинъ, находящійся въ отлучкѣ, внѣ своей волости, можетъ составить завѣщаніе какъ о своемъ недвижимомъ имуществѣ, такъ и движимомъ, и представить при

(1) Св. Зак. Гр. изд. 1857 г., ст. 1013. — (2) Тамъ же, ст. 1014.—(3) Тамъ же, ст. 836 и 1015.—(4) Зак. Гр., ст. 837.

жизни своей для свидѣтельства къ крѣпостнымъ дѣламъ. Равнымъ образомъ и духовная крестьянина по смерти завѣщателя можетъ быть представлена къ свидѣтельству и не въ волостное правленіе завѣщателя, тѣмъ болѣе, что допросъ свидѣтелей въ правленіи не всегда удобоисполнимъ.

Что касается до подсудности дѣлъ по спорамъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, то нашимъ законодательствомъ она опредѣляется подсудностію вотчиннаго судопроизводства, т. е. такого рода дѣла должны быть начинаемы въ томъ судебномъ мѣстѣ, которому подвѣдомо имущество завѣщаемое. Какъ начало, такъ дальнѣйшій ходъ и окончаніе споровъ по завѣщаніямъ вполнѣ подлежитъ правиламъ тяжебнаго вотчиннаго судопроизводства. Здѣсь можетъ быть только одинъ нѣсколько сомнительный случай, неопредѣленный закономъ. Положимъ, что домашнее духовное завѣщаніе о недвижимыхъ имѣніяхъ, лежащихъ въ разныхъ губерніяхъ, представлено къ свидѣтельству въ Гражданскую Палату. При явкѣ предъявленъ споръ. Завѣщаніе должно быть отослано къ судебному разбирательству; но какого судебнаго мѣста? Въ этомъ случаѣ, на основаніи 661 ст. т. X Св. Зак. о Судопр. Гражд., то судебное мѣсто, куда представлено завѣщаніе, должно потребовать, кажется, свѣдѣнія отъ спорящихъ, гдѣ они желаютъ вести тяжбу, и по ихъ назначенію отослать туда дѣло, а въ случаѣ разногласія отослать, по выправкѣ о количествѣ имѣнія, въ ту Гражданскую Палату, гдѣ находится большее количество имѣнія. Дѣла по спорамъ о домашнихъ духовныхъ завѣщаніяхъ государственныхъ крестьянъ, явленныхъ, на законномъ основаніи, въ волостномъ правленіи, присвоены прямому и непосредственному разбору волостной расправы (¹). Опредѣленіе подсудности въ практикѣ чрезвычайно важно; я знаю одно дѣло, которое производилось десять лѣтъ и окончилось только однимъ опредѣленіемъ подсудности.

ЛИЦА, ИМѢЮЩІЯ ПРАВО ЗАВѢЩАТЬ.

Всѣмъ лицамъ, обладающимъ правами гражданства, имѣющимъ право собственности, дозволено составлять завѣщанія, если только не исключаютъ это дозволеніе сословныя права завѣщателя и его

(¹) Зак. Гр., ст. 1015.

физическія качества. Все это выражено нашимъ законодательствомъ опредѣленно: всѣ духовныя завѣщанія тогда только могутъ быть дѣйствительны, когда они составляются лицами, имѣющими по законамъ право отчуждать свое имущество. Посему недѣйствительны завѣщанія: 1) несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ двадцати лѣтъ съ годомъ; 2) людей, лишенныхъ по суду всѣхъ гражданскихъ правъ состоянія, когда приговоръ имъ объявленъ (2). Лица, состоящія подъ арестомъ, пока приговоръ о лишеніи ихъ правъ состоянія имъ не объявленъ, не лишаются права составлять завѣщанія на основаніи общихъ правилъ, о домашнихъ завѣщаніяхъ постановленныхъ (3). Завѣщаніе лица, состоящаго подъ опекою по долгамъ, можетъ быть дѣйствительно только тогда, когда за удовлетвореніемъ всѣхъ заимодавцевъ останется свободное имущество (4). Въ отношеніи же физическихъ качествъ лица говорится: всѣ духовныя завѣщанія, какъ крѣпостныя, такъ и домашнія, должны быть составляемы въ здравомъ умѣ и твердой памяти (5). Посему недѣйствительны завѣщанія: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства, 2) самоубійцъ (6). Это послѣднее обстоятельство тогда только можетъ, разумѣется, уничтожить дѣйствительность завѣщанія, когда существуютъ несомнѣнныя доказательства преступнаго намѣренія завѣщателя во время составленія духовной. А это доказать, какъ доказать всякое врутреннее движеніе, очень трудно. Кромѣ этого законы полагаютъ ограниченія сословныя: запрещено завѣщать недвижимыя дворянскія имѣнія лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими. Дворянамъ, не имѣющимъ за собою населеннаго недвижимаго имѣнія, не дозволено пріобрѣтать по духовнымъ завѣщаніямъ дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли (7). Впрочемъ запрещеніе завѣщать дворянскія имѣнія лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими (постановленное 4-го ноября 1836 г.), не имѣетъ обратнаго дѣйствія на завѣщанія, уже получившія до того времени законную ихъ силу по смерти завѣщателей. По завѣщаніямъ этого рода, вошедшимъ уже въ законную силу, имѣнія завѣщанныя должны поступать въ вѣдомство Дворянскихъ Опекъ, и отъ нихъ должны быть обращае-

(1) Зак. Гр., ст. 1018.—(2) Тамъ же, ст. 1019.—(3) Тамъ же, ст. 1020.—(4) Тамъ же, ст. 1021.—(5) Тамъ же, ст. 1016.—(6) Тамъ же, ст. 1017.—(7) Тамъ же, ст. 1028.

мы въ продажу по вольнымъ цѣнамъ, но не прежде, какъ по истеченіи двухъ-годичнаго срока для предъявленія споровъ вообще по завѣщаніямъ въ ст. 1098 Зак. Гражд. положеннаго; вырученный же капиталъ, такъ какъ и собранные во время управленія доходы, Опеки имѣютъ отдавать наслѣдникамъ, въ завѣщаніи означеннымъ. Само собою впрочемъ разумѣется, что если въ теченіи двухъ-годичнаго срока возникнетъ споръ, по которому послѣдуетъ судебное разбирательство, то продажа останавливается до окончательнаго рѣшенія. Въ отношеніи же сословія монашескаго сказано, что завѣщанія архіереевъ, архимандритовъ и прочихъ монашествующихъ властей тогда только считаются дѣйствительными, когда они относятся къ движимымъ ихъ частнымъ имуществамъ, а не къ вещамъ, къ ризницамъ ихъ принадлежащимъ, и только въ церквахъ употребляемымъ, хотя бы въ числѣ ихъ находились вещи, ими на собственное ихъ иждивеніе устроенныя (¹). Это постановленіе перенесено, какъ мы уже видѣли, изъ положенія Императрицы Екатерины II, и относится только до монашествующихъ властей; но дѣйствительны ли завѣщанія о движимомъ частномъ имуществѣ монашествующей братьи? Объ этомъ въ законахъ о завѣщаніяхъ вовсе не упоминается, но въ законахъ о состояніяхъ опредѣленно выражено, что монашествующіе, какъ отрекшіеся отъ міра, лишаются и права составлять завѣщанія (²). Такое постановленіе имѣло началомъ узаконеніе Петра Великаго, которымъ повелѣвалось остающіяся имущества монашествующей братьи брать въ монастырскую казну.

Лица, имѣющія право пріобрѣтать посредствомъ завѣщанія.

Наше настоящее положительное завѣщательное право не дѣлаетъ относительно этого яснаго опредѣленія, но изъ общаго смысла его и историческаго развитія видно, что всякое лицо имѣетъ право пріобрѣтать имущество посредствомъ завѣщанія, если только можетъ по праву владѣть такимъ имуществомъ. Это можно вывести изъ то-

(¹) Зак. Гр., ст. 1025.—(²) Зак. о сост. изд. 1857 г. ст. 267 «Прочіе монашествующіе, кромѣ властей, не могутъ дѣлать завѣщаній и имущество ихъ ни въ какомъ случаѣ къ наслѣдникамъ не поступаетъ, а обращается всегда въ монастырскую казну».

го отрицательнаго характера, которымъ выражаются вообще наши законы о правахъ завѣщателей и о правахъ лицъ, пріобрѣтающихъ посредствомъ завѣщанія. Выше было уже сказано о запрещеніи завѣщать дворянскія имѣнія лицамъ, не имѣющимъ права владѣть ими, а равно и дворянамъ, не владѣющимъ недвижимымъ населеннымъ имѣніемъ, пріобрѣтать по завѣщанію дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. Далѣе въ законодательствѣ высказано: (¹) хотя завѣщать ненаселенныя недвижимыя имущества монастырямъ и церквамъ не воспрещается, но такія имущества утверждаются за ними въ собственность не иначе, какъ по испрошеніи на то чрезъ Святѣйшій Синодъ Высочайшаго соизволенія. Въ пользу монашествующихъ, со времени постриженія ихъ въ иноческій чинъ, какъ устраненныхъ отъ правъ наслѣдства, завѣщать лично, какъ движимое, такъ и недвижимое имущество запрещается. Всѣ тѣ лица, которыя по лишенію правъ состоянія считаются неспособными къ законному наслѣдству, неспособны и къ принятію имуществъ по завѣщанію. Карантинные чиновники и служители ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть ни наслѣдниками, ни душеприкащиками по завѣщанію тѣхъ, кои, выдерживая карантинъ, пишутъ духовныя завѣщанія; вообще они не могутъ получить какую либо часть изъ имѣнія завѣщателя, но могутъ быть наслѣдниками его по закону. Духовныя завѣщанія въ пользу благотворительныхъ заведеній Московскаго Попечительнаго Комитета могутъ быть исполняемы не иначе, какъ по исходатайствованіи предварительно Высочайшаго на то разрѣшенія чрезъ Комитетъ Министровъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАВѢЩАНІЯ.

Въ положительномъ правѣ о завѣщаніяхъ совершенно опущены права завѣщателя въ отношеніи семейственномъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что всѣ права этого рода суть права личныя; но въ Сводѣ же Законовъ Гражданскихъ, въ главѣ о установленіи опеки и попечительства, мы встрѣчаемъ право родителей назначать къ своимъ малолѣтнымъ дѣтямъ и имуществу опекуновъ, и лишь въ случаѣ неназначенія ихъ въ завѣщаніи опека принадлежитъ

(¹) Зак. Гр., ст. 1067 п. 2, 3, 4, 5 и 6.

оставшемуся въ живыхъ супругу, а въ случаѣ отказа сего послѣдняго или его смерти избраннымъ отъ правительства опекунамъ ([1]). Что касается до имущественныхъ отношеній по завѣщаніямъ, то они опредѣлены въ законахъ кракто и ясно.

Мы видѣли уже, что особенное значеніе имѣетъ у насъ раздѣленіе имуществъ на движимыя и недвижимыя, благопріобрѣтенныя и родовыя. Но какъ движимыя имущества причисляются къ имуществамъ благопріобрѣтеннымъ, то здѣсь слѣдуетъ только говорить о правахъ завѣщателя въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ.

Самыя полныя, неограниченныя права имѣютъ завѣщатели въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ. Завѣщать такого рода имущества можно или въ полную собственность или же во временное владѣніе и пользованіе ([2]). Въ указѣ 18 ноября 1839 г. по дѣлу о завѣщаніи бригадирши Лопухиной пояснено: владѣлецъ благопріобрѣтеннаго имѣнія располагаетъ имъ *свободно* и *неограниченно*, можетъ дарить и завѣщать его по собственному произволу и имѣетъ даже право силою завѣщанія обязать избраннаго имъ наслѣдника, *на время жизни его*, къ исполненію нѣкоторыхъ по имуществу распоряженій, каковы напр., денежныя выдачи, и т. п.; но по смерти сего лица, когда завѣщанное ему имѣніе обращается въ разрядъ имѣній *наслѣдственныхъ*, оно ни въ порядкѣ управленія, ни въ порядкѣ дальнѣйшаго его перехода произволу перваго вотчинника подлежать уже не можетъ ([3]). Слѣдовательно въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ о такихъ имуществахъ дозволено даже отдѣленіе отъ собственности правъ принадлежностныхъ. Единственнымъ исключеніемъ пользуются аренды, которыя до истеченія срока могутъ быть завѣщаемы только женѣ и дѣтямъ тѣхъ лицъ, которымъ онѣ были пожалованы, или же одному изъ ихъ наслѣдниковъ по прямой линіи, передача же ихъ другимъ по завѣщанію воспрещается ([4]).

Родовыя имущества напротивъ того по законамъ совершенно не подлежатъ дѣйствію завѣщанія. Исключеніе составляетъ только право бездѣтнаго собственника такихъ имуществъ: лице, не имѣющее ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ,

---

([1]) Зак. Гр., ст. 227, 229 и 231.— ([2]) Тамъ же, ст. 1011. — ([3]) Зак. Гр. примѣч. къ ст. 1011.—([4]) Тамъ же, ст. 1067 п. 1.

можетъ предоставить все свое родовое имущество, или же часть его, мимо ближайшихъ своихъ наслѣдниковъ, и не смотря ни на какую степень родства, одному лицу изъ дальнѣйшихъ или равно близкихъ родственниковъ или родственницъ своихъ, но лишь того рода, изъ котораго досталось имущество, завѣщаемое избранному имъ наслѣднику, хотя бы это лице, по происхожденію отъ женскаго въ томъ родѣ колѣна, или по иной причинѣ и не носило имени фамиліи завѣщателя или завѣщательницы. На этомъ же основаніи владѣлецъ, неимѣющій ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ, можетъ, если имѣніе дошло къ нему изъ разныхъ родовъ, избрать и назначить по одному отъ каждаго изъ сихъ родовъ наслѣднику. Духовныя завѣщанія этого рода должны быть совершаемы у крѣпостныхъ дѣлъ; когда же они совершены порядкомъ домашнимъ, то признаются дѣйствительными лишь въ случаѣ, если внесены самимъ завѣщателемъ для храненія въ Опекунскій Совѣтъ или въ Комитетъ Человѣколюбиваго Общества, или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Ему однакожъ дозволяется при тяжкой болѣзни, препятствующей явиться въ присутственное мѣсто, просить надлежащій судъ о засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія въ мѣстѣ его жительства. Лица, отказывающія свое родовое имѣніе мимо прямыхъ по закону наслѣдниковъ одному изъ дальнѣйшихъ или равно близкихъ родственниковъ своихъ, обязаны предоставить остающимся послѣ нихъ супругу или супругѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе седьмую часть всего родоваго имущества своего какъ того, которое переходитъ къ избранному ими наслѣднику, такъ и того, которое оставляется прочимъ наслѣдникамъ по закону (1). Особый предметъ въ отношеніи къ завѣщаніямъ составляютъ права на крѣпостныхъ людей. Въ законодательствѣ сказано, что крѣпостные люди лично, по одиночкѣ и съ семействами, могутъ быть увольняемы крѣпостными и домашними духовными завѣщаніями. Здѣсь не дѣлается различія, изъ родоваго ли имѣнія или благопріобрѣтеннаго отпускаются эти люди. Но запрещено

(1) Зак. Гражд., ст. 1068. Послѣднее правило не распространяется на губерніи Черниговскую и Полтавскую, въ которыхъ касательно порядка наслѣдованія супруговъ дѣйствуютъ особыя постановленія, означенныя въ ст. 1157 Закон. Гражд.

вмѣстѣ съ тѣмъ увольнять крестьянъ въ государственные, водворенные на собственныхъ земляхъ, по духовнымъ завѣщаніямъ помѣщиковъ, хотя бы увольняемые крестьяне принадлежали къ благопріобрѣтенному ихъ имѣнію [1].

Совершеніе завѣщанія.

Двоякій способъ составленія завѣщаній изчезъ еще въ прошедшемъ періодѣ; въ Сводѣ Законовъ высказано опредѣленно, что словесныя завѣщанія и такъ называемыя изустныя памяти никакой силы не имѣютъ [2]. Какъ исключеніе только сохранился особенный видъ словесныхъ завѣщаній для вдовъ на капиталы, положенные ими во Вдовью Казну [3]. Но вообще письменная форма предоставляется нашимъ законодательствомъ единственною для выраженія воли завѣщателя. По отношенію къ ней до Петра В. существовалъ, какъ мы видѣли, одинъ домашній порядокъ составленія завѣщаній, а съ Петра В. одинъ порядокъ крѣпостной, но съ Екатерины I домашній порядокъ на ряду съ крѣпостнымъ. Этотъ двоякій способъ признанъ и настоящимъ положительнымъ правомъ. Въ ст. 1012 Зак. Гражд. сказано: духовныя завѣщанія суть: или крѣпостныя или домашнія. Тѣ и другія, какъ выраженіе воли завѣщателя, имѣютъ многія общія имъ обоимъ черты, но по производству своему существенно различаются. Скажемъ сперва о тѣхъ общихъ чертахъ, которыя необходимы для того и другаго рода завѣщаній, а потомъ займемся разсмотрѣніемъ каждаго изъ нихъ отдѣльно.

Чтобы завѣщанія служили именно точнымъ выраженіемъ воли, законодательство требуетъ точнаго означенія въ нихъ какъ имуществъ завѣщаемыхъ, такъ и лицъ, которымъ они завѣщаются. Посему недѣйствительны завѣщанія, составленныя съ очевидною ошибкою въ лицѣ или въ самомъ имуществѣ завѣщаемомъ [4]. Но вмѣстѣ съ тѣмъ неозначеніе въ завѣщаніи чина или званія завѣщателя препятствіемъ къ засвидѣтельствованію не считается, а равно должны быть свидѣтельствуемы и тѣ духовныя, въ которыхъ воля завѣщателя изъявлена общими выраженіями: все движимое и недвижимое

[1] Зак. Гражд., ст. 1070.—[2] Тамъ же, ст. 1023.—[3] Тамъ же, ст. 1024.—[4] Зак. Гр., ст. 1026.

имѣніе или такую то часть его, или за исключеніемъ такихъ-то частей, наблюдая только, чтобы въ послѣднемъ случаѣ, части, изъятыя изъ завѣщанія, были опредѣлены съ точностію (1).

Но какъ воля человѣка измѣняется по дѣйствію различныхъ обстоятельствъ, то, сообразно этому, законодательство допускаетъ измѣненія и отмѣны завѣщаній. Такимъ образомъ всѣ завѣщанія, какъ крѣпостныя, такъ и домашнія, какъ въ цѣломъ ихъ составѣ, такъ и въ частяхъ, могутъ быть перемѣняемы и измѣняемы по усмотрѣнію завѣщателя. Домашнія завѣщанія могутъ быть измѣняемы, какъ домашнимъ, такъ и крѣпостнымъ порядкомъ, но крѣпостныя не могутъ быть измѣняемы и отмѣняемы иначе какъ крѣпостнымъ, т. е. или посредствомъ составленія другаго завѣщанія, имѣющаго равную силу съ первымъ, или посредствомъ прошенія объ уничтоженіи прежняго, отъ завѣщателя поданнаго въ то судебное мѣсто, гдѣ оно было совершено, или же, въ случаѣ нахожденія завѣщателя въ походѣ или въ откомандировкѣ, посредствомъ донесенія о томъ начальству. Если же крѣпостное завѣщаніе уничтожено самимъ завѣщателемъ при жизни его, то оставшееся по смерти его домашнее завѣщаніе, если оно составлено правильно, остается въ своей силѣ (2). Для юридической силы всякой отмѣны, измѣненія и перемѣны законъ требуетъ, чтобъ онѣ подлежали въ составленіи ихъ тѣмъ же правиламъ, какъ и самое завѣщаніе (3).

Встрѣчающіяся въ завѣщаніяхъ описки, подчистки и поправки должны быть оговорены въ подписи завѣщателя; впрочемъ существуетъ правило, что завѣщанія съ описками, подчистками, поправками и приписками между строкъ, неоговоренными въ подписи завѣщателя или рукоприкладчика за него (по безграмотству и другимъ законнымъ причинамъ), должны быть свидѣтельствуемы безостановочно; но въ самомъ свидѣтельствѣ означается съ точностію какія именно описки, подчистки, поправки и приписки въ подписи не оговорены. За тѣмъ, когда описки, подчистки, поправки и приписки сдѣланы рукою завѣщателя, то онѣ должны быть почитаемы дѣйствительными, хотя бы и не были оговорены; если же сдѣланы постороннимъ лицемъ, безъ всякой о томъ оговорки, то признаются ничтожными; но самое завѣщаніе, въ другихъ его частяхъ, из-

---

(1) Зак. Гр., ст. 1027.—(2) Тамъ же, ст. 1030.—(3) Тамъ же, ст. 1031.

ложенныхъ согласно существующимъ узаконеніямъ, остается въ своей силѣ ([1]).

Имѣя въ виду то, что всякое завѣщаніе по усмотрѣнію завѣщателя при жизни его можетъ подлежать отмѣнѣ или измѣненію, законодательство опредѣляетъ, что два лица совокупно въ одномъ и томъ же завѣщаніи не могутъ изъявлять свою волю ([2]).

Что касается до особенностей каждаго рода завѣщаній, то завѣщаніе домашнее, относительно составленія его, причисляется нашимъ законодательствомъ къ актамъ домашнимъ, т. е. составляемымъ въ мѣстѣ жительства лица безъ всякаго участія присутственнаго мѣста. На этомъ же основаніи оно можетъ быть писано и на простой бумагѣ, всякаго формата и размѣра, не исключая и почтовой, лишь бы бумага эта, состоя изъ двухъ полныхъ половинокъ, составляла цѣлый листъ; но завѣщанія, писанныя на отрывкахъ листа, или клочкахъ бумаги, недѣйствительны ([3]).

Далѣе наши законы въ подробности опредѣляютъ участіе въ составленіи самого завѣщателя: домашнее духовное завѣщаніе пишется или во всемъ его пространствѣ рукою завѣщателя, или, по просьбѣ его и со словъ его, другимъ; то и другое должно быть имъ подписано. Подпись же должна заключать въ себѣ имя, отчество и фамилію или прозваніе ([4]). Духовныя завѣщанія иностранцевъ, въ подписи подъ которыми не означено отчества завѣщателя, надлежитъ свидѣтельствовать на общемъ основаніи, прилагая это правило и ко всѣмъ прочимъ завѣщателямъ, какъ скоро не будетъ сомнѣнія въ тождествѣ лица, котораго завѣщаніе къ явкѣ представлено. На томъ же основаніи должны приниматься къ засвидѣтельствованію и тѣ духовныя, въ которыхъ имя завѣщателя предъ его фамиліею означено только одною буквою или даже вовсе не означено, если только соблюдены всѣ прочія закономъ требуемыя условія ([5]). Когда завѣщаніе написано другимъ, то, сверхъ собственноручной подписи завѣщателя, должна быть на немъ подпись того, кто писалъ завѣщаніе, и сверхъ того подпись трехъ свидѣтелей, или по крайней мѣрѣ двухъ, если въ числѣ ихъ находится духовный отецъ завѣщателя. Въ подписи же этой должно быть подробно означено и

---

(1) Зак. Гражд., ст. 1034.—(2) Тамъ же, ст. 1032.—(3) Тамъ же, ст. 1033.—(4) Тамъ же, ст. 1046.—(5) Тамъ же, ст. 1047.

званіе завѣщателя. Но когда завѣщаніе написано все рукою завѣщателя, тогда достаточно только подписи двухъ свидѣтелей [1]. Если же завѣщатель не умѣетъ, или, за болѣзнію, не можетъ подписать собственноручно завѣщаніе, то сверхъ свидѣтелей, вмѣсто его и по просьбѣ его, должна быть подпись другаго лица; но это лице должно имѣть всѣ тѣ качества, какія требуются для имовѣрнаго свидѣтеля при завѣщаніи. Притомъ въ подписи его должно быть именно означено, за неумѣніемъ ли завѣщателя, или за болѣзнію, сдѣлана имъ та подпись [2]. Но здѣсь встрѣчается недоумѣніе. Въ практикѣ часто представляются къ засвидѣтельствованію завѣщанія, обрукоприкладствованныя вмѣсто завѣщателя, по болѣзни его или по другимъ причинамъ, самимъ писцомъ завѣщанія. Дѣйствительно ли такое завѣщаніе? Если признать смыслъ приведенной статьи требующимъ отъ рукоприкладчика завѣщанія лица совершенно отдѣльнаго отъ писца и свидѣтеля, то, безъ сомнѣнія, такія завѣщанія недѣйствительны; но если рукоприкладчикъ имѣетъ одинаковое значеніе съ свидѣтелемъ, то они, при полномъ количествѣ другихъ свидѣтелей, не могутъ быть недѣйствительны. Отъ различнаго пониманія закона дѣйствія различныхъ судебныхъ мѣстъ въ примѣненіи этого положенія различны. Дѣйствительно, съ перваго взгляда кажется, что законодательство хотѣло рукоприкладства завѣщателя и писца, какъ лицъ, совершенно отдѣльныхъ; но если всмотрѣться глубже въ то значеніе, которое желало дать вообще законодательство домашнимъ актамъ, и въ особенности актамъ завѣщательнымъ, то увидимъ, что для подлинности завѣщанія необходимо только доказательное подтвержденіе свидѣтелями именно такой-то воли завѣщателя. Это сужденіе совершенно совпадаетъ и съ историческимъ выводомъ. Поэтому кажется болѣе справедливымъ сужденіе тѣхъ судебныхъ мѣстъ, которыя утверждаютъ такія завѣщанія.

Особенно важнымъ значеніемъ пользуется при этомъ актѣ переписчикъ или писецъ, такъ, что завѣщанія безъ подписи переписчиковъ къ явкѣ не принимаются, развѣ бы писецъ въ продолженіи того срока, въ который завѣщаніе по общимъ постановленіямъ къ засвидѣтельствованію принято быть можетъ, явясь въ судебное мѣ-

(1) Зак Гражд., ст. 1048 и 1051. (2) Тамъ же, ст. 1053.

сто, письменнымъ показаніемъ утвердилъ, что духовная дѣйствительно писана имъ, и, по сличеніи почерка руки, такое показаніе было бы достаточно доказано. Подпись писца должна быть въ самомъ окончаніи завѣщанія, предъ подписью завѣщателя, но не теряетъ своей дѣйствительности и въ такомъ случаѣ, если сдѣлана будетъ и въ другомъ мѣстѣ (1).

Мы видѣли какое количество свидѣтелей требуетъ дѣйствительность завѣщаній; теперь слѣдуетъ изложить значеніе, которое даетъ наше законодательство свидѣтельскимъ показаніямъ. Подпись свидѣтелей удостовѣряетъ только: 1) въ подлинности завѣщанія, т. е. въ томъ, что лице, предъявившее имъ завѣщаніе, есть точно то самое, которымъ оно сдѣлано и подписано; 2) что при предъявленіи имъ завѣщанія, они всѣ лично его видѣли и нашли въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Эти только два обстоятельства они должны утвердить при допросѣ, который имъ производится безъ присяги, въ присутствіи Гражданскихъ Палатъ, при представленіи сюда завѣщаній къ засвидѣтельствованію; если явка въ Палату свидѣтелей будетъ по какимъ либо законнымъ уваженіямъ затруднительна, то допросы отъ свидѣтелей отбираются, по мѣсту ихъ пребыванія, въ Уѣздныхъ Судахъ; а если свидѣтель ни въ Палату, ни въ Судъ, по законной причинѣ, явиться не можетъ, то онъ допрашивается уже на дому при членѣ Гражданской Палаты или Уѣзднаго Суда (2). Здѣсь представляется вопросъ: должны ли въ подписяхъ свидѣтелей излагаться буквально удостовѣренія въ этихъ двухъ обстоятельствахъ, или самая подпись, т. е. означеніе имени, отчества и фамиліи свидѣтеля уже означаетъ удостовѣреніе въ исполненіи означенныхъ требованій закона, а при допросѣ въ Гражданской Палатѣ они въ томъ уже формально допрашиваются. Мнѣ извѣстно одно духовное завѣщаніе, которое не было засвидѣтельствовано потому, что будто бы подпись свидѣтелей, заключающаяся въ простомъ означеніи имени, отчества и фамиліи, не была согласна съ требованіями закона. Кажется, слѣдуетъ принять, что простая подпись свидѣтелей уже означаетъ подлинность завѣщанія, а также здравый умъ и твердую память завѣщателя, по крайней мѣрѣ въ этомъ удостовѣряетъ историческое развитіе за-

(1) Зак. Гражд., ст. 1049.—(2) Тамъ же, ст. 1050.

вѣщательнаго права. Только при утвержденіи завѣщанія въ Гражданской Палатѣ свидѣтель долженъ быть спрашиваемъ относительно двухъ упомянутыхъ обстоятельствъ.

Подпись свидѣтелей должна быть не на оболочкѣ бумаги, но на самомъ листѣ завѣщанія, или внутри листа, или на оборотѣ его (1). Если число свидѣтелей, завѣщаніе подписавшихъ, болѣе нежели закономъ требуется, то въ случаѣ отсутствія нѣкоторыхъ изъ нихъ и достаточности наличныхъ, спрашиваются только эти послѣдніе и потомъ завѣщаніе свидѣтельствуется на общемъ основаніи. Если же наличныхъ свидѣтелей по закону недостаточно, то слѣдуетъ отбирать показанія и отъ отсутствующихъ, чрезъ подлежащія судебныя мѣста. Смерть одного или даже и всѣхъ свидѣтелей не должна быть препятствіемъ къ явкѣ завѣщанія, если только на подлинность его ни отъ кого спора предъявлено не будетъ; въ случаѣ же спора завѣщанія должны быть отсылаемы къ судебному разсмотрѣнію, исключая однако тѣ изъ нихъ, которыя самимъ завѣщателемъ внесены въ Опекунскій Совѣтъ или въ Попечительный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія; извѣтъ о фальшивости такихъ завѣщаній не принимается (2).

Что касается до качества свидѣтелей, то вопросъ этотъ, разрѣшавшійся въ древнемъ періодѣ положительно, настоящее законодательство опредѣляетъ отрицательно, т. е. изчисляя всѣ тѣ лица, которыхъ свидѣтельство не должно быть допускаемо. Именно свидѣтелями при завѣщаніи не могутъ быть: 1) лица, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе; 2) родственники сихъ лицъ до четвертой степени, и свойственники до третьей степени, если завѣщаніе дѣлается не въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ, вполнѣ или хотя частію; 3) душеприкащики и опекуны, назначаемые по духовному завѣщанію; 4) тѣ, которые по закону не имѣютъ права сами завѣщать; 5) всѣ тѣ, которые по общимъ законамъ къ свидѣтельству по дѣламъ гражданскимъ не допускаются, именно малолѣтные, недостигшіе 15-лѣтняго возраста; безумные и сумасшедшіе; глухонѣмые; смертоубійцы, разбойники, воры, люди, портившіе тайно межевые знаки, учинившіе прежде въ судѣ лживую присягу, скло-

(1) Зак. Гражд., ст. 1056.—(2) Тамъ же, ст. 1052.

нившіе другихъ къ ложному свидѣтельству, изгнанные изъ государства, публично за преступленія наказанные и вообще всѣ лишенные чести и всѣхъ правъ состоянія; явные прелюбодѣи; небывшіе никогда у святаго причастія; иностранцы, которыхъ поведеніе неизвѣстно; кромѣ того женщины въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской къ свидѣтельству при завѣщаніи не допускаются (1). Подтверждается положительнымъ правомъ и прежнее положеніе о раскольникахъ: раскольники и старообрядцы не могутъ быть устраняемы отъ свидѣтельства духовныхъ завѣщаній, составляемыхъ людьми одинаковаго съ ними обряда, но не иначе, какъ въ видѣ частныхъ лицъ. Что же касается до присвояемаго нѣкоторыми изъ нихъ званія духовныхъ отцевъ и представляемыхъ за подписомъ сихъ послѣднихъ свидѣтельствъ о времени кончины завѣщателей: то, какъ подобныя свидѣтельства никакого законнаго удостовѣренія въ себѣ не представляютъ, посему въ подтвержденіе ихъ слѣдуетъ о времени кончины завѣщателей требовать справки отъ мѣстной полиціи и основываться на ея показаніяхъ (2).

Вотъ тѣ правила, которыми должны руководствоваться при составленіи домашнихъ духовныхъ завѣщаній сами завѣщатели, писцы и свидѣтели. Но какъ завѣщаніе должно имѣть значеніе только по смерти завѣщателя, то спрашивается, гдѣ до того времени написанное такимъ образомъ завѣщаніе должно быть хранимо? Въ этомъ отношеніи завѣщатель не стѣсненъ никакимъ ограниченіемъ; онъ можетъ оставить завѣщаніе у себя, или вручить душеприкащику, или наслѣднику, какъ это чаще всего бываетъ на практикѣ, или кому либо другому, или можетъ внести для храненія въ Опекунскій Совѣтъ Воспитательнаго Дома или въ другія учрежденія, о которыхъ упомянуто выше, съ соблюденіемъ правилъ и обрядовъ, постановленныхъ для этихъ мѣстъ, но не иначе какъ отъ своего имени, ибо ни одно изъ нихъ не можетъ принимать завѣщанія для храненія отъ неизвѣстныхъ (3). Эти правила заключаются въ слѣдующемъ: Опекунскіе Совѣты и Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія принимаютъ отъ всякаго духовныя завѣщанія на сохраненіе до востребованія обратно или до смерти завѣщателя.

---

(1) Зак. Гражд., ст. 1054, 1055; Зак. о Суд. Гр., ст. 862. — (2) Зак. Гр., ст. 1057.—(3) Зак. Гр., ст.1058.

Въ пріемѣ завѣщанія выдаютъ они вносителю копію съ открытаго объявленія, при которомъ завѣщаніе внесено, за подписаніемъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ Почетнаго Опекуна, Директора по вкладамъ, Директора письмоводства и за скрѣпою Экспедитора, а въ Приказѣ за подписаніемъ: Управляющаго, двухъ Директоровъ, и за скрѣпою Секретаря; въ концѣ копіи подписывается: *дана въ принятіи выше означеннаго, такого то года, мѣсяца и числа*, и эта копія служитъ роспискою. Волѣ каждаго при вносѣ завѣщанія на сохраненіе предоставляется прописывать въ открытомъ объявленіи, при томъ подаваемомъ, чтобы *распечатать, когда копія съ объявленія представлена будетъ*, или вмѣсто того *приступить къ распечатанію, когда представлено будетъ достовѣрное свидѣтельство о смерти завѣщателя*. Въ первомъ случаѣ, если копія съ объявленія утратится, публикуется о ея потерѣ въ вѣдомостяхъ на счетъ того, кому потребно завѣщаніе, съ означеніемъ трехмѣсячнаго срока, по истеченіи котораго, если копія не представится, завѣщаніе должно быть распечатано въ присутствіи того, кто представитъ достовѣрное свидѣтельство о кончинѣ завѣщателя. Самому завѣщателю, или его повѣренному, снабженному законною довѣренностію, выдается завѣщаніе, когда потребуетъ, и безъ копіи съ объявленія (1). На завѣщаніе, внесенное на этихъ основаніяхъ для сохраненія, спора въ подлинности его не пріемлется. Это понятно: здѣсь воля завѣщателя ясно выражается лично внесеніемъ имъ самимъ своего завѣщанія въ извѣстное установленіе. Но у насъ вообще распространено мнѣніе, что не можетъ быть спора на подлинность и тѣхъ завѣщаній, которыя посылаются для сохраненія въ Опекунскій Совѣтъ или другое мѣсто посредствомъ почты. Какая же однако въ послѣднемъ случаѣ гарантія подлинности воли завѣщателя?

Перейдемъ теперь къ вопросу: когда и въ какое время разсматриваемыя нами завѣщанія представляются къ явкѣ. Въ этомъ отношеніи существуетъ у насъ общее правило, что домашнее завѣщаніе по смерти завѣщателя должно быть явлено въ Гражданской Палатѣ или присутственномъ мѣстѣ сей равномъ, въ положенный срокъ (2). Тому же правилу подлежатъ и тѣ домашнія, какъ и крѣпостныя завѣщанія, которыя внесены для храненія въ Опекунскій Совѣтъ

(1) Зак. Гражд., ст1059.—(2) Тамъ же, ст. 1060.

или въ Попечительный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Мѣста эти, по полученіи объявленія о смерти завѣщателя, тотчасъ отсылаютъ тѣ завѣщанія въ Гражданскую Палату для явки ихъ и удостовѣренія и потомъ уже ихъ исполняютъ, если такое исполненіе имъ предоставлено или до нихъ касается (¹). Срокъ для явки нашимъ законодательствомъ полагается для пребывающихъ въ Россіи годовой, а для находящихся за границею двухгодовой, считая отъ дня кончины завѣщателя, по истеченіи же этого срока завѣщанія къ явкѣ не принимаются и остаются ничтожными (²). Но какъ могутъ встрѣтиться основательныя причины, препятствующія явкѣ завѣщанія въ срокъ, то законодательство даетъ наслѣдникамъ умершаго право представлять неопровержимыя доказательства, что срокъ для явки пропущенъ ими или по неизвѣстности о существованіи завѣщанія, или по другой законной причинѣ, и въ такомъ случаѣ имъ оставляется *право иска* до истеченія общей земской давности, считая также со дня смерти завѣщателя (³). Наконецъ, на вопросъ, кѣмъ должны быть представляемы завѣщанія къ явкѣ или засвидѣтельствованію, наше положительное право высказываетъ, что они представляются къ явкѣ отъ тѣхъ вообще, въ рукахъ которыхъ находятся (⁴). Наблюденіе же срока явки въ отношеніи къ лицамъ, находящимся подъ опекою, возлагается, на общемъ основаніи, на ихъ опекуновъ (⁵).

Мы ничего не сказали на счетъ самой формы завѣщаній, потому что наше законодательство, кажется, не хотѣло стѣснять воли завѣщателя въ этомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что необходимо означеніе времени составленія, т. е. года, мѣсяца и числа. Но выраженіе, соблюдаемое большею частію даже въ завѣщаніяхъ, написанныхъ и въ позднѣйшее время: во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—не обязательно по закону.

(¹) Зак. Гражд., ст. 1061.—(²) Тамъ же, ст. 1063 и 1065. Изъ этого правила о срокѣ существуетъ исключеніе для завѣщательныхъ актовъ, которыми учреждается въ Крыму духовный вакуфъ, и для тѣхъ, по которымъ частные вакуфы переходятъ отъ одного наслѣдника къ другому: такіе акты должны быть явлены въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ противномъ же случаѣ признаются недѣйствительными. — (³) Гражд. Зак., ст. 1066. — (⁴) Тамъ же, ст. 1062. — (⁵) Тамъ же, ст. 1064.

Изъ приведеннаго ряда статей Свода Законовъ мы видимъ какія условія требуются для правильнаго составленія домашняго завѣщанія. Этими условіями они существенно отличаются отъ крѣпостныхъ завѣщаній, для которыхъ, какъ составленныхъ и являемыхъ самимъ завѣщателемъ при крѣпостныхъ дѣлахъ, означенныя условія большею частію излишни, ибо здѣсь составленіе акта совпадаетъ съ самимъ засвидѣтельствованіемъ. Поэтому, не останавливаясь на составленіи крѣпостныхъ завѣщаній, мы переходимъ прямо къ порядку явки или засвидѣтельствованію завѣщаній какъ домашнихъ, такъ и крѣпостныхъ.

ЯВКА ЗАВѢЩАНІЙ.

Мы уже сказали, что завѣщанія представляются въ срокъ тѣми, въ чьихъ рукахъ они находятся. Имѣющій на сбереженіи завѣщаніе, долженъ представить его въ Гражданскую Палату при прошеніи, написанномъ по обыкновенной формѣ, съ приложеніемъ и свидѣтельства о смерти завѣщателя или отъ мѣстной полиціи, или отъ священнослужителей, совершавшихъ погребеніе, съ копіями этихъ приложеній и съ представленіемъ столькихъ листовъ гербовой бумаги, сколько нужно для производства дѣла. Въ этомъ же прошеніи должно быть обозначено мѣсто жительства писца и свидѣтелей для допроса, а также и цѣна завѣщанному имѣнію если только она не обозначена въ самомъ завѣщаніи. Хотя въ законодательствѣ и не говорится о допросѣ писца въ домашнихъ завѣщаніяхъ, но Гражданскія Палаты считаютъ его необходимымъ, основываясь на томъ, что такой допросъ требуется закономъ при засвидѣтельствованіи крѣпостныхъ завѣщаній и на томъ разсужденіи, что если необходимо подтвержденіе отъ свидѣтелей подлинности воли завѣщателя и его здраваго ума и памяти, то тѣмъ болѣе такое подтвержденіе необходимо отъ лица, передавшаго эту волю. Получивъ прошеніе, присутственное мѣсто, при соблюденіи всѣхъ относящихся сюда правилъ дѣлопроизводства, составляетъ на эту просьбу журнальное постановленіе, въ которомъ опредѣляетъ предписать тѣмъ полиціямъ, въ вѣдомствѣ коихъ находится мѣсто жительства свидѣтелей, чтобы онѣ объявили этимъ послѣднимъ о явкѣ въ Палату для произведенія имъ допроса въ подтвержденіе завѣ-

щанія, а между тѣмъ опредѣляется вынести справки о завѣщаемомъ имѣніи по запретительнымъ книгамъ. Справка изъ запретительныхъ книгъ именно не требуется закономъ для утвержденія завѣщаній, но судебныя мѣста дѣлаютъ ее потому, что въ случаѣ лежащаго на имѣніи запрещенія отъ Опекунскаго Совѣта или какого-либо другаго кредитнаго установленія спрашиваютъ согласія того мѣста. Они дѣлаютъ это на основаніи общаго наставленія о совершеніи и засвидѣтельствованіи актовъ. Впрочемъ такъ какъ отношеніе постановленныхъ здѣсь общихъ правилъ къ подробному изложенію каждаго акта въ отдѣльности законодательствомъ не опредѣлено, то въ практикѣ по настоящему предмету встрѣчаются иногда недоумѣнія. Въ настоящемъ однако случаѣ не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, имѣя въ виду ст. 790 Зак. Гражд., гдѣ сказано, что на заложенныя въ кредитныхъ установленіяхъ недвижимыя имѣнія никакихъ актовъ, по которымъ тѣ имѣнія отъ одного лица переходятъ во владѣніе къ другому, присутственныя мѣста сами собою совершать не должны, но обязаны предварительно имѣть на то согласіе этихъ установленій. По явкѣ писца и свидѣтелей въ присутственное мѣсто, имъ дѣлается въ самомъ присутствіи допросъ: дѣйствительно ли такова была воля завѣщателя, и дѣйствительно ли они подписались свидѣтелями подъ тѣмъ завѣщаніемъ и былъ ли въ то время завѣщатель въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Такой допросъ подтверждается ихъ письменнымъ показаніемъ. Нѣкоторыя присутственныя мѣста помѣщаютъ еще въ это показаніе объявленіе свидѣтеля, что онъ не находится въ родствѣ и вообще, что онъ по закону можетъ быть свидѣтелемъ. Но такого требованія въ законѣ нѣтъ и потому это соблюдается только немногими присутственными мѣстами. Допросъ или показаніе подписывается членами присутствія и потомъ подшивается къ дѣлу, безъ внесенія въ журналъ. Самая явка свидѣтеля не оглашается отъ него прошеніемъ и также не вносится въ журналъ. По подтвержденіи всѣми свидѣтелями или только достаточнымъ числомъ ихъ (завѣщаніе, какъ мы видѣли, можетъ быть засвидѣтельствовано и безъ подтвержденія воли завѣщателя свидѣтелями, въ случаѣ ихъ смерти, если только оно не оспаривается) и по полученіи согласія Опекунскаго Совѣта, канцеляріею Палаты составляется докладъ, резолюціею на который опредѣляется засвидѣтельствовать завѣщаніе на основаніи

относящихся сюда статей Свода Законовъ. Докладъ вносится въ журналъ и, по просмотрѣ его прокуроромъ, приводится въ исполненіе. Исполненіе заключается во внесеніи содержанія завѣщанія отъ слова до слова въ крѣпостную книгу, со взятіемъ пошлинъ, о количествѣ которыхъ скажемъ ниже. Послѣ этого полагается на самомъ завѣщаніи надпись о явкѣ и запискѣ его въ книгу, за тѣмъ эта надпись подписывается наличными присутствующими и самое завѣщаніе выдается представившему его къ утвержденію или наслѣднику, или душеприкащику, съ роспискою въ книгѣ.

Что касается до крѣпостныхъ завѣщаній, то вотъ какія правила постановлены въ отношеніи къ нимъ въ дѣйствующихъ законахъ. Завѣщаніе крѣпостное пишется на гербовой низшаго достоинства бумагѣ (1). Но низшаго достоинства гербовая бумага въ 15 к. для производства и въ 90 к. для актовъ. На какой же должно быть писано крѣпостное завѣщаніе? Въ практикѣ обыкновенно оно пишется на 90 к. листѣ на томъ основаніи, что какъ завѣщаніе совершается крѣпостнымъ порядкомъ, то оно должно быть и писано на крѣпостной бумагѣ. Завѣщаніе должно быть или все написано рукою завѣщателя, или собственноручно имъ подписано, и лично имъ представлено въ Магистратъ, Уѣздный Судъ, или въ Гражданскую Палату, или въ мѣста имъ равныя, въ самое присутствіе ихъ, а не на дому завѣщателя (2). Обыкновенно завѣщатели представляютъ къ засвидѣтельствованію свои завѣщанія при прошеніяхъ, которыя заслушиваются въ журналѣ того же дня. Въ томъ случаѣ, когда завѣщатель тому присутственному мѣсту лично неизвѣстенъ, то съ нимъ должны явиться два свидѣтеля, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ долженъ быть извѣстенъ Суду. Они подписью своей подъ завѣщаніемъ удостовѣряютъ судъ въ тождествѣ лица завѣщателя (3). Въ журнальномъ постановленіи на прошеніе завѣщателя излагается распоряженіе о допросѣ завѣщателю, точно ли завѣщаніе имъ подписано и содержитъ его волю (4). Допросъ пишется по той же формѣ, какъ въ домашнихъ завѣщаніяхъ свидѣтелямъ, и подписывается присутствующими. Эти постановленія относятся до завѣщаній, написанныхъ или подписанныхъ

(1) Гражд. Зак., ст. 1033.—(2) Тамъ же, ст. 1036.—(3) Тамъ же, ст. 1037.—(4) Тамъ же, ст. 1038.

самимъ завѣщателемъ; когда же онъ или неграмотенъ, или по болѣзни не можетъ подписать завѣщанія и оно подписано другимъ, то требуется, чтобы въ подписи было означено за неумѣніемъ ли завѣщателя или за болѣзнію сдѣлана та подпись и въ этомъ случаѣ явка завѣщателя въ судъ должна быть вмѣстѣ съ рукоприкладчикомъ и самый допросъ дѣлается не только завѣщателю въ томъ, что все написанное составляетъ его послѣднюю волю, но и подписавшемуся въ томъ, что та подпись дѣйствительно его и по означеннымъ причинамъ (1). Отсюда видно, что главное условіе крѣпостнаго завѣщанія есть явка самого завѣщателя въ судъ для допроса (2). По отобраніи допроса крѣпостное завѣщаніе, точно также какъ и домашнее, вписывается въ книгу, берутся пошлины и выдается завѣщателю съ роспискою въ книгѣ (3). Хранится это завѣщаніе или у самого завѣщателя, или у кого нибудь другаго, или вносится на сбереженіе въ Опекунскій Совѣтъ Воспитательнаго Дома, въ Попечительный Комитетъ Человѣколюбиваго Общества или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія (4).

Все изложенное нами опредѣлительно выражаетъ внѣшнее значеніе завѣщанія. Что касается до значенія распоряженій, помѣщаемыхъ въ завѣщаніяхъ, то въ общихъ положеніяхъ законодательства о духовныхъ говорится, что если въ завѣщаніи допущены распоряженія, законамъ противныя, то сіи распоряженія суть недѣйствительны; но при семъ всѣ другія распоряженія, законамъ не противныя, остаются въ своей силѣ (5). Далѣе въ статьяхъ о явкѣ крѣпостныхъ завѣщаній сказано: явкою завѣщанія въ судѣ и запискою его въ книгѣ удостовѣряется только подлинность завѣщанія, но не утверждается тѣмъ законность содержащихся въ немъ распоряженій. Посему, при явкѣ къ свидѣтельству завѣщаній, не слѣдуетъ входить въ разсмотрѣніе самыхъ распоряженій завѣщателя, но наблюдать только за тѣмъ, сохранены ли въ составленіи завѣ-

---

(1) Зак. Гражд. ст. 1046. — (2) Исключеніе изъ этого правила сдѣлано для губерній Черниговской и Полтавской, гдѣ, въ случаѣ болѣзни, дозволяется завѣщателю просить подвѣдомственный судъ принять сознаніе духовнаго завѣщанія на дому; и если невозможно всѣмъ членамъ суда быть при такомъ сознаніи, то достаточно и одного, но тогда должны быть приглашены еще два свидѣтеля, имѣющіе право быть къ тому допущенными (Зак. Гр. ст. 1045).— (3) Зак. Гр., ст. 1039 и 1040.—(4) Тамъ же, ст. 1043.—(5) Тамъ же, ст. 1029.

щанія установленныя закономъ формы. На подлинность завѣщаній, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныхъ, не пріемлются въ послѣдствіи никакія возраженія; но симъ не пресѣкаются споры о законности распоряженій: споры сіи должны быть разбираемы установленнымъ для сего судебнымъ порядкомъ, если предъявлены будутъ въ надлежащіе сроки (1). Но удостовѣряетъ ли явка законность распоряженій, помѣщенныхъ въ домашнихъ завѣщаніяхъ, объ этомъ ничего не упомянуто: Отсюда возникаетъ вопросъ: должны ли утверждаться распоряженія домашняго завѣщанія, или, точно также какъ при крѣпостныхъ, утверждается только одна подлинность, т. е. другими словами, присутственное мѣсто, свидѣтельствующее домашнее завѣщаніе, должно ли обращать вниманіе на распоряженія завѣщанія или только на одну форму его? Юристы-практики разрѣшаютъ этотъ вопросъ различно. Одни говорятъ, что присутственное мѣсто непремѣнно должно обращать вниманіе на законность распоряженій домашняго завѣщанія и хотя само оно не входитъ по этому предмету въ какія либо изслѣдованія, но тѣмъ не менѣе не можетъ свидѣтельствовать тѣхъ распоряженій, которыя сами по себѣ законамъ противны. Въ этомъ случаѣ они основываются: 1) на томъ, что само законодательство въ общихъ положеніяхъ о духовныхъ сказало, что распоряженія законопротивныя недѣйствительны, и въ то же время не стѣсняетъ дѣйствительности другихъ законныхъ распоряженій; 2) на самомъ молчаніи объ этомъ законодательства, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ крѣпостнымъ завѣщаніямъ оно прямо опредѣлило значеніе распоряженій; поэтому, думаютъ они, распространять статью о крѣпостныхъ завѣщаніяхъ и на домашнія было бы уже дѣло произвольное; 3) статьею 769 Зак. Гр. постановлено вообще непремѣннымъ правиломъ, чтобы не были совершаемы акты, содержащіе въ себѣ распоряженія, законамъ противныя, а статьею 883 повелѣно не свидѣтельствовать акта, когда найдены будутъ въ немъ распоряженія противозаконныя, и 4) допущеніемъ засвидѣтельствованія завѣщанія съ противозаконными распоряженіями утвердится нѣкоторымъ образомъ самимъ закономъ несправедливость и въ послѣдствіи повлечетъ въ безконечныя тяжбы, между тѣмъ какъ онѣ могутъ

(1) Зак. Гражд., ст. 1042.

быть предупреждены. По мнѣнію этихъ юристовъ домашнія завѣщанія съ противозаконными распоряженіями вовсе не должны быть свидѣтельствуемы, тѣ же завѣщанія, гдѣ только нѣкоторыя распоряженія противны законамъ, хотя и свидѣтельствовать, но съ оговоркою въ надписи явки о незасвидѣтельствованіи незаконныхъ распоряженій, подобно тому какъ это дѣлается съ приписками, сдѣланными не рукою завѣщателя. Другіе напротивъ доказываютъ, что и при свидѣтельствованіи домашняго завѣщанія присутственныя мѣста должны только смотрѣть на одну форму завѣщаній, не касаясь до его распоряженій; что помѣщенная въ общемъ положеніи статья о недѣйствительности незаконныхъ распоряженій вовсе не относится къ свидѣтельству, а даетъ только гарантію справедливымъ требованіямъ законныхъ наслѣдниковъ. Статья эта основана на узаконеніи Екатерины I, 1725 г., которое имѣетъ въ виду исполненіе завѣщаній, слѣдовательно такое же значеніе должна имѣть и настоящая статья. Молчаніе же законодательства о необращеніи вниманія на законность распоряженій въ домашнихъ завѣщаніяхъ показываетъ только ошибку въ редакціи. Впрочемъ законодательство могло не считать нужнымъ повторять это за существованіемъ въ общемъ положеніи статьи о недѣйствительности незаконныхъ распоряженій, а не о незасвидѣтельствованіи такихъ распоряженій. Притомъ нѣтъ основанія къ различенію крѣпостныхъ завѣщаній отъ домашнихъ въ отношеніи заключающихся въ нихъ распоряженій. Какъ тѣ, такъ и другія служатъ выраженіемъ послѣдней воли собственника и законодательство желаетъ только, чтобы эта воля была выражена въ опредѣленной формѣ, т. е. желаетъ сколько возможно болѣе дать увѣренности въ подлинности этой воли. Что же касается до распоряженій, то они, какъ и всякія имущественныя дѣйствія, подлежатъ оспариванію. Статьи же 769 и 883 относятся, первая до актовъ крѣпостныхъ, а другая до явочныхъ; завѣщанія же, по своей сущности, имѣютъ особенное значеніе; даже само законодательство не выразилось ясно къ какому роду актовъ должно быть причислено домашнее завѣщаніе. Наконецъ, не должно смѣшивать совершенно различныхъ понятій утвержденія и явки. Если бы завѣщанія утверждались, тогда должно было бы входить въ разсмотрѣніе и законности распоряженія. При явкѣ же должно быть обращаемо вниманіе только на одну форму.

Относительно этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній нельзя не сказать, что каждое изъ нихъ имѣетъ свою долю правды; но разрѣшеніе въ настоящемъ случаѣ недоумѣнія очень важно въ практическомъ отношеніи: возьмемъ для примѣра различныя послѣдствія, какія могутъ произойти отъ различнаго взгляда на значеніе утвержденія Палатою завѣщанія по вопросу объ удовлетвореніи за неправильное владѣніе.

Разсматривая завѣщательное право исторически, нельзя не согласиться, что присутственныя мѣста при свидѣтельствѣ завѣщаній должны обращать вниманіе только на форму. Въ древнемъ періодѣ завѣщательное право было вполнѣ право обычное: въ обычаѣ держалась обязательная сила послѣдней воли собственника. Во второмъ періодѣ хотя и явились законоположенія о завѣщаніяхъ, но они преимущественно касались формы: законодательство все еще расчитывало на обычную силу завѣщаній, а потому присутственныя мѣста и должны были только обращаться къ подлинности распоряженій. Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ узаконеній видно, что были споры о незаконности распоряженій, но не было жалобъ о неправильномъ свидѣтельствѣ. Это направленіе перешло и въ дѣйствующій Сводъ Законовъ. Но наоборотъ нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что разсужденія присутственныхъ мѣстъ при свидѣтельствѣ завѣщаній о законности выраженныхъ въ нихъ распоряженій, на основаніи правилъ о свидѣтельствѣ вообще актовъ, имѣли бы полезные результаты. Много бы не явилось тяжебъ, раззоряющихъ самихъ тяжущихся.

Мы выше говорили, что при запискѣ въ книгу завѣщанія взыскиваются различнаго рода пошлины. Эти пошлины заключаются: въ крѣпостныхъ, положенныхъ при всякомъ переходѣ имущества отъ одного собственника къ другому, канцелярскихъ, взимаемыхъ за написаніе акта у крѣпостныхъ дѣлъ, публикаціонныхъ при переходѣ недвижимаго имѣнія, и на измѣненіе запрещеній. Наше законодательство опредѣляетъ, что во всѣхъ вообще случаяхъ, гдѣ полагается платежъ крѣпостныхъ пошлинъ, онѣ должны быть взимаемы съ цѣны переходящаго по акту имѣнія, или съ суммы, означенной въ актѣ, по четыре процента, независимо отъ числа лицъ, участвующихъ въ совершеніи акта (1). Такъ какъ пошлина эта взы-

(1) Т. V, Уст. о пошл., ст. 395.

скивается при переходѣ имущества, то само собою слѣдуетъ, что она не должна быть брата при засвидѣтельствованіи крѣпостнаго завѣщанія, какъ совершаемаго при жизни самого завѣщателя и могущаго быть имъ нѣсколько разъ измѣняемо. И въ практикѣ всегда по этимъ завѣщаніямъ взыскивается пошлина при вводѣ во владѣніе. При запискѣ же домашняго завѣщанія въ крѣпостную книгу нѣкоторыя присутственныя мѣста берутъ крѣпостную пошлину, а другія не берутъ. Это различіе въ дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ зависитъ отъ взгляда ихъ на завѣщанія, о чемъ мы недавно говорили. Тѣ мѣста, которыя смотрятъ на явку какъ на утвержденіе, и при засвидѣтельствованіи домашнихъ завѣщаній, относительно заключающихся въ нихъ распоряженій, руководствуются общими правилами о засвидѣтельствованіи актовъ, а потому принимаютъ и пошлину. Основаніемъ этому служатъ еще ст. 417 и 418 (¹), которыми повелѣно: крѣпостныя пошлины взыскивать всегда въ томъ самомъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ актъ совершенъ или написанъ, и крѣпостныя пошлины съ актовъ о передачѣ и пріобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ взимать при самомъ совершеніи сихъ актовъ. Тѣ же присутственныя мѣста, которыя смотрятъ на явку какъ на удостовѣреніе только подлинности, предоставляютъ взысканіе той пошлины при вводѣ во владѣніе. Послѣднее сужденіе совершенно согласно съ тѣмъ значеніемъ, которое даетъ наше законодательство завѣщательнымъ актамъ, хотя въ практикѣ взиманіе пошлинъ при запискѣ считается удобнѣе. Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ сомнѣнія быть не должно, ибо въ Сводѣ законовъ прямо выражено: съ духовныхъ завѣщаній крѣпостныя пошлины взимать при вступленіи по онымъ во владѣніе имѣніемъ; но когда принадлежащія въ Россіи иностранцамъ имѣнія и капиталы завѣщаны также иностранцамъ, то пошлину взимать при самой запискѣ предъявляемаго завѣщанія въ книгу, безъ чего оное и совершено быть не можетъ (²). Однако въ отношеніи къ иностранцамъ встрѣчается вопросъ: если иностранецъ нѣсколько разъ измѣнилъ свое крѣпостное завѣщаніе, то долженъ ли онъ столько же разъ платить и пошлины?

Для опредѣленія суммы, съ которой должны быть взысканы крѣпостныя пошлины, участвующіе въ переходѣ имѣнія обязаны при

(¹) Т. V Уст. о пошл. изд. 1857 г.—(²) Тамъ же, ст. 419.

совершеніи акта объявить истинную тому имѣнію цѣну, по совѣсти, подвергаясь за утайку взысканію двойныхъ съ утаенной суммы пошлинъ. Цѣну же имѣнія, переходящаго по духовному завѣщанію, долженъ объявить по совѣсти или самъ завѣщатель въ своей духовной, или наслѣдникъ при дѣйствительномъ вступленіи во владѣніе завѣщаннымъ имѣніемъ (¹). Но для предупрежденія утаекъ, а слѣдовательно и ущерба казенныхъ сборовъ, установлена особая законная оцѣнка различнымъ родамъ имѣній, ниже которой они не могутъ быть писаны въ крѣпостяхъ, хотя бы имѣніе продавалось или переходило за низшую противъ оцѣнки сумму. Поэтому всѣ мѣста, свидѣтельствующія крѣпостные акты, обязаны наблюдать, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительная цѣна имѣнію, объявленная въ актѣ, превышаетъ установленную оцѣнку, крѣпостныя пошлины изчисляли съ объявленной суммы; если же цѣна эта менѣе оцѣнки, то крѣпостныя пошлины взимаются съ послѣдней. Нашимъ законодательствомъ оцѣнка установлена для заселенныхъ имѣній, для крѣпостныхъ людей безъ земли, для земли незаселенной, для домовъ, лавокъ, фабрикъ, заводовъ, мельницъ, и т. п. (²). Въ актахъ о переходѣ заселенныхъ имѣній цѣна имъ должна быть означена по количеству ревизскихъ въ нихъ душъ мужескаго пола, оцѣнка которыхъ установлена табелью по классамъ губерній, независимо отъ количества земли, въ заселенномъ имѣніи находящейся, и безъ всякаго расчисленія пропорціи земли на души. Табель раздѣляетъ губерніи на 6 классовъ, въ которыхъ назначаетъ оцѣнку ревизской мужескаго пола души въ 1-мъ классѣ въ 150 р., во 2-мъ въ 120 р., въ 3-мъ въ 105 р., въ 4-мъ въ 90 р., въ 5-мъ въ 75 р. и въ 6-мъ въ 60 руб. 1-й классъ составляютъ только 2 губерніи: Московская и Петербургская; 2-й классъ: Астраханская, Воронежская, Волынская, Екатеринославская, Казанская, Кіевская, Курская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Харьковская, Таврическая, Тамбовская, Тульская, Калужская, Херсонская, Подольская и Земля войска Донскаго; 3-й классъ: Полтавская, Черниговская, Ярославская, Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская; 4-й классъ: Владимірская, Вологодская, Вятская, Костромская, Новгородская, Пермская,

(¹) Т. V Уст. о пошл., ст. 397.—(²) Тамъ же, ст. 399—405.

Смоленская, Тверская; 5-й классъ: Витебская, Могилевская, Олонецкая и Псковская; 6-й классъ: Архангельская, Иркутская, Тобольская, Томская и Закавказскій край. Въ актахъ о переходѣ безъ земли крѣпостныхъ людей мужескаго пола, записанныхъ въ ревизію, цѣна имъ исчисляется на томъ же основаніи, какъ и при передачѣ ихъ съ землею. Цѣна женскому полу полагается противъ мужескаго въ половину, а рожденнымъ послѣ ревизіи обоего пола въ половину противъ людей одного съ ними пола, въ ревизіи числящихся; но крѣпостныя пошлины исчисляются съ лицъ женскаго пола тогда только, когда они передаются отдѣльно отъ мужескаго, а съ рожденныхъ послѣ ревизіи, когда передача ихъ совершается отдѣльно отъ ревизскихъ душъ. Въ актахъ о переходѣ незаселенныхъ земель и другихъ угодій должно быть означено количество десятинами и саженями, а цѣны каждой десятины пишутся не менѣе опредѣленныхъ табелью по классамъ губерній, считая притомъ полудесятину за цѣлую и не принимая вовсе въ исчисленіе меньшаго полдесятины количества; когда же переходитъ земля неизвѣстной мѣры, то должно быть объясняемо о томъ въ совершаемомъ актѣ, показывая цѣну по совѣсти. Табель же раздѣляетъ губерніи на 6 классовъ, въ которыхъ назначаетъ оцѣнку десятины въ 1-мъ классѣ въ 10 р. 50 к., во 2-мъ въ 9 р., въ 3-мъ въ 7 р. 50 к., въ 4-мъ въ 4 р. 50 к., въ 5-мъ въ 3 р, и въ 6-мъ въ 1 р. 50 к. Первый классъ составляютъ губерніи: Московская и Петербургская; 2-й классъ: Волынская, Воронежская, Казанская, Кіевская, Курская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Подольская, Рязанская, Симбирская, Тамбовская и Тульская; 3-й классъ: Ковенская, Виленская, Гродненская, Калужская, Минская, Полтавская, Черниговская, Ярославская и Костромская; 4-й классъ: Витебская, Владимірская, Могилевская, Псковская, Саратовской нагорная сторона Волги, Харьковская, Смоленская, Тверская и Земля войска Донскаго; 5-й классъ: Астраханская, Вологодская, Вятская, Екатеринославская, Новгородская, Оренбургская, Пермская, Таврическая, Херсонская и Бессарабская область; 6-й классъ: Ставропольская, Архангельская, Олонецкая, Саратовской луговая сторона Волги, (Самарская), Иркутская, Енисейская, Тобольская, Томская и Закавказскій край. Съ домовъ, лавокъ и другихъ городскихъ имѣній крѣпостныя пошлины взимаются по цѣнѣ объявленной, или

же по цѣнѣ, означенной въ городскихъ оцѣночныхъ табеляхъ, если эта цѣна выше объявленной. Цѣна фабрикъ, заводовъ, мельницъ, рыбныхъ и соляныхъ промысловъ опредѣляется по сложности дохода послѣднихъ десяти лѣтъ, за вычетомъ издержекъ, употребленныхъ на содержаніе ихъ и производство работъ; если же эти заведенія существовали менѣе десяти лѣтъ до перехода ихъ въ другія руки, то для опредѣленія имъ цѣны должно брать въ десять разъ доходъ послѣдняго передъ переходомъ ихъ года, основываясь впрочемъ въ исчисленіи дохода въ обоихъ случаяхъ на показаніи лицъ, въ переходѣ участвующихъ. При переходѣ всѣхъ этихъ имѣній крѣпостныя пошлины взыскиваются съ цѣны имѣнія, безъ исключенія лежащихъ на немъ долговъ (1).

Относительно взиманія крѣпостныхъ пошлинъ съ денежныхъ капиталовъ, не представляется никакого затрудненія; только въ этомъ случаѣ надобно замѣтить, что при утвержденіи завѣщаній на капиталы, обращающіеся въ банковыхъ установленіяхъ, пошлины должно исчислять не съ однихъ тѣхъ капиталовъ, но и съ процентовъ, причитающихся по день смерти завѣщателя (2).

Крѣпостныя пошлины, по значенію своему, взыскиваются при всякомъ переходѣ имущества; но наше законодательство изъ этого общаго правила дѣлаетъ нѣсколько исключеній, въ особенности по завѣщательному праву. Признавая права рода на имущество завѣщателя, законы налагаютъ обязанность платить крѣпостныя пошлины только на тѣхъ изъ получающихъ по завѣщанію наслѣдство, которые по закону не имѣли бы на него права. Поэтому съ имѣній родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ и денежныхъ капиталовъ, переходящихъ со смертію владѣльца по духовному завѣщанію къ ближайшимъ его наслѣдникамъ, которые и безъ завѣщанія имѣли бы право на наслѣдство, не должны быть взыскиваемы крѣпостныя пошлины, хотя бы также отказывались въ завѣщаніи какіе либо денежные платежи или выдачи или завѣщаніемъ предоставляемо было ближайшему наслѣднику все вообще имѣніе, а не одна законная его часть, съ обойденіемъ другихъ, состоящихъ въ равной степени родства; но съ недвижимыхъ имѣній или денежныхъ капиталовъ, которые, мимо ближайшихъ законныхъ наслѣдниковъ, завѣщаются

---

(1) Т. V Уст. о пошл., ст. 409.—(2) Тамъ же, 373.

дальнимъ или въ постороннія руки, пошлины должны быть взыскиваемы на общемъ основаніи ([1]). Равнымъ образомъ и супругъ, какъ имѣющій право на 7-ю часть другаго супруга, съ этой части не платитъ крѣпостныхъ пошлинъ. Кромѣ того наше законодательство въ видахъ вспомоществованія освобождаетъ иногда отъ платежа этихъ пошлинъ,—такъ не взыскиваются пошлины съ капиталовъ, завѣщанныхъ инвалидамъ, сиротамъ и бѣднымъ людямъ и въ пользу благотворительныхъ заведеній или на бѣдныхъ. Также освобождены отъ платежа пошлинъ капиталы, завѣщаемые на богоугодныя при Римско-Католическихъ церквахъ и монастыряхъ заведенія, равно на построеніе и возобновленіе тѣхъ церквей и монастырей, не распространяя такого освобожденія на капиталы, назначаемые на содержаніе монаховъ и священниковъ. Поэтому требуется въ завѣщаніяхъ такого рода именно опредѣлять для какого предмета и сколько назначается ([2]). При этомъ случаѣ должно замѣтить, что въ практикѣ иногда распространяется совершенно неправильно дѣйствіе приведеннаго сейчасъ правила на православныя церкви и монастыри. Далѣе, по особой привиллегіи, освобождаются отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ обращаемыя по завѣщаніямъ въ пользу Приказовъ Общественнаго Призрѣнія или подвѣдомственныхъ имъ благотворительныхъ заведеній движимыя и недвижимыя имѣнія и капиталы; равнымъ образомъ и тѣ завѣщанія, по которымъ училищное начальство пріобрѣтаетъ дома или иныя имущества для Университетовъ и другихъ казенныхъ учебныхъ заведеній, или же когда завѣщаются денежныя суммы, какъ на обыкновенные расходы въ этихъ заведеніяхъ, такъ и съ особыми назначеніями на покупку библіотекъ и другихъ собраній, на содержаніе бѣдныхъ учениковъ, на прибавку къ жалованію учителямъ ихъ, къ пенсіямъ ихъ вдовъ ([3]), и т. д. Все это распространяется и на учебныя заведенія, подвѣдомственныя духовному начальству ([4]). Освобождаются также отъ платежа пошлинъ обращаемыя по завѣщаніямъ или дарственнымъ записямъ движимыя и недвижимыя имущества въ пользу Дѣтскихъ Пріютовъ и заведеній, подвѣдомственныхъ Московскому Попечительству о бѣдныхъ ([5]).

([1]) Т. V Уст. о пошл., ст. 372.—([2]) Тамъ же, ст. 377.—([3]) Тамъ же, ст. 388 и 389.—([4]) Тамъ же, ст. 390.—([5]) Тамъ же, ст. 388 п. 3 и 4.

Все сказанное нами до сихъ поръ относится до тѣхъ завѣщаній, по которымъ переходитъ право собственности; но мы видѣли, что по завѣщаніямъ могутъ переходить и принадлежностныя права собственности. Слѣдуетъ ли взыскивать крѣпостныя пошлины въ этомъ случаѣ? Сводъ Законовъ опредѣляетъ только одинъ тотъ случай, когда переходитъ имущество въ пожизненное владѣніе отъ мужа къ женѣ и обратно. Если имѣніе завѣщано отъ мужа женѣ только въ пожизненное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы по ея смерти поступило обратно въ родъ завѣщателя, то при отдачѣ женѣ сего имѣнія крѣпостныхъ пошлинъ не взыскивать. Но если имѣніе должно по завѣщанію перейти не въ родъ завѣщателя и владѣніе супруга не пожизненное, а ограничивается только опредѣленнымъ временемъ? Кажется и въ такомъ случаѣ не должно взыскивать; но законодательство этого не опредѣляетъ. Если же жена такое имѣніе по предоставленному ей, завѣщаніемъ мужа, праву заложитъ, то при залогѣ взыскиваются и крѣпостныя пошлины, соразмѣрно закладываемой части; если же продастъ, то при продажѣ взыскиваются двойныя крѣпостныя пошлины (¹). Однимъ словомъ, когда къ владѣнію присоединяются и другія принадлежностныя права собственности, то они влекутъ за собою и платежъ казенныхъ сборовъ, опредѣленный за переходъ собственности. Кажется для примѣненія въ практикѣ было бы очень полезно если бы законодательство постановило въ этомъ смыслѣ общее правило.

Пошлина канцелярская, т. е. за написаніе акта у крѣпостныхъ дѣлъ, всегда принимается при самомъ засвидѣтельствованіи акта. Количество ея—три руб. сер., и эта сумма никогда не измѣняется, какъ бы ни велика была сумма акта (²).

Когда по свидѣтельствуемому акту переходитъ отъ одного лица къ другому право собственности на недвижимое имущество, то объ этомъ актѣ, по засвидѣтельствованіи его, публикуется въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, и на этотъ предметъ взимается при самомъ совершеніи акта три рубля страховыхъ, изъ которыхъ 1 р. 50. к. отправляется въ С.-Петербургскую и 1 р. 50. к. въ Московскую Сенатскія Типографіи для напечатанія объявленія (³). Въ практикѣ эти три рубля берутся при засвидѣтельствованіи домашняго

(¹) Т. V Уст. о пошл., ст. 375.—(²) Тамъ же, ст. 442.—(³) Зак. Гражд., ст. 761.

духовнаго завѣщанія, какъ акта, по которому недвижимое имущество несомнѣнно переходитъ къ другому владѣльцу. При свидѣтельствѣ же крѣпостныхъ завѣщаній присутственныя мѣста объявленій о совершеніи этихъ актовъ не печатаютъ на томъ основаніи, что предполагаемый актомъ переходъ недвижимаго имѣнія можетъ еще измѣниться.

Наконецъ при засвидѣтельствованіи домашняго завѣщанія взимается еще потребное количество денегъ на измѣненіе запрещенія, лежащаго на прежнемъ владѣльцѣ завѣщаемаго имѣнія.

ИСПОЛНЕНІЕ ДУХОВНЫХЪ ЗАВѢЩАНІЙ.

Наше законодательство опредѣляетъ, что духовныя завѣщанія исполняются: 1) душеприкащиками и 2) самими наслѣдниками по волѣ завѣщателя [1]. Это опредѣленіе требуетъ въ практическомъ отношеніи нѣкоторыхъ поясненій. Извѣстно, что въ завѣщаніяхъ иногда дѣлаются такія распоряженія, особенно въ денежныхъ капиталахъ, что исполненіе ихъ совершенно зависитъ отъ добросовѣстности исполнителя, напр. различныя денежныя выдачи, и т. п. Душеприкащикъ можетъ раздать завѣщанныя деньги по назначенію, можетъ и самъ воспользоваться ими. Поэтому если завѣщатель назначилъ душеприкащикомъ такое лице, которое не пользуется общимъ довѣріемъ и даже по закону не могло бы быть свидѣтелемъ при завѣщаніи, то можетъ ли быть уничтожено такое назначеніе завѣщателя? Назначеніе душеприкащиковъ можетъ имѣть значеніе только въ распоряженіяхъ имуществъ благопріобрѣтенныхъ, а въ распоряженіяхъ такого рода имуществъ власть собственника неограниченна, слѣдовательно и подлежать измѣненію ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Кромѣ того бываютъ такіе случаи, гдѣ душеприкащиками въ завѣщаніи назначены два или болѣе лицъ. Я знаю одно дѣло, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ по спору душеприкащиковъ между собою. Одна старушка духовнымъ завѣщаніемъ о своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи назначила душеприкащиками своего племянника и родственницу. Эти душеприкащики, сдѣлавшись впослѣдствіи врагами, никакъ

(1) Зак. Гражд., ст. 1084.

не могли условиться между собою о способахъ исполнить волю умершей. Посыпались отъ нихъ просьбы въ присутственныя мѣста съ доносами другъ на друга о намѣреніи воспользоваться личнымъ имуществомъ умершей и объ отстраненіи другъ друга отъ распоряженій. Началось дѣло, продолжалось нѣсколько лѣтъ и окончилось тѣмъ, что судебное мѣсто совершенно отказало въ смѣнѣ котораго либо изъ душеприкащиковъ на томъ именно основаніи, что воля завѣщателя, въ отношеніи благопріобрѣтеннаго имѣнія, не можетъ быть измѣняема. Между тѣмъ и имущество, чрезъ продажу котораго должно выручить деньги въ раздачу бѣднымъ, приходитъ все болѣе и болѣе въ ветхость и наконецъ потеряетъ всякую цѣнность. Тогда воля завѣщателя также не будетъ исполнена! Только по уваженію карантинныхъ правилъ наше законодательство запрещаетъ карантиннымъ чиновникамъ и служителямъ быть душеприкащиками лицъ, выдерживающихъ въ томъ карантинѣ срокъ (¹).

Но кромѣ частныхъ лицъ завѣщанія могутъ быть исполняемы различными установленіями и присутственными мѣстами. Законы подробно излагаютъ степень участія этихъ установленій и мѣстъ въ исполненіи завѣщаній; именно сюда принадлежатъ слѣдующія правила:

Завѣщанія, отдаваемыя для сохраненія въ Опекунскій Совѣтъ, или въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, исполняются ими: 1) когда это распоряженіе имъ предоставлено волею самого завѣщателя; 2) когда ввѣренное имъ завѣщаніе заключаетъ въ себѣ единственное распоряженіе о капиталахъ либо при томъ приложенныхъ или прежде внесенныхъ и обращающихся въ Сохранной Казнѣ или Приказѣ (²).—Московскій Попечительный о бѣдныхъ Комитетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества исполняетъ завѣщанія, внесенныя въ оный для храненія и сопряженныя съ пользою призрѣваемыхъ имъ бѣдныхъ, донося о томъ Совѣту Общества (³). Такой же Комитетъ въ С.-Петербургѣ имѣетъ право принимать въ пользу бѣдныхъ недвижимыя имущества, жертвуемыя по духовнымъ завѣщаніямъ, если только сіи завѣщанія существующимъ законамъ не противны; но о всѣхъ

(¹) Гражд. Зак., ст. 1067, п. 5, и ст. 1085.—(²) Тамъ же, ст. 1087.—(³) Тамъ же, ст. 1088.

такихъ пожертвованіяхъ, заключающихся въ недвижимомъ имѣніи, Комитетъ, предварительно принятія ихъ, представляетъ Совѣту Общества для испрошенія на то Высочайшаго соизволенія (1).

За исполненіемъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ содержатся пожертвованія въ пользу богоугодныхъ заведеній, наблюдаютъ Палаты Гражданскаго Суда и Приказы Общественнаго Призрѣнія (2).

Надзоръ за исполненіемъ духовныхъ завѣщаній, въ которыхъ сдѣлано пожертвованіе на богоугодныя дѣла, безъ точнаго означенія рода ихъ, поручается мѣстному, по состоянію имѣнія, Приказу Общественнаго Призрѣнія, а ближайшее опредѣленіе, на какіе предметы должны быть употребляемы такія пожертвованія, предоставляется Министерству Внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ же нахожденія завѣщаннаго имѣнія въ разныхъ губерніяхъ и самый надзоръ за исполненіемъ завѣщанія возлагается на это же Министерство (3).

О всѣхъ пожертвованіяхъ, дѣлаемыхъ по завѣщанію въ пользу тюремъ и содержащихся тамъ арестантовъ, слѣдуетъ доносить чрезъ начальниковъ губерній Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, которое увѣдомляетъ о томъ отъ себя Президента Комитета Попечительнаго о тюрьмахъ Общества, для зависящаго со стороны сего Комитета распоряженія о пріемѣ и употребленіи этихъ приношеній (4).

Въ случаѣ смерти содержимаго въ учрежденномъ въ С. Петербургѣ Исправительномъ Заведеніи или Рабочемъ Домѣ, оставленное имъ послѣ себя завѣщаніе приводится въ исполненіе на основаніи правилъ Устава о содержащихся подъ стражею (5).

Получаемыя Церковью по завѣщаніямъ или дарственнымъ записямъ суммы имѣютъ быть употребляемы не иначе, какъ на опредѣленное въ дарственной записи или въ завѣщаніи назначеніе. Гражданскія Палаты, по утвержденіи духовныхъ завѣщаній, дѣлаемыхъ въ пользу архіерейскихъ домовъ, церквей и монастырей, обязаны доставлять надлежащія выписки изъ тѣхъ духовныхъ завѣщаній въ епархіальныя Консисторіи (6).

(1) Гражд. Зак., ст. 1089.—(2) Тамъ же, ст. 1090.—(3) Правила сношенія по сему предмету Гражданскихъ Палатъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Приказовъ съ другими установленіями изложены въ Сводѣ же Зак. Гр. ст. 1091—1093.—(4) Тамъ же, ст. 1094.—(5) Тамъ же, ст. 1095.—(6) Тамъ же, ст. 1096.

Вводъ во владѣніе по духовному завѣщанію совершается на общемъ основаніи, именно для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ, пріобрѣтатель долженъ предъявить надлежащему присутственному мѣсту актъ укрѣпленія (1). Присутственныя мѣста, которымъ предъявляются акты на недвижимое имущество для ввода во владѣніе, суть: 1) Уѣздный Судъ, если имущество состоитъ въ уѣздѣ; 2) Городовой Магистратъ или Ратуша, по принадлежности, если имущество въ городѣ; 3) Заводская Контора, если имущество состоитъ въ горномъ вѣдомствѣ и если тамъ нѣтъ ни Магистрата, ни Ратуши, и 4) Гражданская Палата, если имущество состоитъ въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи. Въ столицахъ актъ можетъ быть предъявленъ для ввода во владѣніе въ Надворномъ Судѣ, если недвижимое имѣніе куплено въ другой губерніи (2). Если присутственное мѣсто признаетъ актъ дѣйствительнымъ и какъ спора о самомъ актѣ, такъ и запрещенія на переходъ имущества къ другому владѣльцу въ виду нѣтъ, то предписываетъ мѣстной полиціи пріобрѣтателя немедленно ввести во владѣніе, между тѣмъ прибиваетъ у дверей своихъ объявленіе, что такое-то недвижимое имущество перешло во владѣніе къ такому-то лицу по такому-то акту (3).

Самый вводъ совершается, на основаніи постановленныхъ для того правилъ, Временнымъ Отдѣленіемъ Земскаго Суда, которое, составивъ при этомъ вводный листъ, копію съ него, за своею скрѣпою, вручаетъ владѣльцу (4). Вводъ во владѣніе движимымъ имуществомъ совершается простымъ врученіемъ этого имущества пріобрѣтателю.

Все это относится впрочемъ къ тому случаю, когда на переходящее имущество не изъявлено спора, въ противномъ же случаѣ имѣютъ силу слѣдующія особенныя правила. Когда возникнетъ отъ кого либо споръ при самомъ предъявленіи въ присутственное мѣсто завѣщанія, или, по его утвержденіи, при вводѣ во владѣніе завѣщаннымъ имуществомъ: тогда спорное имѣніе поручается опекунскому управленію; но если при обоихъ сихъ дѣйствіяхъ спора ни отъ кого не будетъ, то имѣніе оставляется во владѣніи у того, кому оно завѣщано, и въ тоже время объявляется, чрезъ пу-

(1) Зак. Гр., ст. 925.—(2) Тамъ же, ст. 926.—(3) Тамъ же, ст. 927.—(4) Тамъ же, ст. 929.

бличныя вѣдомости, о утвержденіи завѣщанія и о вводѣ во владѣніе, дабы почитающіе себя въ правѣ оспаривать духовное завѣщаніе могли въ теченіи двухъ лѣтъ отъ дня публикаціи предъявить споръ; но тогда уже, хотя бы въ срокъ сей споръ и былъ начатъ, имѣніе, поступя во владѣніе по завѣщанію, въ опеку не берется, а подвергается единственно запрещенію въ письмѣ крѣпостей и всякаго рода сдѣлокъ. Но если въ теченіи двухгодичнаго времени никто со споромъ не явится, то послѣ сего никакого уже спора не допускается, и имѣніе оставляется въ собственности того, кому оно было завѣщано, и кто уже былъ введенъ во владѣніе. Для малолѣтныхъ срокъ этотъ считается со дня вступленія ихъ въ совершеннолѣтіе (1). Споры на духовныя завѣщанія въ благопріобрѣтенныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ допускаются въ двухъ только случаяхъ: или по извѣту въ фальшивомъ составленіи ихъ, или по яснымъ доказательствамъ, что имѣніе, названное благопріобрѣтеннымъ, есть родовое (2). При предъявленіи спора по завѣщанію, что имѣніе, названное въ немъ благопріобрѣтеннымъ, есть родовое, должны быть представлены акты или сдѣлана ссылка на судебныя опредѣленія, доказывающіе, что имѣніе, о которомъ происходитъ споръ, досталось завѣщателю по наслѣдству, или хотя по завѣщанію же, но отъ такого лица, по смерти котораго тотъ послѣдній завѣщатель былъ прямымъ и непосредственнымъ наслѣдникомъ, и если представленные акты окажутся неподверженными сомнѣнію, или ссылка подтвердится достовѣрною справкою, то спорное имѣніе, до рѣшенія дѣла, поручается опекунскому управленію. При всякомъ другомъ спорѣ, безъ помянутыхъ доказательствъ о свойствѣ завѣщаннаго имѣнія, оно оставляется во владѣніи по завѣщанію съ наложеніемъ только запрещенія до окончанія дѣла (3). Споры на завѣщанія въ денежныхъ капиталахъ и вещахъ всякаго рода, что тѣ капиталы или вещи суть родовые, ни въ какомъ случаѣ не принимаются и оставляются безъ всякаго производства (4).

Относительно самаго предъявленія споровъ по завѣщаніямъ въ нашихъ законахъ существуетъ правило, что судебныя мѣста сами

(1) Зак. Гражд., ст. 1098.—(2) Тамъ же, ст. 1099.—(3) Тамъ же, ст. 1100.—(4) Тамъ же, ст. 1103.

собою не могутъ входить въ разсмотрѣніе, родовое ли имѣніе завѣщателемъ отказывается или благопріобрѣтенное (1).

ОБЪ ОСОБЕННЫХЪ ЗАВѢЩАНІЯХЪ.

Въ заключеніе намъ остается сказать о тѣхъ завѣщаніяхъ, которыя составляютъ изъятіе изъ общаго правила. Они были уже, какъ мы видѣли, допущены еще до 1831 года, но послѣ того еще распространены въ дѣйствующихъ законахъ. Къ этимъ особеннымъ завѣщаніямъ принадлежатъ духовныя, написанныя въ походѣ, на корабляхъ, военныхъ и купеческихъ, за границей, въ госпиталѣ, въ Домахъ вдовьихъ и призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ, находящимися подъ арестомъ и въ карантинѣ.

Военные чиновники и вообще принадлежащіе къ арміи, находящейся въ походѣ за границей, имѣютъ право составлять духовныя завѣщанія и являть ихъ въ полковыхъ и другихъ военно-походныхъ канцеляріяхъ. Эти завѣщанія получаютъ силу крѣпостныхъ, но могутъ быть писаны на простой бумагѣ (2). Завѣщанія, составленныя на военномъ кораблѣ и другомъ казенномъ судиѣ во время похода, могутъ быть отданы на сохраненіе начальнику этого корабля или судна, или старшему по немъ, вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ или чиновникомъ; если же они и составлены съ вѣдома начальства, то получаютъ силу крѣпостныхъ, хотя бы написаны были и на простой бумагѣ,—составленныя же на купеческомъ судиѣ могутъ быть отдаваемы на сохраненіе корабельному писцу (клерку) вмѣстѣ съ капитаномъ корабля, шкиперомъ, или заступающимъ его мѣсто (3). Во всѣхъ этихъ случаяхъ завѣщанія должны быть отданы при двухъ свидѣтеляхъ и подписаны самимъ завѣщателемъ и тѣми, кому они отданы на сохраненіе. Если же завѣщатель не умѣетъ писать, или не можетъ подписать, то объ этомъ должно быть упомянуто въ рукоприкладствѣ на самомъ завѣщаніи (4).

Русскій подданный за границею можетъ совершать домашнее духовное завѣщаніе по обряду той страны, гдѣ оно будетъ писано, но съ явкою его при Россійской Миссіи или Консульствѣ. Такая явка замѣняетъ совершеніе духовныхъ завѣщаній у крѣпостныхъ

(1) Зак. Гр. ст. 1102.—(2). Тамъ же, ст. 1071.—(3) Тамъ же, ст. 1072 и 1073.—(4) Тамъ же, ст. 1074—1076.

дѣлъ, почему явленныя въ этомъ порядкѣ завѣщанія признаются въ силѣ крѣпостныхъ актовъ. Но духовное завѣщаніе, совершенное за границею объ имуществѣ, находящемся въ Россіи, приводится въ исполненіе не иначе, какъ по предъявленіи его въ судебномъ мѣстѣ, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ или жительство завѣщателя, или завѣщанное имѣніе (1).

Завѣщанія, составленныя домашнимъ порядкомъ въ военныхъ госпиталяхъ, по желанію больныхъ офицеровъ или нижнихъ чиновъ, считаются дѣйствительными, если они будутъ подписаны госпитальнымъ священникомъ, дежурнымъ врачемъ и дежурнымъ офицеромъ. Подобнымъ образомъ составляются духовныя завѣщанія и въ другихъ госпиталяхъ публичныхъ; гдѣ же нѣтъ дежурныхъ офицеровъ, вмѣсто ихъ завѣщаніе должно быть подписано смотрителемъ госпиталя или лицомъ, завѣдывающимъ госпиталемъ (2).

Домашнія духовныя завѣщанія вдовъ, живущихъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ Вдовьихъ Домахъ, и завѣщанія дѣвицъ, призрѣваемыхъ въ С.-Петербургскомъ Домѣ Призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія признаются дѣйствительными, если они засвидѣтельствованы священникомъ дома, смотрителемъ и врачемъ; впрочемъ дѣвицамъ не возбраняется писать духовныя завѣщанія и на основаніи общихъ правилъ (3).

Если находящійся подъ арестомъ вкладчикъ капитала, положеннаго въ Сохранную Казну, намѣренъ сдѣлать о такомъ капиталѣ завѣщаніе, то мѣста и лица, въ вѣдѣніи которыхъ онъ находится, должны способствовать ему въ выборѣ и приглашеніи свидѣтелей, по его желанію, хотя бы выборъ его палъ на членовъ какого либо правительственнаго мѣста и даже на самихъ Попечителей Сохранной Казны (4).

Духовныя завѣщанія, писанныя домашнимъ порядкомъ находящимися въ карантинѣ, почитаются дѣйствительными, если, по желанію выдерживающихъ карантинъ, будутъ подписаны, въ качествѣ свидѣтелей, начальствующимъ въ карантинѣ, коммисаромъ и медикомъ. По совершеніи и надлежащемъ очищеніи они могутъ быть отдаваемы для храненія въ правленіе карантина, которое и отвѣчаетъ за ихъ цѣлость и неизвѣстность (5).

П. ПОЛЕЖАЕВЪ.

(1) Зак. Гражд., ст. 1077—1079.—(2) Тамъ же, ст. 1081.—(3) Тамъ же, ст. 1082.—(4) Тамъ же, ст. 1080. —(5) Уст. Врачебн., ст. 1125.

НѢЧТО О МНОГОМЪ.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ.

Часть восточнаго берега Каспійскаго моря образуетъ довольно обширный полуостровъ, неупоминаемый ни въ одной географіи, но тѣмъ не менѣе имѣющій свою долю важнаго и полезнаго для человѣка: это полуостровъ Мангишлагъ,—каменное волнистое плато̀, довольно возвышенное надъ уровнемъ моря (*). Ни одинъ потокъ не стремится съ горъ; ни одна рѣка не орошаетъ страны; дождей перепадаетъ мало, и потому она суха, бѣдна растительностію, гнѣздящеюся кое-гдѣ по ложбинамъ и ущельямъ. Но вообще мѣстная флора такъ скудна и злаки сами по себѣ такъ сухи, жестки, такъ не похожи на цвѣтистые луга наши, что, повидимому, скотоводство здѣсь невозможно; и однако-же оно то и доставляетъ средство къ существованію кочеваго населенія—Киргизовъ и Туркменъ; мѣстный скотъ (верблюды, лошади, коровы, овцы и козы), не смотря на скудость пажити, здоровъ, силенъ, и рѣдко гдѣ можно найти такую вкусную баранину, какъ здѣсь. Случается, однако же, что молоко сильно отзывается полынемъ, который вмѣстѣ съ разными видами солянки составляетъ господствующее растеніе. Изъ кустарниковыхъ и древесныхъ породъ—кромѣ гребенщика и шелковицы—нѣтъ ничего.

Вода здѣшняя, добываемая изъ родниковъ и колодцевъ, болѣе или менѣе солоновата и у непривычныхъ къ ней производитъ разстройство желудка, порождаетъ цынготную болѣзнь; но туземцы не

(*) Западная оконечность, называемая Лбищемъ, имѣетъ 450 футъ отвѣсной вышины.

хвораютъ ни тѣмъ, ни другой; о злокачественныхъ лихорадкахъ,—этой язвы персидскаго берега, здѣсь и понятія не имѣютъ; и туземцы до того любятъ свою каменную пустыню, что даже тучные луга приволжья не въ состояніи были соблазнить нѣкоторыхъ изъ нихъ, чему мы приведемъ примѣръ въ послѣдствіи. Скажемъ же съ Пророкомъ: «Дивна дѣла Твоя Господи! вся премудростію сотворилъ еси!»—и не создалъ Ты пустопорожняго пространства, гдѣ бы не разливалась жизнь для прославленія вѣчной жизни—Твоего всесвятаго имени! . . . .

Вотъ общій очеркъ страны, и если вы пойдете въ виду береговъ полуострова, ничто не привлечетъ вашего взора, ничто не пробудитъ желанія побывать на этихъ сѣрыхъ негостепріимныхъ утесахъ.—Если бы не было заливовъ, двухъ на N сторонѣ, одного въ SO части и одного въ NW оконечности полуострова, то доступъ къ нему съ моря былъ бы возможенъ только въ самую тихую погоду, что однакоже рѣдко случается.

КАСПІЙСКІЕ РЫБАКИ И КУСОВЫЯ ЛОДКИ.

Старикъ Каспій,—море сердитое, не балуетъ своихъ питомцевъ, моряковъ, зефирами пастушескихъ идиллій; но за то и выработалъ онъ изъ всѣхъ поморцевъ отъ Урала до Чечня бравыхъ, безстрашныхъ людей, которые, занимаясь всю жизнь рыболовствомъ въ рѣкахъ и на морѣ, отдаютъ рѣшительное предпочтеніе парусу передъ весломъ, т. е. вѣтру передъ тишиной. И что за лихой народъ эти каспійскіе рыбаки! самъчетвертъ, много въ пятеромъ идутъ на ловлю въ открытое море; на глубинѣ 50, 70 и 100 саж. ставятъ снасть и на мелкую живую рыбу—тарань, насаженную на удочку, ловятъ настоящихъ морскихъ звѣрей, огромныхъ бѣлугъ, чѣмъ добываютъ себѣ кусокъ хлѣба, нерѣдко съ опасностію жизни . . . Этотъ промыселъ называется животнымъ отъ слова животь, наживка изъ живой рыбы; но чтобъ поддержать ее въ этомъ состояніи нужно почти безпрестанно накачивать свѣжую воду въ чанъ, въ которомъ она сидитъ: сколько же труда для малочисленнаго экипажа лодки и сколько опасностей преодолѣвать нужно для пріобрѣтенія добычи? . . . Если прибавимъ къ этому, что суда отважныхъ пловцовъ строятся ту-

земными, неучеными мастерами не толще, какъ изъ тройниковыхъ досокъ, но совершенно особенной конструкціи, до того приспособленной къ характеру моря, что могутъ отстаиваться на якорѣ въ какой угодно вѣтеръ на глубинѣ 100 и 120 саж., и что всѣ навигаціонныя пособія рыбаковъ въ ихъ морскихъ плаваніяхъ ограничиваются компасомъ, то какъ не подивиться уму-разуму однихъ, молодецкой удали другихъ, и какъ не признать въ народѣ нашемъ его неподражаемаго умѣнія приспособлять и приспособляться, доводить иногда первое до степени творчества? . . . Вотъ, напримѣръ, мы привыкли къ подражанію иностранцамъ и въ слѣпотѣ невѣдѣнія о своемъ народѣ и отечествѣ полагаемъ, что уже рѣшительно ни въ чемъ не можемъ служить образцами, и однакожъ ни въ какомъ морѣ нѣтъ судовъ, какъ каспійскія кусовыя лодки, простыми мужичками придуманныя: это настоящія морскія чайки, съ большими парусами, вмѣсто длинныхъ крыльевъ!—Прошу извинить меня за отступленіе, вызванное сочувствіемъ къ доблести темныхъ людей, доблести, тѣмъ болѣе заслуживающей уваженія, что сами они умѣютъ только быть молодцами на дѣлѣ, но хвастать и толковать объ этомъ не станутъ!

ЗАЛИВЪ, НАИБОЛѢЕ ПОСѢЩАЕМЫЙ, И ЕГО ОКРЕСТНОСТЬ.

Мы сказали, что доступъ на полуостровъ возможенъ только чрезъ заливы. Но изъ всѣхъ четырехъ наиболѣе и почти исключительно посѣщается только тотъ, что на западной оконечности полуострова. Это собственно небольшая бухта, закрытая отъ волненія, а отчасти и отъ вѣтра, образуемая съ сѣверной стороны горнымъ кряжемъ, а съ прочихъ низменной косой изъ песку и ракуши, выкинутыхъ моремъ. Здѣсь очень удобная стоянка для малыхъ и большихъ судовъ. Входъ въ бухту просторенъ, совершенно безопасенъ, и въ этихъ отношеніяхъ она есть лучшее мѣсто на всемъ морѣ. Но за то природа здѣшняя до того безжизненна, до того лишена всякой естественной красоты и величія, что одинъ взглядъ на мѣстность можетъ навести грусть на самое веселое сердце, и это непріятное впечатлѣніе еще усиливается однообразной, неумолкающей трескотней ракуши, прибиваемой къ берегу. Бухта обставлена оборонительными башнями, а въ трехъ верстахъ отъ нея на гребнѣ отдѣльно стоящей

*

горы (*) и у ея подошвы находится укрѣпленіе Новопетровское, нынѣ Александровскимъ фортомъ названное.

РУССКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Укрѣпленіе основано въ 1846 году, и вскорѣ потомъ стали выселять сюда изъ Россіи желающихъ, которыхъ съ значительнымъ пособіемъ отъ казны водворяли здѣсь на жительство и обзаводили хозяйствомъ, т. е. снабжали лодками и ловитвенными снарядами; но переселенцы позднѣйшіе должны были дѣлать это на свой счетъ. Для всѣхъ однакоже предоставленъ 10-лѣтній льготный срокъ, по истеченіи котораго поселенцы должны поступать въ казаки для службы въ крѣпости. Такимъ образомъ мало по малу выстроилась на низменномъ берегу бухты, т. е. на косѣ, русская деревенька въ 25 домовъ деревянныхъ и каменныхъ, и число первыхъ переселенцевъ возрасло отъ 10 до 50 семействъ. Почва косы, какъ сказано выше, состоитъ изъ песку и ракуши, которую для отличія отъ всѣхъ прочихъ можно назвать «насыпной», такъ мало она имѣетъ связи, и потому совершенно неспособна къ обработыванію; равно безплодны и окрестныя горы, состоящія изъ сплошнаго ракушечнаго известняка.

Что же влекло сюда людей, имѣвшихъ на родинѣ и кусокъ хлѣба и такія удобства жизни, о которыхъ здѣсь, въ этой безотрадной пустынѣ, развѣ что во снѣ можетъ пригрезиться? . . . Слухи о великомъ изобиліи рыбы въ окрестныхъ водахъ, о возможности скораго обогащенія отъ ея промысла. Но слухи эти имѣли еще нѣкоторое основаніе въ первые годы колонизаціи, когда число поселенцевъ (10 семей) было соразмѣрно пространству и производительности участка рыболовныхъ водъ, въ пользованіе ихъ предоставленнаго;—дѣйствительно, изъ числа переселенныхъ съ казенной ссудой и справой семейства два, три сколотили себѣ деньгу, прочіе коекакъ концы съ концами сводятъ, но переселенцы позднѣйшіе всѣ въ долгу, не имѣя никакой возможности орудовать дорого стоющую, рисковую промышленность самостоятельно.

Объяснить причину ихъ бѣдности не трудно, если примемъ въ соображеніе, что общій итогъ добычи, извлекаемой изъ ограничен-

---

(*) Киргизы называютъ ее: Курганъ-Ташъ—каменная гора; а впрочемъ и вся сторона такова же.

наго пространства морскихъ водъ, долженъ былъ по мѣрѣ умноженія числа промышленниковъ дробиться на большее и большее число паевъ, цѣнность которыхъ должна была уменьшаться въ обратной пропорціи; и теперь, когда въ 25 избъ напихано до 50 семействъ, невозможно уже чтобы всѣ они и даже большинство могло существовать не только избыточно, но даже безбѣдно.

Нерѣдко случается, что по состоянію погоды нельзя выѣзжать въ море на переборку осматривать удочки (на которыя попадается рыба), или возвращаться съ пустыми руками, или наконецъ въ нѣсколько дней поймать столько рыбы, что и на котелъ ее мало! тутъ поселенецъ невольно призадумается, потому въ особенности, что рыба составляетъ и главную статью продовольствія и средство для удовлетворенія всѣхъ прочихъ потребностей.

На мѣстѣ можно продать только клей и вязигу съ значительной уступкой въ пользу ссужающихъ благотворителей (ростовщиковъ); икру-же и рыбу надобно везти за море въ ближайшій портовый городъ и сбыть тамъ за что случится, т. е. съ уступкою 20—30% противъ дѣйствительной стоимости товара: «онъ дескать не хорошъ», говорятъ покупщики, «да и соль ваша некрѣпкая,—много рыбы въ бракъ пойдетъ»—ну и пятое и десятое;—знаютъ, что поселенцу везти домой товару нельзя, по неволѣ уступитъ. Вообще въ портовомъ городѣ сильно развито перекупничество, такъ что даже на рынкахъ, гдѣ продаются съѣстные припасы, трудно что нибудь купить изъ первыхъ рукъ и дешево: всѣмъ завладѣли асламы и асламки (то-же что прасолы другихъ мѣстъ); а между тѣмъ каждый день вы видите на рынкахъ флаги, висящіе до урочнаго часа; тутъ-же можете прочесть таксу (по которой однако же ничего не купишь) и полицейскихъ чиновниковъ, наблюдающихъ за продавцами. Но что пользы во всѣхъ этихъ внѣшнихъ формахъ закона, когда сущность его не исполняется, когда каждая торговка, каждый базарный мужикъ вполнѣ увѣрены, что если будутъ платить оброкъ, кому слѣдуетъ, то могутъ выручать его на покупателяхъ хоть вдвое, хоть втрое? «безъ ѣшь нельзя»—говорятъ Калмыки, и эта великая истина примѣняется здѣсь ко всѣмъ, кому продать нечего, а купить нужно все,—вотъ и покупаютъ, за что угодно будетъ гг. торговцамъ продать свой товаръ.—Замѣтимъ кстати, что устроиваясь на новый ладъ, мы конечно стремимся къ лучшему; но чтобы новое зданіе

стояло прочно, нужно хоть въ полъ-глаза посмотрѣть на наше настоящее, служащее основаніемъ будущему. Если, напримѣръ, нѣкоторые законы неудобоисполнимы, то они требуютъ измѣненія; если же не исполняются произвольно, въ силу дерзкаго расчета, что можно дескать въ случаѣ нужды и отписаться и откупиться, то это такое зло, которое нужно вырвать съ корнемъ!—Обращаясь къ поселенцамъ, пріѣзжающимъ въ портовый городъ съ товаромъ, скажемъ, что имъ и невозможно настаивать въ цѣнѣ,—когда большинство ихъ добываетъ рыбнаго товара въ годъ всего на 150 и 200 руб. сереб. (цифры не вымышленныя). Изъ этихъ денегъ нужно сдѣлать всѣ неотлагаемые расходы: купить хлѣба, дровъ, обуться, одѣться не одному, а съ семействомъ, поддержать лодку и снасть въ исправности, нанять работника, какого нибудь обнищавшаго киргиза (байгуша), которому нужно платить отъ 3 до 6 руб. сер. въ мѣсяцъ, кормить его, оголодавшаго въ степи, а нерѣдко приходится сверхъ всего дать еще ему какой нибудь обносокъ, чтобы ради приличія прикрыть наготу оборванца! Въ Россіи и небогатый крестьянинъ имѣетъ въ поддержку своему домашнему хозяйству и для разнообразія трапезы овощи, огородную зелень, молочные скопы, грибы, ягоды, можно также при дешевизнѣ хлѣба содержать домашнюю птицу, откармливать къ празднику боровка, другаго. Здѣсь обо всемъ этомъ нечего и думать: на этой безплодной косѣ и трава не выростетъ, не только-что овощи, которые надобно получать изъ портоваго города за тройную, пятерную цѣну. Вмѣсто разнообразныхъ молочныхъ скоповъ поселенецъ имѣетъ только козье молоко въ умѣренномъ количествѣ: коровъ не держатъ, по неимѣнію пастбищъ вблизи; домашней птицы водятъ очень мало: кормъ дорогъ и мѣсто непривольное; свиней то-же не держатъ.

Однимъ словомъ, переселяясь въ эту пустыню изъ хлѣбопашенныхъ мѣстъ, русскій человѣкъ долженъ забыть всѣ свои привычки, и если не осилитъ воспоминаній о томъ, съ какимъ благоговѣніемъ засѣвалъ свою ниву, съ какою торжественностію сжиналъ первый снопъ, съ какимъ весельемъ работалъ на сѣнокосѣ, ходилъ въ лѣсъ по грибы да по ягоды, не наслушиваясь Божьяго концерта, что̀ поютъ птицы въ честь Творца своего; ну и при домѣ не то было что здѣсь: были клѣти и закромъ и гумно, и овинъ, и огородъ и конопляникъ—все было у мужичка, хоть и не на широкую руку;

а у инаго былъ и пчельникъ и садикъ;—и такъ, говоримъ, если онъ не осилитъ въ себѣ всѣхъ этихъ дорогихъ воспоминаній; если удача на новомъ поприщѣ не ободритъ его духа,—тоска по родинѣ сокрушитъ непривычнаго человѣка, какъ сокрушила уже многихъ, едва ли не всѣхъ позднѣйшихъ переселенцевъ, которые, не получивъ отъ казны пособія для справы на дорогостоющій промыселъ—(да безъ запаснаго капитала, безъ навыка онъ и удачнымъ быть не можетъ)—скоро встрѣтились лицемъ къ лицу съ нуждой и по неволѣ попались въ зависимость къ тѣмъ, которые не иначе какъ за большіе проценты ссужаютъ деньгами. Выйти изъ этого можно только при особомъ счастіи!...

Ко всей этой печальной дѣйствительности можно еще прибавить, что и дома̀, въ которыхъ живутъ поселенцы, кромѣ того, что ихъ уже недостаточно по теперешнему народонаселенію—сами по себѣ необыкновенно дурно устроены: деревянные (перевезенные изъ портоваго города, гдѣ ихъ работали по подряду) очень высоки и продуваются вѣтромъ насквозь, какъ корзины; каменные напротивъ очень низки и до такой степени сыры, что толстыя двойныя стѣны никогда не просыхаютъ. Каково-же въ нихъ зимой, когда къ сырости прибавляется еще и холодъ?... Но премудрый зодчій въ восторгѣ отъ своего произведенія: дома̀, какъ солдаты во фронтѣ, стоятъ правильно, строились экономическимъ образомъ и стоили дешевле деревянныхъ! Но онъ не понялъ того, что ракушечный известнякъ не то, что кирпичъ обожженый, самъ по себѣ сухимъ быть не можетъ; что не слѣдовало увеличивать этого неудобства, заливая промежутки между плитами известью, растворенной въ морской водѣ,—слѣдовало напротивъ оставить ихъ (промежутки) не занятыми для свободнаго теченія воздуха; не мѣшало бы также провести между стѣнами дымовые ходы изъ печки. Все это весьма бы содѣйствовало къ осушкѣ домовъ. Наконецъ нужно было сдѣлать ихъ и выше и просторнѣе. Къ сожалѣнію всѣ описанные недостатки прикрыты ложнымъ понятіемъ о соблюденіи экономіи въ деньгахъ! Но ежели отъ сырыхъ помѣщеній и взрослые получаютъ болѣзни, то каково-же бѣднымъ дѣтямъ переносить вредную сырость жилья?... И есть ли какая нибудь вѣроятность, чтобы въ этихъ подвалахъ могло вырости здоровое поколѣніе людей, пораженное съ младенчества ревматизмомъ и

цынгой! Отъ послѣдней и солдаты гарнизона не вполнѣ изъяты; но они, помѣщенные гораздо лучше, получаютъ еще въ порцію отличную свѣжую баранину, квашеную капусту, иногда огородную зелень и рѣдьку, тогда какъ поселенецъ только изрѣдка можетъ полакомиться овощемъ, да козлятинкой!—баранина, продающаяся въ нынѣшнемъ году по 4 руб. сер. пудъ, конечно не по его карману; — по неволѣ живетъ какъ бакланъ на одной рыбной пищѣ. Однимъ словомъ, совокупность всѣхъ описанныхъ неблагопріятныхъ для быта поселянъ условій составляетъ едва ли одолимое препятствіе къ тому, чтобы здѣсь могло укорениться казачество. Гораздо вѣроятнѣе то, что найдутъ необходимымъ отпустить большинство поселенцевъ восвояси, а тѣхъ, которые пожелаютъ остаться, зачислить въ податное состояніе и ввести въ общую категорію ловцовъ, промышляющихъ по билетамъ рыбной экспедиціи, подобно тому, какъ живутъ на Чечнѣ нѣсколько русскихъ семействъ, занимающихся рыболовствомъ въ окрестныхъ водахъ. Но если настоящая цѣль поселенія—образовать мѣстныхъ казаковъ, оказывается недостижимою, то собственно для форта оно весьма полезно: что̀-бы ни понадобилось перевозить съ берега на рейдъ или съ рейда на берегъ, поселенцы должны давать свои лодки съ людьми, нанятыми для домашнихъ и промысловыхъ работъ. Кромѣ того, и другимъ обязываютъ ихъ безъ всякаго вознагражденія, хотя во первыхъ, большинство переселилось сюда на свой счетъ и еще не выжило льготнаго срока, даннаго на поправку; а во вторыхъ, фортъ имѣетъ довольно средствъ, чтобъ обходиться безъ пособія поселенцевъ. Слава Богу, 700 человѣкъ гарнизона—есть кому работать! Сосѣдство же военныхъ ловеласовъ сильно вредитъ благонравію поселянокъ, разумѣется молодыхъ, которыя, не смотря на трудное положеніе мужской половины колоніи, щеголяютъ на пропалую и одѣваются какъ горожанки,—недостаетъ только шляпокъ и кринолинъ для полноты туалета.—Въ заключеніе о поселянахъ скажемъ, что положеніе ихъ могло бы быть нѣсколько улучшено чрезъ введеніе особаго рода промышленности, весьма сподручной: каждый годъ въ сентябрѣ заходитъ въ заливъ очень много мелкой рыбки, величиною съ кильку. Наружное отличіе ея состоитъ въ томъ, что на бокахъ у нея есть сребровидныя полоски. Ученый ихтіологъ, докторъ Бэръ называлъ ее «рединой» и говорилъ, что она можетъ

быть приготовляема какъ сардины и кильки; можно тоже сушить ее какъ снѣтки. Послѣднимъ весьма удобно и выгодно было бы заняться поселенцамъ, потому-что снѣтки продаются въ портовомъ городѣ, какъ рѣдкость, очень дорого; слѣдовательно, сбытъ былъ бы вѣрный. Но къ сожалѣнію имъ это не объяснено, и на дорогую рыбку не обращаютъ никакого вниманія. Кстати объ докторѣ Бэрѣ: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это самый ученый человѣкъ по части ихтіологіи и одинъ изъ ученѣйшихъ людей вообще, а что всего примѣчательнѣе въ немъ — такъ это практическое направленіе, весьма рѣдкое въ высокоученыхъ мужахъ; но Коммерческая газета и Русскій Вѣстникъ (сентябрск. книж. нынѣшняго года) напрасно приписываютъ ему основаніе промысла каспійской селедкой. Онъ возникъ безъ всякаго участія съ его стороны и гораздо прежде прибытія въ Астрахань ученаго доктора. Селедку сначала стали приготовлять въ Царицынскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ (*), а потомъ и на низовыхъ промыслахъ Волги, ничего не зная о голландскомъ способѣ соленія этой рыбы, чѣмъ и послѣ сообщенія г. Бэромъ этого способа никто не воспользовался, потому-что это неудобно: селедка ловится только въ теченіи двухъ недѣль вмѣстѣ съ другими сортами частиковой рыбы и иныя тони бываютъ такъ удачны, что и по русскому способу едва управляются съ уловомъ. Но промышленность пошла въ ходъ, потому что рыбка понравилась простому народу и ничѣмъ не уступаетъ норвежской сельди, которой во все продолженіе блокады балтійскихъ портовъ не привозили. Вотъ настоящія причины быстраго усиленія новой промышленности, а придумалъ ее русскій смѣтливый умъ безъ всякихъ постороннихъ указаній и безъ пособія голландскаго рецепта.

КРѢПОСТНАЯ ПРИСТАНЬ И СКЛАДЪ НА НЕЙ ЗАПАСОВЪ.

Теперь перейдемъ изъ деревни въ городъ,—въ крѣпость и по дорогѣ заглянемъ на ближнюю пристань, къ которой однако же приставать неудобно: берегъ недовольно приглубъ и дно каменисто. Легко было бы его очистить и устроить небольшую моллу сажень

(*) 16 лѣтъ тому назадъ, проѣзжая въ Астрахань по Волгѣ, мы видѣли много заведеній для этой цѣли; но вѣроятно онѣ были и прежде.

на 10 отъ каменнаго берега, да никто объ этомъ не думаетъ, а между тѣмъ здѣсь выгружаются всѣ запасы на крѣпость, здѣсь же и складъ хлѣба, дровъ и фуража. Говоря о послѣднемъ, нельзя не упомянуть о сѣнѣ, которое какому то мудрецу вздумалось по пословицѣ: гуртомъ дешевле—заготовить на нѣсколько лѣтъ разомъ. Но неукрытое ничѣмъ ни отъ дождя, ни отъ солнца, ни отъ вѣтра, который заноситъ его пескомъ, оно годится только на подстилку, а не на кормъ полезному домашнему животному! Извѣстно, что лошадка претензіи не покажетъ, а если и замѣтятъ, что она не въ тѣлѣ, то это очень удобно свернуть на породу. Не забывая на минуту, что подобное содержаніе животнаго, не вынуждаемое никакой крайностію, безчеловѣчно,—замѣтимъ, что имѣть большіе склады сѣна рядомъ съ дровами и провіантомъ весьма неблагоразумно: ничего не стоитъ какому нибудь шальному киргизу, выбравъ темную, бурную ночь, подпалить его, и тогда прощайся со всѣми запасами! Мѣстный караулъ изъ 12 или 14 человѣкъ ничего не сдѣлаетъ съ голыми руками, поселенцы то же: крѣпость отсюда въ трехъ верстахъ, скоро ли еще поспѣютъ на пожаръ; но случись онъ зимой, то истребленныхъ и самыхъ необходимыхъ запасовъ и замѣнить нельзя.

Отъ ближней пристани ведутъ въ укрѣпленіе двѣ дороги—одна горная въ лѣво, другая на право низомъ, мимо двухъ соляныхъ озеръ (*), изъ коихъ одно имѣетъ рапу розоваго цвѣта, которая кристаллизуется только у самыхъ береговъ небольшими кусками. Соль эта горькая и въ пищу не употребляется, но за то пахнетъ какъ свѣжая малина. Въ другомъ озерѣ соль бѣлая и порядочная.—За тѣмъ слѣдуетъ низовое укрѣпленіе; здѣсь конный дворъ, тутъже и около разныя факторіи, о которыхъ скажемъ послѣ. Наконецъ, обогнувъ крѣпостную гору съ юга и поднявшись на нее, нельзя сказать, чтобы комфортабельно, подъѣзжаемъ къ воротамъ форта.

Здѣсь неприятно поражаютъ васъ уродливыя подобія пушекъ (круглые чурбаки на козлахъ) для обученія солдатъ дѣйствію изъ

(*) Странные у иныхъ людей бываютъ взгляды: на прим. г. Ивашинцову, помѣстившему описаніе этой мѣстности въ Морск. Сборн.—помнится третьяго года—показалось, что здѣсь только *одно* озеро; а на сосѣдственномъ островѣ Кулалы, гдѣ нѣтъ *ни одного*, онъ насчиталъ *четыре*!

орудій. Не думаемъ однако же, чтобы такіе уроки были полезны: они въ родѣ обученія матросовъ въ нѣкоторыхъ портахъ цѣльной стрѣльбѣ изъ такихъ пушекъ, которыхъ на судахъ нѣтъ. Пора бы эту обветшалую методу оставить. Вѣдь обученіе людей важному дѣлу то-же, что воспитаніе.

ФОРТЪ, ДИСЦИПЛИНА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЛУЖАЩИХЪ.

Войдемте въ укрѣпленіе. Тамъ все обстоитъ благополучно: въ казармахъ чисто, въ госпиталѣ просторно, больныхъ, слава Богу, бываетъ мало, умираетъ еще меньше, пыль съ каменныхъ плацевъ смѣтается исправно вѣтромъ; гарнизонъ въ порядкѣ; служба исполняется до того строго, что однажды инспектора, возвращавшагося въ укрѣпленіе послѣ пробитія зори, но еще засвѣтло, не пустили въ ворота, потому что онъ не зналъ пароля,—послали на главную гауптвахту, и дѣло уладилось; однако же инспекторъ счелъ нужнымъ поблагодарить начальника крѣпости и исправнаго солдата; но потомъ мы подумали: какимъ образомъ, генералъ, утромъ осматривавшій весь гарнизонъ, могъ быть принятъ вечеромъ того-же дня за человѣка подозрительнаго?

Объ общественной жизни въ фортѣ говорить много нечего. Гдѣ нѣтъ никого, кромѣ служащихъ, гдѣ всѣ зависятъ отъ одного человѣка, а частію другъ отъ друга, общежитіе имѣетъ характеръ чисто служебный. Лѣтомъ эта монотонная жизнь по формѣ нѣсколько разнообразится приходомъ военныхъ судовъ изъ портоваго города, перемѣною части гарнизона, прибытіемъ инспектора, прогулками на крѣпостную дачу, гдѣ каждый вечеръ собирается общество, чтобы послѣ знойнаго дня, проведеннаго на службѣ или въ душныхъ каютахъ, какими по справедливости можно называть здѣшнія офицерскія квартиры,—отдохнуть, освѣжиться влажнымъ бальзамическимъ воздухомъ въ прекрасномъ цвѣтникѣ, а иногда и полакомиться редиской, огурчикомъ съ общественнаго огорода.

Контрастъ этой зеленѣющей плантаціи съ окрестными горами сѣраго цвѣта очень поразителенъ.—И такъ говоримъ,—лѣто для живущихъ въ крѣпости проходитъ сноснымъ образомъ; но зимой, когда не откуда ждать новаго человѣка для обмѣна мыслей,

когда суровые «аквилоны» засадятъ всѣхъ по своимъ каморкамъ, недостатокъ разнообразія и развлеченій весьма ощутителенъ, въ особенности для молодыхъ, не женатыхъ офицеровъ. Иной прямо изъ корпуса, гдѣ получилъ образованіе, посылается въ пустынное укрѣпленіе и долженъ провести въ немъ два года . . . не бездѣлица для возраста самаго впечатлительнаго, самаго воспріимчиваго. Семейные же люди по необходимости живутъ расчетливо и не каждый день могутъ принимать гостей.

Намъ кажется, что посылать очень молодыхъ офицеровъ въ отдаленныя крѣпости этого края значитъ предоставлять ихъ самимъ себѣ, осуждать на трудную борьбу съ губительной скукой, ставить въ положеніе, изъ котораго не каждый выходитъ побѣдителемъ. Весьма полезно было бы, на счетъ какихъ нибудь казенныхъ экономій, въ которыхъ казна не нуждается, завести въ крѣпостяхъ библіотеки. Для небольшаго числа небогатыхъ офицеровъ завести ихъ отъ себя нѣтъ никакой возможности, тогда-какъ для казны издержать для этого на крѣпость, въ родѣ описываемой, 300 руб. сереб. въ годъ ничего не составитъ, и такая жертва вознаградится сторицею: большая разница имѣть на службѣ офицеровъ благовоспитанныхъ или такихъ, которые, отъ недостатка средствъ слѣдить за просвѣщеніемъ, невольно огрубѣваютъ и въ чувствахъ и въ понятіяхъ!

Теперь слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ индивидуумахъ, которые, по вліянію своему на всѣ карманы гарнизона, поселенцевъ и окрестныхъ Киргизовъ; едва-ли не самые важные люди въ этомъ захолустьѣ,—это маркитантъ Армянинъ и его соотчичи, продающіе также какъ и онъ все что угодно, кромѣ хорошаго, за двойную, за тройную цѣну и готовые покупать также все, но только *за полцѣны,* а *за безцѣнокъ* еще охотнѣе. Эти паразиты, поселившіеся у крѣпости, не стѣсняясь ничѣмъ въ производствѣ своей коммерціи, тѣмъ болѣе вредны, что нареканіе падаетъ не на ихъ племя, о которомъ въ степи и не знаютъ, но на Русскихъ, которымъ принадлежитъ край!

Маркитантъ, обязавшись поставлять то или другое для солдатъ и разумѣется съ великою выгодою для казны и убыткомъ для себя,—за все прочее можетъ брать такую цѣну, какую заблагоразсудитъ, на томъ основаніи, что торговля свободна, и что дескать мы

своего товара никому насильно не навязываемъ; если кажется дорого, то пусть не покупаютъ, и проч. Все это справедливо по теоріи и очень выгодно для торговцевъ; но если поставимъ себя въ положеніе бѣдныхъ семейныхъ или холостыхъ людей, которые не только не имѣютъ средствъ дѣлать гуртовые закупы нужнаго для домашняго обихода, но и по-мелочи невсегда могутъ покупать на наличныя деньги, то поймемъ какъ тяжело ихъ существованіе при неизбѣжной зависимости отъ дьявольскаго корыстолюбія нѣсколькихъ торгашей! Равнодушіе-же, съ которымъ мѣстное начальство смотритъ на грабительство своихъ подвѣдомственныхъ, достойно удивленія. Въ карантинѣ портоваго города также есть маркитантство, но оно ограничено таксой, и маркитантъ имѣетъ право брать только 5% свыше городскихъ цѣнъ на съѣстные припасы, равно на чай, сахаръ, табакъ, вина, и проч. Хотя и здѣсь небогатымъ потребителямъ трудно обходиться безъ лавки маркитанта,—городъ во 100 верстахъ; но сообщеніе съ нимъ прекращается только въ пору осенней и весенней распутицы, а въ новой крѣпости, по удаленію ея отъ городовъ, маркитантство необходимо во всѣ времена года. Принимая въ уваженіе это обстоятельство, можно было бы дозволить крѣпостному маркитанту брать 25%, 30% свыше того, что стоилъ ему продуктъ съ доставкою изъ портоваго города (*). Кажется, для торгующаго такая польза была бы достаточна, а между тѣмъ и покупатели могли бы при этомъ имѣть значительное сбереженіе въ своихъ расходахъ. Но то, что дѣлаютъ маркитантъ и братія съ Киргизами, по справедливости заслуживаетъ особеннаго описанія.

МѢНОВАЯ ТОРГОВЛЯ СЪ КИРГИЗАМИ.

Пользуясь нуждою Киргизовъ, пріобрѣтающихъ большую часть потребнаго для нихъ на мѣну за шкуры,—Армяне безъ зазрѣнія совѣсти брали въ третьемъ году за одинъ мѣшокъ ржаной муки 80 и 100 шкуръ бараньихъ и козлиныхъ.

(*) Для этого могутъ служить руководствомъ справочныя цѣны, ежемѣсячно составляемыя въ портовомъ городѣ, или которыя могли бы нарочно составляться на предметы, для гарнизона нужные, разумѣется кромѣ заготовляемыхъ съ торговъ, и свѣжаго мяса, пріобрѣтаемаго на мѣстѣ.

Оцѣнная шкуру дешево—по 15 коп. сереб.—куль муки обходился покупателю отъ 12 до 15 руб. сереб., а какъ продавцу онъ стоилъ только отъ 3 до 4 руб. сереб., то и приносилъ чистаго барыша 300%! За прочее брали въ той-же соразмѣрности, какъ будто здѣсь Калифорнія! Но при такихъ безбожныхъ цѣнахъ на необходимое для жизни, даже и у богатаго стадами кочевника надолго ли достанетъ средствъ къ существованію? о небогатыхъ и говорить нечего. И потому Киргизы, при всей своей неразвитости, поняли однако-жъ, что оставаясь въ зависимомъ отъ мѣстныхъ грабителей положеніи, имъ придется испытать горькую участь обнищавшихъ собратій,—стали держаться *подальше* отъ укрѣпленія и хлѣбъ покупать въ Гурьевѣ, хотя до него нужно пройти не менѣе 600 верстъ!...Это фактъ. Приведемъ и другой, не менѣе печальный. Задолго до построенія новаго укрѣпленія, жили на этомъ мѣстѣ Туркмены въ сосѣдствѣ съ Киргизами, своими непримиримыми врагами, и вражда эта кончилась тѣмъ, что первые должны были удалиться съ полуострова и перекочевать въ губернію портоваго города, гдѣ съ разрѣшенія правительства были водворены на мѣстахъ привольныхъ, несравненно лучшихъ каменной пустыни Мангишлага.

Надо еще знать, что трудолюбивые Туркмены умѣли какъ-то и безъ дорогихъ чигирей развести—на мѣстѣ теперешняго крѣпостнаго огорода—бахчу и рощицу, что̀ уже доказываетъ нѣкоторую степень образованности и мирныя наклонности этого народа. Но Киргизы, какъ настоящіе варвары, истребили всю плантацію.

Туркменамъ на новомъ кочевьѣ было очень хорошо и совершенно безопасно отъ всякаго насилія. Видно, однако-жъ, что любовь къ родинѣ есть одно изъ самыхъ сильныхъ и прочныхъ чувствъ въ сердцѣ человѣка: какъ только узнали они, что близь родныхъ могилъ построена русская крѣпость, то, разсчитывая на ея защиту отъ Киргизовъ, пожелали обратнаго переселенія на родину, что̀ и было имъ дозволено. Послѣ этого, казалось бы, что на этихъ людей, уже нѣсколько ознакомленныхъ съ выгодами гражданственности, будетъ обращено особенное вниманіе мѣстнаго начальства, что ихъ приласкаютъ, поощрятъ къ дальнѣйшему развитію добрыхъ началъ, поставятъ примѣромъ для Киргизовъ? нѣтъ,—ихъ предоставили самимъ себѣ. Но, ставъ по прежнему лицомъ къ лицу съ исконными врагами своими, Киргизами, они снова сдѣлались ихъ жертвами и

терпятъ множество обидъ и притѣсненій! А между тѣмъ въ донесеніяхъ значится, что все обстоитъ благополучно, что то и другое принято и израсходовано, и что присланные подарки розданы такимъ-то и такимъ-то туземцамъ, отличающимся необыкновенною вѣрностію и преданностію русскому престолу, и проч. Не знаемъ, вывелся ли теперь этотъ жалкій недостойный величія Россіи обычай; но въ третьемъ году онъ былъ въ полной силѣ. Изъ приведенныхъ же примѣровъ видно, что, не смотря на подарки, мы не только не привлекли къ себѣ туземцевъ, но, допуская нѣсколькимъ торгашамъ разживаться непозволительнымъ образомъ на ихъ счетъ и оставаясь равнодушными зрителями, какъ сильные кочевники утѣсняютъ слабыхъ, утрачиваемъ нравственное вліяніе, которое бы могли имѣть на нихъ, при большей осмотрительности. Вообще отъ водворенія Русскихъ на полуостровѣ и туземцы и мы сами ровно ничего не пріобрѣли.

ЗНАЧЕНІЕ НОВОЙ КРѢПОСТИ.

Но какое-же значеніе имѣетъ этотъ уединенный фортъ, единственный на всемъ восточномъ берегу Каспія?...Говорятъ, *во первыхъ:* это пунктъ стратегическій для военныхъ операцій въ Хиву и другія средне-азіятскія ханства; но казалось бы, что главнокомандующему Оренбургскимъ корпусомъ не для-чего оставлять прекрасной операціонной линіи на Сыръ-Дарьѣ и избирать фортъ Александровскій опорною точкою для своихъ дѣйствій; если-же и понадобится везти изъ портоваго города войска въ среднюю Азію, то ихъ лучше высадить въ Александро-байѣ или въ Красноводскѣ. Послѣдній дебаркаціонный пунктъ назначенъ былъ Императоромъ Петромъ I для экспедиціи Бековича въ Хиву, а Великій ни въ чемъ не ошибался. *Во вторыхъ:* «здѣсь опора русской власти надъ кочующими племенами», говорятъ защитники крѣпости; но далѣе раіона форта вліяніе его, какъ мы уже видѣли, не распространяется. Хотя на полуостровѣ все обстоитъ благополучно, но только не отъ присутствія форта на самомъ отдаленномъ пунктѣ, а отъ другихъ причинъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ.

Далѣе говорятъ: «фортъ нуженъ для защиты русскихъ рыбопромышленниковъ, которыхъ въ прежнее время много захватывали въ

плѣнъ и продавали въ Хиву». Но во-первыхъ: главные захваты были въ Эмбенскихъ участкахъ (въ NO углу моря), и что-бы тамъ ни случилось, изъ форта, по отдаленности его, нельзя ожидать никакой помощи. Во-вторыхъ, изъ описанія быта поселенцевъ читатели видѣли, что рыболовство здѣшнее совсѣмъ не такъ значительно, чтобы могло привлекать много желающихъ. Прежде хаживали сюда главнымъ образомъ въ разсчетѣ на даровую соль, что̀ было въ ущербъ продажѣ ея отъ казны въ портовомъ городѣ. Если кто изъ этихъ корчемниковъ попадался въ плѣнъ, то̀ по дѣламъ вору и му̀ка, какъ говоритъ пословица. Для защиты ихъ достаточно было бы имѣть въ заливѣ военную брантвахту для воспрепятствованія съ одной стороны корчемству, съ другой захватамъ. Такъ прежде и было.

Теперь пиратству Киргизовъ и захватамъ Русскихъ на берегу уже положенъ конецъ; но этотъ важный для русской чести вопросъ рѣшился не подъ стѣнами новаго укрѣпленія и не въ силу побѣдъ гарнизона, мирно упражняющагося въ отправленіи крѣпостной службы и въ воздѣлываніи огорода; нѣтъ, онъ рѣшился гораздо прежде, въ самой Хивѣ, и былъ слѣдствіемъ экспедиціи генерала Перовскаго (съ 1839 на 1840 годъ), которая хотя и не удалась, однакоже мнимые друзья свободы, Англичане, растолковали Хивинцамъ, что другая экспедиція можетъ совсѣмъ *покончить Хиву*, и что поэтому необходимо освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, да и впредь не покупать ихъ, а потому и посредникамъ въ этомъ дѣлѣ, Киргизамъ, по неволѣ пришлось отказаться отъ выгоднаго ремесла. Такимъ образомъ, безъ всякаго вліянія форта, возстановилась безопасность Русскихъ и на полуостровѣ, и на островахъ подъ берегомъ и въ Эмбенскихъ участкахъ, въ которыхъ теперь даже и военное крейсерство отмѣнено, какъ не нужное, по мирному состоянію края.

Наконецъ защитники новаго укрѣпленія полагали, что оно стоитъ на очень важномъ пунктѣ для русской торговли съ Хивой, Бухарой и пр., что караваны, идущіе оттуда на Оренбургъ, непремѣнно направятся сюда на томъ основаніи, что дорога нѣсколько короче, и что русскіе товары, доставленные чрезъ портовый городъ, обойдутся Азіятцамъ дешевле, чѣмъ покупка ихъ въ Оренбургѣ, что отъ этого первый процвѣтетъ . . . Но если бы и все это

такъ было, то не видно однакоже причины, почему нужно здѣсь укрѣпленіе, нисколько не обезпечивающее пути каравановъ по степи! А вѣдь это главное. Ходили же сюда караваны и до построенія форта; но въ слѣдствіе волненій въ Хивѣ и недобросовѣстности нѣкоторыхъ торговцевъ портоваго города—ходить перестали. Были уже примѣры, что придетъ къ заливу караванъ съ азіятскими товарами, придутъ и суда изъ портоваго города съ русскими произведеніями; но какъ наши торговцы обыкновенно предлагали Азіятцу за его рублевую вещь грошъ, а за свою грошовую требовали отъ него товару на рубль, на основаніи безнравственнаго соображенія, что Хивинцу, или Бухарцу, заѣхавшему въ такую даль, выгоднѣе сбыть свой товаръ за что случится, чѣмъ везти его обратно и снова платить пошлины домашнимъ властямъ, то очевидно, что при такихъ весьма различныхъ положеніяхъ между нашими и азіятскими купцами торговля здѣсь развиться не можетъ. Кромѣ того, какъ уже замѣчено, она весьма зависитъ отъ состоянія дѣлъ въ Хивѣ, въ Бухарѣ и въ степи, лежащей между ними и Мангишлагомъ: спокойно тамъ—караванъ можетъ быть и придетъ, неспокойно—такъ и придти не можетъ.

Что касается до процвѣтанія портоваго города на счетъ Оренбурга, то очевидно, что въ этомъ нѣтъ ни нужнаго, ни полезнаго: благосостояніе обоихъ равно важно для государства. И такъ, кромѣ новаго укрѣпленія на теперешнемъ мѣстѣ, нужно имѣть ихъ нѣсколько по берегу моря, именно при заливахъ: Красноводскомъ, Кендерлинскомъ, Александро-баіѣ и Кочакъ; тогда эта линія укрѣпленій, параллельныхъ Сыръ-Дарьинской, будетъ дѣйствительно полезна и для торговыхъ и для военныхъ предпріятій. За тѣмъ при разсматриваемомъ пунктѣ достаточно было бы оставить три оборонительныя башни, которыми фортъ, не обстрѣливающій залива, былъ, такъ сказать, дополненъ, и столько гарнизона, сколько можетъ въ нихъ помѣститься для охраненія безопасности русскихъ промышленниковъ (мы разумѣемъ подъ этими тѣхъ изъ числа переселенцевъ, которые пожелаютъ здѣсь остаться); а на время прибытія къ заливу каравановъ, если они ходить сюда будутъ, присылать изъ портоваго города одно или два военныхъ судна для наблюденія за купеческими судами, на которыхъ привезутся русскія произведенія въ обмѣнъ на азіятскія. Но при этомъ

необходимо, чтобы городское общество избирало изъ среды своей нѣсколько благонадежныхъ посредниковъ для наблюденія за добросовѣстностію мѣны, что̀ будетъ очень ободрительно для Азіятцевъ и ограничитъ произволъ русскихъ торговцевъ, который и торговлѣ вредитъ и позоритъ русское имя. Самый же фортъ, содержаніе котораго стоитъ казнѣ среднимъ числомъ 50 тысячъ руб. сер. въ годъ, упразднить, великодушно предоставивъ огородъ съ чигирями и греблей Туркменамъ, обязавъ ихъ снабжать оставшійся гарнизонъ огородною зеленью, что̀, повѣрьте, будетъ свято выполнено.... Смиренно принимая отъ кого угодно анаѳему за правду, нами высказанную, мы попросимъ нашихъ читателей поскорѣе забыть скучную мѣстность и фортъ и скверныхъ торгашей и отличныхъ садоводовъ и перейдемъ къ описанію другихъ предметовъ.

О ЕСТЕСТВЕННЫХЪ БОГАТСТВАХЪ ПОЛУОСТРОВА.

Начнемъ новую рѣчь вопросомъ: неужели на всемъ полуостровѣ, во всѣхъ горныхъ кряжахъ, его прорѣзывающихъ, нѣтъ ничего, кромѣ ракушечнаго известняка, тощихъ травъ и отличныхъ барановъ? Какъ не быть! есть кое-что. Наприм. охра, слюда, квасцы, кварцъ, желѣзнякъ и каменный уголь, валяющійся на поверхности земли, а нѣдра горъ еще не изслѣдовали какъ должно. Почему же этого не сдѣлали? спросятъ читатели.... Ахъ, господа, какіе вы право нетерпѣливые! будетъ еще время, и наше отъ насъ не уйдетъ!.... слава Богу, вѣдь мы не сидѣли же, сложа руки! построили на полуостровѣ укрѣпленіе, дополнили его оборонительными башнями; водворили колонистовъ, развели огородъ и садъ чуть-что не на голомъ камнѣ; сдѣлали греблю (плотину) поперегъ сосѣдняго оврага для предохраненія этой плантаціи отъ стремленія дождевой воды..... ну и мало-ли что еще сдѣлали?.. Вотъ что услышите вы въ отвѣтъ на ваше нетерпѣливое желаніе узнать и воспользоваться тѣмъ, что новый край заключаетъ въ себѣ полезнаго для русской промышленности. Еще въ 1845 году Иванинъ, офицеръ генеральнаго штаба, изслѣдуя полуостровъ, нашелъ на хребтѣ Каратау, въ 30 верстахъ отъ залива *Кочакъ*, каменный уголь такого свойства, что хотя образцы его и были собраны на поверхности земли, однакоже горѣли хорошо, а добытый изъ мѣсторожденія при урочищѣ *Сыръ-су*

оказался даже годнымъ для употребленія въ паровыхъ машинахъ. Это было испытано на пароходѣ Кама и на Александровскомъ мануфактурномъ заводѣ въ 1847 году, по распоряженію главнаго морскаго начальства, которому однимъ изъ офицеровъ К. Ф. было представлено соображеніе на счетъ разработки новооткрытаго угля для снабженія имъ каспійскихъ военныхъ пароходовъ. Ихъ было впрочемъ только 4, съ машинами въ 370 силъ на всѣхъ вмѣстѣ. Естественно, что для такого ничтожнаго пароходства не было разсчета морскому вѣдомству принимать на себя этого дѣла; для частныхъ людей оно было еще менѣе удобно, по неизвѣстности края, еще недавно бывшаго во враждебныхъ отношеніяхъ къ Русскимъ, — да правду сказать и не нужно. Коммерческое пароходство на Волгѣ только еще зарождалось и компаніи имѣли основаніе, разсчитывая на тогдашнюю дешевизну дровянаго топлива, обойтись надолго безъ каменнаго угля. Были однакоже люди, которые при большей прозорливости должны бы обратить вниманіе на важность открытія и дать ему жизнь, чтобы оживотворить пустынный край. Но благодатный духъ еще не вѣялъ надъ Россіей: по ложнымъ понятіямъ того времени считалось достаточнымъ для прочнаго обладанія Мангишлагомъ построеніе на немъ форта, а великое значеніе «чернаго алмаза» не было понято и оцѣнено въ русскомъ обществѣ, гдѣ многіе не дѣлали даже большаго различія между каменнымъ углемъ и простымъ булыжникомъ. Случалось въ прежнія грустныя времена и то, что чѣмъ проще, удобоисполнимѣе было какое нибудь предположеніе, тѣмъ менѣе оно встрѣчало сочувствія. Съ проэктомъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей бывало и не показывайся.... Обыкновенно говорили: «за такую сумму порядочнаго ничего сдѣлать нельзя: вѣрно это какая нибудь афера!» Тѣмъ дѣло и кончалось. Но съ проэктами на многія сотни тысячъ рублей обходились уже гораздо благосклоннѣе. Видно думали, что цифра стоимости можетъ служить мѣрою основательности предположенія!

Вѣренъ-ли былъ такой взглядъ на достоинство умственныхъ трудовъ — пусть разсудятъ читатели; но наше убѣжденіе таково, что подобной оцѣнкѣ будутъ и теперь еще подвергаться многіе труженики мысли до тѣхъ поръ, пока не поставятъ правиломъ, чтобы всѣ проэкты, независимо отъ разсмотрѣнія ихъ учеными комитетами и коммисіями, печатались въ журналахъ

*

тѣхъ министерствъ, до которыхъ предположенія относятся, дабы всѣ, знакомые съ предметомъ, лица, могли принять участіе въ сужденіи объ немъ и своими замѣчаніями содѣйствовали бы къ подтвержденію или отрицанію предположеній. Это, съ одной стороны, поставитъ ихъ (предположенія) внѣ произвола и пристрастія, а съ другой—сами составители проэктовъ, зная напередъ, что объ ихъ трудахъ будетъ извѣстно и правительству и публикѣ, поостерегутся высказывать мысли неосновательныя или лукавыя.—И такъ дѣло объ углѣ, дважды заявленное и относительно его качествъ признанное основательнымъ, остается до сихъ поръ гдѣ нибудь въ архивѣ и ждетъ предпріимчиваго человѣка. Желая возстановить это дѣло какъ совершенно необходимое при сильномъ развитіи частнаго пароходства на Волгѣ и при учрежденіи такого же пароходства на Каспійскомъ морѣ, (такъ-какъ для казеннаго сдѣланъ уже многолѣтній запасъ антрацита, топлива дорогаго, по недостатку матеріала соперничествующаго), просимъ гг. капиталистовъ обратить вниманіе на каратаускій уголь, какъ на матеріалъ еще непочатый, лежащій втунѣ. Теперь когда съ такою легкостію составляются компаніи и на огонь и воду, и на дешевыя квартиры, и на многое другое, почему-бы не образовать компаніи на разработку Мангишлагскаго угля и другихъ минераловъ? Ожидая всего добраго отъ людей, желающихъ употребить свои средства благороднымъ образомъ, позволяемъ себѣ надѣяться, что каратауские каменноугольные пласты недолго залежатся. Тамъ-же, вѣроятно, найдутся желѣзныя и другія руды, и разработка ихъ придастъ жизнь странѣ, не имѣющей теперь ни матеріяльнаго, ни государственнаго значенія. Всякій согласится, что для обширнаго русскаго государства нисколько не важно имѣть въ своихъ границахъ нѣсколько лишнихъ каменныхъ горъ и на нихъ нѣсколько сотъ пастушечьихъ кибитокъ, укрывающихъ бѣдность и невѣжество! Но пробурите горы Мангишлага, выведите на свѣтъ Божій то, что онѣ таятъ въ себѣ дорогаго и полезнаго, орудуйте промышленность эту руками туземцевъ, за добросовѣстную задѣльную плату—мукой и прочимъ необходимымъ въ ихъ быту; поставьте всему этому такія цѣны, отъ которыхъ Армяне и другіе торгаши сочли бы себя прежде продажи раззоренными въ конецъ,—и люди, которые теперь косо по-

сматриваютъ на Русскихъ, будутъ, ради собственной пользы, всѣми силами содѣйствовать видамъ русской промышленности. Кромѣ того, туземцы, не подвергаясь ни насиліямъ, ни обману, узнавъ по опыту, что честный трудъ доставляетъ имъ полное обезпеченіе, мало-по-малу смягчатся нравами, сдѣлаются людьми. И это не утопія, не ультра-филантропія, а весьма возможное дѣло! Теперь, когда локомотивы съ подкладными рельсами входятъ въ употребленіе и уменьшаютъ потребность въ непрерывныхъ желѣзныхъ дорогахъ, разработка каратаускаго угля тѣмъ возможнѣе, что хребетъ отстоитъ отъ залива Кочакъ всего на 30 верстъ, и путь этотъ не представляетъ такихъ неудобствъ, устраненіе которыхъ повело бы къ большимъ издержкамъ (*).

Но, спросятъ читатели, доступенъ ли заливъ для грузовыхъ судовъ, на которыхъ нужно будетъ перевозить уголь въ портовый городъ и на другія пристани? На этотъ весьма основательный вопросъ мы можемъ отвѣчать только показаніемъ офицера (**), промѣрявшаго заливъ, который удостовѣряетъ, что для судовъ отъ 6 до 8 ф. въ грузу—глубина достаточна. Жаль только, что со времени промѣра прошло лѣтъ десять, а въ теченіи такого промежутка мѣстность могла измѣниться, какъ она измѣнилась по всему прибрежью N-ой трети моря, особенно противъ Эмбы, Урала, устьевъ Волги, Терека и до Чечня, какъ измѣнилась у острововъ къ сѣверу отъ Мангишлага: то-же могло случиться и въ заливѣ. Впрочемъ, чего-же лучше, когда у насъ на Каспійскомъ морѣ есть ученая экспедиція для его описанія со всевозможною подробностію, которое удовлетворитъ всѣмъ современнымъ требованіямъ гидрографіи, геодезіи, и проч. и проч. Отъ этой экспедиціи узнаемъ со временемъ, эдакъ лѣтъ черезъ десять, не только про заливъ Кочакъ, но даже обо всѣхъ малѣйшихъ изгибахъ берега!...Угодно подождать?... Какъ, черезъ десять лѣтъ? возразятъ намъ.—Извините, господа, раньше нельзя;—море велико. Но за то карты будутъ до того превосходны, что съ ними, зажмуря глаза, можно будетъ плавать! Конечно, въ слѣдствіе измѣняемости Каспійскаго моря, степень ихъ достовѣр-

---

(*) Это свѣдѣніе сообщено намъ Корпуса Топографовъ поручикомъ Скрябинымъ, превосходно знающимъ весь здѣшній край.

(**) Того же поручика Скрябина.

ности будетъ относиться нѣсколько къ прошедшему времени... но, повторяю, имѣйте терпѣніе: ученые не любятъ, чтобы ихъ торопили—пожалуй еще пропустятъ безъ изслѣдованія какой нибудь квадратный вершокъ на водахъ или на сушѣ и впадутъ въ смертельный грѣхъ противъ.... науки! И такъ, господа, согласны подождать?.... нѣтъ... очень жаль! Въ такомъ случаѣ мы вотъ что сдѣлаемъ: отправимся на одномъ изъ казенныхъ пароходовъ, которые по нѣскольку разъ въ лѣто ходятъ изъ портоваго города къ новому укрѣпленію съ войсками, съ казенными грузами, съ инспекторами, съ почтой. При этомъ пароходъ, въ ожиданіи изготовленія письменныхъ дѣлъ начальствомъ форта, бываетъ свободенъ дня три, четыре, а съ разрѣшенія портоваго начальства можно располагать пароходомъ и недѣлю, чего будетъ достаточно, чтобы побывать въ заливѣ Кочакъ, отстоящемъ отъ форта въ 80 верстахъ; потомъ, на случай если заливъ сильно обмелѣлъ, наймемъ у поселенцевъ кусовыя лодки и выпросимъ въ крѣпости конвой человѣкъ въ 30, не столько для безопасности, какъ для парада, переводчика для сношеній съ Киргизами, и, благословясь на доброе дѣло, пойдемъ съ осмотрительностію въ Кочакъ; если же окажется, что пароходу нельзя пройти въ него—можно остановиться въ близкомъ къ нему заливѣ Мангишлагѣ и остальной путь сдѣлать на кусовыхъ лодкахъ. Конечно отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и недоразумѣній относительно глубины могла бы избавить насъ ученая экспедиція, нерѣдко посѣщавшая заливъ у новой крѣпости: при болѣе практическомъ направленіи она могла бы побывать въ Кочакѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сколько нибудь важныхъ въ навигаціонномъ и промышленномъ отношеніяхъ; но экспедиція такъ усердно гонялась за астрономическими и магнитными наблюденіями, за европейскою извѣстностію, за ученой славой, что насущная потребность плавателей далеко осталась на заднемъ планѣ (*).

Такимъ-образомъ, полагая на переходы туда и обратно два дня, для изслѣдованія хребта остается еще пять. Что уголь тамъ бу-

---

(*) Да не подумаютъ однако читатели, что мы не сочувствуемъ ученымъ трудамъ этой и другихъ экспедицій, съ практическою цѣлью предпринимаемыхъ;—нѣтъ, мы только бы желали, чтобы практическое предпочиталось кабинетному.

детъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Морскомъ министерствѣ есть даже геогностическая карта, кажется, Иванинымъ составленная, изображающая положеніе пластовъ. Работники тоже найдутся изъ мѣстныхъ Киргизовъ, разумѣется подъ надзоромъ опытныхъ рудокоповъ. Вотъ къ этому пункту дѣйствительно можно будетъ привлечь бродячее населеніе степей, и небольшой, благоустроенный фортъ, пожалуй и русская колонія у шахтъ или на берегу будутъ здѣсь гораздо болѣе у мѣста, чѣмъ новая крѣпость съ своимъ поселеніемъ на дальней оконечности полуострова.

Перенесемся-же мыслію къ тому великому дню, когда первый караванъ судовъ съ углемъ пойдетъ изъ залива, а локомотивъ съ подкладными рельсами, вооруженный фальконетами, откроетъ сообщеніе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями; когда такіе-же локомотивы замѣнятъ хоть отчасти мѣшкотные караваны на множествѣ верблюдовъ для торговыхъ и военныхъ предпріятій въ этой части Азіи; когда между предполагаемыми фортами у Каратау, Александро-байя и другими, выше названными, установится скорое сообщеніе; когда туземцы, изумленные такими чудесами, поймутъ наконецъ, что ихъ назначеніе быть сынами Россіи, что безобидное участіе въ русской промышленности и торговлѣ доставитъ имъ болѣе выгоды, чѣмъ баранта, грабежъ каравановъ и захватъ плѣнныхъ; когда наконецъ и Русскіе будутъ смотрѣть на туземцевъ, какъ на людей, и, въ дружномъ стремленіи съ ними къ одной цѣли, разовьютъ благосостояніе обширнаго края...

Если взять въ соображеніе, что отъ залива до Аральскаго моря, на которомъ заводится пароходство, снабжаемое антрацитомъ съ Дона (который обходится по 1 р. сер. пудъ), только 300 верстъ, что на Сыръ-Дарьѣ, въ него впадающей, есть линія нашихъ укрѣпленій, то, при возможности обойтись безъ сплошной желѣзной дороги, важность разработки каратаускаго угля представляется чѣмъ-то грандіознымъ. И тотъ, кто приметъ на себя это государственно-коммерческое дѣло, пріобрѣтетъ самую заслуженную славу. А что касается до пользы отъ такого предпріятія, то инженеръ—генералъ Вильсонъ, начальникъ Александровскаго мануфактурнаго завода, на которомъ, какъ было сказано выше, испытывали образцы каратаускаго угля, разсматривая геогностическую карту его плас-

товъ, выразился такъ: «Судя по профилямъ отклоненія ихъ отъ уровня и по большому протяженію, на какое они простираются, должно ожидать отъ разработки оныхъ богатой добычи». Слѣдовательно будетъ и польза: стóитъ только взяться за дѣло умно и вести его честно, энергически, чтобы труды увѣнчались успѣхомъ.

И. Б.

О ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЯХЪ

ПРИ ИЗУЧЕНІИ ПРАВА ВЪ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Въ настоящее время русское общество вступаетъ въ новый періодъ развитія, которое обнаруживается, между прочимъ, постоянными толками и въ литературѣ и въ дѣйствительной жизни о правдѣ, о словесности и гласности судопроизводства, о чиновникахъ, добросовѣстныхъ и знающихъ свое дѣло, объ искорененіи взяточничества, и т. д. Между тѣмъ, постоянно слѣдя за текущей литературой, мнѣ не удавалось ни разу читать о практическихъ занятіяхъ изучающихъ право въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи (*). Это, по моему, тоже одно изъ дѣйствительныхъ средствъ скоро и успѣшно провести въ жизнь отрадныя идеи, зародившіяся въ нашемъ обществѣ. Молодой человѣкъ, съ горячею любовью изучившій теорію права въ университетѣ или лицеѣ, наполненный самыми благородными и возвышенными планами будущей своей дѣятельности на поприщѣ государственной службы, на первомъ же шагу встрѣчаетъ камень преткновенія, разсыпающій въ прахъ всѣ его высокія стремленія. Вотъ онъ опредѣлился въ какую нибудь канцелярію и съ трепещущимъ отъ рвенія сердцемъ

(*) Предлагаемая статья писана до выхода въ свѣтъ первой октябрьской книжки Русскаго Вѣстника за 1858 годъ, гдѣ г. Бунге, въ статьѣ объ устройствѣ учебной части въ нашихъ университетахъ, говоритъ нѣсколько словъ и о практическихъ занятіяхъ юриста.

приступаетъ къ написанію порученной ему бумаги. Но увы! онъ не знаетъ, что ему предстоитъ борьба, не хуже любой битвы съ ожесточеннымъ врагомъ. Онъ перебираетъ всѣ теоріи, какія остались у него въ головѣ послѣ курса словесности, соображаетъ законы, относящіеся къ данному случаю и по своему изобрѣтаетъ форму. Ликуя внутренно, что написалъ по всѣмъ правиламъ новѣйшей науки, идетъ онъ, положимъ, къ столоначальнику и самодовольно вручаетъ ему написанное. И какое страшное разочарованіе поражаетъ его: столоначальникъ, прочитавъ бумагу, или приказываетъ снова написать ее, иногда уже другому чиновнику, болѣе опытному и нигдѣ неучившемуся, или дѣлаетъ самъ поправки, говоря, что она написана не по формѣ. Язвительная улыбка появляется на лицѣ столоначальника, прочіе его канцелярскіе сослуживцы какъ бы невидимой силой внезапно пробуждаются изъ своего апатическаго состоянія. Бѣдный студентъ стоитъ, какъ громомъ пораженный: его упрекаютъ въ незнаніи, говорятъ, что наука, которой онъ себя посвятилъ, ничему его не выучила и удивляются, чему онъ учился, когда прочіе и не окончивъ курса въ университетѣ или лицеѣ, пишутъ прекрасно. Мнѣ самому много разъ случалось слушать подобные непріятные разсказы, и какъ тяжко, какъ больно становилось на душѣ, какъ терзалась она при видѣ полной побѣды на голову, одержанной рутиною и невѣжествомъ надъ сіяющимъ величіемъ науки. Представимъ далѣе, что тому же молодому человѣку поручено написать проэктъ рѣшенія по какому нибудь спорному гражданскому дѣлу. Перечитывая бумаги, къ нему относящіяся, онъ, во-первыхъ, тысячу разъ встрѣтитъ почти непреодолимое затрудненіе въ ихъ пониманіи. Извѣстно, что нашъ дѣловой языкъ не отличается совершенствомъ и далеко отсталъ отъ языка литературнаго (разумѣется, я не говорю о высшихъ учрежденіяхъ). Бездна словъ, никогда не встрѣчающихся въ общежитіи и книгѣ, какъ напр. «поискуемый, гвалтовно и самоправно, обольно, дѣльчій актъ» (²), и проч., обороты, въ которыхъ не соблюдены иногда и первоначальныя правила грамматики, озадачатъ хоть кого отъ непрывычки. Но кромѣ этого, у молодаго человѣка нѣтъ

(²) Всѣ эти слова часто встрѣчаются въ малороссійскихъ присутственныхъ мѣстахъ.

навыка примѣнить законъ къ дѣйствительной жизни. Вся система понятій, пріобрѣтенныхъ имъ въ заведеніи, не имѣетъ надлежащей твердости и обдуманности, многія мѣста образуютъ пробѣлы, появившіеся или отъ недостатка памяти, или просто отъ того, что не было ему случая примѣнять свои знанія къ конкретнымъ явленіямъ. Отсюда опять огромное затрудненіе составить проэктъ рѣшенія по порученному дѣлу. Молодой человѣкъ сначала бьется, какъ рыба объ ледъ, и наконецъ, выбившись изъ силъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, начинаетъ обращаться за совѣтами къ рутинистамъ-практикамъ. Мало по малу у него рождается сомнѣніе въ пользѣ пріобрѣтенныхъ знаній, переходящее наконецъ въ настоящее, твердое убѣжденіе, хотя все-таки изъ тщеславія онъ старается считаться человѣкомъ образованнымъ, говоритъ иногда громкія фразы, хочетъ употреблять иностранныя слова, мало понятныя для его сослуживцевъ-профановъ. Но наука брошена и пріобрѣтенное многими долголѣтними трудами, испаряясь постепенно, оставляетъ наконецъ одну торичелліеву пустоту. Это по-моему одна изъ причинъ, почему юное поколѣніе, получившее высшее образованіе, такъ медленно и вяло вліяло своими юридическими познаніями на окружающую его среду. Большая часть питомцевъ науки, при встрѣчѣ съ горькою дѣйствительностію, требовавшей борьбы человѣка, закаленнаго въ бояхъ, нравственно падала и безвозвратно. Теперь понятны отчасти и горькія жалобы на трудность отыскать мѣсто, на медленность, иногда и невозможность повышенія на лѣстницѣ должностей. Надобно, чтобы воспитанники съ высшимъ юридическимъ образованіемъ побѣдили рутину своимъ нравственнымъ могуществомъ и духовною силою: тогда она падетъ неизбѣжно, сражаясь съ врагомъ, далеко ей неравнымъ.

Мы толкуемъ и кричимъ о словесности и гласности судопроизводства, объ адвокатурѣ, желаемъ, чтобы онѣ были введены и у насъ; но гдѣ, спрашиваютъ насъ, взять приготовленныхъ къ словеснымъ преніямъ судей и адвокатовъ? Сознаемся, что для тѣхъ и другихъ, кромѣ теоріи, необходимо практическое образованіе въ правѣ,—судьи и адвокаты должны обладать самымъ ловкимъ умѣньемъ примѣнять отвлеченное правило къ частному случаю, взятому изъ водоворота жизни. Адвокатъ долженъ умѣть обращаться съ фактомъ, какъ съ игрушкой, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, чтобы са-

мымъ яркимъ и разительнымъ образомъ выставить обстоятельства, говорящія въ пользу его кліента. И при настоящемъ порядкѣ судопроизводства наши воспитанники не могутъ браться даже за простое, можно сказать, ремесло стряпчихъ, или ходатаевъ по дѣлу. Да едва-ли найдутся и тяжущіеся, которые повѣрили бы веденіе своего дѣла новому адепту юридической науки, и они правы.

Польза практическихъ занятій для юриста несомнѣнна и въ другихъ отношеніяхъ. При теоретическомъ преподаваніи въ головѣ слушателя возникаетъ множество сомнѣній, недоразумѣній, неразрѣшенныхъ вопросовъ. Трудно вообразить, чтобы преподаватель, такъ сказать, воплотился въ слушателя: онъ всегда, по несовершенству природы человѣка вообще, невольно оставитъ нѣкоторыя стороны предмета неразъясненными. Самымъ легкимъ и удобнымъ средствомъ для пониманія этого недостатка представляется опять разрѣшеніе юридическихъ случаевъ. Учащійся, трудясь надъ юридическимъ рѣшеніемъ заданнаго ему факта, для объясненія встрѣтившагося ему сомнѣнія, поневолѣ долженъ или обратиться къ какому нибудь юридическому сочиненію, или ожидать помощи со стороны преподавателя. Послѣдній, наконецъ, самъ, по собственному побужденію, объяснитъ нѣкоторые предметы, столкнувшись съ ними въ практическомъ преподаваніи. Конкретный случай наглядно знакомитъ съ отвлеченными понятіями, которыми наполнена наука права. Воспитанникъ среднихъ учебныхъ заведеній еще не привыкъ вращаться въ сферѣ абстракціи, для него странно звучатъ понятія о юридической личности, о лицахъ физическихъ и юридическихъ, о правѣ на вещь, обязательствахъ, и т. д.; онъ темно понимаетъ или совсѣмъ не видитъ напр. различія между правомъ на вещь и обязательствомъ. Между тѣмъ это одинъ изъ краеугольныхъ камней науки гражданскаго права. Разбирая же отдѣльные факты, изъ которыхъ составилось отвлеченіе, учащійся легко побѣдитъ представляющуюся ему трудность и выиграетъ время. Наконецъ, занимаясь практически, онъ по необходимости возбудитъ въ себѣ самостоятельную дѣятельность, при небольшемъ навыкѣ даже легко можетъ открыть несостоятельность той или другой теоріи и поправки, которыхъ она требуетъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ пассивно, безъ яснаго сознанія, одухотворятся и войдутъ въ плоть и кровь его. Память должна будетъ уступить мѣсто раз-

судочному пониманію. Скажу еще, что практическія занятія рождаютъ необходимость гораздо чаще обозрѣвать всю систему права, и лучше понимать органическую связь, существующую между различными ея частями.

Но не смотря на всю важность практическихъ занятій при изученіи права, къ сожалѣнію, должно сознаться, что не вездѣ обращено на нихъ должное вниманіе. Вполнѣ соглашаясь съ методою, предложенною покойнымъ профессоромъ Мейеромъ (*), я долженъ сказать, что существующія нынѣ средства для достиженія цѣли слишкомъ недостаточны. Будучи самъ преподавателемъ гражданскаго права, и занимаясь съ своими слушателями между прочимъ и практикой, я на каждомъ шагу встрѣчаю непреодолимыя трудности, нравственную невозможность удовлетворить потребности, которая вопіетъ настоятельно. Первый камень преткновенія—это неприготовленность самого профессора, который, изучивъ право только по книжкамъ, въ идеальной кабинетной обстановкѣ, самъ является такимъ же теоретикомъ, какъ и его слушатели. Нѣтъ надобности говорить, что полное знакомство съ формами и съ практическими пріемами при переходѣ права въ міръ дѣйствительный и пріобрѣтается только въ средѣ соприкосновенія его съ жизнію дѣйствительной. И такъ, преподаватель, незнакомый самъ съ практической стороной права, сидя на кафедрѣ, чтобы знакомить слушателей съ тѣмъ, чего самъ не знаетъ, долженъ или сознаться въ своемъ безсиліи, или притвориться всезнайкой. И въ томъ и въ другомъ случаѣ положеніе его слишкомъ комично. Но положимъ, что онъ изъ какого нибудь руководства къ составленію дѣловыхъ бумагъ, напр. Варадинова (**), узналъ формальную сторону практики, спрашивается, гдѣ взять ему для своихъ чтеній содержаніе, облекаемое въ извѣстныя формы? Ужъ не выдумывать ли юридическіе случаи, кроя ихъ по мѣркѣ статей Свода Законовъ? Чтобы сказали медики, если бы кто вздумалъ учить практической медицинѣ по вымышленнымъ болѣзнямъ? Можетъ быть, возразятъ, что есть сборники дѣйствительныхъ, а не вымышленныхъ юридическихъ случаевъ, изданные на нѣмец-

(*) О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія, Мейера. Казань. 1855.

(**) Хотя должно сказать, что однихъ этихъ руководствъ недостаточно.

комъ языкѣ, какъ напр. Гиртаннера Rechtsfälle zu Puchta 's Pandecten. Отвѣчу, что это нѣсколько похоже будетъ на хозяина, вздумавшаго изучать русское сельское хозяйство по образцамъ организаціи его у Англичанъ. Не правда-ли знаніе его будетъ вполнѣ совершеннымъ! Каждая народность имѣетъ свои индивидуальныя особенности и юридическіе случаи; слѣдовательно возникшіе на нѣмецкой почвѣ не могутъ служить матеріаломъ для практическаго образованія русскаго юриста.—И такъ, для надлежащаго преподаванія у насъ практики въ высшихъ юридическихъ училищахъ необходимо прежде всего приготовить преподавателей. Съ этою цѣлью нужно отправлять ихъ на извѣстное время въ Правительствующій Сенатъ и въ Министерство Юстиціи (я говорю о практикѣ судебной), гдѣ бы они могли познакомиться и съ формами дѣлопроизводства, и пріобрѣсть нѣкоторый запасъ юридическихъ случаевъ, почерпая ихъ изъ безконечнаго разнообразія, въ которомъ дѣйствительная жизнь соприкасается съ правомъ въ этихъ учрежденіяхъ. Такъ и сдѣлано было напр. въ Казанскомъ Университетѣ, гдѣ магистры, сначала Ратовскій, а потомъ Соколовъ командированы были въ С.-Петербургъ для практическихъ занятій въ Сенатѣ и Департаментѣ Министерства Юстиціи. Желательно было бы, чтобы и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посвященныхъ праву, гдѣ преподаватели нуждаются въ практическихъ свѣдѣніяхъ, было поступлено такъ же. Такой порядокъ можно бы облечь въ форму общаго закона, обязательнаго для всѣхъ заведеній.—Но приготовивъ себя, преподаватель требуетъ еще постояннаго подновленія своихъ свѣдѣній, обогащенія себя новыми случаями, взятыми изъ жизни дѣйствительной. Практическое знаніе тоже пріобрѣтается не вдругъ; а постепенно и постоянно совершенствуется. Для этого хорошо бы было посылать въ высшія юридическія училища всѣ печатныя докладныя записки изъ оконченныхъ дѣлъ, производившихся въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ (*). Потомъ необходимо предоставить преподавателю право входа въ судебныя мѣста той мѣстности, гдѣ существуетъ учебное

(*) Даже Сводъ Законовъ не разсылается даромъ преподавателямъ права, а онъ стоитъ дорого и не всякому возможно удѣлить значительную сумму изъ своего жалованья, если принять еще во вниманіе, что надобно пріобрѣтать на свой счетъ и другія книги.

заведеніе. Пусть для него отверзутся врата канцелярской тайны и онъ имѣетъ право не только брать дѣла на домъ, подъ личною своею отвѣтственностію,—злоупотребленія тутъ едва-ли могутъ случиться—но и право присутствовать при всѣхъ засѣданіяхъ суда. Для сообщенія его дѣятельности болѣе живаго характера, ему можно предоставить и право голоса въ рѣшеніи дѣла, если только онъ въ извѣстномъ случаѣ пожелаетъ высказать свое мнѣніе (*). Дѣлать это обязательнымъ неудобно: занятія въ судебномъ мѣстѣ потребуютъ слишкомъ много времени и отвлекутъ отъ прямой обязанности. Такимъ образомъ достигнется двоякая выгода и для преподавателя и для юстиціи. Преподаватель, постоянно слѣдя за приложеніемъ права, будетъ непрерывно совершенствоваться въ своемъ знаніи и не отстанетъ отъ жизни дѣйствительной. Случается, что вмѣстѣ съ практикой на одно и то же лицо возложено и теоретическое преподаваніе; послѣднее сдѣлается болѣе интереснымъ и глубокимъ, выиграетъ самая наука. Сколько практическихъ вопросовъ встрѣчается при чтеніи любаго отдѣла Свода. Почти всѣ они разрѣшены въ дѣйствительности, между тѣмъ теорія или совсѣмъ не трогала ихъ, или рѣшала по-своему, не зная о существованіи обычнаго права. Но и судьи, стѣсненные присутствіемъ и правомъ голоса посторонняго лица, которое по своему образованію и общественному положенію, по всей вѣроятности, не допуститъ пристрастія по чему бы то ни было, едва-ли рѣшатся покривить душою и отступить отъ предписаннаго закономъ порядка, слѣдов. выиграетъ и юстиція.

Кажется, что предлагаемыя мною мѣры не требуютъ особыхъ преобразованій и расходовъ, между тѣмъ польза ихъ очевидна. Впрочемъ, сообщая мои замѣчанія, я не думаю о непреложной ихъ истинѣ. Въ настоящее время наступившей возможности болѣе или менѣе гласно высказывать свои мысли, долгъ всякаго объявить ихъ, если онѣ такъ или иначе могутъ содѣйствовать общему благу.

К. ЦАРЕВСКІЙ.

(*) Право голоса оффиціально свяжетъ преподавателя съ членами суда и избавитъ его отъ равнодушія и изворотовъ со стороны послѣднихъ въ дѣлѣ имъ чуждомъ.

ДВА СЛОВА

О ПРЕДЛОЖЕНІЯХЪ ПОСТАВКИ ХЛѢБА ВЪ КАЗНУ

САРАТОВСКИМЪ ПОМѢЩИКАМЪ.

Не знаю многіе ли изъ Саратовскихъ помѣщиковъ, но по крайней мѣрѣ нѣкоторые, а въ числѣ ихъ и я, съ искреннею радостію привѣтствовали еще въ началѣ 1857 года сдѣлавшееся намъ извѣстнымъ распоряженіе Военнаго Министерства о принятыхъ имъ мѣрахъ къ облегченію поставки хлѣба въ казну помѣщиками. На сдѣланный намъ запросъ со стороны Министерства по этому предмету я тогда же поспѣшилъ выразить живое сочувствіе къ столь благому намѣренію правительства, хотя и счелъ долгомъ откровенно указать на тѣ обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, было бы желательно, чтобъ Министерство имѣло въ виду для лучшаго достиженія своей цѣли—пріобрѣтать провіантъ изъ первыхъ рукъ. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ Сердобскихъ помѣщиковъ изъявили своею подписью согласіе съ моими мыслями. Признаюсь, я въ сильной степени интересовался ходомъ новой операціи Министерства. Нѣсколько лѣтъ передъ симъ сряду я бралъ съ торговъ, въ Саратовѣ, поставку провіанта въ мѣстные магазины инвалидныхъ командъ, и не могу сказать, чтобы бралъ безъ выгоды для себя сравнительно съ вольной продажей хлѣба. При этомъ я былъ такъ счастливъ, что не подвергался никакимъ притязаніямъ со стороны начальниковъ инвалидныхъ командъ, принимавшихъ мой хлѣбъ, а напротивъ всякій разъ, какъ мнѣ удавалось видѣться съ которымъ либо изъ нихъ, слышалъ отъ нихъ благодарность за высокое достоинство моей муки. Тоже самое повторяли мнѣ и солдаты мѣстныхъ

командъ. Исправная выдача денегъ изъ провіантской коммисіи слѣдовала постоянно за исполненною въ срокъ поставкою. Чего же было желать болѣе помѣщику? И вотъ я надѣялся что моя казенная поставка увеличится согласно съ предложеніемъ Министерства, что я слѣдовательно буду въ состояніи совершенно избавиться отъ вольной продажи моего хлѣба, что заранѣе буду знать сколько въ какое время долженъ имѣть денегъ за поставленную муку или крупу, и проч. и проч.

Занятія по службѣ не дозволили мнѣ ни въ ноябрѣ 1857 года, ни въ ноябрѣ 1858 года быть лично въ Саратовѣ на предложеніяхъ, какія, согласно съ новыми правилами Военнаго Министерства, дѣлались съ его стороны помѣщикамъ; но, снабдивъ довѣренностями надежныхъ людей, которые должны были заступить мое мѣсто въ настоящемъ случаѣ, я получалъ обо всемъ, происходившемъ по закупкѣ хлѣба въ Саратовѣ, весьма точныя свѣдѣнія. Съ своей стороны, кромѣ высылки общей довѣренности, я назначалъ приблизительно количество поставки, какую слѣдовало взять въ казну на мое имя, и цѣну разному хлѣбу. Послѣдняя опредѣлялась умѣренная, согласно съ цѣнами, какія должны были считаться болѣе или менѣе установившимися на зимнее время, въ которое мы обыкновенно продаемъ нашъ хлѣбъ, какъ въ самое удобное время для поставокъ. Данныя мною довѣренности найдены были правильными, и мои повѣренные допущены къ запискѣ, установленнымъ порядкомъ, въ книгѣ, открытой чиновникомъ Министерства съ тою цѣлью, чтобъ въ ней помѣщики заявляли свое желаніе взять поставку съ обозначеніемъ самого количества, какое кто намѣренъ взять. И что̀ же: ни я, ни другіе помѣщики не приняли на себя подрядъ, потому что предложенныя Министерствомъ цѣны показались желающимъ слишкомъ низки. Не знаю какія послѣдствія будетъ имѣть нерѣшимость моего повѣреннаго взять поставку по предложеннымъ Министерствомъ цѣнамъ на 1859 годъ; но за прошедшій 1858 годъ я остался очень доволенъ, что не состоялся подрядъ на мое имя, ибо хлѣбъ мой былъ проданъ въ Саратовѣ и на мѣстныхъ базарахъ по цѣнамъ высшимъ, чѣмъ предлагало Министерство.

Считаю себя обязаннымъ представить здѣсь въ доказательство моихъ словъ нѣкоторые факты, выбранные мною изъ донесеній и отчетовъ моихъ повѣренныхъ, управителей и другихъ лицъ.

Въ ноябрѣ 1857 г. я назначилъ моему повѣренному слѣдующія цѣны для поставки хлѣба въ казну: на муку, въ Саратовъ для мѣстнаго магазина и на пристани 3 р. сер. за четверть (7 пуд. 10 ф.), въ магазинъ Сердобской инвалидной команды 2 руб. 70 коп., въ Петровскій и Аткарскій 2 р. 80 к.; на гречневую крупу въ магазины Сердобскій, Петровскій и Аткарскій за четверть (въ 8 пуд.) 4 р. с. Въ означенной цѣнѣ полагались и кули, одинакіе для муки и двойные для крупы (*).

Въ это время рыночныя цѣны были слѣдующія: въ Саратовѣ мука продавалась отъ 1 р. 15 к. до 1 р. 20 к. асс. за пудъ, въ Сердобскѣ мука 80 к., въ Пензѣ на заводахъ рожь отъ 10 р. до 10 р. 50 коп. асс. за четверть (въ 10 пуд. 5 ф.); въ Вольскѣ она доходила до 15 р. асс. за четверть; крупа продавалась въ Саратовѣ цѣною отъ 11 до 12 р. асс. четверть, въ Сердобскѣ также.

Цѣны, предложенныя Министерствомъ, 16 ноября 1857 г., по увѣдомленію моего повѣреннаго, были назначены слѣдующія: на муку, въ сложности для Саратовскаго магазина и на Саратовскія пристани, 2 р. 32 к. сер., для командъ Петровской и Аткарской 2 руб. 5 коп. сер. (для Сердобской поставки не требовалось); на крупу съ поставкою въ Саратовъ 3 р. 25 к.; для командъ Петровской и Аткарской 3 р. 18 к. сер.

Въ годовой сложности за 1858 г. средняя цѣна въ Сердобскомъ моемъ имѣніи и въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ мнѣ помѣщиковъ (принимая, разумѣется, въ соображеніе и продажу хлѣба въ Саратовѣ, за исключеніемъ платы за доставку) оказалась: за муку 90 коп. асс. пудъ, за крупу 3 р. сер. четверть. Прибавивъ къ этимъ цѣнамъ стоимость извоза (до Саратова), можно положить, какъ среднюю, слѣдующую цѣну, по которой Сердобскіе помѣщики (**) могли бы взять поставку хлѣба въ казну до Саратова: на муку 1 р. 15 к. асс. пудъ, на крупу 3 р. 80 коп. сер. Но если при

(*) Объ овсѣ я не упоминаю, ибо по низкой цѣнѣ, какая бываетъ на него большею частію въ Саратовѣ, оказывается невыгоднымъ возить его сюда изъ уѣздовъ, сколько нибудь отдаленныхъ.

(**) Извѣстно, что Сердобскій уѣздъ принадлежитъ къ числу самыхъ хлѣбородныхъ и изъ него продается наибольшее количество хлѣба (въ сравненіи съ другими уѣздами Саратовской губ.) какъ въ Саратовѣ, такъ и въ Пензенской губерніи.

этомъ брать въ расчетъ расходы на расиылку и довѣсъ и на людей, посылаемыхъ съ обозами (чиновниковъ, принимающихъ провіантъ, мы полагаемъ въ настоящемъ случаѣ достигшими идеальной честности), то нельзя не сознаться, что и такая цѣна была бы не безубыточною для помѣщиковъ въ сравненіи съ тѣмъ, что они выручили, продавая свой хлѣбъ по вольной цѣнѣ.

Въ ноябрѣ 1858 года на подряды мною были назначены моему повѣренному слѣдующія цѣны: до Саратова за муку безъ куля 3 р. сер. четверть, въ мѣстныя команды 2 р. 70 к.; за крупу, съ поставкою въ Саратовъ, безъ кулей 5 р. сер. за четверть, а для инвалидныхъ командъ Сердобской, Аткарской и Петровской таже цѣна съ вычетомъ изъ нея приблизительно стоимости провоза отъ каждаго изъ этихъ городовъ до Саратова.

Цѣны на хлѣбъ, по полученнымъ мною донесеніямъ, въ это время были: на муку, въ Саратовѣ, отъ 1 р. до 1 р. 10 коп. асс. (крупа продавалась въ слишкомъ маломъ количествѣ и потому цѣна на нее была неопредѣленная); въ Сердобскѣ на муку отъ 80 до 90 к. асс. пудъ, на крупу отъ 12 до 14 руб. асс. четверть.

Предложенныя Министерствомъ цѣны, 20 ноября 1858 г., по увѣдомленію моего повѣреннаго, были слѣдующія: за муку, съ поставкою въ Саратовъ и на пристани, на четверть съ кулемъ, 2 руб. 88 коп. сер.; за гречневую крупу, на четверть съ двойными кулями, 4 р. 90 к. сер.; для инвалидныхъ командъ: Петровской на муку, на четверть съ кулемъ, 2 р. 40 к., для Сердобской 2 р. 30 коп. сер.

Не мое дѣло разсуждать о томъ *какъ* и по *какой цѣнѣ* пріобрѣло Военное Министерство въ прошедшемъ 1858 году то значительное количество хлѣба, которое были бы въ состояніи поставить въ казну Саратовскіе помѣщики; но могу сказать рѣшительно, что и на будущее время нельзя расчитывать на принятіе помѣщиками подряда, если они, по вѣрнымъ хозяйственнымъ расчетамъ, будутъ находить эту операцію для себя невыгодною. А это очень жаль, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Министерство разсуждаетъ совершенно справедливо, предполагая, что сами землевладѣльцы могутъ ставить въ казну хлѣбъ лучшаго качества, чѣмъ перекупщики.

Н. . . . .

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ СЕРДОБСКОМЪ УѢЗДѢ (САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ).

—

Крестьянскій трудъ хотя и составляетъ въ нашей мѣстности одну изъ экономическихъ силъ, которою пользуются помѣщики, но въ сдѣлкахъ о покупкахъ ими имѣній, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, они высказывали очень ясно, что эти имѣнія цѣнятся ими не по количеству принадлежащихъ къ нимъ крестьянъ, а по количеству земли и по угодьямъ, изъ коихъ состоитъ имѣніе. Я самъ неоднократно слышалъ сужденіе людей очень практическихъ, которые, опредѣляя цѣну земли въ пятнадцать, двадцать, двадцать пять рублей сер. и болѣе за десятину, говорили, что сверхъ этого *едва ли* что можно прибавить къ цѣнѣ за имѣніе, даже если при немъ находятся разныя хозяйственныя заведенія, въ томъ числѣ и овцеводство, дающее намъ въ настоящее время такой огромный доходъ. Положимъ, что это *едва ли* нѣкоторыми могло быть понимаемо чрезвычайно условно; но тѣмъ не менѣе справедливо, что многія имѣнія, не только населенныя, но снабженныя также разными хозяйственными заведеніями, съ господскою усадьбою и даже овцеводствомъ, въ послѣдніе годы были покупаемы отнюдь не дороже тридцати рублей серебромъ за десятину, а нѣкоторыя куплены даже цѣною отъ пятнадцати до двадцати пяти рублей серебромъ. Слѣдовательно, положивъ высшую изъ этихъ цѣнъ за землю, отходящую въ надѣлъ крестьянамъ, нѣтъ за тѣмъ никакого основанія полагать еще вознагражденіе владѣльцамъ за ихъ *личное освобожденіе*, или, говоря другими словами, за ту особенную выгоду,

*

какую они могли приносить помѣщикамъ какъ экономическая сила въ имѣніяхъ (*). Вѣрность этого практическаго довода можно подтвердить и историческими основаніями. Извѣстно, что Сердобскій уѣздъ населенъ преимущественно въ XVIII столѣтіи крестьянами, вывезенными изъ верховыхъ губерній, въ томъ числѣ въ значительномъ количествѣ изъ губерніи Владимірской. При своемъ поселеніи нѣкоторые изъ крестьянъ получили въ пользованіе всю землю, которая принадлежала къ извѣстному имѣнію, за положенный на нихъ *оброкъ;* другіе часть земли съ обязанностью обрабатывать остальную землю того же имѣнія въ пользу владѣльца; третьи уже впослѣдствіи, и особенно въ послѣднее время, переведены *съ оброка на издѣлье*, то есть, часть земли, бывшая въ пользованіи крестьянъ, отдѣлена для помѣщичьяго хозяйства, а оброкъ замѣненъ трехдневною работою на этомъ послѣднемъ участкѣ. Положеніе трехдневной работы, довольно строго соблюдаемое теперь въ нашемъ краѣ, основано на правилѣ, выраженномъ въ законодательствѣ еще въ XVIII вѣкѣ и съ тѣхъ поръ неоднократно повторенномъ въ XIX столѣтіи. Эта трехдневная работа, если оцѣнить ее деньгами, даже по ничтожной стоимости ея въ XVIII вѣкѣ, вслѣдствіе рѣдкости въ то время денегъ, превышала наемную цѣнность земли, отданной во владѣніе крестьянамъ; но надо помнить, что за излишекъ рабочей силы на помѣщикахъ лежали и лежатъ обязанности не совсѣмъ легкія въ отношеніи къ ихъ крестьянамъ, именно: снабженіе ихъ въ голодное время хлѣбомъ, поддержаніе сиротъ и неимущихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пособіе имъ лѣсомъ для стройки и хворостомъ для отопленія, при чемъ первое всегда было соблюдаемо помѣщиками въ случаѣ пожаровъ; отвѣтственность за неисправный взносъ ими подушныхъ и отправленіе разныхъ повинностей, при чемъ нѣкоторымъ помѣщикамъ приходи-

---

(*) Чтобы предупредить нѣкоторыя могущія возникнуть возраженія противъ цѣнности, назначенной мною здѣсь въ вознагражденіе помѣщикамъ за ихъ землю, считаю необходимымъ замѣтить, что я при этомъ имѣю въ виду не одну усадебную, но и пахатную землю; для опредѣленія же цѣнности одной усадебной земли должно имѣть въ виду отдѣльныя соображенія по каждому имѣнію, вслѣдствіе коихъ въ однихъ имѣніяхъ усадебная земля можетъ быть положена въ одной цѣнѣ съ пахатной, а въ другихъ напротивъ того можетъ быть оцѣнена дороже.

лось нерѣдко приплачивать изъ своего кармана. Но что всего важнѣе—цѣнность крестьянской работы, поставленной въ тѣ отношенія, о коихъ мы говоримъ, какъ работы обязательной и слѣдовательно худшей, была всегда *ниже* цѣнности свободнаго труда на нѣсколько процентовъ, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ даже на третью часть. Это послѣднее основаніе подало помѣщикамъ - экономамъ мысль о такъ называемыхъ *урочныхъ положеніяхъ* для работъ. Но на практикѣ оказывалось, что крестьяне, привыкшіе къ работѣ несвободной, недѣятельной, не всѣ выполняли даже тѣ уроки, которые были необременительны. Такимъ образомъ при настоятельномъ требованіи нѣкоторыхъ помѣщиковъ выполненія крестьянами этихъ урочныхъ положеній,—многіе оканчивали ихъ въ свои дни, и это возбуждало въ нихъ ропотъ за слишкомъ тяжелую барщину, отнимая у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ время отъ ихъ собственнаго хозяйства, и слѣдовательно изнуряя ихъ и приводя въ бѣдность. Съ другой стороны помѣщики видѣли, что, оставаясь при трехдневной работѣ, производимой весьма небрежно и при другихъ порокахъ, укоренившихся въ крестьянахъ отъ недостаточнаго развитія въ нихъ нравственныхъ понятій, они находятся въ накладѣ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ наемная цѣна старой пахатной земли доходитъ до четырехъ рублей серебромъ и болѣе за десятину (какъ напримѣръ на Пяшѣ), оказывалось выгоднѣе еслибъ крестьянъ вовсе не было и земля была отдаваема въ наемъ. Такъ и начали поступать нѣкоторые помѣщики, продавая при этомъ случаѣ крестьянъ на свозъ за невѣроятно дешевую цѣну, именно отъ тридцати до сорока рублей серебромъ за ревизскую душу мужескаго пола, при чемъ все женское населеніе, все крестьянское строеніе, скотъ и движимое имущество полагаемы были ни во что. Если сообразить это отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, то въ результатѣ оказывается, что, говоря вообще, трехдневная работа крестьянъ въ пользу помѣщиковъ за владѣніе ими помѣщичьею землею есть довольно вѣрное мѣрило наемной цѣнности этой послѣдней съ добавленіемъ къ ней лежащихъ на помѣщикахъ обязанностей въ отношеніи къ крестьянамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что такое мѣрило крайне неудобно и очень произвольно какъ скоро предложенъ будетъ вопросъ: да какова же должна быть эта работа, въ чемъ она должна состоять, сколько и что̀ именно долженъ сработать

крестьянинъ въ день для того, чтобы работа его считалась удовлетворительной? Многіе практики уже рѣшили этотъ вопросъ такъ, что подробное положеніе о крестьянскихъ работахъ, которое вникнуло бы во всѣ хозяйственныя требованія, согласно личнымъ расчетамъ и соображеніямъ землевладѣльца и согласно условіямъ мѣстнымъ, рѣшительно невозможно. При первомъ примѣненіи этого положенія къ дѣлу окажется непремѣнно, что и помѣщикъ будетъ недоволенъ крестьянскою работою, и крестьянинъ будетъ жаловаться на требованія помѣщика. Одно средство примирить ихъ будетъ состоять въ томъ, чтобы крестьянинъ, предполагаемый при такой работѣ лично свободнымъ, поступилъ въ новую зависимость отъ помѣщика, какъ то: задолжалъ ему значительно хлѣбомъ, деньгами, и тому подобнымъ; въ такомъ случаѣ онъ кажущіяся ему излишнія требованія землевладѣльца будетъ исполнять безропотно какъ бы заслуживая проценты за сдѣланную ему ссуду и отдаляя уплату предмета или капитала, полученнаго имъ въ долгъ, на неопредѣленное время, на что разумѣется помѣщикъ (впрочемъ лишь недобросовѣстный) съ своей стороны охотно согласится, ибо за временное пожертвованіе будетъ держать крестьянина вѣчно въ своихъ рукахъ и будетъ держать на основаніяхъ, повидимому, вполнѣ законныхъ. И такъ вотъ къ чему можетъ въ нашей мѣстности привести строгое положеніе о крестьянскихъ работахъ—къ новой зависимости крестьянина, но къ зависимости, которая будетъ уже основываться не на началахъ патріархальныхъ, какъ прежняя, а на началѣ юридическомъ, ибо свой договоръ съ помѣщикомъ о займѣ крестьянинъ, какъ свободное лице, получитъ возможность утвердить даже въ присутственномъ мѣстѣ. Такъ точно, въ одно время съ постояннымъ рабствомъ, имѣли силу въ древности у насъ кабалы, на основаніи коихъ свободный, *гулящій* человѣкъ поступалъ къ помѣщику въ пожизненную работу за какой нибудь рубль или за небольшое количество даннаго ему въ заемъ хлѣба. Разница будетъ состоять только въ томъ, что нашъ крестьянинъ, вѣчный работникъ помѣщика *на основаніи положенія о крестьянскихъ работахъ*, сдѣлается на основаніи долговой съ нимъ сдѣлки работникомъ *по произволу* этого послѣдняго. Но въ древней Руси зависимость пожизненнаго кабальнаго смягчалась опять элементомъ патріархальнымъ, который проникалъ въ то время во всѣ общественныя

отношенія, между тѣмъ какъ въ настоящее время патріархальность изчезаетъ каждый день все болѣе и болѣе.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что: 1) дарованіе крестьянину личной свободы, безъ всякаго за то вознагражденія помѣщика, слѣдуетъ признать требованіемъ вполнѣ справедливымъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ большей части имѣній въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь; 2) крестьянинъ, признанный лично свободнымъ, говоря строго, долженъ воспользоваться этою свободою вполнѣ, т. е. долженъ быть поставленъ въ совершенную, въ матеріальномъ отношеніи, независимость отъ прежняго помѣщика.

Утвердивъ необходимость личнаго безплатнаго освобожденія крестьянина, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса: слѣдуетъ ли допустить, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ *гулящій человѣкъ*, по выраженію древней Руси, какъ для пользы землевладѣльцевъ, такъ и для его собственной, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду и цѣль государственную?

Правительство рѣшило, *что осѣдлость крестьянина должна быть вполнѣ обезпечена, и даже выкупомъ* съ его стороны *усадебной земли въ полную его собственность.* Этой благой мѣрѣ мы не можемъ отказать въ полномъ нашемъ сочувствіи, и напротивъ должны употребить всѣ зависящія отъ насъ средства къ тому, чтобы привести ее въ скорѣйшее исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ былъ бы крестьянинъ безъ земли, съ которою онъ связанъ нераздѣльно не только потому, что сидѣлъ на ней и владѣлъ ею неопредѣленное число десятилѣтій, между тѣмъ какъ помѣщики мѣнялись, но и потому, что онъ исключительно земледѣлецъ?—Ничто иное какъ бездомный и безпріютный батракъ, лишенный родины, которую во многихъ случаяхъ ему навязали или создали насильно. Не обойдется ли ему слишкомъ дорого дарованная ему свобода, если вмѣстѣ съ тѣмъ ему придется оставить все то, что онъ привыкъ особенно любить въ жизни и что невидимыми узами соединяетъ его съ отцомъ его и дѣдомъ, все то, что лелѣяло его и ихъ дѣтство, среди тяжкихъ и безпрерывныхъ трудовъ дарило ихъ минутами забвенія ихъ горькой участи и гдѣ, свершивъ земное поприще, они умирали спокойно въ надеждѣ, что за добрую жизнь ихъ помянутъ добрымъ словомъ ближайшіе ихъ братьи. Мы не можемъ поддаться обольщенію, чтобы крестьянину, лишенному

земли, на которой онъ *сидѣлъ*, легко было сдѣлать условіе съ прежнимъ его помѣщикомъ и остаться, въ слѣдствіе этого условія, на той же землѣ. Во первыхъ: такое условіе было бы лишь временное, и потому самому было бы неудобно для того, кто желаетъ прочной осѣдлости и дѣйствительно имѣетъ въ ней нужду. Во вторыхъ, всякій разъ при заключеніи такого условія помѣщикъ имѣлъ бы полную возможность не только увеличивать арендную плату за усадьбу, занимаемую крестьянскими строеніями, въ слѣдствіе естественнаго возвышенія цѣны на землю, но, въ случаѣ его недобросовѣстности, увеличивать ее и на томъ основаніи, что крестьянину во всякомъ случаѣ было бы выгоднѣе дать ему эту плату, чѣмъ переселяться Богъ знаетъ куда со всѣмъ своимъ заведеніемъ. Защитники правъ помѣщичьихъ на усадебную землю крестьянъ спрашиваютъ: можно ли лишить помѣщика *собственности*, которую гарантировало за нимъ Правительство? Не говоря о государственныхъ основаніяхъ, которыя это допускаютъ, мы спросимъ: можно ли крестьянина лишить того *владѣнія*, которое принадлежитъ ему по всѣмъ понятіямъ, естественнымъ и юридическимъ? И такъ, говоря строго, пусть за помѣщикомъ останется *право собственности* на крестьянскую усадебную землю, а за крестьяниномъ *вѣчное владѣніе*. И это было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы только могло быть приведено въ исполненіе не въ ущербъ крестьянамъ, и не въ ущербъ самому помѣщику. Что касается до крестьянина, то, получивъ вмѣстѣ съ усадебною землею во владѣніе и пахатную землю, которою онъ доселѣ пользовался, если онъ обязанъ будетъ за это владѣніе постоянною работою на помѣщика, онъ будетъ отличаться отъ настоящаго издѣльнаго крестьянина лишь тѣмъ, что съ устройствомъ мірскихъ общинъ и судовъ найдетъ въ нихъ защиту отъ нѣкоторыхъ злоупотребленій со стороны помѣщиковъ. Но всѣ подобныя ограниченія помѣщичьей власти, съ цѣлью отвращенія злоупотребленій, не могутъ быть названы даже полумѣрой тамъ, гдѣ дѣло идетъ о личной свободѣ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ обязательная работа за землю, данную въ пользованіе крестьянину, какъ мы доказали выше, никакъ несовмѣстна съ понятіемъ о его личной свободѣ, ибо гдѣ эта свобода, когда крестьянинъ не можетъ не взять у помѣщика въ пользованіе землю и не можетъ за это навязанное ему пользованіе отказаться отъ работы на помѣщика? Но съ другой

стороны можно рѣшительно сказать, что добросовѣстный помѣщикъ не всегда останется доволенъ работою, которая будетъ производима въ его пользу какъ обязательная, и не смотря на то съ большимъ ограниченіемъ его хозяйственныхъ соображеній. Впрочемъ такое незавидное положеніе помѣщика еще хорошо въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ, при предстоящихъ перемѣнахъ, будутъ находиться владѣльцы имѣній въ томъ случаѣ, если на крестьянъ за пользованіе землею положить вообще денежную плату, называемую *оброкомъ*. Я знаю по опыту, что въ настоящее время крестьяне нѣкоторыхъ оброчныхъ имѣній, владѣя землею въ количествѣ 10 десятинъ на душу и не бывъ ничѣмъ болѣе обязаны, кромѣ денежной ренты за землю, платятъ неисправно оброкъ въ пятнадцать рублей серебромъ на тягло, или около шести рублей серебромъ на мужскую душу. И такъ помѣщикъ, отдавая крестьянину въ пользованіе до десяти десятинъ и слѣдовательно лишаясь наемной платы за свою землю отъ постороннихъ отъ пятнадцати до двадцати рублей серебромъ (полагая въ пашнѣ изъ десяти десятинъ только шесть и наемной за десятину платы отъ двухъ до трехъ рублей), не получаетъ иногда и шести рублей серебромъ оброка съ своего крестьянина. Возложить на мірскую общину обязанность исправнаго взноса оброка въ такихъ имѣніяхъ было бы опасно, ибо зажиточные крестьяне, принужденные доплачивать недоимку за бѣдныхъ, пришли бы въ скоромъ времени и сами въ раззореніе; мысль же о томъ, что по крайней мѣрѣ многихъ бѣдныхъ при общинномъ устройствѣ не должно и даже не можетъ быть, въ нашей мѣстности не имѣетъ практическаго основанія: при случающихся нерѣдко неурожаяхъ и пожарахъ только тѣ крестьяне остаются зажиточными, которые съ давнихъ лѣтъ поставили свое хозяйство въ хорошее положеніе, то есть, имѣютъ много запаснаго хлѣба, имѣютъ даже капиталъ, на который постоянно нанимаютъ для посѣва землю, скупаютъ скотъ, и тому подобное. А такихъ очевидно не можетъ быть много; прочіе же, при малѣйшей невзгодѣ, должны быть скорѣе причислены къ неимущимъ, чѣмъ къ классу тѣхъ, за коими, по мѣстному выраженію, *не стоятъ* повинности и оброки. Отсюда слѣдуетъ, что помѣщикъ въ томъ случаѣ, еслибъ вся земля, принадлежащая къ его имѣнію, была отдана въ пользованіе крестьянъ за деньги, будучи лишенъ не только этой земли,

но и законнаго за нее вознагражденія, въ наше время, когда именно занятія сельскимъ хозяйствомъ становятся общею потребностью, остался бы лишь хладнокровнымъ зрителемъ того какъ крестьяне обработываютъ его поля своими допотопными орудіями. Въ томъ же случаѣ если бъ онъ отрѣзалъ имъ въ пользованіе только часть своей земли, онъ могъ бы разумѣется на своемъ участкѣ заниматься хозяйствомъ по своему произволу; но при этомъ едва ли получилъ бы какое либо вознагражденіе отъ крестьянъ, ибо въ нашей мѣстности крестьянинъ, имѣющій на тягло не болѣе двухъ десятинъ въ каждомъ полѣ, находится лишь въ возможности кормиться и уплачивать казенныя подати. Правда у него останется свободное время, которое онъ могъ бы употребить на какую либо постороннюю работу; но къ промысламъ наши крестьяне не привыкли, да и не рѣшатся добывать ими деньги, пока будутъ имѣть на столько земли, что въ состояніи ею кормиться. Можетъ быть они согласились бы еще наниматься у помѣщиковъ для обработки ихъ полей, но конечно только въ весьма немногихъ имѣніяхъ имъ представится къ тому случай. Въ нашемъ уѣздѣ хозяйство на наемномъ основаніи можетъ быть названо выгоднымъ лишь тогда, когда оно производится въ большомъ размѣрѣ и значительнымъ капиталомъ (какого наши помѣщики, говоря вообще, не имѣютъ), обработка же наймомъ небольшихъ участковъ приноситъ обыкновенно самую ничтожную выгоду. Вотъ почему оставленіе помѣщикамъ на прежнихъ условіяхъ права собственности на всю ихъ землю, при оброчномъ положеніи, представляется намъ не только для нихъ невыгоднѣе, но и стѣснительнѣе, чѣмъ лишеніе ихъ части этой земли за соотвѣтствующее вознагражденіе.

И такъ съ одной стороны необходимость дать крестьянамъ упроченную и независимую отъ помѣщиковъ осѣдлость, а съ другой стороны справедливое требованіе, чтобы помѣщики не были лишены права личнаго пользованія по крайней мѣрѣ большею половиною своей земли и права получать за землю, изъятую изъ ихъ владѣнія въ пользу крестьянъ, законный доходъ, приводитъ насъ къ мысли, что крестьянамъ слѣдуетъ неизбѣжно дать часть этой земли навсегда въ полную собственность, и именно на первый разъ усадебную землю съ соотвѣтствующимъ за нее вознагражденіемъ помѣщика. Такъ и рѣшило Правительство, признавъ вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, что усадебная земля должна быть пріобрѣтена крестьянами *выкупомъ* ея у владѣльцевъ. Не касаясь здѣсь вопроса о томъ какъ этотъ выкупъ можетъ быть сдѣланъ, замѣтимъ только, что хотя пріобрѣтеніе крестьянами на этомъ основаніи усадебной земли въ полную собственность для нихъ отяготительнѣе, чѣмъ могло бы быть возложенное на нихъ обязательство вознаграждать помѣщиковъ ежегодно за пользованіе землею работою или деньгами, но выгоднѣе для нихъ въ томъ отношеніи, что однажды навсегда обезпечиваетъ ихъ осѣдлость и не только не подвергаетъ ихъ возвышенію платы за землю, но, по взносѣ выкупа, утверждаетъ очевидно полное ихъ освобожденіе отъ всякой вообще обязательной зависимости отъ прежняго помѣщика. Но для помѣщиковъ отдача крестьянамъ въ полную собственность одной усадебной земли оказывается стѣснительной во многихъ отношеніяхъ. Крестьянскія усадьбы находятся большею частью въ самой срединѣ помѣщичьихъ дачъ и почти всегда вблизи ихъ заведеній, сада и полей. Если бы даже крестьяне согласились добровольно (чего однако въ большей части случаевъ никакъ нельзя предположить) перенести свою усадьбу на другую мѣстность, то все-таки эта мѣстность не можетъ быть слишкомъ удалена отъ прежней, ибо крестьянину, такъ какъ и помѣщику, нужна вода, а въ степныхъ участкахъ кромѣ рѣки, или ручья, на которыхъ построены господскій домъ и заведенія и въ тоже время сидитъ крестьянская усадьба, обыкновенно нѣтъ другихъ удобныхъ для поселенія мѣстностей. Исключеній весьма немного и они встрѣчаются преимущественно въ большихъ имѣніяхъ. Слѣдовательно при отдачѣ крестьянской усадьбы въ полную собственность крестьянамъ помѣщикъ будетъ имѣть въ нихъ самыхъ близкихъ и, скажемъ откровенно, не совсѣмъ пріятныхъ сосѣдей. По причинѣ полнаго неуваженія со стороны крестьянъ къ чужой собственности, вслѣдствіе котораго даже воровство и всякій явный вредъ, причиняемый ими сосѣдямъ, представляется имъ съ особой точки зрѣнія, и болѣе или менѣе извинительнымъ, близость ихъ усадьбы къ помѣщичьимъ заведеніямъ и землѣ будетъ по крайней мѣрѣ еще долгое время служить важнымъ препятствіемъ всѣмъ благимъ стремленіямъ помѣщика на пользу хозяйства. Въ саду у себя онъ увидитъ крестьянскій скотъ, который обыкновенно, не смотря на всѣ запрещенія, шатается безъ надзора; въ томъ же

саду и даже въ анбарахъ онъ не убережется отъ болѣе или менѣе частыхъ похищеній; въ лѣсахъ его будетъ вѣчная порубка, въ поляхъ и лугахъ вѣчная потрава; но справедливость требуетъ замѣтить, что даже при искреннемъ желаніи со стороны самихъ крестьянъ не вредить помѣщикамъ они не будутъ въ состояніи этого избѣгнуть, если сверхъ усадебной земли не будутъ надѣлены и землею пахатною. Въ самомъ дѣлѣ куда, въ противномъ случаѣ, крестьянинъ долженъ выгонять свой скотъ; чѣмъ будетъ жить, если онъ, земледѣлецъ по рожденію и привычкамъ, не будетъ имѣть своего клочка для обработки. Нанимать же у помѣщика поля, луга и пастбища, хотя бы онъ на это и согласился, міръ не будетъ въ состояніи, ибо цѣна за землю окажется для него слишкомъ высокой. Въ нашей мѣстности вы можете легко сдать въ наемъ десятинъ двѣсти и болѣе за хорошую цѣну какому либо одному зажиточному и предпріимчивому крестьянину; но это самое количество десятинъ не найметъ міръ, потому что онъ не соберетъ полной платы, которая пришлась бы по разверсткѣ на многихъ изъ неимущихъ членовъ. Но если помѣщикъ долженъ терпѣть отъ сосѣдства крестьянъ, то съ другой стороны не будутъ въ выигрышѣ и крестьяне, надѣленные лишь одною усадебною землею. Окруженные со всѣхъ сторонъ помѣщичьимъ владѣніемъ, они будутъ, такъ сказать, заперты въ своей усадьбѣ, почему помѣщикъ на каждомъ шагу найдетъ возможность дѣлать имъ притѣсненія, а къ этому будутъ подавать ему поводъ тѣ оскорбленія со стороны крестьянъ, о коихъ говорено было выше. Зашелъ крестьянскій скотъ въ его дачу: онъ захватитъ его и представитъ въ Полицію; случилась потрава въ его полѣ и лугахъ, порубка въ его лѣсу и такъ далѣе—онъ тотчасъ позаботится о произведеніи слѣдствія, и если даже не достигнетъ своей цѣли, то во всякомъ случаѣ хлопоты по этому слѣдствію принесутъ ущербъ крестьянину. Захочетъ ли крестьянинъ наняться у него какъ батракъ: онъ будетъ соображать его положеніе и видя, что ему выгоднѣе наняться ближе, чѣмъ вдали, предложитъ ему цѣну ниже обыкновенной. Захочетъ ли крестьянинъ нанять у него землю, онъ на оборотъ по той же близости его къ полю и лугамъ будетъ требовать съ него дороже. Еслибъ однако это побудило крестьянина оставить домъ свой и искать работы и денегъ на сторонѣ, то данная ему осѣдлость послужитъ тому препятствіемъ. Очевидно не стоитъ на-

вязывать помѣщику непріятнаго сосѣда въ крестьянинѣ, когда послѣднему это не принесетъ большой пользы, а во многихъ случаяхъ стѣснитъ его. Такимъ образомъ мы невольно приходимъ къ тому выводу, что крестьянину для полнаго его обезпеченія должна быть дана и пахатная земля, какъ предположено также Правительствомъ. Но какъ надѣленіе крестьянъ пахатною землею лишь въ пользованіе за опредѣленную съ ихъ стороны обязательную работу на помѣщика, или за ежегодную денежную плату, въ нашей мѣстности, какъ доказано выше, не представляется выгоднымъ ни для помѣщика, ни для крестьянина, то остается одинъ исходъ—*надѣлить крестьянъ частью пахатной помѣщичьей земли въ полную собственность съ вознагражденіемъ помѣщика за отходящій отъ него участокъ по дѣйствительной его цѣнѣ* (*). Надѣленіе крестьянъ пахатною землею сверхъ усадебной именно на этомъ основаніи принесетъ неисчислимыя выгоды обѣимъ сторонамъ.

Что касается до крестьянина, то его состояніе будетъ вполнѣ обезпечено; онъ получитъ въ собственность не только землю для жительства, но и на пропитаніе и на отправленіе своихъ повинностей; притомъ будетъ огражденъ отъ всѣхъ притѣсненій со стороны помѣщика, ибо получитъ свой паръ и свои жнива, гдѣ можетъ пастись мірской скотъ; въ случаѣ дорогой поземельной ренты у помѣщика онъ будетъ довольствоваться своею пахатною землею; въ томъ же случаѣ если помѣщикъ за свободную работу станетъ предлагать слишкомъ низкую плату, семейные могутъ высылать своихъ членовъ въ другія мѣстности, гдѣ трудъ цѣнится дороже, а свою землю обработывать остающимися дома тяглами, или, по недостатку рукъ, принимая однотягольныхъ и бѣдныхъ изъ своихъ же крестьянъ. Что касается до помѣщика, то во всѣхъ своихъ сдѣлкахъ съ

(*) Считаемъ необходимымъ, опять въ отвращеніе всякихъ недоумѣній, замѣтить здѣсь, что мы не предполагаемъ немедленнаго исполненія такой мѣры, и думаемъ даже напротивъ, что въ теченіи срока, назначеннаго Правительствомъ для переходнаго состоянія, неизбѣжно оставить землю въ собственности помѣщиковъ и лишь въ пользованіи крестьянъ, съ обязанностію этихъ послѣднихъ за такое пользованіе платить работой или деньгами. Дѣлать исключеніе и ъ такого положенія должно быть предоставлено усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ, которые, въ случаѣ если найдутъ для себя полезнѣе и возможнымъ ранѣе истеченія означеннаго срока освободить своихъ крестьянъ съ пахатною землею, могутъ заключать съ ними надлежащія о томъ условія.

крестьяниномъ и даже искахъ противъ него онъ будетъ обезпеченъ тѣмъ, что у послѣдняго есть имущество, съ котораго можетъ быть взыскано, именно хлѣбъ, а иногда и денежные заработки, которые члены изъ семейныхъ будутъ получать на сторонѣ. Словомъ сказать, при надѣлѣ крестьянина полевою землею въ полную собственность онъ обратится не только въ совершенно свободнаго человѣка, но и въ самостоятельнаго земледѣльца, водвореннаго на своей землѣ. Между нимъ и помѣщикомъ, большимъ землевладѣльцемъ, начнутся равныя отношенія, которыя все болѣе и болѣе будутъ скрѣплятьcя ихъ взаимными нуждами, взаимнымъ довѣріемъ и наконецъ общими имъ мѣстными интересами. Такъ, напримѣръ, если помѣщикъ можетъ крестьянину сдѣлать безкорыстную ссуду деньгами или хлѣбомъ въ случаѣ нужды его, то и крестьянинъ можетъ добровольно оказать пособіе помѣщику въ его работахъ такъ называемою помочью, и теперь извѣстною въ нашихъ мѣстахъ. Вообще нѣтъ никакого сомнѣнія, что при свободныхъ отношеніяхъ и сдѣлкахъ между тѣмъ и другимъ все это устроится къ лучшему. Нельзя также не замѣтить, что, при такомъ новомъ положеніи и бытѣ крестьянъ, помѣщики, лишенные правда матеріальнаго надъ ними вліянія, не только не утратятъ, а скорѣе пріобрѣтутъ въ отношеніи къ нимъ то нравственное значеніе, какое имѣетъ всегда и вездѣ классъ образованный надъ низшимъ по степени развитія. Обладая значительными землями (ибо за ними все еще останется большая часть прежняго владѣнія) и слѣдоват. не переставая быть самыми богатыми землевладѣльцами; обладая знаніемъ сельскаго хозяйства и сравнительно бо́льшими капиталами, чѣмъ низшія сословія, они всегда будутъ въ состояніи поддерживать низшій классъ производительный и способствовать успѣхамъ земледѣлія; принявъ же на себя обязанность заботиться и объ улучшеніи крестьянъ въ нравственномъ отношеніи учрежденіемъ школъ для распространенія въ народѣ грамотности и утвержденія въ немъ религіознаго начала, они должны, по справедливости, возвыситься до того значенія, какимъ гордится и сильна аристократія въ Англіи.

Сердобскій помѣщикъ.

ОБОЗРѢНІЕ НОВЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Сводъ Законовъ изданія 1857 г.—Первое Продолженіе Свода.—О составленіи завѣщаній въ морскихъ военныхъ госпиталяхъ.—Правила о поручительствѣ не на срокъ.—Воспрещеніе владѣть недвижимыми имѣніями по незаконнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ и послѣдствія такого владѣнія. — О продажѣ съ публичнаго торга движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ.—С.-Петербургская Временная Коммисія для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми.—Права́, дарованныя удѣльнымъ крестьянамъ.

—

Мы не можемъ не признать за особенно счастливое обстоятельство, что намъ приходится открывать журналъ въ то самое время, когда съ одной стороны вышло новое изданіе Свода Законовъ Россійской Имперіи, а съ другой Правительство принимаетъ самыя дѣятельныя мѣры къ улучшенію нашихъ законовъ, въ особенности по части судопроизводства. Въ этомъ отношеніи главная обязанность нашего изданія будетъ заключаться въ томъ, чтобы постоянно слѣдить за всѣми измѣненіями въ области Русскаго законодательства, касающимися ближайшимъ образомъ нашей гражданской дѣятельности, или другими словами, практическаго проявленія тѣхъ обиходныхъ потребностей, которыя безпрерывно вызываютъ насъ къ отношеніямъ съ разными лицами, къ взаимнымъ сдѣлкамъ, а иногда и къ неизбѣжно возникающимъ отсюда столкновеніямъ, переходящимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ вѣдомство суда. Съ этой точки зрѣнія мы постараемся указывать читателямъ на то, что̀ они должны имѣть въ виду для собственной же пользы, что̀ они обязаны непремѣнно знать для того, чтобы не подвергнуться отвѣтственности или не потерпѣть какія либо потери единственно вслѣдствіе невѣдѣнія, которымъ, по нашимъ законамъ, никто отговариваться не можетъ. Такое обозрѣніе дѣйствующаго законодательства мы

считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что, къ крайнему сожалѣнію, въ практикѣ у насъ не распространены и самыя общія юридическія понятія, не говоря уже о частностяхъ и подробностяхъ, съ которыми однако очень часто бываетъ связано исполненіе какого либо условія, договора и вообще юридическое дѣйствіе.

Начнемъ съ лежащаго передъ нами новаго изданія Свода Законовъ. Нельзя не сознаться, что оно, количествомъ своихъ томовъ и частей, внушаетъ многимъ мысль, будто знаніе законовъ доступно у насъ лишь нѣкоторымъ лицамъ, посвятившимъ себя исключительно ихъ изученію. Но, слава Богу, мы уже далеко ушли, и именно благодаря тому же Своду, отъ той эпохи когда знаніе законовъ, условливаясь рутиною, навыкомъ, дѣйствительно было принадлежностью касты подьячихъ, которые, пользуясь этимъ, умышленно придавали своимъ свѣдѣніямъ какую-то таинственность. Теперь однако взглядъ на нихъ перемѣнился и мы вполнѣ увѣрены, что если частое обращеніе нашихъ практиковъ-юристовъ со Сводомъ и примѣненіе изложенныхъ здѣсь понятій и правилъ къ дѣйствительной жизни и даетъ имъ нѣкоторый перевѣсъ надъ тѣми, которые не искусились въ пріисканіи законовъ и приложеніи ихъ къ даннымъ случаямъ, тѣмъ не менѣе и сами они нуждаются въ свѣдѣніяхъ историческихъ и теоретическихъ, безъ коихъ полное знаніе общихъ началъ законодательства рѣшительно невозможно, между тѣмъ какъ безъ такого знанія все содержаніе Свода Законовъ есть ничто иное какъ мертвая буква. И такъ вотъ основаніе, которое обязываетъ насъ знать законы помимо практиковъ и вотъ ключь, который отворяетъ намъ двери для ихъ изученія, не смотря на ихъ видимую дробность. Этотъ ключь есть знаніе теоретическое или уясненіе себѣ основныхъ понятій каждой части Законодательства. Но и для неимѣющихъ такого преимущества нельзя сказать, чтобы Сводъ Законовъ не былъ доступенъ. Онъ изданъ съ тою именно цѣлью, чтобы каждый могъ найти въ немъ все что необходимо ему знать, когда въ обиходной жизни его дѣйствіе подчиняется закону въ отношеніи формальномъ или матеріальномъ. И такъ не побуждаетъ ли это самое каждаго изъ насъ, какъ въ составленіи какого либо гражданскаго акта, такъ и въ процессѣ, не отдавать свою судьбу прямо въ руки болѣе или менѣе опытныхъ законниковъ, а обращаться прежде самимъ къ тому источнику,

которымъ и они обязаны руководствоваться. Это дастъ сверхъ того возможность вникнуть обстоятельнѣе въ значеніе и свойство предпринимаемаго дѣйствія, а съ другой стороны—избѣжать отъ злоупотребленій и обмановъ въ томъ случаѣ, еслибъ судьба отдала совершающаго актъ или дѣйствующаго въ процессѣ въ руки не совсѣмъ чистыя. Впрочемъ и въ случаѣ благонамѣренныхъ совѣтовъ и указаній со стороны практиковъ, мы, зная законъ, скорѣе въ состояніи понять и оцѣнить эти совѣты, а слѣдовательно и воспользоваться ими для успѣха начинаемаго дѣла.

Но, спросятъ насъ читатели, не изучившіе теоретически Свода Законовъ, какъ, при обширности его объема и при подробности изложенныхъ въ немъ правилъ, находить здѣсь то, что нужно въ данномъ случаѣ, какъ отыскивать подходящую къ дѣлу статью закона? Для этого необходимо познакомиться прежде всего съ азбукой Свода—съ раздѣленіемъ его содержанія и съ размѣщеніемъ различныхъ предметовъ этого содержанія по разнымъ томамъ и частямъ, на которые онъ распадается. Мы укажемъ для желающихъ на то и другое, не входя впрочемъ въ ученое разсмотрѣніе того, на сколько частей развѣтвляется право въ общемъ его понятіи и какое поэтому должно быть принято раздѣленіе при начертаніи какого бы то ни было дѣйствующаго законодательства. Ограничиваясь нашей задачей, мы считаемъ достаточнымъ замѣтить, что нашъ Сводъ Законовъ какъ во 2-мъ его изданіи (1842 г.), такъ и въ третьемъ (1857 г.) остался вѣренъ системѣ, принятой для него въ 1832 году, когда вышло въ свѣтъ первое его изданіе. Заключая въ себѣ три главные разряда законовъ—законы *государственные, гражданскіе* и *уголовные*, онъ представляетъ это содержаніе подъ слѣдующими рубриками:

А. Законы государственные.

I. Законы основные (о существѣ и правахъ Верховной Власти). — II. Законы учредительные или органическіе (объ учрежденіяхъ или правительственныхъ мѣстахъ и лицахъ). — III. Законы о службѣ гражданской.—IV. Законы силъ правительственныхъ, или законы о тѣхъ средствахъ, какими пользуется Правительство для удовлетворенія потребностямъ государствен-

нымъ.—V. Законы о состоянiяхъ (иначе о сословiяхъ въ Государствѣ, ихъ правахъ и доказательствахъ этихъ правъ).—VI. Законы государственнаго благоустройства, или о тѣхъ мѣрахъ и учрежденiяхъ, которыми удовлетворяются со стороны Правительства общiя потребности всѣхъ гражданъ, какъ физическiя, такъ и нравственныя, каковы напр. потребность образованiя, быстрыхъ и постоянныхъ сношенiй, довольствiя въ жизни, развитiя промысловъ, и т. п.—VII. Законы благочинiя или о мѣрахъ, принимаемыхъ Правительствомъ къ предупрежденiю бѣдствiй или вреда, физическаго и нравственнаго, какимъ могутъ подвергаться граждане, именно какъ пагубнаго влiянiя природы, такъ и зла, причиняемаго людьми.

Б. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКIЕ.

I. Законы общiе, къ коимъ принадлежатъ: а) Законы гражданскiе въ тѣсномъ смыслѣ, или законы о юридическихъ отношенiяхъ между частными лицами и объ отношенiяхъ ихъ къ имуществамъ. б) Законы о судопроизводствѣ, или о тѣхъ мѣрахъ, какими возстановляется нарушенное или спорное право частныхъ лицъ. II. Законы особенные, къ коимъ принадлежатъ законы, разсматривающiе въ подробности какiе либо отдѣльные предметы, входящiе въ составъ частныхъ или гражданскихъ правъ. Въ нашемъ законодательствѣ сюда отнесены Законы межевые, или законы, касающiеся разграниченiя поземельной собственности какъ между частными лицами, такъ и частными лицами и казною; здѣсь же говорится объ учрежденiяхъ, или мѣстахъ и лицахъ, для этого установленныхъ.

В. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

I. Законы о преступленiяхъ и наказанiяхъ.—II. Законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленiяхъ и проступкахъ.

Всѣ означенные здѣсь законы размѣщены въ *пятнадцати* томахъ Свода, изъ коихъ нѣкоторые подраздѣляются на части. Содержанiе каждаго тома и части слѣдующее:

Томъ первый, часть первая. Законы основные: I. О священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Самодержавной Власти.—II. Учрежденiе о Императорской фамилiи.

Томъ первый, часть вторая. I. Учрежденія Государственныя: 1) Государственный Совѣтъ, 2) Комитетъ Министровъ и Комитеты Кавказскій и Сибирскій, 3) Правительствующій Сенатъ, 4) Министерства, 5) Коммисія Прошеній, 6) Орденскія установленія.

Томъ второй, часть первая. Здѣсь содержится Общее Губернское учрежденіе или Законы о мѣстахъ и властяхъ: 1) губернскихъ, 2) уѣздныхъ, 3) городскихъ, 4) волостныхъ и сельскихъ.

Томъ второй, часть вторая. Эту часть составляютъ Особыя учрежденія губерній и областей, именно: 1) Сибирскихъ, 2) Ставропольской, 3) Закавказскихъ, 4) Бессарабской, 5) Градоначальствъ, 6) Казачьихъ земель (въ гражданскомъ отношеніи), 7) Инородныхъ племенъ Сибирскихъ, Оренбургскихъ, Астраханскихъ, Архангельскихъ и Евреевъ.

Томъ третій. Законы о службѣ гражданской: 1) по опредѣленіямъ отъ правительства, 2) по выборамъ, 3) уставы о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ.

Томъ четвертый. Содержитъ въ себѣ Законы о повинностяхъ военнослужебной и земскихъ, къ коимъ принадлежатъ: 1) Уставы Рекрутскіе, 2) Уставъ о Земскихъ Повинностяхъ.

Томъ пятый. Въ немъ содержатся Уставы: 1) о податяхъ, 2) о пошлинахъ, 3) о сборахъ и акцизахъ съ питей, 4) уставъ объ акцизѣ съ свеклосахарнаго производства, 5) уставъ объ акцизѣ съ табаку.

Томъ шестой. Здѣсь помѣщены Уставы таможенные: 1) по Европейской торговлѣ, 2) по торговлѣ Азіятской.

Томъ седьмой. Содержаніе его составляютъ Уставы: 1) монетный, 2) горный, 3) о соли.

Томъ восьмой, часть первая. Въ немъ заключаются: 1) Уставъ лѣсной, 2) Уставъ о оброчныхъ статьяхъ, 3) Уставъ о управленіи казенныхъ имѣній въ Западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Томъ восьмой, часть вторая. Содержитъ въ себѣ Уставы счетные или законы объ отчетности по капиталамъ, находящимся въ распоряженіи различныхъ мѣстъ и лицъ государственнаго и общественнаго управленія.

Томъ девятый — Законы о состояніяхъ, именно: 1) законы о разныхъ родахъ состояній и о различіи правъ, имъ присвоенныхъ, 2) законы объ актахъ состояній.

Томъ десятый, часть первая—Законы гражданскіе (въ тѣсномъ смыслѣ).

Томъ десятый, часть вторая—Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ.

Томъ десятый, часть третья—Законы Межевые (Учрежденія мѣстъ и властей межевыхъ, Уставъ о производствѣ межеванія и Уставъ о судопроизводствѣ и взысканіяхъ межевыхъ).

Томъ одиннадцатый, часть первая. Содержитъ Учрежденія и Уставы управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, Христіанскихъ и иновѣрныхъ. Къ этой же части будутъ принадлежать Учрежденія и Уставы ученыхъ и учебныхъ заведеній (исключая духовныхъ, военныхъ, морскихъ).

Томъ одиннадцатый, часть вторая. Въ этой части помѣщены: 1) Учрежденія и Уставы кредитные, 2) Учр. и Уставы торговые, 3) Учр. и Уставы промышленности фабричной и заводской, 4) Уставъ ремесленный.

Томъ двѣнадцатый, часть первая. Содержитъ: 1) Учрежденія и Уставы Путей сообщенія, 2) Учрежденія и Уставы почтовые, 3) Уставъ телеграфическій, 4) Учрежденія и Уставы строительные, 5) Уставъ пожарный.

Томъ двѣнадцатый, часть вторая. Въ составъ ея входятъ слѣдующіе Уставы: 1) о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, 2) о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, 3) о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ, 4) о колоніяхъ иностранцевъ въ Имперіи.

Томъ тринадцатый. Въ немъ заключаются Учрежденія и Уставы: 1) о народномъ продовольствіи, 2) о общественномъ призрѣніи, 3) Учрежденія и Уставы врачебные (по гражданскому вѣдомству).

Томъ четырнадцатый. Его составляютъ: 1) Уставъ о паспортахъ и бѣглыхъ, 2) Уставъ ценсурный, 3) Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, 4) Учрежденія и Уставы о содержащихся подъ стражею въ тюрьмахъ и разныхъ исправительныхъ заведеніяхъ, 5) Учрежденія и Уставы о ссыльныхъ.

Томъ пятнадцатый. Состоитъ изъ двухъ книгъ, изъ коихъ первая есть Уложеніе о наказаніяхъ, а вторая—Уставъ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

Къ Своду же принадлежатъ особые томы, заключающіе въ себѣ: 1) Сводъ постановленій о благотворительныхъ заведеніяхъ, состоя-

щихъ подъ покровительствомъ Членовъ Императорскаго Дома. Этотъ Сводъ не изданъ, но, сколько намъ извѣстно, составляется. 2) Алфавитный Указатель, или перечень въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ, находящихся въ Сводѣ, съ обозначеніемъ томовъ, уставовъ и самыхъ статей, въ которыхъ есть что либо относящееся въ особенности до предмета, приводимаго въ Указателѣ.

Зная содержаніе Свода Законовъ и отдѣльныхъ томовъ его и частей, не трудно, въ данномъ случаѣ, опредѣлить гдѣ найти въ нихъ то, что именно требуется. Но для лучшаго успѣха въ прінсканіи статей, относящихся непосредственно къ предмету, о которомъ нужно имѣть свѣдѣніе и справку, можно посовѣтовать обращаться къ сейчасъ названному Алфавитному Указателю; для этого стоитъ только прінскать въ немъ названіе, которое выражаетъ сущность того, о чемъ вы желаете знать, и противъ этого названія, вы найдете здѣсь необходимыя для васъ свѣдѣнія, съ указаніемъ на тѣ Уставы и статьи, гдѣ они содержатся въ Сводѣ (*). Такъ напр. если вы желаете знать какія существуютъ у насъ правила о завѣщаніяхъ, то вамъ слѣдуетъ отыскать въ Алфавитномъ указателѣ слово *«завѣщанія»*, и вы немедленно узнаете какія именно статьи закона въ какомъ томѣ вамъ необходимо прочесть для того, чтобы въ данномъ случаѣ законъ примѣнить къ дѣлу, или другими словами, чтобы въ этомъ случаѣ дѣйствовать такъ, какъ онъ предписываетъ. Но и помимо Алфавитнаго Указателя, зная томъ и уставъ, который вамъ нуженъ, вы можете отыскать въ немъ необходимыя для васъ статьи, обратившись къ тѣмъ Оглавленіямъ, которыя находятся въ концѣ каждаго тома, части или устава и содержатъ въ себѣ подробное указаніе заключающихся въ нихъ законовъ: пробѣжавъ перечень предметовъ извѣстнаго отдѣла, вы найдете здѣсь рядомъ съ ними самыя цифры тѣхъ статей, которыя вамъ нужно знать.

Но, можетъ быть, вамъ уже извѣстна статья закона по изданію Свода 1842 года, и вы желаете только отыскать ее въ изданіи Свода 1857

(*) Указатель къ Своду изданія 1857 г. еще не вышелъ, но изготовляется и конечно вскорѣ появится въ свѣтъ; до того же времени можно пользоваться для предполагаемой цѣли Алфавитнымъ Указателемъ къ Своду изданія 1842 года, замѣняя статьи этого изданія соотвѣтствующими имъ статьями въ изданіи 1857 года тѣмъ способомъ, который сейчасъ будетъ нами указанъ.

года? Для этого вамъ слѣдуетъ обратиться къ такъ называемому Сравнительному Указателю, заключающему въ себѣ сличеніе статей 1842 года и другихъ позднѣйшихъ годовъ, когда вышелъ какой либо Уставъ, съ статьями 1857 года и обратно статей этого послѣдняго изданія съ статьями изданія 1842 года. Такой Указатель находится въ концѣ каждаго тома. Наконецъ, еслибъ вы знали только годъ, мѣсяцъ и число, когда было издано какое либо узаконеніе, то вы можете найти статью Свода, въ которую оно вошло, обратившись къ такъ называемому Хронологическому Указателю законовъ, какой находится также въ концѣ каждаго тома и части, отдѣльно для каждаго Устава; здѣсь противъ извѣстнаго вамъ закона вы найдете указаніе на статью, въ которой этотъ законъ выраженъ, если онъ только не измѣненъ позднѣйшимъ постановленіемъ.

Послѣднія слова, нами сказанныя, указываютъ на необходимость слѣдить за постоянным движеніемъ законодательства. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно знать законъ по Своду; нужно знать остается ли онъ въ силѣ, т. е. не отмѣненъ ли, не измѣненъ ли или не дополненъ ли позднѣйшимъ постановленіемъ. Для указанія такихъ измѣненій въ дѣйствующемъ законодательствѣ издаются такъ называемыя *Продолженія Свода.* Къ новому изданію Свода уже вышло *Первое Продолженіе*, которое содержитъ въ себѣ указанія на тѣ измѣненія, какія произошли въ законахъ до 12 мая 1858 года. Такъ какъ измѣненія означаются въ Продолженіяхъ тѣми цифрами статей Свода, къ которымъ они относятся, то и не представляется особеннаго затрудненія узнать, не состоялись ли какія либо измѣненія или дополненія въ примѣненіи къ извѣстной, отысканной статьѣ въ самомъ Сводѣ: стôитъ только справиться, не означена ли она въ Продолженіи, и если означена, то, разумѣется, сдѣланное измѣненіе или дополненіе должны быть приняты также къ свѣдѣнію и въ руководство, если они подходятъ къ данному случаю. Для облегченія въ такихъ справкахъ, въ началѣ каждаго Продолженія находится отдѣльно по каждому тому и по каждой части Свода Указатель статей этого тома или части, дополненныхъ, измѣненныхъ или вовсе отмѣненныхъ по тотъ годъ, мѣсяцъ и число, до котораго доходитъ Продолженіе. Сверхъ того, съ означенною выше цѣлью, въ Продолженіи къ каждому тому и части прилагается Указатель Хронологическій. Необходимо также обращать вниманіе на тѣ *Опе-*

чатки, какія означаются въ Продолженіяхъ какъ къ самому Своду, такъ и къ прежнимъ Продолженіямъ: иногда невѣрность въ цифрѣ или буквѣ, происшедшая отъ недосмотра редакціи или типографіи, имѣютъ важное значеніе въ отношеніи къ смыслу и дѣйствію закона, почему означеніе такихъ Опечатокъ есть непремѣнное условіе каждаго Продолженія.

Свѣдѣнія о законахъ, выходящихъ между Продолженіями къ Своду, публикуются офиціально въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, а отсюда перепечатываются и въ другихъ изданіяхъ. Такія свѣдѣнія должны составлять предметъ и нашего обозрѣнія. Но мы считаемъ достаточнымъ для нашей цѣли знакомить читателей по преимуществу съ тѣми законами, которые относятся къ гражданскому праву по близости заключающихся здѣсь постановленій къ личнымъ интересамъ каждаго изъ насъ, къ нашей собственной жизни и дѣятельности. За то, ограничивая такимъ образомъ наше обозрѣніе, мы примемъ за правило соединять здѣсь изложеніе новыхъ законовъ съ тѣми статьями въ Сводѣ и Продолженіяхъ, къ которымъ они относятся, для того, чтобы читатели могли получить отсюда такъ сказать цѣльное понятіе о законахъ, связанныхъ между собою своимъ содержаніемъ. Въ концѣ же обозрѣнія мы будемъ помѣщать и самые тексты тѣхъ новыхъ узаконеній, которыя нами разсмотрѣны.

Приступая къ дѣлу, мы прежде всего встрѣчаемся въ новыхъ законахъ съ завѣщаніями, на которыя, безъ сомнѣнія вслѣдствіе важнаго ихъ значенія въ практикѣ, наши сотрудники въ одно время и съ разныхъ сторонъ обратили свое вниманіе. Подробный перечень, сдѣланный въ одной изъ статей настоящей книжки о законахъ по завѣщаніямъ въ отношеніи не только историческомъ, но и догматическомъ, освобождаетъ насъ отъ обязанности распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ. Мы считаемъ только съ своей стороны не безполезнымъ прибавить, что въ законодательствѣ замѣтно стремленіе облегчить для умирающаго или вообще для желающаго изъявить свою волю на случай смерти письменное выраженіе этой воли. Нельзя не сознаться, что въ практическомъ отношеніи очень важно всякое облегченіе такого акта, какъ завѣщаніе, если имѣть въ виду то, что несоблюденіе какой нибудь формальности по строгой буквѣ закона можетъ имѣть послѣдствіемъ ничтожность посмертнаго распоряженія. Законодательство рядомъ статей (т. X Зак. Гражд.

ст. 1071—1083, Уст. Врачебн. ст. 1125) дѣлаетъ изъятіе въ пользу тѣхъ лицъ, которыя по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ не могутъ составить завѣщанія на основаніи общихъ, назначенныхъ для этого правилъ. Такимъ образомъ, находящіеся за границей (по службѣ или въ путешествіяхъ), пользующіеся въ госпиталяхъ, военныхъ и публичныхъ, содержащіеся подъ арестомъ, выдерживающіе карантинъ, и наконецъ призрѣваемые въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ (вдовы и дѣвицы) имѣютъ возможность дѣлать завѣщанія въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся, съ соблюденіемъ лишь особенныхъ правилъ, постановленныхъ въ предупрежденіе подлога. Теперь къ относящимся сюда статьямъ въ Гражданскихъ законахъ должны быть еще присоединены правила о составленіи завѣщаній больными, находящимися въ морскихъ военныхъ госпиталяхъ. Эти правила, изложенныя въ Уставѣ означенныхъ госпиталей, введенномъ въ дѣйствіе вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 6 октября сего 1858 г. въ видѣ опытѣ на два года (*), суть слѣдующія. Завѣщаніе составляется больнымъ въ присутствіи дежурнаго офицера, священника и дежурнаго ординатора, которые вмѣстѣ съ нимъ должны подтвердить составленный такимъ образомъ актъ своею подписью и за тѣмъ представить его въ контору госпиталя (см. въ Уставѣ §§ 111, 128 и 144). Подобное правило было уже выражено въ 1081 статьѣ Законовъ Гражд., и въ настоящемъ случаѣ оно получило только особое примѣненіе; но къ нему прибавлено, что, кромѣ исчисленныхъ выше лицъ, долженъ также, если возможно, присутствовать офицеръ той команды, къ которой принадлежитъ больной, для того чтобы такой депутатъ, имѣя настоящее свѣдѣніе объ имуществѣ больнаго, могъ тутъ же на мѣстѣ устранить невѣрное составленіе духовнаго завѣщанія (тамъ же, § 144).

Переходя къ другому предмету, опредѣленному подробно новымъ узаконеніемъ, мы считаемъ себя обязанными обратить на него особенное вниманіе читателей. Мы хотимъ говорить объ изданныхъ вновь правилахъ, касающихся до *поручительства*. Извѣстно, съ какою легкостью мы часто даемъ свое ручательство за другое лице, какъ относительно его качествъ, такъ и средствъ, какими оно не только располагаетъ въ настоящее время, но даже

(*) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 88.

можетъ располагать и въ будущемъ. Отказываться отъ поручительства считается обыкновенно оскорбительнымъ для чести того, по комъ оно требуется. А между тѣмъ какое важное значеніе даетъ иногда этому лицу сдѣланное по немъ ручательство. Ему вѣрятъ, часто не зная его, потому что полагаются на слово или подпись поручителя; его ссужаютъ значительными суммами, потому что надѣются, въ случаѣ его несостоятельности, получить ихъ съ того, кто за него ручался. И въ самомъ дѣлѣ не одинъ случай бывалъ въ практикѣ, что по истеченіи многихъ, многихъ лѣтъ послѣ даннаго поручительства, лицу, взявшему на себя такое обязательство, вдругъ предъявлялось къ сознанію и уплатѣ заемное письмо или другой актъ, о которомъ имъ даже вовсе было забыто: мы знаемъ примѣры, что неосторожное ручательство доводило до раззоренія. И такъ, не говоря уже о томъ какъ вообще важно знать въ точности всѣ свойства лица, за которое вы ручаетесь, какъ вообще важно, чтобы это ручательство было истинное для того, чтобъ не вводить въ обманъ другихъ, нельзя не сказать, что по крайней мѣрѣ въ высшей степени необходимо знать условія и послѣдствія тѣхъ ручательствъ, которыя даются *по заемнымъ письмамъ*. Они то и составляютъ предметъ новаго узаконенія, выраженнаго въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 2 іюня 1858 г. (*). Сущность его заключается въ томъ, что здѣсь опредѣляются тѣ поручительства, которыя даются *не на срокъ*. Выраженіе: *не на срокъ*, означаетъ то, когда ручательство въ платежѣ суммы по займу дѣлается вообще, не ограничивая его тѣмъ срокомъ, который опредѣляется въ заемномъ письмѣ для уплаты долга. Поручительство послѣдняго рода, т. е. съ принятіемъ на себя обязательства уплаты въ томъ случаѣ, если должникъ не возвратитъ кредитору занятой имъ суммы въ назначенный срокъ, называется поручительствомъ *на срокъ* и подвергаетъ его слѣдующей отвѣтственности, достаточно ясно опредѣленной въ статьѣ 1560-й X т. Зак. Гражд. Именно, какъ скоро должникъ не заплатитъ въ срокъ полученнаго имъ капитала, то поручитель обязанъ заплатить за него весь этотъ капиталъ и слѣдующіе на него проценты, такъ точно какъ и самый должникъ. Но чтобы поручительство имѣло такую

(*) Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 56.

силу кредиторъ обязанъ заемное письмо, въ которомъ поручитель принялъ на себя отвѣтственность *на срокъ*, представить къ взысканію не далѣе какъ въ теченіи мѣсяца со времени наступленія срока, постановленнаго для уплаты денегъ; въ противномъ же случаѣ поручитель освобождается отъ платежа по обязательству какъ процентовъ, такъ и самого капитала. Другія послѣдствія имѣетъ поручительство, данное просто въ платежѣ суммы или въ платежѣ *не на срокъ*. Оно не тотчасъ по истеченіи срока уплаты, назначеннаго въ заемномъ письмѣ, подвергаетъ поручителя взысканію, если должникъ въ означенный срокъ не заплатитъ занятыхъ имъ денегъ, ибо прежде этого законъ предписываетъ обращать взысканіе, для удовлетворенія кредитора, на имущество должника. Но какъ скоро окажется, что этого послѣдняго недостаточно для удовлетворенія взысканія по заемному письму, данному съ поручительствомъ не на срокъ, какъ скоро откроется несостоятельность должника, поручитель подвергается уплатѣ причитающейся капитальной суммы; а если онъ, по миновавіи срока заемнаго письма, былъ извѣщенъ о неплатежѣ заемщика чрезъ нотаріуса, маклера или присутственное мѣсто, то и уплатѣ процентовъ. Такое правило было уже выражено въ статьѣ 1558 Зак. Гражд.; но въ новомъ законѣ оно дополнено и изъяснено слѣдующими болѣе точными постановленіями, относящимися къ дѣйствіямъ въ настоящемъ случаѣ какъ заимодавца, такъ и поручителя. Первый, какъ скоро наступаетъ срокъ платежу долговаго обязательства, можетъ или отсрочить своему должнику этотъ платежъ (*), или же, въ случаѣ неуплаты, приступить къ взысканію своихъ денегъ. Если онъ сдѣлаетъ отсрочку безъ согласія поручителя или въ продолженіи шести мѣсяцевъ со дня наступленія срока къ платежу не начнетъ взысканія по обязательству, то поручитель освобождается отъ всякой отвѣтственности (**). Но въ случаѣ неже-

---

(*) Отсрочка можетъ быть сдѣлана на томъ же заемномъ письмѣ, или подачею о томъ прошенія въ присутственное мѣсто, или особой роспиской. Правила о такихъ отсрочкахъ изложены въ статьяхъ 2040—2044 т. X Зак. Гражд., но кажется, что въ практикѣ они еще мало извѣстны и еще мало ими руководствуются, такъ какъ они изданы только въ 1857 г. апр. 15.

(**) Согласіе поручителя на отсрочку, на основаніи 2043 ст. Зак. Гражд.

ланія кредитора сдѣлать отсрочку онъ обязанъ, по неполученіи въ срокъ удовлетворенія отъ своего должника, сообщить о томъ поручителю и спросить его: «не согласенъ ли онъ учинить немедленно сей платежъ вмѣсто должника?» Если поручитель сдѣлаетъ означенную уплату, то право взысканія должныхъ кредитору денегъ переходитъ къ нему, и онъ можетъ требовать съ должника не только уплаченную имъ по поручительству сумму, но и понесенные отъ взысканія убытки и проценты на заемный капиталъ, а въ случаѣ несостоятельности должника участвовать въ могущемъ быть по долгамъ его конкурсѣ наравнѣ съ другими кредиторами. При неуплатѣ же поручителемъ долга, взысканіе со стороны кредитора обращается на имущество самого должника; но для обезпеченія своего иска, на случай несостоятельности этого послѣдняго, заимодавецъ имѣетъ право просить о наложеніи запрещенія на имѣніе поручителя. Послѣ того какъ имѣніе должника будетъ установленнымъ порядкомъ описано и продано съ аукціона, кредиторъ удовлетворяется изъ вырученной отъ этой продажи суммы; еслибъ однако оказалось, что, по причинѣ другихъ долговъ, взыскивавшихся съ заемщика, полученной суммы недостаточно для удовлетворенія по заемному письму съ поручительствомъ, то остальная за тѣмъ сумма взыскивается уже съ поручителя; при чемъ кредитору предоставляется также право требовать отъ поручителя вознагражденія за всѣ убытки и расходы, какіе имъ понесены при взысканіи съ должника по обязательству, въ которомъ онъ былъ порукою. Въ дополненіе къ этимъ правиламъ въ новомъ законѣ опредѣленъ еще случай, когда поручительство по одному заемному письму приняли на себя нѣсколько лицъ въ совокупности. Въ этомъ отношеніи постановлено, чтобы изъ неуплаченной суммы на каждаго поручителя падала только та часть долга, которая, по числу поручившихся лицъ, причтется на его долю; но въ случаѣ несостоятельности одного или нѣсколькихъ изъ поручителей, часть долга, приходящаяся по расчету на несостоятельнаго поручителя, распредѣляется между прочими (*).

должно быть выражено имъ въ сдѣланной о томъ особой надписи на самомъ обязательствѣ.—(*) Подлинный текстъ закона о поручительствѣ не на срокъ см. ниже въ Прилож. I.

Другой не менѣе важный законъ, который мы должны также, согласно съ цѣлью нашего обозрѣнія, разсмотрѣть въ подробности, состоялся 16 іюня 1858 года (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта). Онъ относится къ недвижимымъ имѣніямъ, находящимся во владѣніи по незаконнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ (*). Такое владѣніе было до сихъ поръ нерѣдко, и допускалось самими лицами, имѣвшими на недвижимое имѣніе право собственности, въ пользу другихъ преимущественно для освобожденія ихъ отъ платежа пошлины, взыскиваемой при совершеніи акта на такое имѣніе формальнымъ порядкомъ. Особенно часто, для избѣжанія пошлины, пользовались запродажными записями, по которымъ покупщики имѣній распоряжались этими послѣдними на правахъ собственности, не заботясь о совершеніи за тѣмъ купчей крѣпости, хотя еще въ 1826 году запрещено было по одной такой записи допускать ко владѣнію недвижимымъ имѣніемъ. Въ отвращеніе подобныхъ нарушеній закона въ 1854 году февраля 8 было постановлено, что въ случаѣ доказанной передачи владѣнія имѣніемъ по запродажной записи до совершенія купчей какъ съ продавца, такъ и съ покупщика должны быть взыскиваемы въ штрафъ крѣпостныя пошлины (по цѣнѣ имѣнія, показанной въ запродажной записи) независимо отъ пошлинъ, подлежащихъ уплатѣ при совершеніи купчей крѣпости. Въ тоже время опредѣленъ годовой срокъ, въ теченіи котораго на имѣнія, находившіяся во владѣніи по запродажнымъ записямъ, должны были совершены быть купчія, хотя бы лицамъ, владѣвшимъ на этомъ основаніи, даны были отъ продавцевъ еще довѣренности на управленіе запроданными имѣніями; относительно же пропустившихъ этотъ срокъ постановлено, что они подвергаются уничтоженію запродажной записи и взысканію въ штрафъ, за переходъ имѣнія изъ владѣнія одного лица къ другому безъ совершенія купчей, крѣпостныхъ пошлинъ по запродажной цѣнѣ имѣнія, въ равномъ количествѣ какъ съ продавца, такъ и покупателя; а запроданное имѣніе велѣно брать въ опеку до тѣхъ поръ, пока не сдѣлано будетъ надлежащаго расчета между продавцемъ и покупателемъ (см. т. X Закон. Гражд. ст. 1684 и примѣч.). Въ новомъ законѣ изложенное здѣсь правило въ отноше-

(*) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 66.

нія къ владѣнію недвижимыми имѣніями по запродажнымъ записямъ подтверждено, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно получило примѣненіе къ владѣнію недвижимыми имѣніями вообще безъ требуемаго для этого документа, а именно, какъ выражено въ текстѣ закона, къ владѣнію или безъ всякихъ актовъ или по актамъ разнаго рода, писаннымъ на гербовой бумагѣ низшаго противъ узаконеннаго достоинства, или же по передаточнымъ надписямъ на купчихъ крѣпостяхъ и заемныхъ обязательствахъ и вообще по словеснымъ договорамъ или инымъ сдѣлкамъ. Новый законъ воспрещаетъ такое владѣніе подъ страхомъ взысканія двойныхъ крѣпостныхъ пошлинъ по цѣнѣ имѣнія согласно съ первымъ примѣчаніемъ къ статьѣ 396 Устава о пошлинахъ (изд. 1857 г.). Но такъ какъ сдѣланное прежде сего закономъ воспрещеніе владѣть недвижимыми имѣніями безъ крѣпостныхъ актовъ касалось буквально лишь такихъ имѣній, которыя находятся въ городахъ, а съ другой стороны такъ какъ на основаніи послѣдовавшихъ въ 1855 и 1856 годахъ Всемилостивѣйшихъ манифестовъ подобныя нарушенія законовъ, остававшіяся до сихъ поръ въ безгласности, прощены, то постановленъ вновь *трехлѣтній срокъ*, въ теченіи котораго о владѣніяхъ недвижимыми имѣніями на какомъ либо изъ изчисленныхъ выше незаконныхъ основаній должно быть объявлено правительству для утвержденія ихъ законнымъ порядкомъ. Съ этою цѣлію предписывается, чтобы всѣ документы, не дающіе права на владѣніе недвижимыми имѣніями, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, были непремѣнно представлены въ означенный срокъ надлежащему присутственному мѣсту и оплачены крѣпостными и гербовыми пошлинами по цѣнѣ имѣнія (*), послѣ чего присутственное мѣсто обращаетъ ихъ въ крѣпостные акты. Что касается до недвижимыхъ имѣній, въ городахъ и уѣздахъ, которыя находятся во владѣніи безъ всякихъ документовъ по однимъ словеснымъ договорамъ или передачамъ и коихъ владѣніе не восходитъ ранѣе 1-го января 1825 года, то объ

(*) Цѣна имѣнію опредѣляется въ настоящемъ случаѣ согласно съ оцѣнкою, постановленною для разнаго рода имуществъ въ Уставѣ о пошлинахъ (см. ст. 398 и слѣд. и приложенныя къ нимъ табели); но если бы въ предъявляемомъ актѣ показывалась цѣна имѣнію высшая противъ законной оцѣнки, то крѣпостныя пошлины должны быть взимаемы съ этой цѣны.

нихъ постановлено въ тотъ же трехлѣтній срокъ подать въ присутственныя мѣста надлежащія объявленія, съ означеніемъ по совѣсти цѣны, за которую они пріобрѣтены владѣльцами или чего они дѣйствительно во время пріобрѣтенія стоили; послѣ сего должны быть уплачены за нихъ крѣпостныя пошлины, а присутственныя мѣста обязаны выдать владѣльцамъ надлежащія свидѣтельства на гербовой бумагѣ, соотвѣтствующей по своему достоинству цѣнѣ имѣнія. Въ случаѣ неисполненія изложенныхъ здѣсь правилъ касательно объявленія о владѣемыхъ имѣніяхъ и объ незаконныхъ основаніяхъ этого владѣнія, какъ первые, такъ и вторые владѣльцы подвергаются взысканію двойныхъ крѣпостныхъ пошлинъ по цѣнѣ имѣнія, обнаруженной какими либо ихъ сдѣлками или по произведенной имѣнію оцѣнкѣ (см. Устава о пошлинахъ ст. 396 примѣчаніе 1) (*).

Изъ числа узаконеній, коими отчасти измѣняются прежнія, мы должны упомянуть здѣсь о Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 20 октября 1858 года, относящемся до публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ (**). До сихъ поръ въ этомъ отношеніи дѣйствовало правило, что такія имущества подлежатъ аукціонной продажѣ въ мѣстныхъ Губернскихъ Правленіяхъ. Исключеніе отсюда дѣлалось для предметовъ или неудобныхъ къ перевозкѣ по тяжести и огромности ихъ, или когда на доставленіе ихъ въ губернскій городъ потребовались бы большіе расходы, несоразмѣрные съ ихъ стоимостію: такіе предметы продавались, по назначенію Губернскихъ Правленій, въ городахъ Уѣздными Судами или Городовыми Магистратами и Ратушами (смотря по сословію лица, которому принадлежалъ продаваемый предметъ), въ присутствіи Уѣздныхъ Стряпчихъ, а въ Уѣздахъ чрезъ одного изъ членовъ Уѣзднаго Суда, или же Магистрата и Ратуши, также въ присутствіи Стряпчаго и двухъ свидѣтелей; въ числѣ ихъ такимъ же образомъ продавались и крестьянскія деревянныя строенія на свозъ (т. X Зак. о Судопр. Гражд.

(*) Подлинный текстъ закона о недвижимыхъ имуществахъ, находящихся во владѣніи по незаконнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ, см. ниже въ Приложеніи II.

(**) См. Сенатск. вѣдомостей 1858 г. № 95.

ст. 2184). Не смотря на эти изъятія, въ практикѣ доставленіе движимыхъ имуществъ въ губернскіе города представляло нерѣдко затрудненія, да и самая продажа ихъ въ Губернскихъ Правленіяхъ уменьшала иногда ихъ стоимость. Это и послужило, вѣроятно, основаніемъ къ разрѣшенію продавать всякаго рода движимыя имущества на извѣстную сумму въ городахъ уѣздныхъ. Примѣняясь къ постановленію, изданному еще въ 1852 году относительно продажи въ Уѣздныхъ Судахъ недвижимыхъ имѣній (т. X Зак. о Судопр. Гражд. ст. 2064), новый законъ опредѣляетъ, что на будущее время всѣ движимыя имущества, предназначенныя къ продажѣ, которыя не превышаютъ по оцѣнкѣ 1000 руб. сер., если они находятся въ уѣздныхъ городахъ или уѣздахъ, должны быть продаваемы въ присутствіяхъ Уѣзднаго Суда, Городоваго Магистрата или Ратуши, по принадлежности, при Уѣздномъ Стряпчемъ. Въ уѣздахъ же право это предоставлено Земскимъ Судамъ; но оно ограничивается продажею крестьянскихъ движимостей по оцѣнкѣ не выше 1000 рублей сер. Что касается до продажи въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ предметовъ, неудобныхъ къ перевозкѣ по тяжести, огромности, или по значительности издержекъ, необходимыхъ на доставленіе ихъ въ губернскій городъ, то въ этомъ отношеніи осталось въ силѣ прежнее правило, съ тою только разницею, что въ новомъ законѣ не говорится о назначеніи въ такомъ случаѣ продажи Губернскимъ Правленіемъ и упомянуто, что такая продажа допускается и тогда, когда оцѣнка имущества, подлежащаго означеннымъ условіямъ, превышаетъ и 1000 руб. сер. (*).

Къ области гражданскаго судопроизводства и именно, къ постановленіямъ о разборѣ спорныхъ дѣлъ, въ новыхъ законахъ принадлежитъ одно только положеніе; но это положеніе такъ многознаменательно, что не даромъ всѣ, слѣдящіе съ любовью и надеждой за развитіемъ русскаго законодательства, привѣтствовали его какъ особенно счастливое начало въ ряду благодѣтельныхъ перемѣнъ и нововведеній, ожидающихъ наше судопроизводство. Читатели конечно отгадали, что мы имѣемъ въ виду Положеніе о Временной Коммисіи, учрежденной для разбора дѣлъ между рядчиками или

(*) Подлинный текстъ закона о порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ городахъ и уѣздахъ, см. ниже въ Прилож. III.

нанимателями и рабочими или мастеровыми. Положеніе это составлено Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи и удостоено Высочайшаго утвержденія въ видѣ временной мѣры впредь до преобразованія городскихъ Словесныхъ Судовъ (*). Названіе послѣднихъ указываетъ намъ на значеніе и цѣль Временной Коммисіи: она должна быть такимъ учрежденіемъ, гдѣ словесная форма предпочитается письменной, съ цѣлью безотлагательнаго и быстраго разбирательства и рѣшенія споровъ и тяжебъ. Таже цѣль имѣлась въ виду, когда учреждаемы были Словесные Суды при частяхъ города; но извѣстно, что въ практикѣ она не достигалась, и вотъ правительство, задумывая о преобразованіи этихъ учрежденій, полагаетъ помимо ихъ общую твердую основу для словеснаго судопроизводства. Въ Положеніи о Временной Коммисіи опредѣляются въ точности тѣ условія и правила, какія должны быть соблюдаемы для быстраго движенія дѣлъ, допускаемыхъ къ разбирательству безъ особенной письменности, которая ведетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ неизбѣжной проволочкѣ и сверхъ того требуетъ особенныхъ знаній отъ лицъ, заинтересованныхъ въ тяжбѣ. Но тѣ же условія и правила вмѣняются въ обязанность не только Словеснымъ Судамъ, въ дѣлахъ между нанимателями и рабочими, впредь до ихъ преобразованія, но для тѣхъ же лицъ, внѣ Петербурга, мѣстнымъ Уѣзднымъ Судамъ, а по жалобамъ на эти послѣдніе и 1-му Департаменту С.-Петербургской Гражданской Палаты. И такъ словесная форма судопроизводства получаетъ въ петербургскихъ присутственныхъ мѣстахъ право гражданства на ряду съ формой письменной. Нѣтъ сомнѣнія, что это благодѣтельно отзовется на отношенія между многочисленными жителями столицы, принадлежащими къ классу рядчиковъ и мастеровыхъ. При затрудненіяхъ, съ какими было соединено разбирательство споровъ между тѣми и другими, конечно многія дѣйствія первыхъ, клонившіяся къ обидѣ рабочихъ, и на оборотъ обманы со стороны послѣднихъ не получали должной гласности и суда. Мы въ самомъ дѣлѣ слышали, что Временная Коммисія уже теперь имѣетъ въ производствѣ множество дѣлъ, не смотря на быстрое ихъ рѣшеніе, и, признаемся, порадовались этому отъ души. Значитъ новое учрежденіе соотвѣтствуетъ своей цѣли—до-

(*) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 54.

ставить скорый судъ и расправу такимъ лицамъ, которымъ ни ихъ занятіе, ни ихъ средства не позволяютъ расчитывать на особенное удовольствіе или выгоду отъ судебныхъ преній. Но мы не сомнѣваемся, что если этотъ классъ людей будетъ всегда находить въ судахъ надлежащую расправу, и слѣдов. всегда будетъ сюда обращаться съ своими жалобами и исками, не смотря на то число могущихъ возникать между рядчиками и рабочими дѣлъ со временемъ непремѣнно сократится въ слѣдствіе уменьшенія обидъ и обмановъ, которыхъ тѣ и другіе будутъ избѣгать изъ опасенія, что правдѣ легко обнаружиться, и что виновные подвергнутся должному наказанію; съ другой стороны гласность о сдѣланномъ безчестномъ поступкѣ, заявленномъ въ судебномъ мѣстѣ и доказанномъ при свидѣтеляхъ, будетъ въ сильной степени содѣйствовать къ развитію чувства чести, собственнаго достоинства, уваженія къ правамъ ближнихъ и кредита. Но ожидая всего этого въ будущемъ, какъ несомнѣннаго послѣдствія новаго учрежденія, мы въ настоящемъ случаѣ считаемъ достаточнымъ для нашей цѣли указать на составъ Коммисіи и на основныя правила, постановленныя въ ея Положеніи для разбора предоставленныхъ ей дѣлъ. Устройство Временной Коммисіи слѣдующее: она состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго по Высочайшему повелѣнію, и членовъ, по одному отъ Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Государственныхъ Имуществъ, отъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; кромѣ того къ ней принадлежитъ одинъ членъ отъ купеческаго сословія и одинъ отъ мѣщанскаго и ремесленнаго сословій вмѣстѣ. Дѣлопроизводителемъ назначается въ Коммисію одинъ изъ чиновниковъ Управы Благочинія по избранію Обер-полиціймейстера. Вѣдомству ея подлежатъ всѣ споры и иски, возникающіе въ С.-Петербургѣ и уѣздахъ: с.-петербургскомъ, царскосельскомъ и петергофскомъ, между нанимателями или рядчиками и рабочими или мастеровыми, когда предметъ спора составляетъ не менѣе ста рублей сер. или когда искъ на рядчика или нанимателя предъявленъ не менѣе какъ десятью рабочими; въ противномъ же случаѣ дѣла эти подлежатъ разсмотрѣнію Словесныхъ Судовъ. Впрочемъ для производства своего иска рабочимъ предоставлено избирать изъ среды себя одного или

двухъ повѣренныхъ, а если число жалующихся простирается свыше ста человѣкъ, то и трехъ. Прошеніе въ Коммисію предъявляется словесно или письменно, по желанію истца, и за тѣмъ отвѣтчикъ призывается повѣсткою, которая, въ случаѣ если разсыльный не застанетъ его, оставляется, при управляющемъ домомъ или дворникѣ, домашнимъ его, а если ихъ не будетъ, то управляющему или дворнику; если же вызываемый по тремъ повѣсткамъ не явится, или не пришлетъ повѣреннаго, то Коммисія приступаетъ безъ него къ рѣшенію дѣла. Самое производство дѣлъ должно быть изустное, съ запискою только въ особую судебную книгу вкратцѣ предмета жалобы истца и возраженій отвѣтчика и доказательствъ, представляемыхъ обѣими сторонами. Въ основаніе своего рѣшенія Коммисія принимаетъ только тѣ доказательства, которыя предъявлены до его постановленія, и тутъ же объявляетъ его сторонамъ или ихъ повѣреннымъ письменно на простой бумагѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ виновные въ неосновательной жалобѣ присуждаются къ наказаніямъ—рядчики къ штрафамъ въ пользу больницы чернорабочихъ, и, въ случаѣ присужденія ихъ къ штрафу въ третій разъ, *публикаціи на ихъ счетъ объ ихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ* въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, а рабочіе—къ болѣе или менѣе продолжительной работѣ за половину условленной цѣны. Рѣшеніе Коммисіи, если обвиненный не сдѣлаетъ распоряженія къ его немедленному исполненію, сообщается мѣстному приставу исполнительныхъ дѣлъ, который обязанъ, подъ личною отвѣтственностію, донести чрезъ три дня Коммисіи, что оно исполнено. Въ огражденіе тяжущихся, на Коммисію дозволяется приносить жалобу на простой бумагѣ частнымъ порядкомъ въ четвертый Департаментъ Правительствующаго Сената въ мѣсячный срокъ.—По дѣламъ же, начатымъ производствомъ въ Словесныхъ Судахъ или, внѣ Петербурга, въ Уѣздныхъ Судахъ, Гражданская Палата, въ случаѣ предъявленія жалобы на тѣ или другія изъ этихъ мѣстъ, разсматриваетъ ихъ и рѣшаетъ окончательно, присуждая вмѣстѣ съ тѣмъ виновныхъ, рядчика къ денежному штрафу отъ одного до десяти рублей сер. въ пользу больницы чернорабочихъ, а мастероваго къ работѣ въ продолженіи отъ одного до семи дней за половину условленной платы (1).

(1) Подлинный текстъ Положенія о Временной Коммисіи, учрежденной для разбора дѣлъ между рядчиками и мастеровыми, см. ниже въ Приложеніи IV.

Послѣднее изъ вышедшихъ вновь узаконеній, заслуживающихъ особеннаго вниманія, имѣетъ тѣсную связь съ приводимымъ нынѣ въ исполненіе дарованіемъ свободы многочисленному классу, принадлежащему къ сельскимъ обывателямъ. Крестьяне Членовъ Императорской Фамиліи, извѣстные подъ именемъ Удѣльныхъ, хотя и пользовались значительнымъ благосостояніемъ и льготами въ повинностяхъ въ сравненіи съ бо́льшею частію крестьянъ помѣщичьихъ, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ, по существенному основанію ихъ зависимости, стояли наравнѣ съ этими послѣдними какъ крѣпостные. Отсюда проистекали для ихъ дѣятельности ограниченія, которыя и были выражены въ положительномъ законодательствѣ. Такъ именно они не могли ни пріобрѣтать, ни отчуждать ненаселенныхъ земель иначе какъ съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ и его именемъ, точно также не могли безъ разрѣшенія этого Департамента располагать лѣсомъ на пріобрѣтенныхъ ими земляхъ; далѣе не могли ни сами, ни чрезъ своихъ повѣренныхъ производить иски и вообще дѣйствовать въ судебныхъ мѣстахъ: право это предоставлялось за нихъ Удѣльнымъ Стряпчимъ подъ наблюденіемъ Управляющихъ Удѣльныхъ Конторъ; наконецъ выходъ изъ удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщане и купцы былъ сопряженъ съ затрудненіями въ формальномъ отношеніи и съ большими денежными пожертвованіями, которыя для большей части изъ нихъ почти равнялись запрещенію. Высочайшимъ указомъ 20 іюня 1858 года и Высочайше утвержденными правилами: 1) о переходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ городскія и другія свободныя сельскія состоянія, и 2) о ходатайствѣ по тяжебнымъ, исковымъ и вообще гражданскимъ дѣламъ этихъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній, всѣ исчисленныя ограниченія отмѣнены (1). Крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства дозволено совершать отъ своего имени всѣ обязательства и договоры, равно какъ и духовныя завѣщанія на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ, и всѣ письменныя сдѣлки между собою свидѣтельствовать въ Удѣльныхъ Приказахъ. На этомъ основаніи и въ отношеніи къ пріобрѣтенію и отчужденію ненаселенныхъ земель имъ разрѣшено дѣйствовать своимъ именемъ, съ объявленіемъ только пред-

---

(1) См. Сенатск. вѣдом. 1858 г. № 53.

варительно того или другаго мѣстному Удѣльному Приказу, а также распоряжаться пріобрѣтенными ими землями по своему произволу. Имъ предоставлено право производить иски и вообще ходатайствовать въ присутственныхъ мѣстахъ не только по своимъ дѣламъ, но, съ вѣдома Удѣльной Конторы, и по дѣламъ постороннихъ лицъ; впрочемъ при этомъ же имъ дозволено пользоваться защитой со стороны Удѣльныхъ Стряпчихъ, Удѣльныхъ Конторъ и самого Департамента Удѣловъ, а Удѣльнымъ Стряпчимъ вмѣнено въ обязанность давать имъ совѣты и наставленія въ ихъ тяжебныхъ и исковыхъ дѣлахъ, въ случаѣ же медленнаго производства этихъ дѣлъ, настаивать, гдѣ слѣдуетъ, о скорѣйшемъ ихъ разрѣшеніи. Что касается до перехода ихъ въ другія состоянія, то всѣ пожертвованія, какія они на будущее время обязаны дѣлать съ этою цѣлью, ограничиваются для перечисляющихся однимъ лицовъ въ купечество *сорока* рублями, а въ мѣщанство *пятнадцатью* рублями сер. въ пользу пенсіоннаго капитала для отставныхъ нижнихъ чиновъ, возвратившихся въ удѣльныя имѣнія; тѣ же, которые перечисляются въ составѣ семейства или въ числѣ нѣсколькихъ членовъ, вносятъ означенную сумму только за себя, а за прочихъ членовъ семейства мужескаго пола половину; наконецъ перечисляющіеся въ сельское сословіе прочихъ вѣдомствъ не подлежатъ никакому взносу. Остальныя, требуемыя при этомъ формальности, нисколько не могутъ служить къ затрудненію перехода въ другія сословія, за исключеніемъ принадлежности къ раскольническимъ сектамъ, которая лишаетъ права переходить въ городскія общества [1]. Такимъ образомъ, вслѣдствіе расширенія или, вѣрнѣе, дарованія приведенныхъ правъ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства, въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ подлежатъ измѣненію въ особенности статья 1432 X т. Законовъ Гражданскихъ и статьи 988—997 того же тома Законовъ о Судопроизводствѣ.

Изчисленными нами постановленіями далеко не ограничивается законодательная дѣятельность Правительства въ промежутокъ вре-

---

[1] Подлинные тексты Высочайшаго указа и правилъ, относящихся къ удѣльнымъ крестьянамъ, см. ниже, въ Приложеніи V.

мени отъ изданія Перваго Продолженія Свода до выхода въ свѣтъ настоящей книжки нашего журнала; но остановившись только на нихъ, какъ на особенно знаменательныхъ проявленіяхъ этой дѣятельности, которыя ближе другихъ новыхъ постановленій касаются нашихъ гражданскихъ отношеній и общественныхъ интересовъ, мы не можемъ не придти къ самымъ отраднымъ заключеніямъ. Имѣя прежде всего въ виду то предстоящее обновленіе и развитіе всѣхъ элементовъ нашего быта, которое подготовляется приведеніемъ въ исполненіе великой мысли, такъ живо занимающей теперь умы всѣхъ сословій и лицъ, мы должны, по справедливости, замѣтить, что съ своей стороны законодательство идетъ также навстрѣчу этой будущности, расширяя и очищая область нашей дѣятельности, гражданской и общественной. Не заслуживаютъ ли въ самомъ дѣлѣ полнаго въ этомъ отношеніи сочувствія тѣ задачи, достиженіе которыхъ имѣютъ цѣлью разсмотрѣнные нами законы? Распространеніе правъ мѣстныхъ учрежденій, доставленіе скорой управы и суда въ дѣлахъ незначительныхъ, но касающихся интересовъ бѣднаго, живущаго трудами, класса людей и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе гласности какъ орудія для искорененія нравственнаго зла, наконецъ предоставленіе правъ гражданскихъ цѣлому разряду крѣпостнаго сословія,—вотъ эти задачи, вполнѣ ясно выраженныя не только содержаніемъ, но и подлинными словами того или другаго постановленія. Какъ послѣ того не сказать, что законодательство идетъ по пути своего назначенія . . . .

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, о поясненіи и дополненіи существующихъ постановленій о поручительствѣ.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, о поясненіи и дополненіи существующихъ постановленій о поручительствѣ, согласно съ заключеніемъ его, Главноуправляющаго, *мнѣніемъ положилъ:* въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) При простомъ (не на срокъ) поручительствѣ въ платежѣ суммы, поручитель отвѣтствуетъ за долгъ только тогда, когда все имущество признаннаго несостоятельнымъ должника будетъ подвергнуто продажѣ, вырученныя за оное деньги распредѣлены между заимодавцами по установленному въ законѣ порядку и за тѣмъ окажется, что суммы сихъ денегъ не довольно для удовлетворенія того долга, по коему дано поручительство. 2) Когда наступитъ срокъ платежу долговаго обязательства, въ коемъ дано поручительство не на срокъ, заимодавецъ, буде онъ не получитъ тогда же удовлетворенія отъ должника своего, сообщаетъ о томъ поручителю, спрашивая: не согласенъ ли онъ учинить немедленно сей платежъ вмѣсто должника; если поручитель не изъявитъ на сіе готовности, то заимодавецъ имѣетъ право просить о наложеніи запрещенія на имѣніе поручителя для обезпеченія своего иска на случай несостоятельности должника. Заимодавцу предоставляется также право требовать отъ поручителя вознагражденія за всѣ убытки и расходы, которые будутъ понесены имъ при взысканіи съ должника по обязательству, въ коемъ онъ былъ порукою. 3) Поручитель не на срокъ можетъ, если признаетъ за благо, по наступленіи срока исполненія обязательства, заплатить заимодавцу сумму долга, въ коемъ онъ поручился, и за тѣмъ, на общемъ основаніи, взыскивать оную съ должника и участвовать въ могущемъ быть по долгамъ его конкурсѣ, наравнѣ съ другими кредиторами. 4) Поручитель, удовлетворившій кредитора, имѣетъ право требовать отъ

должника вознагражденія за понесенные имъ отъ того убытки, а равно и слѣдующіе ему съ заплаченной за него суммы денегъ проценты. 5) Если заимодавецъ отсрочитъ, по желанію должника, исполненіе обязательства, по коему было поручительство, безъ согласія на то поручителя, или же въ продолженіи шести мѣсяцевъ со дня наступленія срока платежу, не начнетъ взысканія по сему обязательству, то поручитель освобождается отъ всякой по оному отвѣтственности, и 6) Когда въ исполненіи одного и тогоже обязательства поручились не одно, а нѣсколько лицъ въ совокупности, и должникъ окажется несостоятельнымъ, то взыскивается съ каждаго поручителя только та часть долга, которая по числу поручившихся лицъ причтется на долю его; въ случаѣ же несостоятельности одного или нѣсколькихъ изъ поручителей, часть долга, по расчету на несостоятельнаго поручителя упадающая, распредѣляется между прочими. На мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта о поясненіи и дополненіи существующихъ постановленій о поручительствѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, *Графъ А. Гурьевъ.* 2-го іюня 1858 года.

II.

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по вопросу: какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, которыя находятся во владѣніи по незаконнымъ актамъ, или безъ всякихъ актовъ.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ опредѣленіе Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, по вопросу: какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, которыя находятся во владѣніи по незаконнымъ актамъ, или безъ всякихъ актовъ, а также заключеніе Министра Финансовъ по этому предмету, согласно съ опредѣленіемъ Сената и заключеніемъ сего Министра, *мнѣніемъ положилъ:* въ разрѣшеніе возникшихъ недоразумѣній относительно того, какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, находящимися во владѣніи разныхъ лицъ, по неформальнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ, предоставить Правительствующему Сенату предписать всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ, кромѣ Западныхъ губерній, для коихъ изданы особыя узаконенія: 1) къ недвижимымъ имѣніямъ, кои состоятъ во владѣніи по запродажнымъ записямъ, безъ совершенія на тѣ имѣнія купчихъ крѣ-

постей, гдѣ бы впрочемъ эти имѣнія ни находились, т. е. въ городахъ, или уѣздахъ, примѣнять силу примѣчанія къ ст. 1418 Зак. Гражд. (Св. Зак. т. X изд. 1842 г. по прод. XIX); 2) съ недвижимыми имѣніями, находящимися въ городахъ и состоящими во владѣніи частныхъ лицъ не по запродажнымъ записямъ, но безъ всякихъ актовъ или по актамъ разнаго рода, писаннымъ на гербовой бумагѣ низшаго противу узаконеннаго достоинства, или же по передаточнымъ надписямъ на купчихъ крѣпостяхъ и заемныхъ обязательствахъ и вообще по словеснымъ договорамъ, или инымъ сдѣлкамъ, поступать на основаніи 1 примѣч. къ ст. 360 Уст. о пошл. (Св. Зак. изд. 1842 г. т. V); 3) то же самое соблюдать и въ отношеніи находящихся въ уѣздахъ недвижимыхъ имѣній, кои состоятъ во владѣніи по такого рода незаконнымъ актамъ. За тѣмъ, принявъ въ соображеніе, что хотя закономъ и воспрещалось владѣніе въ городахъ недвижимыми имуществами безъ крѣпостныхъ на оныя актовъ и на совершеніе таковыхъ актовъ назначался даже срокъ, который давно уже истекъ; но какъ съ одной стороны подобное воспрещеніе буквально касалось однихъ недвижимыхъ имуществъ, въ городахъ находящихся, о состоящихъ же въ уѣздахъ ничего не было узаконено, а съ другой, по открытіи нарушенія этого запрещенія, послѣдовали Всемилостивѣйшіе Манифесты 1855 и 1856 годовъ, силою коихъ подобныя нарушенія законовъ, оставшіяся доселѣ въ безгласности, прощены, Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:* въ образѣ исполненія вышеизложенныхъ правилъ допустить дополненіе въ томъ: во 1-хъ, чтобы для обращенія въ крѣпостные акты всѣхъ вообще документовъ на недвижимыя имѣнія въ городахъ и уѣздахъ состоящія, кромѣ тѣхъ, кои находятся во владѣніи по запродажнымъ записямъ, назначить владѣльцамъ 3-хъ лѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіи онаго всѣ сказанные документы непремѣнно предъявлены были надлежащему присутственному мѣсту и оплачены крѣпостными и гербовыми пошлинами по цѣнѣ имѣнія, на точномъ основаніи ст. 362 Уст. о пошл. (Св. Зак. изд. 1842 года т. V), подъ опасеніемъ, за неисполненіе сего, взысканія штрафа, опредѣленнаго 1 примѣчаніемъ къ ст. 360 того же Устава; во 2-хъ, чтобы въ этотъ же 3-хъ лѣтній срокъ, всѣ владѣльцы въ городахъ и уѣздахъ недвижимыхъ имѣній, кои владѣютъ тѣми имѣніями безъ всякихъ письменныхъ на оныя документовъ, по однимъ лишь словеснымъ договорамъ и передачамъ и коихъ владѣніе не восходитъ ранѣе указаннаго 1-мъ примѣч. къ ст. 360 Уст. о пошл. времени, т. е. 1 января 1825 года, подали о таковыхъ имѣніяхъ, въ надлежащія присутственныя мѣста, объявленія, съ означеніемъ, по совѣсти, цѣны, за которую ими эти имѣнія пріобрѣтены, или же чего оныя дѣйствительно, во время пріобрѣтенія, стоили и уплатили бы въ казну крѣпостныя за сіи имѣнія пошлины, согласно 367 ст. Уст. о пошл., въ чемъ помянутыя присутственныя мѣста и обязаны выдать имъ надлежащія свидѣтельства на гербовой бумагѣ соотвѣтственнаго цѣнѣ имѣнія достоин-

ства; за невыполненіе же сего поступать и съ сими владѣльцами точно также, какъ выше установлено поступать съ владѣльцами имѣній по какимъ либо документамъ, крѣпостными пошлинами еще не очищеннымъ, и въ 3-хъ, чтобы всѣ несогласныя съ симъ распоряженія, какія мѣстными и другими властями по сему предмету донынѣ сдѣланы, были отмѣнены. На оном мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, по вопросу: какъ поступать съ недвижимыми имѣніями, которыя находятся во владѣніи по незаконнымъ актамъ или безъ всякихъ актовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта *Графъ А. Гурьевъ.* 16 іюня 1858 года.

III.

О порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ, согласно съ заключеніемъ его, Министра, *мнѣніемъ положилъ:* въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) Движимыя имущества, предназначаемыя къ продажѣ, если они находятся въ уѣздныхъ городахъ или уѣздахъ ихъ и не превышаютъ по оцѣнкѣ тысячи рублей серебромъ, продаются въ присутствіяхъ Уѣзднаго Суда, или Городоваго Магистрата или Ратуши, по принадлежности, при Уѣздномъ Стряпчемъ. 2) Въ такомъ же порядкѣ производится въ уѣздныхъ городахъ публичная продажа предметовъ, неудобныхъ къ перевозкѣ по тяжести, огромности, или по значительности издержекъ, необходимыхъ на доставленіе ихъ въ губернскій городъ, еслибы оцѣнка сего имущества и превышала тысячу рублей серебромъ. На мѣстахъ въ уѣздахъ продажи всѣхъ подобныхъ громоздкихъ вещей, не исключая и тѣхъ, которыя оцѣнены выше тысячи рублей, совершается при Членѣ городоваго судебнаго мѣста, смотря потому, къ какому сословію принадлежитъ владѣлецъ продаваемаго имущества, при двухъ свидѣтеляхъ и при Уѣздномъ Стряпчемъ. 3) Предоставленное Земскимъ Судамъ право продажи въ уѣздахъ малоцѣнныхъ движимыхъ имуществъ ограничивается продажею крестьянскихъ движимостей по оцѣнкѣ не выше тысячи рублей серебромъ. На мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ

Собраніи Государственнаго Совѣта, о порядкѣ публичной продажи движимыхъ имуществъ въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Князь Орловъ*. 20 октября 1858 года.

IV.

Положеніе о Временной Коммисіи, учрежденной по Высочайшему повелѣнію, для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми.

Составъ Коммисіи.

§ 1. Для незамедлительнаго разбора дѣлъ, возникающихъ между рабочими и нанимателями ихъ, или рядчиками, учреждается въ С.-Петербургѣ, впредь до преобразованія Полицейскихъ Словесныхъ Судовъ при С.-Петербургской Управѣ Благочинія, Временная Коммисія.

§ 2. Коммисія состоитъ изъ Предсѣдателя, назначаемаго по Высочайшему повелѣнію, и Членовъ, по одному отъ Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Государственныхъ Имуществъ, отъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, и С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; кромѣ того одинъ членъ отъ купеческаго сословія и одинъ отъ мѣщанскаго и ремесленнаго сословій вмѣстѣ.

§ 3. Дѣлопроизводителемъ Коммисіи назначается одинъ изъ чиновниковъ Управы Благочинія, по избранію Оберъ-Полиціймейстера.

§ 4. Снабженіе Коммисіи книгами Законовъ, канцелярскими потребностями и другими матеріалами производится изъ городскихъ доходовъ. Нужныя на этотъ предметъ деньги ассигнуются изъ экстраординарной городской суммы по соглашенію Военнаго Генералъ-Губернатора съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Предметы вѣдомства.

§ 5. Вѣдомству Временной Коммисіи подлежатъ всѣ споры и иски, возникающіе въ С.-Петербургѣ и въ уѣздахъ: С.-Петербургскомъ, Царскосельскомъ и Петергофскомъ, между нанимателями или рядчиками и рабочими или мастеровыми, и когда предметъ спора составляетъ не менѣе ста рублей серебромъ или когда искъ на рядчика или нанимателя предъявленъ не менѣе какъ десятью рабочими (*).

(*) *Примѣчаніе.* Разборъ дѣлъ между цеховыми и ихъ подмастерьями и учениками оставляется на прежнемъ основаніи въ завѣдываніи Цеховыхъ Управъ (т. XI. Прод. XVI ст. 665).

Производство дѣлъ.

§ 6. Производство дѣлъ въ Коммисіи изустное, съ запискою только въ особую судебную книгу вкратцѣ предмета жалобы истца и возраженій отвѣтчика и доказательствъ, представляемыхъ обѣими сторонами. Самыя прошенія истца могутъ быть письменныя и словесныя.

§ 7. Рабочіе-мастеровые, жалующіеся на рядчика, въ числѣ отъ 10 до 100 человѣкъ, избираютъ для производства своего дѣла изъ среды себя одного или двухъ повѣренныхъ, а если число рабочихъ простирается свыше 100 человѣкъ, то имъ дозволяется выбрать и трехъ повѣренныхъ.

§ 8. При разборѣ подобныхъ дѣлъ, Коммисія можетъ для разъясненія оныхъ призывать, кромѣ повѣренныхъ, и самихъ рабочихъ, которые ихъ избрали.

§ 9. Вызовъ отвѣтчика въ Коммисію производится посредствомъ разсыльныхъ, состоящихъ при Коммисіи.

§ 10. Отъ явки въ Коммисію по ея требованію не могутъ отговариваться ни отвѣтчики, ни лица, на коихъ ссылаются стороны. Уклоняющіеся отъ явки по причинамъ, незаслуживающимъ уваженія, подвергаются взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 298 Улож. о Наказ. Уголовн. (отъ 50 коп. до 50 р. сер., а въ случаѣ упорства сверхъ денежнаго взысканія аресту отъ 3-хъ до 7-ми дней.)

§ 11. Въ повѣсткахъ должно быть прописано имя истца, предметъ его жалобы и срокъ явки въ Коммисію.

§ 12. Если разсыльный не застанетъ отвѣтчика дома, то оставляетъ повѣстку, при управляющемъ домомъ или дворникѣ, домашнимъ его, а если ихъ не будетъ, тогда управляющему или дворнику.

§ 13. Въ случаѣ болѣзни отвѣтчика, Коммисія, по полученіи о томъ увѣдомленія или письменнаго его отзыва, немедленно командируетъ одного изъ своихъ членовъ для отобранія отъ него объясненія, или, въ случаѣ невозможности отрядить члена, относится къ Оберъ-Полиціймейстеру о возложеніи сего порученія на Стряпчаго Полицейскихъ Дѣлъ.

§ 14. Коммисія равнымъ образомъ командируетъ одного изъ своихъ членовъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно допросить на мѣстѣ производства работъ большое число рабочихъ, или, въ случаѣ невозможности назначить члена, относится къ Оберъ-Полиціймейстеру о назначеніи на сей предметъ Стряпчаго Полицейскихъ Дѣлъ.

§ 15. Если отвѣтчикъ по тремъ повѣсткамъ въ назначенный срокъ не явится и повѣреннаго не пришлетъ, то Коммисія приступаетъ къ рѣшенію дѣла, не стѣсняясь отсутствіемъ отвѣтчика.

§ 16. По вызовѣ отвѣтчика и по выслушаніи представленныхъ тяжущимися сторонами изустныхъ объясненій и разсмотрѣніи письменныхъ доказательствъ, буде таковыя представлены, Коммисія изыскиваетъ средства къ примиренію сторонъ и предлагаетъ имъ сіи средства или предо-

ставляетъ имъ, въ случаѣ изъявленнаго ими желанія, разобраться между собою, на основаніи правилъ узаконеннаго Третейскаго Суда. Въ семъ случаѣ одинъ изъ членовъ Коммисіи можетъ, по желанію сторонъ, принять на себя званіе Суперъ-Арбитра.

§ 17. Если Коммисія не успѣетъ примирить тяжущихся, или они сами или одна изъ сторонъ не изъявятъ желанія разобраться Третейскимъ Судомъ, то Коммисія постановляетъ рѣшеніе и объявляетъ оное тяжущимся сторонамъ.

§ 18. Въ основаніе рѣшенія Коммисія принимаетъ тѣ только доказательства, которыя предъявлены до постановленія рѣшенія и никакія дополнительныя объясненія, изустныя или письменныя, послѣ того представленныя, не принимаются въ уваженіе.

§ 19. Дѣла въ Коммисіи рѣшаются по большинству голосовъ, но когда число оныхъ раздѣлится поровну, то голосъ Предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 20. Въ тѣхъ случаяхъ, когда голоса по различнымъ мнѣніямъ раздѣлятся такъ, что голосъ Предсѣдателя не можетъ составить перевѣса, Коммисія приглашаетъ одного изъ Совѣтниковъ 2-го Департамента Управы Благочинія и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ.

§ 21. Рѣшенія объявляются сторонамъ или ихъ повѣреннымъ въ Коммисіи письменно на простой бумагѣ.

§ 22. Если по объявленіи рѣшенія сторонамъ не будетъ сдѣлано обвиненною стороною немедленнаго распоряженія къ исполненію возложенной на нее обязанности, то Коммисія сообщаетъ о томъ мѣстному Приставу Исполнительныхъ Дѣлъ, который обязанъ, подъ личною въ томъ отвѣтственностію, донести чрезъ три дня Коммисіи о приведеніи рѣшенія въ дѣйствительное исполненіе.

§ 23. Если жалоба рядчика на рабочаго окажется неосновательною, то Коммисія подвергаетъ его въ первый разъ денежному штрафу отъ 1-го до 10 р. сер. въ пользу больницы чернорабочихъ, во второй такому же штрафу отъ 10 до 50 руб. серебромъ, а въ третій разъ, сверхъ штрафа отъ 50 до 100 рублей, публикуетъ о его неправильныхъ дѣйствіяхъ, на его счетъ, въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ. Штрафы отсылаются во 2-й Департаментъ Управы Благочинія.

§ 24. Если жалоба рабочаго или мастероваго на рядчика окажется неосновательною, то онъ въ первый разъ присуждается къ работѣ въ продолженіи одного до семи дней, за половину условной платы. Если тотъ же рабочій или мастеровой будетъ вторично обвиненъ Коммисіею въ неосновательной жалобѣ, то онъ подвергается работѣ за половинную плату въ теченіи отъ 7-ми до 14-ти дней. Въ случаѣ принесенія рабочимъ или мастеровымъ въ третій разъ неосновательной жалобы, онъ подвергается работѣ за половинную плату въ продолженіи отъ 14 дней до шести недѣль.

§ 25. Жалобы на Коммисію на простой бумагѣ приносятся частнымъ порядкомъ въ 4-й Департаментъ Правительствующаго Сената въ мѣсячный срокъ.

Словесные Суды.

§ 26. Дѣла, возникающія между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми, не превышающія ста рублей серебромъ, или когда число рабочихъ, жалующихся на рядчика или на нанимателя, не превышаетъ девяти человѣкъ, разсматриваются въ С.-Петербургѣ въ учрежденныхъ при частяхъ города Словесныхъ Судахъ, подъ предсѣдательствомъ Пристава Исполнительныхъ Дѣлъ(*).

§ 27. Впредь до преобразованія Словесныхъ Судовъ, дѣла между рядчиками, или нанимателями, и рабочими, или мастеровыми, производятся въ сихъ Судахъ на основаніи правилъ, изъясненныхъ выше сего для Временной Коммисіи.

§ 28. Дѣла въ Словесныхъ Судахъ рѣшаются также по большинству голосовъ, но голосъ Пристава Исполнительныхъ Дѣлъ даетъ перевѣсъ.

§ 29. Жалобы, возникающія внѣ С.-Петербурга между рабочими и рядчиками или нанимателями ихъ и мастеровыми, разсматриваются въ мѣстныхъ Уѣздныхъ Судахъ на правилахъ, постановленныхъ для Временной Коммисіи.

§ 30. Жалобы на рѣшенія Уѣздныхъ и Словесныхъ Судовъ по симъ дѣламъ приносятся на простой бумагѣ частнымъ порядкомъ въ 1-й Департаментъ С.-Петербургской Гражданской Палаты въ двухъ-недѣльный срокъ.

§ 31. Жалобы сіи въ Палатѣ разсматриваются по правиламъ, установленнымъ для производства дѣлъ во Временной Коммисіи, и рѣшеніе Палаты признается окончательнымъ.

§ 32. Если по разсмотрѣніи дѣла жалоба рабочаго или мастероваго окажется неосновательною, то Гражданская Палата присуждаетъ его къ работѣ въ продолженіе одного до 7-ми дней за половину условной платы.

Въ случаѣ признанія Палатою жалобы рядчика неосновательною, Палата подвергаетъ его денежному штрафу отъ 1-го до 10-ти рублей серебромъ въ пользу больницы чернорабочихъ.

Подписали: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *С. Ланской.*
Министръ Юстиціи *Г. В. Панинъ.*

(*) *Примѣчаніе.* Дѣла сіи производятся въ Словесныхъ Судахъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда между нанимателями и рабочими не было учинено договора у Маклерскихъ дѣлъ (примѣч. 2 ст. 3276 т. X).

V.

Высочайшій указъ, данный на имя Г. Министра Императорскаго Двора и Удѣловъ.

«Желая даровать удѣльнымъ крестьянамъ личныя и по имуществу права, предоставленныя прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1. Отмѣнивъ существующія въ законѣ и въ удѣльныхъ правилахъ ограниченія, на основаніи коихъ удѣльные крестьяне пріобрѣтали въ собственность и отчуждали ненаселенныя земли, не иначе какъ съ разрѣшенія Департамента Удѣловъ и именемъ онаго, а также съ разрѣшенія сего Департамента располагали лѣсомъ на собственныхъ своихъ земляхъ, предоставить впредь удѣльнымъ крестьянамъ право по своему усмотрѣнію пріобрѣтать въ собственность, всѣми законными способами, отъ лицъ своего и другихъ состояній, ненаселенныя земли, равно какъ и отчуждать, кому пожелаютъ, собственныя земли свои; совершать своимъ именемъ установленные для того акты и вообще располагать пріобрѣтенными такимъ образомъ землями и всѣмъ находящимся на поверхности и внутри оныхъ, на правахъ полной собственности. При семъ вмѣнить удѣльнымъ крестьянамъ только въ обязанность о пріобрѣтеніи и отчужденіи земли предварительно объявлять каждый разъ мѣстному Удѣльному Приказу, гдѣ таковой есть. По совершеннымъ, до сего времени, именемъ Департамента Удѣловъ, актамъ на собственныя земли удѣльныхъ крестьянъ, сдѣлать надлежащія, на имена владѣльцевъ, передачи.

2. Вмѣсто дѣйствовавшихъ донынѣ установленій, по коимъ переходъ удѣльныхъ крестьянъ въ мѣщане допускался лишь изъ имѣній малоземельныхъ, а въ купцы только въ случаѣ предъявленія значительнаго капитала, и взималось съ каждой мужской наличной души переходящаго семейства: при перечисленіи въ купечество по 1500 руб. сер., а въ мѣщанство по 600 рублей серебромъ, распространить на удѣльныхъ крестьянъ законъ, установленный по сему предмету для крестьянъ государственныхъ и, на основаніи утвержденныхъ Нами, у сего прилагаемыхъ, правилъ, дозволить удѣльнымъ крестьянамъ, съ разрѣшенія ихъ Начальства и по исполненіи установленныхъ обязанностей къ мірскому обществу, переходить въ городскія и другія свободныя сельскія сословія, съ тѣмъ, чтобы переходящіе въ городскія сословія уплачивали въ пенсіонный капиталъ для отставныхъ солдатъ, возвращающихся въ удѣльныя имѣнія, такой же сборъ, какой взимается съ крестьянъ государственныхъ, а именно: переходящіи въ купечество сорокъ рублей серебромъ, а въ мѣщанство пятнадцать рублей серебромъ; съ прочихъ же ревизскихъ душъ перечисляющагося семейства половину сего, то есть: при переходѣ

въ купечество по двадцати рублей, а въ мѣщанство по семи рублей пятидесяти копѣекъ серебромъ съ каждой.

3. Дозволить безвозмездно вдовамъ и дочерямъ удѣльныхъ крестьянъ выходить замужъ за людей другихъ сословій.

4. Въ отмѣну постановленій, по коимъ во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся удѣльныхъ крестьянъ, ходатайствовали и отвѣчали Удѣльные Стряпчіе, а самимъ крестьянамъ ходить по судамъ или имѣть своихъ повѣренныхъ воспрещалось, разрѣшить впредь удѣльнымъ крестьянамъ, въ ихъ тяжбахъ, искахъ и вообще гражданскихъ дѣлахъ съ лицами другихъ вѣдомствъ, ходатайствовать лично въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы по дѣламъ мірскихъ обществъ имѣли хожденіе только люди, назначенные сими обществами, съ разрѣшенія Начальства оныхъ. Независимо отъ сего предоставить удѣльнымъ крестьянамъ, ежели они пожелаютъ, просить о порученіи означенныхъ дѣлъ ихъ ходатайству Удѣльныхъ Стряпчихъ, причемъ вмѣнить въ обязанность Удѣльнымъ Конторамъ и Удѣльнымъ Стряпчимъ, на основаніи Нами утвержденныхъ и у сего прилагаемыхъ правилъ, оказывать удѣльнымъ крестьянамъ, по дѣламъ ихъ въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, защиту и покровительство, а тамъ, гдѣ Удѣльныхъ Стряпчихъ нѣтъ, возложить сію обязанность, согласно статьѣ 2184-й тома X Свода Законовъ Гражданскихъ (изданія 1842 года), на мѣстныхъ Губернскихъ и Уѣздныхъ Стряпчихъ.

5. Предоставить удѣльнымъ крестьянамъ совершать всѣ обязательства и договоры, а равно духовныя завѣщанія на основаніи законовъ, существующихъ для крестьянъ государственныхъ, и всѣ письменныя сдѣлки удѣльныхъ крестьянъ между собою свидѣтельствовать въ Удѣльныхъ Приказахъ, по примѣру Волостныхъ Правленій Государственныхъ Имуществъ.

6. Всѣ означенныя мѣры распространить въ равной степени на бывшихъ пахатныхъ солдатъ, состоящихъ въ удѣльномъ завѣдываніи.

7. Сообразно съ настоящимъ расширеніемъ правъ удѣльныхъ крестьянъ измѣнить соотвѣтствующія статьи Свода Законовъ Гражданскихъ, о чемъ имѣете вы войти въ сношеніе съ Главноуправляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Нашей Канцеляріи.

Вы не оставите сдѣлать распоряженіе къ обнародованію сего въ установленномъ порядкѣ, во всеобщее свѣдѣніе.

Высочайше утвержденныя правила о переходѣ удѣльныхъ крестьянъ въ городскія и другія свободныя сельскія состоянія.

1) Удѣльнымъ крестьянамъ предоставляется право переходить въ городскія сословія и въ другія свободныя сельскія состоянія, какъ семействами, такъ и отдѣльными лицами, съ разрѣшенія Начальства своего.

2) Переходящее семейство, или лицо, обязано испросить отъ своего мірскаго общества увольнительный приговоръ, по установленной формѣ, съ удостовѣреніемъ: а) что семейство переходящее, или къ коему принадлежитъ переходящій, не состоитъ на первыхъ двухъ рекрутскихъ очередяхъ, или, состоя на очереди, представило наемника или зачетную квитанцію; б) что на семействѣ нѣтъ податныхъ и другихъ недоимокъ, а также частныхъ долговъ и что всѣ сборы уплачены до 1-го января слѣдующаго года; в) что перечисляющіеся не состоятъ подъ слѣдствіемъ и судомъ. За тѣмъ въ мірскихъ приговорахъ на увольненіе отдѣльныхъ лицъ, или части семейства, присовокупляется удостовѣреніе: г) что родители на перечисленіе согласны, или что перечисляющійся ихъ не имѣетъ; д) что въ остающейся части семейства нѣтъ малолѣтныхъ и такихъ, которые бы оставались безъ родителей и средствъ пропитанія, или, въ противномъ случаѣ, что содержаніе ихъ обезпечено перечисляющеюся частію семейства. Наконецъ въ приговорахъ на переходъ въ городскія сословія удостовѣрятся: е) что перечисляющійся не принадлежитъ къ раскольническимъ сектамъ, коимъ переходить въ городское общество воспрещено.

Примѣчаніе. Недостигшіе совершеннолѣтія, т. е. двадцати одного года отъ рожденія, допускаются къ перечисленію въ городскія сословія только съ родителями и родственниками, при семействѣ коихъ состоятъ; отдѣльный же переходъ ихъ воспрещается.

3) Лица женскаго пола получаютъ приговоры, съ удостовѣреніемъ только о согласіи родителей, или что таковыхъ нѣтъ, и о томъ, что просящая перечисленія не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, а при переходѣ въ городскія состоянія, также о непринадлежности къ раскольничьимъ сектамъ.

4) Ежели не существуетъ вышеозначенныхъ причинъ, препятствующихъ переходу въ другія сословія, и желающій перечислиться исполнилъ всѣ установленныя обязанности въ отношеніи къ своему мірскому обществу, то общество сіе не въ правѣ никому отказать въ выдачѣ увольнительнаго приговора; въ противномъ случаѣ, по жалобѣ просителя, Удѣльная Контора можетъ собрать всѣ требуемыя свѣдѣнія и выдать свидѣтельство отъ себя.

5) Увольнительные приговоры мірскаго общества свидѣтельствуются мѣстнымъ Удѣльнымъ Приказомъ.

6) Перечисляющіеся въ мѣщанское и сельское сословія, по полученіи увольнительнаго приговора, должны испросить отъ того общества, куда желаютъ поступить, пріемный приговоръ. Если при этомъ переходящій въ мѣщане внесетъ впередъ годовую подать, то общество не въ правѣ отказать ему въ согласіи на пріемъ. Крестьяне, перечисляющіеся прямо въ купечество, равно лица женскаго пола, переходящія въ другія сословія, освобождаются отъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ.

7) Перечисляющееся семейство или лицо, получивъ приговоръ, представляетъ оный при просьбѣ въ Удѣльную Контору, безъ вѣдома которой не можетъ быть совершенъ переходъ. При семъ прилагаютъ: перечисляющійся однимъ лицомъ въ купечество *сорокъ* рублей, а въ мѣщанство *пятнадцать* рублей сер. въ пользу пенсіоннаго капитала для отставныхъ нижнихъ чиновъ, возвратившихся въ удѣльныя имѣнія; перечисляющіеся же въ составѣ семейства или въ числѣ нѣсколькихъ членовъ, вносятъ полную сумму только за себя, а за прочихъ членовъ семейства мужескаго пола половину оной, именно: при переходѣ въ купечество по *двадцати* руб., а въ мѣщанство по *семи* руб. *пятидесяти* коп. сер. за каждую ревизскую душу. Съ перечисляющихся въ другія сельскія сословія означеннаго взноса не взимается.

8) Удѣльная Контора о перечисленіи просителей входитъ неупустительно въ сношеніе съ Казенною Палатою; но о переходящихъ въ другое сельское состояніе неиначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ тѣмъ вѣдомствомъ, въ которое желаетъ перейти проситель, и если со стороны сего вѣдомства не окажется препятствій. Внесенная же сумма присоединяется къ упомянутому пенсіонному капиталу.

9) Казенная Палата, на основаніи представленныхъ документовъ, перечисляетъ просителей въ избранное сословіе съ 1-го января слѣдующаго года, и въ тоже время исключаетъ изъ оклада по прежнему состоянію.

10) До настоящаго утвержденія перечисляющагося удѣльнаго крестьянина, онъ не освобождается ни отъ платежа податей и отправленія всѣхъ повинностей по селенію, ни отъ обязанности, въ случаѣ отлучки изъ селенія, имѣть узаконенный паспортъ на прожитіе.

Подписали: Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ Графъ *В. Адлербергъ*.

Предсѣдатель Департамента Удѣловъ *Михаилъ Муравьевъ*.

Высочайше утвержденныя Правила о ходатайствѣ по тяжебнымъ, исковымъ и вообще гражданскимъ дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній.

1) Для предупрежденія по возможности тяжбы и исковъ удѣльныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній, Удѣльныя Конторы и Удѣльные Стряпчіе должны стараться примирять спорящихъ, не допуская ихъ до производства дѣла въ судебныхъ мѣстахъ; предлагать имъ, между прочимъ, разбираться и третейскимъ судомъ по совѣсти, или по закону, на основаніи существующихъ правилъ.

2) Если примиреніемъ искъ не прекратится и на третейское разбирательство спорящіе не изъявятъ согласія, то дѣло поступаетъ, по предъявленному прошенію, въ судебное мѣсто, гдѣ и производится по общимъ правиламъ судопроизводства.

3) По производству тяжбъ, исковъ и вообще гражданскихъ дѣлъ съ лицами другихъ состояній, удѣльнымъ крестьянамъ дозволяется лично ходатайствовать въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, что по дѣламъ обществъ могутъ имѣть хожденіе только лица, которыя будутъ для того назначены по мірскимъ приговорамъ, съ разрѣшенія Удѣльной Конторы.

4) Удѣльные крестьяне могутъ быть повѣренными, какъ крестьянъ своего вѣдомства, такъ и постороннихъ лицъ, но съ вѣдома Удѣльной Конторы.

5) Вмѣстѣ съ правомъ личнаго ходатайства, удѣльнымъ крестьянамъ предоставляется, по производству въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ ихъ собственныхъ исковыхъ,тяжебныхъ и гражданскихъ дѣлъ, прибѣгать подъ защиту и покровительство Удѣльныхъ Конторъ и Удѣльныхъ Стряпчихъ, а также Департамента Удѣловъ.

6) Стряпчій, распросивъ подробно крестьянъ о существѣ дѣла, обязанъ давать имъ совѣты и наставленія, могущія служить къ большему объясненію правъ ихъ и къ достиженію скорѣйшаго по закону удовлетворенія.

7) Стряпчій предупреждаетъ крестьянъ о всѣхъ обрядахъ, какіе по производству тяжбъ и исковъ въ судебныхъ мѣстахъ должны быть наблюдаемы, и наставляетъ ихъ о непропущеніи сроковъ для начатія дѣла, для рукоприкладства, подписанія неудовольствія выслушанія рѣшеній и принесенія частныхъ и апелляціонныхъ жалобъ.

8) Стряпчему вмѣняется въ обязанность, по просьбѣ удѣльныхъ крестьянъ, просматривать, исправлять и сочинять имъ прошенія и жалобы, но подавать ихъ отъ своего имени воспрещается.

9) Въ случаяхъ медленности и проволочки дѣла, Удѣльный Стряпчій, а если встрѣтится надобность и Удѣльныя Контора, настаиваютъ, чрезъ Уѣздныхъ Стряпчихъ и Губернскихъ Прокуроровъ, о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла.

10) Удѣльная Контора строго наблюдаетъ, чтобы Удѣльный Стряпчій объясненныя выше обязанности исполнялъ съ точностію и неуклонно.

11) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ Удѣльнаго Начальства, ходатайство по дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ возлагается на Уѣздныхъ Стряпчихъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для Стряпчихъ Удѣльныхъ.

Подписали: Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ Графъ *В. Адлербергъ.*

Предсѣдатель Департамента Удѣловъ *Михаилъ Муравьевъ.*

ДОГОВОРЫ ВОЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ, XVII И НАЧАЛА XVIII ВѢКА, О ПОСТУПЛЕНІИ ВЪ КРЕСТЬЯНЕ И ДВОРОВЫЕ НА СРОЧНОЕ ВРЕМЯ.

Въ изданныхъ Археографическою Коммисіею «Актахъ Юридическихъ (1838 г.)» и первомъ томѣ «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи (1857 г.)» помѣщено нѣсколько записей, которыя были заключены вольными (гулящими) людьми при поступленіи ихъ въ крестьяне и дворовые (Акт. Юрид. №№ 175—184, 186—187, 189—191, 193, 194, 196, 405; Акт., относ. до юрид. быта, №№ 93 и 94); но изъ этихъ актовъ не видно положительно, чтобы въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII-го можно было поступать въ крестьяне иначе какъ *навсегда* (въ вѣчное крестьянство), а въ дворовые иначе какъ въ *кабалу до самой смерти помѣщика* (въ кабальное холопство); можно бы даже, основываясь на ихъ содержаніи, заключить о противномъ. Такъ въ одной записи, 1690 года декабря 15, поступающій въ крестьяне говоритъ: «а будетъ я Иванъ за государемъ своимъ, взявъ ссуду, жить не стану и всякаго крестьянскаго заводу на тѣ деньги не заведу, и изъ за него куды сбѣгу, и ему (помѣщику) по сей ссудной записи взять тѣ свои ссудные деньги на мнѣ Иванѣ, а крестьянство и впредь крестьянство, *и вольно ему государю моему меня продать и заложить и самому владѣть.*» Въ другомъ, еще ненапечатанномъ, актѣ читаемъ: «а за ссуду мнѣ Петру съ женою своею и съ дѣтми у Артемья Григорьевича и у жены его и у дѣтей *жить во крестьяняхъ вѣчно*, и живучи во крестьяняхъ всякая работа роботать и во всемъ его Артемья Григорьевича съ женою своею и съ дѣтми и жены его и дѣтей въ работѣ слушать, дурна и хитрости надъ животомъ его не учинить и покрадчи животовъ его отъ него Артемья Григорьевича, отъ жены его и отъ дѣтей не сбѣжать.» Въ кабальныхъ же служилыхъ записяхъ встрѣчается постоянно выраженіе: «служить мнѣ у государя своего во дворѣ его *по его животъ*,» или «во дворѣ жити и служити *по вся дни*». Недавно мнѣ посчастливилось однако найти четыре записи, которыя свидѣтельствуютъ, что и въ означенное время были примѣры поступленія въ крестьяне и дворовые на срокъ. Полагаю, что эти акты заслуживаютъ особеннаго вниманія

не только какъ матеріалы для исторіи русскаго законодательства, но, при предстоящихъ перемѣнахъ въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и дворовымъ, и въ значеніи практическомъ, тѣмъ болѣе, что два изъ нихъ указываютъ на существованіе у насъ въ старину найма въ крестьянскіе работы, кромѣ отдѣльныхъ лицъ и семействъ, также *артелями*. Вотъ основаніе почему я сообщаю прилагаемые здѣсь документы.

Н. КАЛАЧОВЪ.

I.

Запись о поступленіи Леонтія Иванова, Дмитрія Анисимова, съ ихъ семействами, и Василія Анисимова въ крестьяне на семь лѣтъ.

Се азъ Леонтей Ивановъ сынъ Иноземцовъ, съ женою своею Анною Филипьевою да съ дочерью, да съ дѣтми съ Микитою да съ Епифаномъ, да язъ Дмитрей Анисимовъ сынъ, съ женою своею Василисою Филипьевою дочерью, да съ сыномъ своимъ Иваномъ Дмитреевымъ, да язъ Василей Анисимовъ, вольные Великаго Государя люди (¹), всѣ мы наймиты дали мы сію на себя запись на Сызранѣ Григорью Алексѣеву сыну Сабанину въ томъ: въ нынѣшнемъ 1700 году февраля въ девятый надесять день нанялись мы наймиты Леонтей съ товарыщи, кои въ сей записи имяны наши писаны, и дѣти, у него Григорья всякую черную работу въ его деревнѣ въ Синбирскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сычовкѣ, пашню пахать, и залоги роздирать, и лѣсъ всякой ронить, и хоромы строить, и сѣно косить, и дрова возить ему Григорью, и хлѣбъ всякой жать, и съ поля его Григорьева прятать хлѣбъ въ гумно, и кто изъ насъ наймитовъ умѣетъ топоромъ плотничать, и намъ наймитомъ дѣлать на него Григорья всякое хоромное строеніе, или что онъ Григорей заставитъ, все дѣлать. И намъ наймитомъ его Григорья и жены его и дѣтей и домашнихъ его, кому онъ прикажетъ, слушать и ни въ чемъ не огурятца. А работать намъ наймитомъ тое всякую работу на своихъ лошедяхъ. А нанелись мы наймиты у него Григорья къ той работѣ отъ секова числа впредь до сроку на семь лѣтъ. А жить намъ наймитомъ тѣ урочные годы въ той его Григорьевой деревнѣ

(¹) *Въ подл. спискѣ. вмѣсто* «люди» *написано въ другой разъ* «государя».

на его Григорьевой землѣ съ женами и съ дѣтми безоброчно и безъ всякого платежу. А работать намъ наймитомъ тое работу на своемъ хлѣбѣ и про свой обиходъ землю роспахивать сколко кому погодитца. А рядили мы наймиты Леонтей съ товарыщи, кои въ сей записи имяны наши писаны, за тое всякую работу у него Григорья всякому человѣку (*) болшимъ по рублю, середнимъ и меншимъ статьи лѣтъ отъ пятнатцети по полтинѣ, и тѣ свои рядные денги мы наймиты Леонтей съ товарыщи напередъ взяли за всѣ урочные годы всѣ сполна, что писаны выше сего. И будучи намъ наймитомъ Леонтью съ товарыщи у той его Григорьевой работы всякіе живучи въ той его деревнѣ Сычовкѣ (**), и кому у него Григорья для наряду работы (***), и намъ наймитомъ потому жъ слушать и почитать и ни въ какой работѣ спору и огурства противъ ихъ никакого не држать и всякому въ своей работѣ промыслу не остановить, и взявъ тѣ свои денги рядные, не отживъ урочныхъ лѣтъ, отъ той работы несбѣжать, и не пить и не бражничать, и никакимъ воровствомъ не воровать, и съ воровскими людми не знатца, стану и пріѣзду воровскимъ людемъ не держать и воровскою рухлядью не промышлять, дурна и хитрости никакой и убытковъ (****), и воровскихъ людей подъ его Григорьевы животы не подвести, и самимъ намъ наймитомъ не покрасть, и убытка никакого не починить. А порукою мы наймиты Леонтій съ товарыщи ему Григорью въ той работѣ и во взятыхъ денгахъ и въ послушаніѣ и въ устойкѣ (sic) ему Григорью и женѣ его и дѣтямъ въ очисткѣ ручались мы наймиты другъ по другѣ, голова въ голову, въ томъ, что мы наймиты не боярскіе и не властелинскіе и не монастырскіе крестьяня и не дворовые чьи люди бѣглые, Великого Государя волные люди изъ розныхъ городовъ, другъ друга межъ собою знаемъ, всѣ добрые и не воровскіе люди. А буде мы наймиты Леонтей съ товарыщи, жены и дѣти, кои въ сей записи имяны наши писаны выше сего, нанявся и взявъ денги и не отживъ урочныхъ лѣтъ и работы работать (*****) его Григорья, жены его и дѣтей и кому онъ Григорей прикажетъ, слушать не

(*) *Здѣсь должно быть прибавлено* «на годъ». *См. слѣдующую запись.*—(**)*Здѣсь должно прибавить:* «его Григорья».—(***) *Здѣсь должно прибавить»:* отъ него приказано будетъ. «*См. слѣдующую запись.*— (****) *Въ подл. недостаетъ* «не учинить».—(*****) *Вмѣсто* «и работы роботать» *должно быть:* «роботы работать не станемъ, или.»

станемъ и покрадчи животы его сбѣжимъ или убытокъ учинимъ, и не отживъ урочныхъ лѣтъ, покиня работы, сбѣжимъ, или станемъ пить или бражничать, или съ воровскими людми станемъ знатца, или воровскимъ людемъ станъ и пріѣздъ держать и воровскою рухледью промышлять, или воровать мы наймиты станемъ, или чьи боярскіе и властелинскіе и монастырскіе крестьяня или чьи бѣглые кабалные дворовые люди, или подъ его Григорьевы животы воровскихъ людей подведемъ, или дурно, хитрость и какіе убытки учинимъ или пократчи животы его Григорьевы снесемъ, или сбѣжимъ, или противъ сей записи въ вышеписанномъ хотя въ маломъ въ чемъ не устоимъ, что писано выше сего въ сей записи, и на насъ наймитахъ Леонтьѣ съ товарыщи на всѣхъ по головамъ за одного неправого человѣка, которые въ сей записи имяны наши писаны, взять ему Григорью и женѣ его и дѣтемъ тѣ свои протори и убытки, а за сносные животы на насъ наймитахъ Леонтьѣ съ товарыщи цѣну по сказкѣ за устойку (sic) и даные денги. А у сей записи послуси: Сызранскіе площадные подьячіе Иванъ Горбуновъ, Акимъ Степановъ, Михайло Кузнецовъ, Филипъ Шарашкинъ, Ерофей Петровъ. А запись писалъ тое жъ площади подьячей Ѳедка Шанинъ, лѣта 1700 году февраля въ 19 день. У подлинной записи на оборотѣ написано: къ сей записѣ Сызранской площади подьячей Васка Талской вмѣсто наймитовъ Леонтья Иноземцова, Дмитрея Анисимова, Василья Анисимова, по ихъ велѣнью, руку приложилъ, да послуховы руки.

II.

Запись о наймѣ Ивана Юдина Поляка, съ семействомъ, и Василія Степанова, съ семействомъ, въ крестьяне на три года.

Се азъ Иванъ Юдинъ сынъ, Полякъ, съ женою своею Вѣрою Савельевою дочерью, да съ дѣтми съ Антономъ да Потаномъ, да язъ Василей Степановъ, съ женою своею Аграфеною Филиповою дочерью, да съ дѣтми съ Петромъ да съ Иваномъ, волные Великого Государя люди, всѣ мы наймиты дали сію на себя запись на Сызранѣ Григорью Алексѣеву сыну Сабанину въ томъ: въ нынѣшнемъ тысяча семьсотомъ году іюня въ двадесятъ вторый день нанялись мы Иванъ да Василей съ женами своими и съ дѣтми у него Гри-

горья всякую черную работу въ его деревнѣ въ Спбирскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сычовкѣ, пашню пахать и залоги роздирать, и лѣсъ всякой ронить, и хоромы строить, и сѣно косить, и дрова возить, и хлѣбъ всякой жать, и съ поля прятать въ гумно, и кто изъ насъ наймитовъ умѣетъ топоромъ плотничать, и намъ наймитомъ дѣлать на него Григорья всякое хоромное строеніе, или что онъ Григорей заставитъ, все дѣлать; намъ наймитомъ его Григорья и жены его и дѣтей и домашнихъ его и кому онъ прикажетъ слушать, и ни въ чемъ не огурятца. А работать намъ наймитомъ тое всякую работу на своихъ лошадяхъ. А нанялись мы наймиты у него Григорья къ той работѣ отъ секова числа впредь до сроку на три года. А жить намъ наймитомъ тѣ урочные годы въ той деревнѣ на его землѣ съ женами и съ дѣтми безоброчно и безъ всякого платежю. А работать намъ наймитомъ тое его работу на своемъ хлѣбѣ и про свой обиходъ землю роспахивать сколко кому погодитца. А рядили мы наймиты за тое свою работу у него Григорья всякому человѣку на годъ болшимъ по рублю, среднимъ и меншимъ статьи лѣтъ отъ пятнатцети по полтинѣ, и тѣ рядные денги мы наймиты напередъ взяли за всѣ урочные годы всѣ сполна. И будучи намъ наймитомъ у тое его Григорьевы всякой работы и живучи въ той деревнѣ, его Григорья, или кому отъ него приказано будетъ, во всемъ быть послушнымъ, спору и огурства не чинить, и не доживъ до сроку отъ той работы не сбѣжать, и воровствомъ никакимъ не воровать, и съ воровскими людми не знатся, пріѣзду къ себѣ и отъѣзду воровскимъ людемъ не держать и воровскою рухледью не промышлять, дурна и хитрости никакой и убытковъ не учинить, и не бражничать, зернью и карты не играть, и воровскихъ людей подъ его Григорьевы животы не подвесть, и самимъ наймитомъ его Григорья не покрасть. А порукою мы наймиты въ той работѣ и во всемъ вышеписанномъ и что мы ни чьи бѣглые крестьяня или дворовые люди ручались другъ по другѣ, и что мы волные Великого Государя люди и не воровскіе и другъ друга межъ собою знаемъ. А буде мы Иванъ да Василей и жены наши и дѣти по сей записи въ вышеписанномъ въ чемъ не устоимъ, и за неустойку по сей записи ему Григорью и женѣ его и дѣтемъ взять на насъ наймитахъ и на женахъ нашихъ и на дѣтяхъ за виноватого, хотя и за одного человѣка, тѣ свои даные денги и протори и убытки и за сносные животы цѣну по скаскѣ своей, а ся запись до

урочныхъ лѣтъ въ запись. У сей записи свидѣтели: Сызранскіе пушкари Михайло Ивановъ сынъ Крупениковъ, Самуилъ Семеновъ сынъ Бердниковъ. А запись писалъ Сызранскіе приказные избы подьячей Иванъ Степановъ сынъ Талской. У подлинной записи на оборотѣ написано: Иванъ Юдинъ Полякъ, съ женою своею Вѣрою Савельевою, да съ дѣтми своими съ Антономъ да съ Потапомъ у Григорья Сабанина въ деревнѣ Сычовкѣ нанялся всякую работу работать три года и рядные денги по сей записи взялъ нынѣ всѣ напередъ, въ томъ сію и запись далъ, а въ его Иваново мѣсто, по его велѣнью, Сызранской площадной подьячей Петрушка Осиповъ руку приложилъ; Василей Степановъ, съ женою своею съ Огрофеною Филипьевой и съ дѣтми своими съ Петромъ да съ Иваномъ, у Григорья Сабанина въ деревнѣ Сычовкѣ нанялся всякую работу работать три года и срядные денги по сей записи нынѣ всѣ напередъ (*), въ томъ сію и запись далъ, а въ его Васильево мѣсто, по его велѣнью, Сызранской площадной подьячей Митка Ерофѣевъ руку приложилъ; да свидѣтелей вмѣсто ихъ руки.

Оба акта сняты съ копіи, начала XVIII вѣка, писанной неисправно.

III.

Челобитная и сказка по допросу о поступленіи Ивана Михайлова въ бобыли Новгородскаго Софійскаго архіерейскаго дома.

Великому господину преосвященному Корнилію, митрополиту Великого Новагорода и Великихъ Лукъ, бьетъ челомъ сирота твой Ивашка Михайловъ. Въ прошлыхъ, государь, годехъ вышелъ я сирота изъ за Свѣйского за рубежа съ выходцы въ сторону великаго государя, въ твою святительскую Тесовскую волость, невеликъ, и кормился по добрымъ людемъ работникомъ; а нынѣ я сирота въ возрастѣ и приставаю въ Великомъ Новѣгородѣ кое гдѣ, а крѣпкой пристани себѣ не имѣю. Великій господинъ преосвященный Корнилій, митрополитъ Великого Новагорода и Великихъ Лукъ, пожалуй сироту своего, вели, государь, меня въ Софѣйской домъ припяти въ бобылки и жить за тобою великимъ святителемъ въ бобыл-

(*) *Въ подл. недост:* взялъ.

кахъ изъ (*) денежного оброку, а оброкомъ по чему ты, великій государь святитель, пожалуешь, на меня сироту положишь. Великій государь святитель, смилуйся пожалуй!

Подлинникъ писанъ столбцемъ, на одномъ листкѣ. На оборотѣ, вверху, помѣта: 185 сентября въ 15 день, роспросить и взять порядная запись.

185-го сентября въ 15 день, въ митрополичѣ въ казенномъ приказѣ Соѳѣйского дому, передъ казначеемъ старцомъ Пахоміемъ да передъ дьякомъ передъ Андрѣемъ Спазиныхъ, волной гулящей человѣкъ Ивашко Михайловъ въ роспросѣ сказалъ: уроженецъ де онъ Ивашко Ивангородецъ, крестьянскаго отца сынъ, и въ прошлыхъ де годѣхъ тому нынѣ лѣтъ съ десять вышелъ онъ Ивашко въ сторону великого государя малъ и присталъ жить въ Соѳѣйской вотчинѣ въ Тесовской волости въ деревни Жерятицахъ у крестьянина Ивашка Микитина, и жилъ лѣтъ съ пять, и отъ него крестьянина Ивашка вышелъ, и нынѣ живетъ въ Великомъ Новѣгородѣ у посадцкихъ людей въ наймехъ, кормитца работою, а въ государевыхъ дворцовыхъ волостяхъ и въ монастырьскихъ вотчинахъ во крестьянствѣ и за помѣщики въ холопьствѣ нигдѣ не живалъ и крѣпости никакіе никому не давывалъ; а нынѣ онъ Ивашко бьетъ челомъ великому государю преосвященному Корнилію, митрополиту Великого Новаграда и Великихъ Лукъ, чтобъ ему Ивашку быть въ Софѣйскомъ дому въ бобылехъ и оброкъ платить съ иными Софѣйскими Новгородскими бобыли по окладу.

Подлинникъ писанъ столбцемъ, на одномъ листкѣ. На оборотѣ и въ концѣ акта, на лицевой сторонѣ внизу, подпись: Къ симъ роспроснымъ рѣчемъ вмѣсто гулящего человѣка Ивана Михайлова бывшей попъ Онницкой (?) Терентеище Еуѳіміевъ, по его велѣнію, руку приложилъ.

IV.

Запись о поступленіи Ѳедора Демидова Пономарева въ дворовые на десять лѣтъ.

Се азъ Ѳедоръ Демидовъ сынъ Понамаревъ, Сызранской житель, въ нынѣшнемъ тысяча семсотомъ году іюня въ девяты день далъ

(*) *Въ подл. вмѣсто* изъ *ошибкою* п.

сію на себя запись Сызранскіе приказные избы подьячему Ивану Степанову сыну Талскому въ томъ: взялъ я Өедоръ у него Ивана на росплату долговъ своихъ денегъ пятьдесятъ рублевъ; а за тѣ денги жить мнѣ Өедору у него Ивана въ домѣ съ женою своею Василискою и съ дѣтьми, съ патчерицею Василискою жъ да сыномъ Петрушкою, отъ сего числа впредь десеть годовъ до такого жъ числа. И живучи мнѣ Өедору у него Ивана, всякая работа работать и во всемъ мнѣ Өедору и женѣ моей и дѣтемъ его Ивана и жены и дѣтей, что онъ Иванъ или жена его заставитъ дѣлать, слушать, и не доживъ до сроку не сбѣжать: А пить-ѣсть мнѣ Өедору и женѣ моей и дѣтемъ его Иваново; а одежу мнѣ Өедору у него Ивана имать на всякой годъ по зипуну сермяжному да по шубѣ; а въ нынѣшнемъ 1700 году взять мнѣ Өедору у него Ивана двѣ рубахи, двои портки, а впредъидущія годы рубахи и портки носить свое. А порукою по мнѣ Өедорѣ ему Ивану во всемъ по сей записи сынъ мой родной Петрушка Өедоровъ. А буде я Өедоръ противъ сей записи, что въ ней писано выше сего, въ чемъ вышеписанномъ не устою, и ему Ивану и женѣ его и дѣтемъ взять на мнѣ Өедорѣ и на женѣ моей и на дѣтехъ по сей записи тѣ свои даные денги съ хорчи и съ убытки, а ся запись въ тѣ урочные годы на меня Өедора и на жену мою и на дѣтей ему Ивану и женѣ его и дѣтемъ въ крѣпость. У сей записи свидѣтели: Сызранскіе приказные избы подьячіе Семенъ Ивановъ сынъ Остафьевъ, Сызранскихъ солдатъ капитанъ Алексѣй Іевлевъ сынъ Заузола. А запись писалъ Сызранской приказной избы подьячей Макаръ Ефтиөеевъ сынъ Гладковъ, 1700 году іюня въ 9 день. У подлинной записи на оборотѣ написано: Өедоръ Демидовъ сынъ Понамаревъ у Ивана Талского на росплату долговъ своихъ пятдесятъ рублевъ денегъ занелъ; а за тѣ денги жить ему Өедору съ женою и съ дѣтьми у него Ивана десеть лѣтъ; а въ его Өедорово мѣсто, по его велѣнію, Сызранской площедной подьячей Филка Архиповъ руку приложилъ; вмѣсто поручика Петра Өедорова, по его велѣнію, Сызранской площедной подьячей Митка Ероөеевъ руку приложилъ; да свидѣтелевы руки.

Напечатано съ копіи, писанной въ началѣ XVIII вѣка.

Русское гражданское судопроизводство въ историческомъ его развитіи отъ Уложенія 1649 года до изданія Свода Законовъ. Разсужденіе на степень Доктора юридическихъ наукъ Магистра гражданскаго права М. М. Михайлова. СПБ., 1856, *стр. VIII, VIII и 202.*

—

Историческій методъ давно уже признанъ необходимымъ условіемъ при изученіи права, въ особенности права положительнаго. Онъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь необходимъ у насъ въ Россіи и для юриста теоретика и для юриста практическаго. Тамъ, гдѣ господствуетъ система новыхъ Уложеній, гдѣ болѣе или менѣе разорвана историческая связь между учрежденіями стараго порядка и новыми уставами гражданской жизни; гдѣ судьи и адвокаты получили значеніе особыхъ строго организованныхъ сословій, посреди коихъ развилась и установилась доктрина; гдѣ обычаи и правила судебной практики принимаютъ систематическій видъ науки; изученіе коей доступно каждому,—тамъ исторія положительнаго права можетъ почитаться предметомъ второстепенной важности; исторія гражданскихъ законовъ и судебныхъ учрежденій составляетъ науку особую, которая весьма удобно можетъ быть отдѣлена отъ изученія догматическаго и практическаго. У насъ напротивъ изученіе положительнаго права не можетъ довольствоваться одною догматическою частью Свода Законовъ: ни одного почти учрежденія въ немъ невозможно оторвать отъ почвы исторической; на этой только почвѣ и возможно отыскать смыслъ и объясненіе каждому явленію гражданскаго права, потому что почти каждое глубоко пустило корни въ исторію; а можетъ ли наука довольствоваться однимъ хотя бы и систематическимъ перечисленіемъ разнообразныхъ положеній Свода, не обращая вниманія на идею, выраженную въ каждомъ положеніи, и на историческое ея развитіе? Только прослѣдивъ учрежденіе въ этомъ развитіи до положенія впервые сознан-

наго и высказаннаго законодательствомъ можно получить ясное понятіе о томъ, изъ какихъ потребностей общественной жизни оно возникло, какая идея въ немъ выразилась, какую цѣль имѣло оно въ виду, сохранился ли въ немъ первоначальный духъ его и въ чемъ измѣнился сообразно новымъ потребностямъ жизни. Незавидно положеніе и юриста практика, если одна только рутина, одно только временное и случайное начало служитъ ему руководствомъ въ примѣненіи законовъ. Если онъ равнодушенъ къ своему дѣлу, довольствуется однимъ формальнымъ исполненіемъ формальнаго долга и никогда не думалъ о своемъ общественномъ служеніи, то для него не имѣютъ важности никакіе вопросы кромѣ вопросовъ личныхъ. Если же судья не безъ ума носитъ мечь правосудія, если вопросъ о томъ, что̀ есть истина, свято ставитъ онъ передъ собою во всякомъ дѣлѣ, и совѣстливое разрѣшеніе этого вопроса полагаетъ цѣлью всей своей дѣятельности, то и передъ нимъ вскорѣ возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній и сомнѣній, возбуждаемыхъ противорѣчащими интересами тяжущихся. Въ русскомъ гражданскомъ правѣ и судопроизводствѣ встрѣчаются безпрерывно такіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ возможно не иначе, какъ при помощи историческаго изслѣдованія. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ совѣстливому судьѣ предстоитъ продолжительный трудъ историческаго изысканія о томъ, въ чемъ заключается истинный смыслъ дѣйствующаго закона, или духъ постепенно развившагося учрежденія: трудъ тѣмъ болѣе тяжкій, чѣмъ менѣе приготовленъ къ нему трудящійся прежнимъ систематическимъ изученіемъ исторіи законодательства.

Заглавіе разсматриваемой нами книги должно было возбудить живѣйшій интересъ и въ ученомъ, посвятившемъ себя теоретическому изученію русскаго права, и въ томъ, кто призванъ къ практическому его примѣненію и истолкованію. Сочиненіе г. Михайлова относится къ такому періоду нашего законодательства, въ которомъ возникли и получили развитіе новыя начала права, доселѣ сохранившіяся въ дѣйствіи. Отъ Уложенія 1649 года до изданія Свода Законовъ и въ государственномъ устройствѣ и въ развитіи общественныхъ отношеній сколько произошло важныхъ перемѣнъ, которыя должны были отразиться въ особенности на правѣ гражданскомъ и на судопроизводствѣ. Сколько новыхъ идей

пущено было въ оборотъ, сколько новыхъ вопросовъ породило движеніе общественной жизни! Изслѣдователю нѣтъ уже необходимости искать отрывочныхъ свѣдѣній во множествѣ разрозненныхъ указовъ и нѣтъ повода жаловаться на скудость и разбросанность матеріаловъ: у него подъ руками множество актовъ, систематически указанныхъ въ Сводѣ и изданныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, по которымъ каждое учрежденіе, каждую форму, каждое начало, смутно или ясно сознанное законодателемъ, можетъ онъ свободно слѣдить отъ самаго Уложенія, положившаго начало новому праву. На такомъ богатомъ полѣ трудъ изслѣдователя никогда не будетъ трудомъ неблагодарнымъ, если только цѣль его—добросовѣстное изысканіе истины, и если этой цѣли не упускаетъ онъ изъ виду во все время изслѣдованія.

Судя по заглавію книги, мы надѣялись найти въ ней историко-юридическое изслѣдованіе о русскомъ судопроизводствѣ. Эта надежда еще болѣе оживляется предисловіемъ книги. Въ немъ авторъ обѣщаетъ намъ пополнить пробѣлъ въ юридической литературѣ, не занятый еще ученымъ изслѣдованіемъ, ссылается на авторитетъ, драгоцѣнный для каждаго юриста—на имя покойнаго Неволина, по совѣту котораго сочинено предлагаемое разсужденіе, говоритъ, что онъ строго держался въ сочиненіи своемъ порядка историческаго развитія, что имъ вездѣ указано отраженіе древнихъ узаконеній въ законахъ нынѣ дѣйствующихъ, что главная цѣль труда его состояла въ уясненіи основаній и духа русскаго гражданскаго процесса; наконецъ что четыре года было посвящено имъ на сочиненіе этой книги. Не въ правѣ ли были мы отъ такого труда ожидать выполненія задачи, поставленной ученымъ юристомъ?

Авторъ называетъ свое сочиненіе историко-юридическимъ изслѣдованіемъ; но содержаніе книги едва ли соотвѣтствуетъ названію. За тридцать лѣтъ предъ симъ ходячее понятіе объ исторіи было не таково, какимъ сдѣлалось въ наше время въ Россіи. Теперь странно было бы назвать исторіей учрежденія собраніе фактовъ и законныхъ опредѣленій, относящихся къ этому учрежденію, хотя бы такое собраніе составлено было во всей возможной полнотѣ и въ строгомъ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ. Наука назвала бы подобное сочиненіе собраніемъ матеріаловъ, или

указателемъ законовъ, относящихся къ такому то учрежденію, записками объ немъ, но не историческимъ изслѣдованіемъ: столько же права на названіе исторіи народа имѣлъ бы простой хронографъ, на названіе біографіи государственнаго мужа подробный формулярный списокъ о его службѣ. Какъ ни важенъ трудъ собирателя матеріаловъ,—задача историческаго изслѣдователя несравненно важнѣе и сложнѣе. Ему предстоитъ въ остаткахъ и памятникахъ учрежденія уловить идею, которая въ немъ выразилась, прослѣдить ея развитіе сообразно условіямъ мѣстности и времени, опредѣлить ея мѣсто и значеніе въ ряду другихъ однородныхъ учрежденій, съ которыми описываемое учрежденіе имѣло связь, и наконецъ представить полный образъ учрежденія въ ту эпоху, до которой изслѣдованіе простирается. Кто близко ознакомился съ внутреннею жизнію своего предмета, кто полюбилъ его тою сердечною любовью, которою всякій изыскатель истины привязывается къ своему дѣлу, тотъ не покинетъ изысканія до тѣхъ поръ, пока памятники прошедшаго еще не сказали ему послѣдняго своего слова и пока внутренній смыслъ ихъ еще не совсѣмъ предъ нимъ разоблачился.

Исторія судебныхъ учрежденій есть исторія формъ, въ которыхъ производились судъ и расправа. Форма суда и расправы есть явленіе историческое, слѣдовательно не случайное. Формою устанавляется порядокъ суда; форма—это огражденіе личности гражданина отъ произвола согражданъ и самого судьи, ручательство за неприкосновенность частнаго права и за то, что оно будетъ признано и возстановлено; наконецъ необходимое средство къ достиженію правды юридической тамъ, гдѣ невозможно добыть матеріальную, безусловную правду. Всякая форма является въ слѣдствіе потребности общественной или государственной: ранѣе или позднѣе, по мѣрѣ того, какъ эта потребность возникла. Во всякой формѣ выражается идея; форма развивается и совершенствуется по мѣрѣ того, какъ очищается сознаніе идеи; она можетъ обветшать, исполнить свое назначеніе, сдѣлаться лишнею пружиною безъ смысла въ судебномъ механизмѣ, и тогда настаетъ время отмѣнить ее или замѣнить новою. Указать, когда явилась эта потребность, когда обозначилась и пришла въ сознаніе идея, на сколько форма соотвѣтствовала содержанію въ ту или другую эпоху своего разви-

тія—вотъ дѣло историка, поставившаго себѣ задачею изслѣдованіе судебныхъ учрежденій.

Ничего подобнаго мы не находимъ въ книгѣ г. Михайлова. Правда, въ началѣ ея (стр. 7) авторъ спѣшитъ оговориться, что въ историческомъ ученомъ трудѣ не должно искать отвлеченныхъ разсужденій о судопроизводствѣ, что «большинство труда было направлено имъ на историческое обозрѣніе фактовъ въ ихъ исторической связи», что нѣкоторыя теоретическія соображенія соединены имъ, гдѣ было, по его мнѣнію, необходимо, съ «историческимъ развитіемъ», и что его субъективное, критически-ученое воззрѣніе на дѣйствующее нынѣ судопроизводство изложено имъ особо въ видѣ «Положеній». О достоинствѣ этихъ «Положеній» мы скажемъ послѣ, а теперь замѣтимъ, что не отвлеченныхъ разсужденій о теоріи суда требовала отъ автора взятая имъ на себя задача. Безъ пространнаго изложенія ихъ легко можно было обойтись, также какъ безъ краткихъ замѣчаній о теоріи римскаго гражданскаго процесса (стр. 5, 6, 14, 18, 160—164). Римскія учрежденія имѣли бы значеніе тамъ, гдѣ авторъ могъ бы указать, какія именно положенія русскихъ законовъ о судѣ взяты изъ римскаго права; но этого онъ не сдѣлалъ; а общія разсужденія о томъ, что̀ такое судъ, о началѣ подсудности, о значеніи судебнаго рѣшенія по римскому праву могли входить и не входить въ планъ его сочиненія: они не относились непосредственно къ его предмету—изслѣдованію развитія русскаго гражданскаго процесса. Началъ, по которымъ развивалось у насъ судопроизводство, надлежало искать не въ общей теоріи, а на русской же почвѣ, въ сферѣ русскаго же права и русской жизни, изъ среды которой это право возникло. Въ Уложеніи 1649 года—вотъ гдѣ выразились съ особенною полнотой и ясностію духъ и главныя основанія нашего гражданскаго судопроизводства; на Уложеніе, какъ на главный источникъ новаго права, ссылалось законодательство послѣдующаго времени, когда приступало къ учрежденію новыхъ или къ измѣненію прежнихъ сюда принадлежащихъ формъ; къ началамъ Уложенія возвращалось оно нерѣдко и послѣ этихъ перемѣнъ. Уложеніе и донынѣ остается основою нашихъ гражданскихъ законовъ и нашего гражданскаго процесса. И изслѣдователю можно было твердо надѣяться, что трудъ его не будетъ безплоденъ:

въ этомъ отношеніи законодательство наше представляетъ важныя, до сихъ поръ еще не вполнѣ оцѣненныя удобства. Въ періодъ Уложенія гражданское право у насъ развивалось казуистически: большую часть статей этого памятника можно назвать выводами изъ прежде бывшихъ примѣровъ, результатами прежнихъ рѣшеній. Въ немъ, какъ справедливо замѣтилъ проф. Морошкинъ, отразилась юриспруденція московскихъ дьяковъ, въ немъ выразилось обычное право Московскаго Государства. Тѣмъ же путемъ образовались новоуказныя статьи. Тотъ же казуистическій характеръ сохранило отчасти и законодательство послѣдующаго времени до изданія Свода Законовъ: доказательствомъ тому служитъ множество помѣщенныхъ въ полномъ Собраніи Законовъ Сенатскихъ указовъ и Высочайшихъ резолюцій, состоявшихся по вопросамъ, вновь возникшимъ изъ спорныхъ дѣлъ гражданскихъ; даже нѣкоторые отдѣльные уставы и положенія (въ особенности наприм. Межевая Инструкція), не смотря на догматическую форму, ясно обличаютъ казуистическое свое происхожденіе, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, состоитъ безцѣнное ихъ достоинство. Почти изъ всѣхъ такихъ памятниковъ права можно видѣть, какимъ образомъ возникла новая потребность въ законодательствѣ, по какому поводу родилось сомнѣніе, и какое начало принято было при его разрѣшеніи; отсюда видно также, на сколько новое законодательство оставалось вѣрно прежнимъ началамъ, высказаннымъ въ Уложеніи, въ какомъ духѣ разумѣло ихъ и въ какихъ случаяхъ признавало нужнымъ установить новыя начала. Безъ этихъ многочисленныхъ указаній судебная практика потеряла бы путеводную нить, необходимую во многихъ случаяхъ для правильнаго разумѣнія законовъ, догматически высказанныхъ въ общемъ Сводѣ; а историческое изслѣдованіе о какой бы то ни было части гражданскаго права представляется безъ нихъ даже рѣшительно невозможнымъ.

Но г. Михайловъ не воспользовался столь богатымъ и необходимымъ источникомъ для своего труда, и трудъ его не достигъ цѣли. Говоримъ: не воспользовался, потому что во всѣхъ статьяхъ Уложенія, во всѣхъ указахъ и уставахъ послѣдующаго времени для него имѣетъ важность только мертвая буква, а духъ, живой и животворящій духъ закона, внутренній смыслъ, заключенный въ немъ, остается незамѣченнымъ, да и буквальный догматическій

смыслъ (какъ увидимъ впослѣдствіи) передается невсегда вѣрно. Самыя важныя начала, выражавшіяся въ нашихъ судебныхъ формахъ, оставлены имъ безъ вниманія. Постараемся доказать это примѣрами, и для того начнемъ съ главы объ основаніяхъ подсудности, въ началѣ которой авторъ высказываетъ мысль, что «изслѣдованіе его будетъ имѣть пользу не только въ ученомъ, но и въ практическомъ отношеніи, ибо все то, что служитъ къ разъясненію столь сложнаго вопроса, каковъ вопросъ о подсудности, предупреждаетъ затрудненія не только частныхъ лицъ, но и самыхъ судебныхъ мѣстъ».

Ни одна форма не подвергалась въ нашемъ судопроизводствѣ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ перемѣнамъ какъ форма подсудности; ни одна не представляется намъ въ такомъ смутномъ видѣ, въ такомъ множествѣ противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ явленій. Отсюда не слѣдуетъ, однакожь, чтобъ должно было вовсе отказаться отъ надежды уловить связь этихъ явленій между собою и главную идею, отражавшуюся въ нихъ въ ту или другую эпоху государственнаго развитія. Если въ XVII-мъ столѣтіи не образовалась еще юридическая идея подсудности, если еще не замѣтно внутренняго начала, изъ котораго истекали бы опредѣленія закона по этому предмету, то конечно была идея политическая, были начала внѣшнія, которыми установлялись условія подсудности. Не довольно для историка сказать, какъ говоритъ г. Михайловъ, что въ древней Россіи подсудность опредѣлялась различными началами, какъ-то: мѣстомъ жительства лицъ, мѣстомъ нахожденія предмета, званіемъ, сословіемъ, и т. п. Надлежало показать, въ какую эпоху какое начало преобладало, когда проявилось въ первый разъ, по какому поводу выразилось, развилось ли, и на сколько развилось, а если изчезло, то почему и когда изчезло. Такъ напр. въ исторіи подсудности невозможно забыть о связи, которую имѣла она нѣкогда съ началомъ личнаго управленія, господствовавшимъ на Руси; точно также, полагая Уложеніе въ основу изслѣдованія о подсудности, нельзя не упомянуть о томъ, какое существовало понятіе о судѣ въ эпоху когда составлено было это Уложеніе. Многіе думаютъ, что въ древней Россіи право на судъ было личнымъ, вотчиннымъ правомъ на доходы и пошлины, съ судомъ соединенные, что оно переходило нерѣдко отъ одного лица къ другому какъ бы

въ видѣ собственности, раздавалось въ награду, и пр. Здѣсь не мѣсто разсуждать вполнѣ ли доказано это мнѣніе; однако неоспоримо, что финансовый вопросъ о доходахъ и пошлинахъ занималъ на судѣ одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто. Право судить было доходное право. Вопросы о подсудности были вопросами о предѣлахъ этой власти и этого права: мудрено ли, что исторія наша такъ обильна опредѣленіями подсудности? Съ другой стороны столкновеніемъ интересовъ судьи съ интересами лицъ подсудныхъ объясняются тѣ судебныя привилегіи, которыя въ такомъ множествѣ давались общинамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ большая часть постановленій о подсудности имѣла у насъ характеръ привилегій то въ пользу лицъ судящихъ, то въ облегченіе лицъ подсудныхъ. Отсюда ясно, что изслѣдованіе о подсудности невозможно отдѣлить отъ изслѣдованія о мѣстахъ и лицахъ, производившихъ судъ, и о предѣлахъ ихъ вѣдомства. Вотъ почему мы въ правѣ были искать въ сочиненіи г. Михайлова подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о томъ, какіе были Суды въ Россіи въ періодъ Уложенія и чѣмъ они завѣдывали; но не находимъ этихъ свѣдѣній. Прочтя всю первую главу разсужденія, не узнаешь ничего о томъ, гдѣ или у кого обиженный могъ искать себѣ судебной защиты. Въ противность существеннымъ условіямъ всякаго историческаго изслѣдованія, авторъ начинаетъ исторію съ конца, т. е. съ изложенія началъ подсудности по Своду Законовъ; вслѣдъ за тѣмъ, ссылаясь на прежнюю свою диссертацію о судопроизводствѣ до Уложенія, на двухъ страницахъ доказываетъ, что до Уложенія не было общаго основанія для опредѣленія подсудности и приводитъ восемь различныхъ началъ ея, въ числѣ которыхъ помѣщено у него «право владѣнія землею съ правомъ суда и личныя привилегіи, избавлявшія отъ обыкновенной подсудности,» послѣ чего уже переходитъ прямо къ Приказамъ, какъ Московскимъ судамъ Государства въ XVII столѣтіи. Ниже Приказовъ авторъ не спускается и оставляетъ безъ вниманія цѣлые два ряда судовъ, учрежденныхъ для отдѣльныхъ мѣстностей и по особымъ началамъ подсудности. Ни однимъ словомъ не упоминаетъ г. Михайловъ о судахъ крестьянскихъ, и только мимоходомъ говоритъ о судахъ городовыхъ воеводскихъ. Крестьянскіе суды, правда, оставались въ XVII столѣтіи почти въ томъ же видѣ, въ какомъ

были во времена Судебниковъ; но судебная власть воеводъ въ періодъ Уложенія требовала обстоятельнаго изслѣдованія. Воеводскому суду подчинены были въ XVII столѣтіи въ особенности лица, пользовавшіяся прежде привилегіями на основаніи несудимыхъ грамотъ, и въ Уложеніи высказано рѣшительное намѣреніе правительства дать этому суду значеніе общаго городоваго; Уложеніемъ же постановлено ограниченіе воеводскаго суда по предметамъ и по цѣнѣ тяжбы, слѣдовательно высказано важное юридическое начало. Но сверхъ Московскихъ Приказовъ авторъ почелъ лишь нужнымъ остановиться еще на Расправной Палатѣ, слѣдовательно ограничился судами центральными. Впрочемъ и о вѣдомствѣ Московскихъ Приказовъ никто не получитъ яснаго понятія по книгѣ г. Михайлова. Правда, въ ней помѣщена особенная таблица о предметахъ вѣдомства Приказовъ, которая принесла бы пользу еслибъ здѣсь принято было въ основаніе какое либо начало дѣленія; но въ томъ видѣ, въ какомъ эта таблица составлена, она есть не что иное какъ собраніе выписокъ безъ общей связи и порядка. Основаніями подсудности въ Приказахъ въ періодъ Уложенія авторъ почитаетъ предметы дѣла, сословія, мѣсто жительства лицъ и мѣсто положенія имущества, и присоединяетъ къ нимъ пятое основаніе «апелляціоннаго порядка.» Мы думаемъ, что при составленіи таблицы было бы очень возможно принять началомъ дѣленія Приказовъ изчисленныя основанія подсудности и подвести подъ каждое изъ нихъ тѣ Приказы, въ вѣдомствѣ коихъ то или другое основаніе преимущественно выражалось: тогда читатель вмѣстѣ съ авторомъ получилъ бы по возможности ясное понятіе о распредѣленіи подсудности между Приказами. Вмѣсто того въ таблицѣ г. Михайлова всѣ указанныя имъ основанія и всѣ Приказы перемѣшаны такъ, что нѣтъ возможности найти руководительную нить, по которой можно было бы распутать смѣшеніе.

Покончивъ съ Приказами, авторъ переходитъ къ реформамъ Петра Великаго. Глава о подсудности еще не кончена, и мы въ правѣ ожидать, что познакомимся съ учрежденіями Преобразователя Россіи относительно этого предмета. Вмѣсто того встрѣчаемъ пространное разсужденіе о томъ, что коллегіальность, введенная Петромъ В., была древнимъ русскимъ началомъ; что вообще древнія начала судоустройства и подсудности не были имъ измѣнены;

что преобразованія его состояли въ заимствованіяхъ формъ безъ содержанія (?). Далѣе говорится объ учрежденіи Сената и о распредѣленіи въ немъ дѣлъ, о Сенатской Конторѣ, о генералъ-рекетмейстерѣ и генералъ-прокурорѣ; наконецъ перечисляются Коллегіи, и вотъ все что говоритъ г. Михайловъ о преобразованіяхъ въ подсудности, введенныхъ Петромъ В. Ни слова о томъ, приведена ли сколько нибудь въ систему та затруднительность, неопредѣленность и несообразность, которую самъ авторъ видѣлъ въ прежнемъ распредѣленіи подсудности; ни слова о томъ, какія начала проявились въ новыхъ учрежденіяхъ по этому предмету. Между тѣмъ нельзя пожаловаться на недостатокъ узаконеній Петра В. о подсудности и о судоустройствѣ. При немъ сдѣланъ впервые рѣшительный шагъ къ отдѣленію судебной власти отъ власти правительственной и судебнаго вѣдомства отъ административнаго. Учреждены новые общіе суды, новые суды для сословій. Отдѣленіе вотчинныхъ дѣлъ и назначеніе для нихъ особаго суда ландрихтеровъ, судъ вице-комендантовъ, комендантовъ и оберъ-комендантовъ, потомъ, съ новымъ раздѣленіемъ Россіи на губерніи и провинціи, утвержденіе въ подсудности территоріальнаго начала и какъ выраженіе его новые суды: Уѣздные, Земскіе, Нижніе, Городовые, Нижніе Провинціальные и Высшіе Надворные; городовые ассесоры, судебные коммисары, наконецъ управители духовныхъ дѣлъ по городамъ, для спорныхъ исковъ противъ духовныхъ лицъ,—всѣ эти учрежденія забыты въ книгѣ г. Михайлова, хотя онъ считаетъ себя въ правѣ сказать: «мы обозрѣли все касающееся до подсудности, начиная съ Уложенія 1649 года до Петра Великаго включительно.» Въ передачѣ дѣлъ о завѣщаніяхъ и другихъ, подлежавшихъ духовному суду, въ Помѣстный и Судный Приказы и Юстицъ-Коллегію, въ подчиненіи свѣтскимъ правительствамъ и Духовной Коллегіи дѣлъ о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ выразилась важная для подсудности мысль о секуляризаціи; но г. Михайловъ упоминаетъ объ этой реформѣ только мимоходомъ и ни слова не говоритъ о другомъ высказанномъ въ узаконеніяхъ Петра Великаго началѣ подсудности по сословіямъ: о судахъ торговаго сословія, о Бурмистерской Палатѣ и Ратушѣ, о Бургомистрахъ и Городовыхъ Магистратахъ. А это учрежденіе такъ замѣчательно, что забыть объ немъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было, тѣмъ болѣе что оно удержалось

и тогда, когда, по смерти Петра В., снова отмѣнено было въ первыхъ инстанціяхъ введенное имъ коллегіальное устройство суда, и судебная власть, съ возстановленіемъ прежняго областнаго устройства, возложена по прежнему на Губернаторовъ и Воеводъ «съ товарищи.» И объ этой перемѣнѣ книга г. Михайлова не упоминаетъ, равно какъ и о всѣхъ другихъ измѣненіяхъ въ подсудности при первыхъ преемникахъ Петра. А въ это время учреждены въ Москвѣ Судный и Сыскный Приказы, въ Коллегіи Экономіи Синодальнаго Управленія сосредоточенъ судъ въ дѣлахъ духовенства и подвластныхъ ему людей, учреждены Словесные Суды вмѣсто прежнихъ таможенныхъ, установлено особое вѣдомство для дѣлъ по векселямъ и долговымъ обязательствамъ купцовъ съ лицами разныхъ званій, изданы многочисленныя судебныя привилегіи. Авторъ обо всемъ этомъ не упоминаетъ. Но еще удивительнѣе, что онъ не говоритъ ни слова объ учрежденіяхъ Императрицы Екатерины II, которыми установлены новыя начала подсудности, лежащія въ основаніи нынѣ дѣйствующаго законодательства. Рѣшительное отдѣленіе гражданской судебной власти отъ уголовной и суда отъ управленія, устройство судебныхъ мѣстъ по новой системѣ и на новыхъ основаніяхъ, право судиться членами того же сословія, впервые высказанное въ видѣ общаго начала, а не въ видѣ привилегіи; наконецъ начала совершенно новыя, выраженныя въ учрежденіи Совѣстнаго и Надворнаго Судовъ,—неужели всѣ эти явленія не заслуживали вниманія? Ни одного начала подсудности невозможно прослѣдить по книгѣ г. Михайлова по тѣмъ отрывочнымъ и неполнымъ фактамъ, которые онъ у себя собралъ, хотя на страницахъ книги часто упоминается объ историческомъ развитіи. Нельзя поэтому ожидать и практической пользы отъ разсужденій о подсудности, высказанныхъ въ книгѣ. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, практическая разработка юридическаго вопроса тѣсно связана съ историческимъ его изслѣдованіемъ; ни слѣпая рутина, ни отвлеченные выводы и фразы не имѣютъ въ практикѣ разумнаго значенія и не создадутъ для нея ничего прочнаго и полезнаго, если нѣтъ въ виду разумной идеи, а эта идея не опирается на точныхъ историческихъ данныхъ. Съ другой стороны путь изслѣдователя тогда только можетъ быть вѣренъ, когда ясно понятіе его объ изслѣдуемомъ

предметѣ и когда вопросъ къ разрѣшенію вѣрно имъ поставленъ. Недостатки разсужденія о подсудности въ книгѣ г. Михайлова объясняются отчасти сбивчивостью и невѣрностью самого понятія о подсудности, которое въ ней высказывается. Во всякомъ судебномъ процессѣ три главныхъ момента: начало дѣла или вчинаніе иска, судъ въ собственномъ смыслѣ и рѣшеніе. Особыя формы дѣлопроизводства, жалобъ и апелляціи могутъ существовать въ томъ или другомъ видѣ, измѣняются безконечно и подлежатъ многочисленнымъ условіямъ мѣста и времени; но безъ иска, суда и рѣшенія невозможно представить себѣ судебное дѣло ни въ какое время и ни въ какомъ мѣстѣ. Цѣль вопроса о подсудности—опредѣлить единство идеи, лежащей въ основаніи иска, и единство мѣста, гдѣ искъ долженъ производиться: вотъ почему этотъ вопросъ имѣетъ такое важное значеніе. Онъ возникаетъ при самомъ начатіи дѣла и разрѣшается окончательно вмѣстѣ съ его начатіемъ: далѣе вопросъ этотъ идти не можетъ, потому что теряетъ уже значеніе, какъ скоро найдено приличное мѣсто для иска и онъ принятъ къ производству. Не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ рѣчи о подсудности при самомъ производствѣ по иску, когда дѣло можетъ переходить отъ одного производителя къ другому, когда требуются мнѣнія отъ разныхъ лицъ, обязанныхъ подавать свой голосъ или имѣть надзоръ за правильнымъ теченіемъ дѣла: какъ скоро дѣло вошло въ судебную колею, всѣ сомнѣнія, могущія возникнуть по этимъ предметамъ, относятся уже къ внутренней дисциплинѣ судебнаго мѣста, все это побочные, случайные вопросы, не имѣющіе никакого отношенія къ необходимому вопросу, разрѣшаемому окончательно при опредѣленіи подсудности. Странно было бы думать, что вопросъ идетъ о подсудности всякій разъ, когда напр. возникаетъ сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли отослать дѣло изъ судебнаго мѣста на заключеніе Казенной Палаты, которая сама по себѣ не есть органъ судебной власти, но органъ интересовъ одной изъ тяжущихся сторонъ. Точно также не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, смѣшивать подсудность съ апелляціею или жалобой. Простая жалоба ведетъ къ повѣркѣ правильности того или другаго дѣйствія судебнаго мѣста при производствѣ дѣла еще незаконченнаго. Апелляція имѣетъ цѣлью—ревизію всѣхъ дѣйствій суда при производствѣ дѣла, уже рѣшеннаго, и правильности самого рѣше-

нія. Въ томъ и другомъ случаѣ предметъ дѣла, законныя его границы и значеніе вполнѣ опредѣлены, и всякое сомнѣніе о томъ напр. куда должна быть подана жалоба разрѣшается приложеніемъ правилъ не о подсудности иска, а о судебной подчиненности мѣста. Всѣ эти понятія въ книгѣ г. Михайлова смѣшаны. Такъ, говоря о томъ, что дѣла о недвижимыхъ имуществахъ, прикосновенныхъ къ разнымъ частямъ казеннаго управленія, производятся въ Гражданскихъ Палатахъ, авторъ прибавляетъ: «но по нимъ требуются заключенія Казенныхъ Палатъ или Палатъ Государственныхъ Имуществъ», и выводитъ отсюда новое, небывалое основаніе подсудности: «здѣсь, говоритъ онъ, видимъ основаніе *совокупнаго* или *совмѣстнаго* разсмотрѣнія одного дѣла нѣсколькими учрежденіями». Авторъ забываетъ при этомъ, что дѣло должно быть единое и судъ для него можетъ быть только единый, а въ двухъ судахъ въ одно и тоже время никакое дѣло производиться не можетъ, забываетъ, что онъ говоритъ о судебной власти, а Казенная Палата не имѣетъ судебной власти и, давая свое мнѣніе по судебному дѣлу, дѣйствуетъ въ качествѣ законнаго защитника правъ одной изъ тяжущихся сторонъ; слѣдовательно авторъ смѣшиваетъ судью съ участвующимъ въ дѣлѣ,—понятія весьма различныя. Для мнимой подсудности во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ г. Михайловъ придумываетъ даже особенное названіе—начало *судебно-административное*. Замѣтимъ еще, что приводимый случай представленъ въ книгѣ его какъ исключеніе изъ общаго правила, какъ аномалія, допускаемая въ спорныхъ дѣлахъ между различными казенными управленіями, да еще въ тяжбахъ о государственныхъ имуществахъ; но какъ ошибется тотъ, кто повѣритъ книгѣ на слово, не зная что не только въ Гражданской Палатѣ, но и въ Уѣздномъ Судѣ и въ самомъ Сенатѣ соблюдается подобный же порядокъ по всѣмъ дѣламъ, прикосновеннымъ къ казенной собственности, хотя бы въ нихъ участвовало частное лицо и одно только казенное управленіе?

Тотъ же неясный взглядъ на подсудность вовлекъ автора и въ другія ошибки. Такъ на стр. 25 и д. подробно разбираетъ онъ какія дѣла о бракахъ подлежатъ суду духовному, какія изъ нихъ предоставляются разрѣшенію Епархіальнаго Архіерея и какія рѣшатся въ Синодѣ; потомъ, переходя къ дѣламъ о бракахъ иновѣрцевъ,

находитъ даже въ подсудности ихъ духовнымъ правительствамъ четыре особыя начала, будто бы совмѣстно и одновременно дѣйствующія! Задача книги относится къ гражданскому, а не къ церковному судопроизводству: въ нее можетъ входить только опредѣленіе взаимныхъ границъ того и другаго, но никакъ не изслѣдованіе о подсудности по дѣламъ церковнымъ. Точно также, замѣчая, что по нѣкоторымъ спорамъ, отъ брачныхъ дѣлъ возникающимъ, какъ то: въ дѣлахъ о кровосмѣшеніи и о присвоеніи соединенныхъ съ бракомъ гражданскихъ правъ, свѣтскій судъ по предметамъ, подлежащимъ вѣдомству суда духовнаго, требуетъ мнѣнія сего послѣдняго, авторъ и въ этомъ случаѣ видитъ особый видъ подсудности, которую называетъ *двустороннею и неравномѣрною.* Очевидно, что и въ этомъ случаѣ подсудность гражданская смѣшана съ духовною. Свѣтскій судъ, приступая къ рѣшенію о правахъ гражданскихъ, сопряженныхъ съ бракомъ, встрѣчаетъ сомнѣніе въ дѣйствительности самого брачнаго союза и обращаетъ этотъ предметъ къ разрѣшенію суда духовнаго, къ вѣдомству котораго онъ исключительно относится. Подобно сему въ дѣлахъ торговыхъ, въ случаѣ извѣта о подлогѣ акта, Коммерческій Судъ отсылаетъ вопросъ о подлогѣ къ разсмотрѣнію Уголовнаго Суда и отсрочиваетъ у себя рѣшеніе гражданской тяжбы до рѣшенія о подлогѣ. Подобнымъ же образомъ Гражданскія Палаты при разрѣшеніи дѣлъ о литературной собственности, въ случаяхъ сомнительныхъ, требуютъ заключенія Университетовъ. Обо всѣхъ этихъ случаяхъ надлежало бы разсуждать не въ главѣ о подсудности гражданской, а въ главѣ о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ, главѣ, которой вовсе нѣтъ въ разбираемомъ сочиненіи. Во всякомъ переходѣ дѣла изъ одной инстанціи въ другую, въ апелляціи и въ ревизіи, во всякой пересылкѣ дѣла отъ одного лица, имѣющаго голосъ на судѣ, къ другому, авторъ готовъ видѣть подсудность. Едва ли можно допустить такую неопредѣленность взгляда въ области права, гдѣ всякое понятіе должно быть опредѣлено со всевозможною строгостью и вѣрностью, гдѣ всему должны быть положены неизмѣнныя границы. Искъ о правѣ невозможно смѣшивать съ жалобою на рѣшеніе, судъ строго отличается отъ ревизіи: и подсудность должна быть отличена отъ подчиненности. На судѣ споръ разрѣшается подлежащимъ

органомъ суда, въ законной области котораго находятся спорящія лица, предметъ спора или имущество спорное. При ревизіи правильность рѣшенія повѣряется высшею инстанціей, имѣющей власть судебнаго контроля надъ низшимъ мѣстомъ, производившимъ судъ. Авторъ книги, повидимому, не признаетъ этого различія и отыскиваетъ начало подсудности въ апелляціи. Однимъ изъ оснований подсудности въ Московскихъ Приказахъ принимаетъ онъ апелляціонный порядокъ, и это тѣмъ болѣе странно, что въ періодъ Уложенія не могло быть рѣчи въ Московскомъ Государствѣ объ апелляціи и объ апелляціонномъ порядкѣ,—по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти слова принимаются въ наше время. Тогда не было еще строгой постепенности въ переходѣ дѣлъ, не было инстанціи въ нынѣшнемъ значеніи. Дѣла̀, начатыя у воеводъ, пересылались ими въ Москву; дѣла̀, начатыя въ Москвѣ, предоставлялись рѣшенію воеводъ, и главное основаніе перехода дѣлъ изъ высшихъ судовъ въ низшіе было весьма неопредѣленное: «если за чѣмъ какого дѣла рѣшить не мочно». По крайней мѣрѣ половина главы о подсудности занята въ книгѣ разсужденіемъ объ устройствѣ высшихъ инстанціи и Сената, о переносѣ дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія и о должности Фискаловъ, которая не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ подсудности. Внутреннее распредѣленіе дѣлъ въ Сенатѣ между столами по указу 1711 года тоже названо подсудностью. По дѣйствующимъ нынѣ законамъ рѣшенія Горныхъ Правленій о правѣ частныхъ лицъ на рудники, въ случаѣ согласія Горныхъ Начальниковъ, могутъ быть, въ извѣстномъ случаѣ, исполняемы безъ представленія на ревизію Сената: этимъ правиломъ опредѣляется когда рѣшеніе можетъ почитаться вошедшимъ въ полную законную силу; но авторъ относитъ и его къ подсудности и открываетъ въ немъ—*вліяніе административнаго начала* на подсудность при переходѣ въ высшую судебную инстанцію, т. е. въ Сенатъ. Такое сбивчивое понятіе о подсудности поставляетъ иногда самого изслѣдователя въ затруднительное положеніе: такъ, останавливаясь на спорахъ о людяхъ и крестьянахъ между казною и частными лицами, онъ не находитъ въ законахъ яснаго постановленія о подсудности ихъ, тогда какъ общее правило 2651 ст. Зак. Гражд. (изд. 1842 г.), о подсудности по дѣламъ вотчиннымъ, не оставляетъ здѣсь мѣста никакому сомнѣнію. Но авторъ не обра-

щается къ этому простому и ясному правилу, а ищетъ указаній въ томъ, что дѣла сего рода начинаются по требованіямъ мѣстъ и лицъ, коимъ крестьяне подвѣдомы, и препровождаются на заключеніе изъ Гражданской Палаты въ Казенную: отсюда выводитъ онъ для подсудности такихъ дѣлъ новое, необъяснимое «*начало вѣдомствъ*».

Всѣ эти мнимыя начала на 28 стр. книги выдаются читателю за основанія подсудности, принимаемыя дѣйствующимъ нынѣ законодательствомъ. Замѣтимъ кстати, что въ числѣ нынѣ дѣйствующихъ законовъ авторомъ поставленъ законъ, по которому дѣла о людяхъ, ищущихъ свободы по проживательству у разночинцевъ, производятся въ Губернскихъ Правленіяхъ, тогда какъ этотъ законъ въ 1845 году отмѣненъ и дѣла сего рода велѣно производить въ Уголовныхъ Палатахъ. Задача изслѣдованія простиралась конечно только до перваго изданія Свода, но въ главѣ о подсудности авторъ вездѣ доводитъ свое изслѣдованіе до позднѣйшаго времени и цитуетъ статьи Свода по второму изданію.

Слѣдующая глава говоритъ объ отношеніяхъ тяжущихся и ихъ повѣренныхъ къ суду. Она начинается теоретическими разсужденіями о тяжущихся сторонахъ. Но теоретическія разсужденія не всегда удаются автору. Такъ, говоря о встрѣчномъ искѣ, онъ увѣряетъ, будто здѣсь «при самомъ началѣ производства суда обнаруживается, что отвѣтчикъ не только не причастенъ къ иску на него предъявленному, но напротивъ того самъ имѣетъ искъ на истцѣ. Этотъ какъ бы двойственный ударъ (?) съ разу опредѣляетъ истинное положеніе тяжущихся, при которомъ истецъ не есть истецъ по искомому имъ дѣлу и кромѣ того отвѣтчикъ своему мнимому отвѣтчику по другому дѣлу; отвѣтчикъ же не только не отвѣтчикъ неправильному истцу по первому искомому симъ послѣднимъ дѣлу, но самъ настоящій къ нему истецъ по дѣлу другому. Это какъ бы родъ юридической формулы, которую, какъ мнѣ кажется, можно выразить такъ: A не B, но C въ отношеніи къ E; E не C, но B въ отношеніи къ A.» Смѣемъ увѣрить ученаго автора, что отвѣтчикъ какъ до предъявленія своего встрѣчнаго иска, такъ и по предъявленіи не перестаетъ быть отвѣтчикомъ по первоначальному иску: непричастность его къ этому иску не только не обнаруживается, но даже и не предполагается при началѣ производства дѣла потому

только, что самъ онъ сдѣлался истцомъ: она можетъ обнаружиться не прежде, какъ по окончаніи суда. Точно также и истецъ не перестаетъ быть истцомъ потому только, что истцомъ сдѣлался его отвѣтчикъ. Въ томъ и состоитъ особенность встрѣчнаго суда, что здѣсь каждая сторона есть вмѣстѣ и истецъ и отвѣтчикъ, и не мнимый только, а дѣйствительный, потому что оба иска исходятъ изъ одного и того же источника и опираются на одномъ основаніи; единство дѣла не нарушается этимъ нисколько и предметъ дѣла не раздѣляется надвое. Такъ напр. по одному и тому же договору оба контрагента могутъ почитать другъ друга нарушителемъ условій и отыскивать другъ отъ друга вознагражденія за неустойку, слѣдовательно и истецъ не только ищетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оправдывается, и отвѣтчикъ не только оправдывается, но вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ.

Въ IV-й главѣ, говоря о повѣренныхъ на судѣ, авторъ выражаетъ весьма странное мнѣніе, будто бы по Уложенію истецъ или отвѣтчикъ могъ назначить повѣреннаго только въ случаѣ болѣзни, которая должна быть изслѣдована со стороны суда: отсюда выводится такое заключеніе, что Уложеніе вообще неблагопріятствовало назначенію повѣренныхъ и смотрѣло на присылку повѣреннаго не какъ на право истца и отвѣтчика, но какъ на необходимое допущеніе изъятія изъ общаго правила, въ случаѣ дѣйствительной болѣзни. Такое мнѣніе положительно противорѣчитъ и общему духу Уложенія и отдѣльнымъ статьямъ его, въ которыхъ говорится о присылкѣ повѣренныхъ. Уложеніе нигдѣ не выражаетъ въ видѣ общаго правила, что всякій непремѣнно обязанъ явиться на судъ лично: напротивъ присылка повѣреннаго на судъ представляется вездѣ дѣйствіемъ обыкновеннымъ, не выходящимъ изъ границъ общаго порядка; а о болѣзни тяжущагося упоминается какъ объ одномъ изъ различныхъ предлоговъ неявки на судъ. Несправедливо и то, будто бы судъ долженъ былъ удостовѣряться въ болѣзни тяжущагося, чтобы дозволить ему прислать за себя повѣреннаго. Осмотръ больнаго дѣлался въ такомъ только случаѣ, если онъ билъ челомъ, что самъ боленъ, а прислать ему за себя некого, и это дѣлалось для того, чтобы дать ему новую отсрочку, пока обможется. Если пересмотрѣть всѣ статьи Уложенія, въ которыхъ упоминается о присылкѣ на судъ повѣренныхъ (именно X гл. ст.

108, 109, 114, 115, 117, 118, 149, 156, 157, 185, XVI гл. ст. 59), то окажется, что въ одномъ только мѣстѣ (ст. 108) причиною присылки повѣреннаго выставлена въ особенности болѣзнь; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ либо употреблены общія выраженія, изъ которыхъ видно, что тяжущійся долженъ былъ или самъ явиться на судъ или прислать кого вмѣсто себя (напр. «буде кто къ отвѣту не станетъ и въ свое мѣсто никого не пришлетъ»), либо прямо указаны, кромѣ болѣзни, другія причины присылки повѣреннаго, напр. исполненіе временнаго порученія, постоянная служба въ другихъ городахъ, неумѣнье отвѣчать на судѣ. 109-я статья выражается весьма ясно: «буде истецъ . . . пришлетъ за себя .. кого нибуди, а самому ему итти не мочно за болѣзнію или *за инымъ чѣмъ*». Во всемъ Уложеніи нѣтъ ни одной статьи, которою оправдывалось бы мнѣніе, такъ рѣшительно высказанное авторомъ. Онъ останавливается на судныхъ статьяхъ 1685 года и въ нихъ открываетъ первое расширеніе права присылать на судъ повѣреннаго; по словамъ его, этимъ закономъ положительно было вмѣнено въ обязанность тяжущимся присылать повѣренныхъ, если сами къ суду явиться не могутъ. Но въ судныхъ статьяхъ 1685 года по этому предмету не высказано ничего новаго: велѣно винить отвѣтчика, который самъ на Москвѣ не объявится и въ свое мѣсто никого не пришлетъ. Уложеніе выражалось, какъ мы видѣли, гораздо положительнѣе: за болѣзнію или за инымъ чѣмъ.

Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на 156 ст. X гл. Улож. о томъ, чтобы повѣренные не съѣзжали съ Москвы до рѣшенія суднаго дѣла. Отсюда заключаетъ онъ, «вникая въ духъ Уложенія,» что повѣренные входили нѣкоторымъ образомъ въ составъ суда, какъ лица необходимыя суду на время производства тяжбы. Неужели же къ однимъ повѣреннымъ относилось правило не отлучаться отъ суда до окончанія дѣла? Это было общее правило для каждаго изъ тяжущихся: истецъ и отвѣтчикъ обязаны были даже давать по себѣ поручную запись въ томъ, что не съѣдутъ съ Москвы; съѣздомъ они обвинялись въ искѣ. Повѣренные подвергались этой обязанности потому именно, что они были представителями отсутствующихъ тяжущихся. Замѣтимъ кстати, что въ книгѣ г. Михайлова только мимоходомъ и вскользь упомянуто объ обязанности тяжущихся не отлучаться отъ суда; а стоило бы труда изслѣдовать

этотъ предметъ подробнѣе. Въ нынѣшнемъ законодательствѣ нашемъ исчезло уже это правило въ первоначальной своей строгости: оно слилось мало по малу съ другимъ весьма любопытнымъ началомъ въ нашемъ судопроизводствѣ, именно съ *хожденіемъ по дѣлу*. Понятіе о хожденіи, выраженное уже въ Уложеніи 1649 года, имѣетъ у насъ свою исторію, для которой немало нашлось бы матеріаловъ въ законодательствѣ XVIII столѣтія; а практическая важность его въ судопроизводствѣ удержалась и до нашего времени.

Переходимъ къ VI-й главѣ—о вызовѣ и явкѣ на судъ. Правила о вызовѣ къ суду изложены въ Уложеніи довольно неясно и сбивчиво и расположены отрывочно, безъ системы: видно, что каждое отдѣльное положеніе взято изъ опыта и бывшихъ примѣровъ, а чему не было примѣра, о чемъ не возникало еще сомнѣнія, о томъ законодательство не упоминаетъ. Изслѣдователю предстоялъ трудъ собрать и согласить эти отдѣльныя положенія и сгруппировать ихъ по тѣмъ общимъ признакамъ, которые содержатся въ разныхъ статьяхъ. Авторъ не сдѣлалъ этого и оттого изложеніе его еще болѣе неясно и сбивчиво, чѣмъ самый текстъ закона. Извѣстно, что по Уложенію исковое дѣло начиналось не подачею исковой просьбы, какъ дѣлается нынѣ, а предварительнымъ дѣйствіемъ, предшествовавшимъ подробному изъясненію иска и имѣвшимъ значеніе *явки объ искѣ*. Это первоначальное дѣйствіе выражалось въ подачѣ на судъ *приставной памяти*,—документа имѣвшаго въ ряду судебныхъ дѣйствій чрезвычайно важное значеніе, такъ что сама челобитная, которая предъявлялась уже на судъ по явкѣ отвѣтчика, могла, по просьбѣ его, быть возвращена истцу, если противорѣчила приставной памяти въ обозначеніи иска. Поэтому въ Уложеніи вездѣ говорится сначала: *«буде истецъ приставитъ въ дѣлѣ»*, а потомъ: *«и на судѣ искавъ того дѣла»*. Между тѣмъ авторъ на первыхъ же строкахъ VI главы говоритъ утвердительно, будто бы по Уложенію истецъ обязанъ былъ вмѣстѣ съ челобитною представить въ судъ *лично* приставную память. Правда, черезъ нѣсколько страницъ, выписывая указъ 1690 года, онъ оговаривается, что приставная память предшествовала челобитной; но за чѣмъ же онъ противорѣчитъ себѣ въ отношеніи къ Уложенію? Объ исключеніяхъ, допущенныхъ Уложеніемъ изъ общаго правила о

приставной памяти при встрѣчныхъ и совмѣстныхъ искахъ и о значеніи указа 1682 года, которымъ эти исключенія отмѣнены и неявленныхъ исковъ впредь допускать не велѣно,—не упоминается вовсе. Вызовъ къ суду производился по Уложенію двоякимъ образомъ: или по приставной памяти, чрезъ пристава, который отправлялся самъ въ мѣсто жительства отвѣтчика, или по зазывной грамотѣ, которая выдавалась на этотъ конецъ изъ суда самому истцу. Въ томъ и другомъ случаѣ порядокъ вызова, понужденія къ явкѣ и мѣра взысканія за неявку и ослушаніе были совершенно различны. Кромѣ того въ каждомъ изъ этихъ двухъ видовъ вызова было еще подраздѣленіе особаго рода, именно: однимъ порядкомъ вызывался отвѣтчикъ, не давшій по себѣ поручной записи о явкѣ къ суду; другимъ порядкомъ тотъ, кто далъ по себѣ такую поручную запись и послѣ того не являлся на судъ. Но и это раздѣленіе, и важное значеніе поручной записи въ отношеніи къ вызову совершенно упущены изъ виду авторомъ; многія статьи Уложенія оставлены имъ вовсе безъ вниманія, и тѣ, которыя относятся къ вызову по зазывнымъ грамотамъ, перемѣшаны съ статьями, въ которыхъ говорится о вызовѣ черезъ пристава, такъ что читатель, незнакомый съ источниками, изъ всей этой главы получаетъ лишь неполное и неясное понятіе о вызовѣ къ суду по Уложенію. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ указать на всѣ пропуски и недомолвки; но замѣтимъ еще, что въ изчисленіи законныхъ причинъ неявки, по которымъ давалась отвѣтчику отсрочка, пропущены вовсе 149, 185 и 229 стат. X и 22 ст. XVIII гл. Улож., которыми дѣлалось въ этомъ отношеніи снисхожденіе воеводамъ дальнихъ городовъ, вдовамъ, недорослямъ и дѣвкамъ, не имѣющимъ родныхъ въ Москвѣ; отвѣтчику въ обидѣ, учиненной бѣглыми его людьми, и наконецъ городовымъ откупщикамъ и товарищамъ ихъ. Говоря о томъ, что Государева служба была законною причиною неявки, должно было пояснить, въ какихъ именно случаяхъ служба могла быть извиненіемъ: служба не полковая, въ городахъ и приказахъ, на воеводствѣ,—не принималась отговоркою.

Глава о обезпеченіи иска ограничивается почти исключительно Уложеніемъ и новоуказными статьями. Авторъ отказывается говорить о послѣдующемъ законодательствѣ XVIII и XIX вѣка и даже о весьма важномъ въ отношеніи къ обезпеченію указѣ 1723 го-

да ноября 5 на томъ основаніи, что постановленіе указа о судѣ по формѣ есть уже нынѣ дѣйствующій законъ. Но, во 1-хъ, за чѣмъ же въ такомъ случаѣ авторъ назвалъ свою книгу «историческимъ развитіемъ судопроизводства отъ Уложенія до Свода Законовъ», и обѣщалъ показать намъ связь того и другаго? за чѣмъ въ другихъ частяхъ своего разсужденія, какъ, напримѣръ, въ главѣ о подсудности, излагаетъ намъ содержаніе статей Свода, пренебрегая подробнымъ изложеніемъ историческаго ихъ развитія? Во 2-хъ, касательно обезпеченія исковъ и послѣ 1723 года были дополнительныя и пояснительныя постановленія. Въ 3-хъ, указъ Петра В. о формѣ суда дѣйствительно входитъ въ составъ дѣйствующихъ законовъ, но значеніе его въ настоящее время совсѣмъ не то, какое имѣлъ этотъ законъ въ 1-й половинѣ XVIII столѣтія. Въ то время форма суда была общею для всѣхъ просительскихъ дѣлъ, исключая розыскныхъ и доносительскихъ; теперь она составляетъ исключеніе, какъ особая форма судопроизводства, и рѣзко отличается отъ общаго судебнаго обряда. Изъ книги г. Михайлова должно заключить, что и нынѣ, какъ было въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, по всякому иску требуется отъ отвѣтчика матеріальное обезпеченіе или поручная запись, или самъ онъ берется подъ стражу, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ общемъ порядкѣ этого не дѣлается: отвѣтчики, не имѣющіе никакой собственности, ни порукъ, остаются на свободѣ. Чѣмъ объясняется и когда произошла такая перемѣна? существуютъ-ли и нынѣ способы обезпеченія обыкновенныхъ исковъ, и если есть, то какіе именно, при подачѣ ли исковой, при производствѣ ли дѣла или по рѣшеніи его опредѣляется судомъ обезпеченіе?—на всѣ эти важнѣйшіе и любопытнѣйшіе вопросы книга не даетъ никакого отвѣта. Еслибъ и невозможно было дать намъ отвѣтъ рѣшительный, то самые вопросы такъ существенны, что нельзя было по крайней мѣрѣ не поставить ихъ. Но и отвѣты есть: ихъ слѣдовало лишь поискать въ Полномъ Собраніи законовъ. Присмотримся далѣе къ существу дѣла. По новѣйшему праву нашему, сообразно отличію вотчиннаго судопроизводства отъ исковаго, обезпеченіе *иска* существенно отличается отъ охраненія спорнаго имущества, и по сему послѣднему предмету, неразрывно связанному съ вопросомъ о владѣніи, въ первый разъ постановлены *ясныя* правила въ Учрежденіи о губер-

ніяхъ 1775 г., дополненныя потомъ указами 1810, 1823 и 1827 годовъ. Г. Михайловъ не отдѣляетъ обезпеченія въ искахъ и тяжбахъ, и объ охраненіи спорнаго имущества говоритъ какъ объ обезпеченіи *иска арестомъ* на имущества, хотя слово *арестъ* присвоено у насъ въ особенности мѣрѣ, принимаемой относительно движимости, въ отношеніи же къ недвижимому въ новѣйшее время образовались два главные способа: *запрещеніе* и *опека*. Ни о томъ, ни о другомъ способѣ авторъ не упоминаетъ вовсе, оканчивая 1685 годомъ свое изслѣдованіе объ арестѣ на имущества. Притомъ выборъ неточнаго выраженія вовлекъ его въ довольно странную ошибку: вмѣстѣ съ приведеннымъ указомъ 1685 года, о взятіи въ казну спорныхъ вотчинъ, говорится у него о содержаніи въ тюрьмахъ *арестантовъ* на счетъ челобитчиковъ по указу 1720 года.

VIII-я глава книги трактуетъ объ отвѣтѣ и судоговореніи. На пяти страничкахъ она представляетъ намъ выборъ изъ статей Уложенія и указовъ, относящихся къ этому предмету. Безъ системы и порядка авторъ передаетъ своими словами отрывки узаконеній, не останавливаясь на внутреннемъ ихъ содержаніи, на идеѣ, которая въ нихъ выражается, и не считая нужнымъ прослѣдить исторически ея развитіе. Такъ въ началѣ главы находимъ выписку изъ Уложенія о порядкѣ судоговоренья; далѣе о порядкѣ веденія судныхъ тетрадей. Потомъ приведенъ указъ 1682 г. о томъ, что исковое требованіе должно быть согласно съ приставною памятью; потомъ говорится о судебныхъ срокахъ и тутъ же упоминается о томъ, что отвѣтчикъ долженъ былъ прикладывать руку къ челобитной истца; на слѣдующей страницѣ сказано вскользь объ отмѣнѣ розыска въ 1697 году, тогда какъ не объяснена еще разница между судомъ и розыскомъ; такимъ образомъ читатель проходитъ равнодушно мимо одного изъ важнѣйшихъ узаконеній, которымъ сдѣлана была существенная реформа въ порядкѣ суда. Далѣе на цѣлой страницѣ говорится о допросѣ, хотя прежде не было объяснено значеніе на судѣ допроса и очныхъ ставокъ: слово допросъ очевидно употребляется въ этомъ мѣстѣ изслѣдованія въ смыслѣ распроса, дознанія и розыска чрезъ свидѣтелей; но тутъ же, переходя къ Воинскимъ процессамъ, авторъ подъ словомъ: *допросъ*, разумѣетъ уже *судоговореніе*, порядокъ, въ которомъ

предъявляются сторонами отвѣты, возраженія и опроверженія. Читатель невольно долженъ придти въ недоумѣніе: отчего произошла такая перемѣна въ значеніи допроса, почему прежде о допросѣ говорилось какъ о розыскѣ, а потомъ какъ о судѣ; но на это недоумѣніе нѣтъ отвѣта и объясненія въ книгѣ. Между тѣмъ авторъ во введеніи пространно объяснялъ различіе между jus и judicium по римскимъ законамъ, и читатель, дойдя до VIII-й главы, конечно желалъ бы узнать изъ нея, что разумѣлось подъ словомъ: *судъ,* по законамъ русскимъ. Одна только эта глава и посвящена во всей книгѣ *суду* въ тѣснѣйшемъ значеніи слова, т. е. одному изъ трехъ главныхъ моментовъ судебнаго процесса. Неужели однако у однихъ Римлянъ образовалось опредѣленное понятіе о судѣ, неужели юридическій смыслъ предковъ нашихъ былъ такъ бѣденъ, законы ихъ были до такой степени скудны содержаніемъ и мыслію, что изъ нихъ невозможно узнать, какая идея о судѣ выражалась въ ту или другую эпоху нашего законодательства? Теорія говоритъ намъ о двухъ формахъ процесса: *обвинительной,* въ которой дѣйствующими на судѣ лицами представляются сами тяжущіеся, а судья остается въ качествѣ сторонняго посредника и не принимаетъ участія въ судѣ, пока не придетъ ему время сказать свое рѣшительное слово,—и *слѣдственной,* розыскной, когда дѣйствуетъ самъ судья, собирая доказательства и розыскивая правду, а тяжущіеся представляются какъ бы орудіями для достиженія судебной цѣли. Это различіе не случайное, а существенное и необходимое: отъ преобладанія той или другой формы вездѣ и всегда зависятъ дѣятельность судьи въ отношеніи къ тяжущимся, степень вліянія, которое судья можетъ имѣть въ развитіи процесса, положеніе сторонъ передъ судомъ и отношеніе ихъ между собою; въ немъ выражается понятіе цѣлой эпохи или всего народа объ общественномъ значеніи суда и о цѣли правосудія. Русскій изслѣдователь не можетъ избѣжать вопроса о томъ, допускалось ли это различіе въ нашемъ законодательствѣ, какая изъ двухъ названныхъ формъ преобладала въ немъ; если же существовали обѣ формы, то безразлично ли употреблялись или было особое мѣсто для каждой, и наконецъ какіе слѣды прежняго примѣненія той или другой формы остались въ дѣйствующемъ законодательствѣ? Вопросы эти, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ числу

самыхъ важныхъ и любопытныхъ въ исторіи русскаго судопроизводства. Памятники нашего законодательства и суда показываютъ, что форма слѣдственная издревле употреблялась въ немъ наряду съ обвинительною. Послѣдней формѣ соотвѣтствовалъ въ Уложеніи *судъ*, а первой такъ называемыя *очныя ставки:* оба эти названія въ Уложеніи строго различаются. При очныхъ ставкахъ присяга не допускалась, а на судѣ она была употребительнымъ видомъ доказательствъ. Съ очными ставками процессъ не могъ имѣть той цѣльности и замкнутости, какую имѣлъ судъ, и послѣ очныхъ ставокъ принимались новыя доказательства и оправданія, что̀ послѣ суда не дозволялось. Судомъ судились спорныя гражданскія дѣла; розыскъ и очныя ставки были по преимуществу принадлежностью дѣлъ уголовныхъ. Но и въ искахъ гражданскихъ, какъ видно изъ Уложенія, къ элементу обвинительному нерѣдко присоединялся слѣдственный, такъ какъ и по гражданскимъ дѣламъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ распросъ, очныя ставки и даже пытку. При всемъ томъ судъ оставался постоянно господствующею формою процесса по дѣламъ гражданскимъ до 1697 года, когда Петръ В., желая прекратить злоупотребленія, проволочку и ябеды, происходившія отъ свободнаго дѣйствія на судѣ тяжущихся, отмѣнилъ повсемѣстно судъ и очныя ставки и установилъ вмѣсто того розыскъ. Въ 1723 году этотъ порядокъ былъ снова измѣненъ, и указомъ о формѣ суда постановлено въ первый разъ строгое различіе между слѣдствіемъ и судомъ. Въ искахъ гражданскихъ судъ сдѣлался господствующею формою; розыскъ сдѣлался принадлежностью дѣлъ фискальныхъ и доносительскихъ. Этотъ знаменитый указъ составляетъ эпоху въ новой исторіи нашего судопроизводства: можно сказать, что онъ дѣлитъ её на двѣ половины. Такую важность имѣетъ указъ 1723 года именно потому, что въ немъ въ первый разъ выражено строгое и рѣшительное различіе между двумя главными формами судопроизводства, различіе прежде смутно таившееся и только съ того времени ясно сознанное положительнымъ закономъ. Съ этого указа въ судопроизводствѣ нашемъ обозначаются два отдѣла: первый, подъ именемъ *суда*, одною общею формой обнимаетъ всѣ спорные иски и тяжбы между частными лицами; ко второму отдѣлу, подъ именемъ *розыска,* отнесены всѣ дѣла уголовныя и тѣ, которыя въ настоящее

время называются слѣдственными, сопряженными съ казеннымъ интересомъ. Еще одинъ шагъ оставалось сдѣлать до формальнаго отдѣленія уголовныхъ дѣлъ отъ судебно-гражданскихъ, которое совершилось, какъ извѣстно, уже при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Цѣлью указа 1723 года было установить въ судопроизводствѣ новый порядокъ вмѣсто прежней запутанности. Но съ другой стороны съ изданіемъ этого закона завязался, если можно такъ выразиться, въ исторіи нашего судопроизводства узелъ, который и донынѣ не совсѣмъ еще распутанъ. Начало суда, какъ мы видѣли, ясно и рѣшительно было признано законодательствомъ; но судебная практика не была къ нему приготовлена: она дѣйствовала еще подъ вліяніемъ тѣхъ привычекъ, которыя образовались въ ней въ теченіи того времени, когда судъ соединялся съ очными ставками и когда шли осужденные новымъ указомъ непрерывные толки о томъ, «что̀ есть судъ и что̀ есть розыскъ». Ясная мысль и твердая воля Петра Великаго конечно умѣли бы поддержать единство идеи, имъ выраженной. Но скоро не стало этой мысли и воли, и тогда толки о судѣ и розыскѣ возобновились съ прежнею силой. Введенное Петромъ новое коллегіяльное судоустройство было отмѣнено; судебная власть предоставлена губернаторамъ и воеводамъ, и отъ этой мѣры конечно нельзя было ожидать утвержденія судебной практики на строгихъ началахъ, объявленныхъ Петромъ. При всемъ томъ мы видимъ, что еще въ 1738 году (указъ іюня 16) форма суда признавалась общею формою исковаго судопроизводства. Но во второй половинѣ XVIII-го столѣтія замѣтно, что нѣтъ уже чистаго понятія о судѣ, какъ о спорѣ тяжущихся передъ судьею. Присутствіе слѣдственнаго начала обнаруживается въ собраніи справокъ для разъясненія доказательствъ, представленныхъ сторонами; словесная форма суда замѣнилась письменною, и въ 1762 году Коммерцъ-Коллегія, а въ 1766 г. и самъ Сенатъ, по судебному дѣлу, перенесенному изъ Магистрата, предоставляютъ по неявленнымъ векселямъ разбираться судомъ по формѣ. Форма эта сдѣлалась особеннымъ исключительнымъ видомъ судопроизводства. Розыскъ продолжаетъ однако служить отличительною чертою дѣлъ уголовныхъ и казенныхъ. Какъ скоро изъ гражданскаго иска возникаетъ предположеніе о преступленіи, судъ уже не можетъ имѣть мѣста и дѣло обращается къ розыску.

Такъ напр. въ 1754 г. бѣглыхъ дѣвокъ, которыя, обокравъ помѣщиковъ, вышли въ бѣгахъ замужъ за служилыхъ людей, велѣно пытать безъ суда, хотя бы мужья ихъ просили суда съ помѣщиками. Такъ въ 1766 году дѣла о купчихъ, выданныхъ несогласно съ довѣренностями, велѣно производить слѣдствіемъ, а не судомъ. Такимъ образомъ розыскъ служитъ внутреннимъ признакомъ, которымъ отличаются дѣла уголовныя отъ судебно-гражданскихъ. Отъ *розыска*, въ коемъ допускалась пытка, мало по малу отдѣляется, какъ особая принадлежность дѣлъ фискальныхъ,—*слѣдствіе*, при которомъ судья облекается инквизиціонною властью. Наконецъ тому и другому роду дѣлъ дается внѣшняя форма въ особомъ устройствѣ уголовнаго суда и въ особомъ учрежденіи о судопроизводствѣ по дѣламъ, защищаемымъ правомъ казны.

Въ одномъ изъ положеній, помѣщенныхъ въ началѣ книги, авторъ говоритъ: «учрежденный Петромъ Великимъ судъ по формѣ не былъ преобразованіемъ древняго порядка суда, а только усовершенствованіемъ, то есть дальнѣйшимъ развитіемъ древнихъ чисто русскихъ началъ суда, подъ вліяніемъ иноземныхъ формъ.» Судя по этимъ словамъ мы могли ожидать, что найдемъ въ разбираемой книгѣ довольно подробное изслѣдованіе о судѣ по формѣ и указаніе тѣхъ соображеній, которыя привели автора къ упомянутому выводу. Древнія русскія начала суда дѣйствительно выражены въ указѣ 5-го ноября 1723 года, но сказать не значитъ еще доказать, и читатель хотѣлъ бы видѣть, какія именно русскія начала и въ какихъ именно формахъ выразились. Надобно было вникнуть въ отдѣльныя положенія указа о формѣ суда, и тогда обнаружились бы ясно какъ связь этихъ положеній съ правилами Уложенія о судѣ, такъ всѣ перемѣны и усовершенствованія, сдѣланныя въ прежнемъ устройствѣ, равно какъ общая цѣль и идея реформы. Любопытно было бы также знать, въ какихъ именно частяхъ новаго закона замѣтно вліяніе иноземныхъ формъ, тѣмъ болѣе любопытно, что въ новѣйшее время выводы исторической критики клонились не совсѣмъ въ пользу этого мнѣнія. Но всѣ означенные вопросы изслѣдованіе г. Михайлова оставляетъ въ сторонѣ, а о производствѣ дѣлъ слѣдственныхъ и о развитіи того начала, которое выразилось въ этомъ обширномъ отдѣлѣ, не упоминаетъ вовсе.

Переходимъ къ IX-й главѣ: о доказательствахъ. Авторъ начинаетъ съ *признанія,* и по поводу его говоритъ о присягѣ. Признаніе, по словамъ его, въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединялось съ присягою; но это выраженіе, въ юридическомъ смыслѣ, не вѣрно. Собственное признаніе и присяга,—это отдѣльные и самостоятельные виды судебныхъ доказательствъ; цѣль того и другаго доказательства—достиженіе истины. Тотъ кто цѣлуетъ крестъ на судѣ, по общепринятому юридическому предположенію, показываетъ о себѣ истину, и нерѣдко случается, что такое показаніе клонится къ невыгодѣ его и можетъ вести къ его обвиненію. Въ такомъ случаѣ обыкновенно говорится, что онъ *повинился,* и доказательствомъ истины словъ его служитъ не то, что онъ *самъ о себѣ* сказалъ къ собственному ущербу, но то, что онъ сказалъ это *подъ присягою:* къ оправданію-ли, къ обвиненію-ли служило сказанное, это обстоятельство не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на достовѣрность добытой истины: одно крестное цѣлованіе даетъ въ этомъ случаѣ сказанному достовѣрность. Достовѣрность же собственнаго сознанія въ гражданскомъ искѣ основывается совершенно на иномъ предположеніи, именно на томъ, что если истецъ или отвѣтчикъ добровольно отступился отъ права, которое защищалъ прежде, или утвердилъ обстоятельство, клонившееся къ его невыгодѣ, то онъ сказалъ истину. Здѣсь доказательствомъ истины служитъ то, что ее добровольно утверждаетъ *именно* лице, *къ ущербу котораго* она клонится. Volenti non fit injuria. Стало быть признаніе въ юридическомъ смыслѣ не можетъ соединяться съ присягою; но случиться можетъ, что тяжущійся, которому назначено дать присягу, винится передъ самымъ обрядомъ присяги, еще не выполнивъ его, винится, какъ говоритъ Уложеніе, «у крестнаго цѣлованья» (*). Въ такомъ случаѣ признаніе предшедствуетъ присягѣ, а не соединяется съ нею, какъ говоритъ авторъ. Приводимый же г. Михайловымъ, въ подтвержденіе его словъ, примѣръ изъ 29-й ст. XI главы Уложенія вовсе не относится къ предмету. Этотъ примѣръ замѣчателенъ въ другомъ отношеніи: онъ показываетъ, что по Уложенію сила собственнаго признанія, сдѣланнаго передъ

(*) Виниться у крестнаго цѣлованья именно значило: виниться передъ присягою. Въ этомъ можно убѣдиться изъ указа 19-го декабря 1678 года (П. С. З. N 741).

присягою, въ иныхъ случаяхъ распространялась, по наведенію, отъ одного предмета, по которому сознаніе было сдѣлано, на другой, по которому признанія не было.

«Признаніе, хотя и соединялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ присягою, продолжаетъ авторъ, однако, при отсутствіи признанія, не слѣдовало необходимо произвесть присягу, но слѣдовало продолжать судебное изслѣдованіе по прочимъ доказательствамъ. Но когда другихъ доказательствъ совершенно не было, или бывшихъ было недостаточно, тогда употреблялась присяга. Большею частію присяга назначалась въ случаѣ запирательства, т. е. когда при явномъ соображеніи вины подсудимаго онъ не соглашался признаніемъ покончить дѣло. Вообще отношеніе признанія къ присягѣ основывалось по Уложенію на запирательствѣ» . . . Изъ этихъ словъ можно заключить, будто въ періодъ Уложенія случались такія спорныя судебныя дѣла, въ которыхъ собственное сознаніе требовалось судомъ безусловно, такъ что безъ него нельзя было и рѣшить спора. Позволимъ себѣ замѣтить, во 1-хъ, что въ спорномъ гражданскомъ дѣлѣ, гдѣ стороны называются истцомъ и отвѣтчикомъ, невозможно говорить о *винѣ подсудимаго;* во 2-хъ, что едва ли можно допустить указываемую авторомъ важность запирательства на судѣ чисто гражданскомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ надлежало бы по крайней мѣрѣ добавить, что рѣчь идетъ о такихъ дѣлахъ, въ которыхъ судъ, по предположенію преступленія, переходитъ въ розыскъ. Въ половинѣ XVII стол. всѣ спорные гражданскіе иски судились судомъ (только въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ употреблялись очныя ставки). На судѣ сами тяжущіеся собираютъ и приводятъ другъ на друга доказательства: судьѣ остается взвѣсить ихъ и постановить рѣшеніе: что̀ находилъ онъ въ дѣлѣ, въ чемъ засталъ, въ томъ и судилъ. Съ такимъ понятіемъ о судѣ гражданскомъ несовмѣстно было бы предполагать, что судья не могъ обойтись безъ собственнаго сознанія, когда другихъ доказательствъ въ дѣлѣ не было, и что для полученія этого сознанія онъ назначалъ присягу. Присяга допускалась не потому, что судьѣ необходимо было собственное сознаніе, а потому, что отвѣтчикъ отдавалъ на душу истцу или самъ бралъ на душу, а кромѣ вѣры сыскать было нечѣмъ: «Да въ Уложеніи судныхъ дѣлъ, сказано въ указѣ 13 іюня 1683 года, истцу съ отвѣтчикомъ велѣно

давать въ иску вѣра, кто возьметъ на душу». Въ розыскѣ, по прежнимъ понятіямъ, собственное сознаніе почиталось нерѣдко необходимымъ условіемъ для достиженія матерьяльной истины, если она не могла быть обнаружена другими доказательствами, и здѣсь дѣйствительно, по общему предположенію о винѣ обвиняемаго, запирательство его могло почитаться препятствіемъ къ достиженію истины. Но для устраненія этого препятствія розыскъ имѣлъ особое, рѣшительное средство—пытку. Напротивъ въ дѣлахъ судныхъ присяга представляется рѣшительнымъ средствомъ не для того, чтобы достигнуть собственнаго признанія, а для того, чтобы сообщить законную, формальную силу показанію той или другой стороны; безъ этого средства такое показаніе не прибавляло ничего къ дѣлу, какъ голословное; освященное же присягою оно принималось на вѣру и вело къ разрѣшенію дѣла. Изъ соображенія всѣхъ статей Уложенія и указовъ, въ которыхъ говорится о присягѣ, мы видимъ, что присяга была по преимуществу принадлежностью суда, а судъ, по общему правилу, былъ несовмѣстенъ съ очными ставками, исключая вотчинныхъ и крѣпостныхъ дѣлъ: вотъ почему, конечно, въ Уложеніи нѣтъ ни одного случая присяги по дѣламъ этого рода: а въ указѣ 13 іюня 1683 года всѣ крѣпостныя и вотчинныя дѣла раздѣлены на два вида: тѣ, по коимъ объявятся *заряды* (*), и тѣ, по коимъ заряду не объявится: въ первыхъ велѣно давать судъ и вѣру, а въ послѣднихъ давать очныя ставки, но вѣры не давать.

Правда, что большая часть случаевъ, по поводу коихъ Уложеніе упоминаетъ о присягѣ, относятся къ такимъ искамъ, которые возникали изъ обидъ, нарушеній довѣрія и другихъ дѣйствій, сродныхъ съ преступленіями (**), но это не даетъ еще намъ права за-

---

(*) Крѣпостями по Уложенію назывались вообще письменные договоры. Подъ словомъ: *заряды*, должно, кажется, разумѣть особыя, помѣщаемыя въ крѣпостяхъ условія, дать или сдѣлать что либо (ср. Улож. гл. XX ст. 45). Условія эти конечно могли быть или не быть въ такихъ актахъ, которыми утверждались права вотчинныя на имущества. Объ имуществахъ производилась тяжба по крѣпостямъ, а объявленіемъ зарядовъ могъ начинаться истцовъ искъ на лицѣ отвѣтчика. Не соотвѣтствуетъ ли это различіе раздѣленію исковъ на вещные и личные?

(**) Здѣсь мы не считаемъ тѣхъ мѣстъ Уложенія, въ которыхъ упоминает-

ключить, что въ однихъ только дѣлахъ подобнаго рода допускалась присяга. Уложеніе вообще столь же бѣдно общими началами и общими юридическими опредѣленіями, сколько обильно правилами, данными въ разрѣшеніе частныхъ случаевъ, такъ что при извлеченіи изъ него общихъ положеній надобно дѣйствовать съ большою осмотрительностію. Намъ кажется, что въ статьяхъ Уложенія о присягѣ естественнѣе было бы видѣть не выраженіе какого либо общаго правила, а именно разрѣшеніе сомнѣній о томъ, допускать ли присягу или не допускать ее? Сомнѣніе это могло возникнуть по самому роду дѣлъ, въ коихъ возможно было участіе сыскнаго начала. Извѣстно, что въ періодъ Уложенія гражданскіе иски нерѣдко соединяютъ съ уголовными, и въ настоящее время нельзя опредѣлить съ точностью, въ какихъ именно случаяхъ судъ уступалъ розыску или розыскъ суду. По всей вѣроятности судья въ выборѣ способа доказательствъ или въ допущеніи сыска при судѣ руководствовался главнымъ, преимущественнымъ свойствомъ иска: можно было «бити челомъ о судѣ» и «бити челомъ о сыску». Въ Уложеніи говорится въ разныхъ мѣстахъ различно: *учинити по суду; по суду и по сыску;* при судѣ, «смѣтить по *сыску; сыскивать всякими сыски; сыскивать крѣпостьми и окольными людьми; буде съ суда сыщется допряма; если сыскать не чѣмъ, то давать судъ и съ суда учинить указъ до чего доведется».* Въ тѣхъ статьяхъ этого памятника, въ коихъ по роду дѣлъ назначается присяга (*), первоначально рѣчь идетъ объ удовлетвореніи челобитчика не только по суду, *но и по сыску;* если же сыскомъ *нельзя достигнуть истины («а будетъ сыскати нечѣмъ»),* то давать въ такихъ дѣлахъ истцамъ *судъ, «а съ суда* учинити вѣра, крестное цѣлованье». Это обстоя-

---

ся о присягѣ какъ о предметѣ, неподлежащемъ разрѣшенію («а буде доведется до вѣры, то» . . . . гл. XI, ст. 25, 26; XX, 96), или о формальныхъ условіяхъ присяги (гл. XIII, 4, 5; гл. XIV), но разумѣемъ только тѣ статьи, въ которыхъ по роду дѣлъ положительно назначается присяга (гл. VII, 30; X, 190, 195, 232, 281; XX, 45; XXI, 51). Также не причисляемъ сюда и 2 ст. IX гл., въ которой дѣло идетъ не о судѣ, но объ изслѣдованіи простаго лихоимства при сборѣ пошлины: въ этомъ случаѣ челобитчика предписано допрашивать подъ присягою.

(*) См. предыдущее примѣч.

тельство весьма замѣчательно: мы видимъ, что въ означенныхъ случаяхъ присяга назначается не при сыскѣ, а именно съ суда: при сыскѣ допускается пытка, а присяга дается на судѣ (глава XXI, 51). Такое же отношеніе между пыткою и присягой видимъ и изъ 2-й статьи XIV главы Уложенія о тѣхъ, которые цѣловали крестъ въ разныхъ искахъ трижды: здѣсь нѣтъ уже мѣста суду, потому что не допускается послѣднее судебное доказательство—присяга, а дѣло разнимается сыскомъ и пыткою. Всѣ эти соображенія конечно далеко не исчерпываютъ предмета, но изъ нихъ можно видѣть, какую важность имѣетъ различіе понятій о судѣ и розыскѣ въ изслѣдованіи судебныхъ доказательствъ; а это различіе совершенно упущено изъ виду авторомъ. Отдѣльные случаи, въ коихъ Уложеніе упоминаетъ о присягѣ, вовсе у него не разобраны, и о приведенномъ нами указѣ 1683 года, котораго значеніе очевидно, ни слова не сказано. Впрочемъ въ отношеніи къ разсматриваемому предмету пропуски и невѣрности встрѣчаются въ книгѣ безпрерывно. Укажемъ на нѣкоторыя мѣста. Авторъ говоритъ, что предпочтительное право отвѣтчика принять присягу, или дать на душу истцу установлено указомъ 1727 года, тогда какъ правило это положительно вытекаетъ еще изъ Уложенія, хотя и не выражено въ немъ категорически.—По словамъ книги, Уложеніе предписываетъ *давшихъ ложную присягу подвергать наказанію и къ присягѣ не допускать, а подвергать сыску и пыткѣ* (глава XIV, ст. 2); въ источникѣ же говорится о людяхъ, которые уже присягали въ разныхъ искахъ трижды: новыя исковыя дѣла ихъ велѣно вершить сыскомъ и розымать дѣла уже не присягой, а пыткой.—Г. Михайловъ говоритъ: «дѣла̀, по которымъ *въ совокупности съ другими* доказательствами принесена и присяга, оканчивать слѣдовало по Уложенію въ возможной скорости». А въ Уложеніи говорится: «которыя дѣла доведется вершити обчими ближними ссылками *и* крѣпостными *и* крестнымъ цѣлованіемъ (стало быть тѣ, по которымъ не нужно дальнихъ справокъ) вершити безволокитно. Но и тѣ, по которымъ доведется послать въ города обыскивати—вершити потомуже вскорѣ». Здѣсь очевидно значеніе какъ общаго правила не допускать медленности въ рѣшеніи дѣлъ, такъ и союза *и*; самъ авторъ прежде утверждалъ, что присяга назначалась по Уложенію «когда, опричь вѣры, рѣшить дѣлъ будетъ нечѣмъ»; а теперь онъ

открываетъ особый родъ дѣлъ съ качествомъ рѣшительно невозможнымъ. Предоставляемъ всякому юристу судить: когда была общая ссылка, были крѣпости, то *совокупно съ ними* могла ли быть принесена присяга?—Книга говоритъ, что, въ случаѣ *неявки* къ присягѣ, неявившійся обвинялся *безъ суда*, забывая упомянуть, что по правилу Уложенія (имѣющему силу донынѣ) обѣ стороны ставились къ присягѣ три дня и что неявившійся даже на третью ставку обвинялся не безусловно, а въ такомъ случаѣ, если не станетъ *самовольствомъ безъ челобитья*. Слово: «безъ суда» прибавлено самимъ авторомъ, и едва ли удачно: мы уже видѣли, что самая присяга назначалась *съ суда*, «когда сыскати было нечѣмъ»; слѣдовательно судъ, т. е. споръ предъ судомъ тяжущихся, долженъ былъ ей предшествовать.—Авторъ говоритъ, что въ спорахъ Русскихъ съ иностранцами жребій рѣшалъ, кому цѣловать крестъ, а изъ 4 статьи XIV главы Уложенія видно, что споры этого рода не представляли исключенія изъ общаго правила: и здѣсь вопросъ о томъ, кому присягать, разрѣшался согласіемъ сторонъ, начиная съ отвѣтчика, кто кому отдастъ на душу, и только въ случаѣ несогласія ихъ въ томъ употреблялся жребій.—Упомянувъ объ отводѣ межи посредствомъ образнаго хожденія, книга говоритъ: «кромѣ этого частнаго случая (?) мы не находимъ въ Уложеніи, чтобы присяга необходимо была совершаема въ церкви. Напротивъ, въ немъ мы находимъ, что къ крестному цѣлованію слѣдуетъ приводить въ Приказахъ», и далѣе: «присягать въ церкви установлено указомъ 1678 года декабря 19-го». Положеніе о приводѣ ко кресту въ Приказахъ относится исключительно къ дѣламъ Русскихъ съ иноземцами и нѣтъ ни логическаго, ни историческаго основанія принимать общимъ правиломъ это ясно ограниченное исключеніе. Правда, что общее правило присягать въ церкви не выражено въ Уложеніи, но есть историческія основанія утверждать, что таковъ былъ дѣйствительно общепринятый порядокъ. Во 1-хъ, на него указываетъ исконный обычай грекоримскаго закона, самый обрядъ присяги, взятый изъ правилъ Греческой Церкви, и наконецъ характеръ и значеніе самой присяги по русскому закону. Во 2-хъ, въ указѣ 1678 года сказано: которымъ людемъ..... довелось учинити вѣра, и тѣхъ людей для увѣренья отсылать *по прежнему* въ соборъ Архистратига Михаила къ протопопу съ братьею.

Подъ общимъ заглавіемъ: «о свидѣтеляхъ» книга разсуждаетъ и объ общей правдѣ и о послушествѣ. Жалѣемъ, что авторъ не отдѣлилъ въ своемъ сочиненіи этихъ двухъ понятій и не сдѣлалъ между ними болѣе строгаго разграниченія. Тогда конечно самъ собою означился бы у него вопросъ, важный и въ теоритическомъ и въ практическомъ отношеніи—о необходимыхъ условіяхъ и отличительныхъ качествахъ простаго послушества и общей ссылки; и здѣсь-то теорія, которую авторъ, повидимому, рѣшился изгнать изъ своего «историческаго» изслѣдованія, указала бы ему и на вопросъ и на удобнѣйшій путь къ его разрѣшенію по историческимъ даннымъ. Основаніемъ доказательству чрезъ свидѣтелей служитъ, во 1-хъ, довѣріе одной изъ тяжущихся сторонъ къ лицу свидѣтеля, выражаемое ссылкою на него передъ судомъ; во 2-хъ, довѣріе другой стороны, или предполагаемое, когда нѣтъ отвода, или выраженное, когда и съ другой стороны есть *согласіе допустить* къ свидѣтельству лице, на которое сдѣлана ссылка; въ 3-хъ, довѣріе закона, законное предположеніе о томъ, что лице, не отведенное одною изъ сторонъ и не признанное въ тѣхъ качествахъ, которыя въ силу закона означаютъ неспособность къ свидѣтельству, покажетъ истину. Вотъ необходимыя условія для дѣйствительности послушества; но ихъ еще недостаточно для общей правды. Понятіе объ общей правдѣ требуетъ, чтобы довѣріе къ лицу свидѣтеля обѣими тяжущимися сторонами выражено было тождественно, въ одинаковой силѣ, т. е. или чтобы ссылка въ самомъ началѣ сдѣлана была по общему согласію сторонъ, или, по учиненіи одною стороною ссылки «въ правду,» другая сторона положительно сослалась бы *въ ту же правду*, на то же самое лицо. Только на такомъ основаніи можно допустить рѣшительную силу общей правды; въ противномъ случаѣ пришлось бы ту же самую силу присвоить показанію хотя бы одного свидѣтеля, котораго другая сторона согласилась допустить къ присягѣ. Таковъ-ли дѣйствительно былъ взглядъ на общую правду стариннаго нашего законодательства? можно ли различить слѣды этого понятія въ Уложеніи и въ узаконеніяхъ новѣйшаго времени? вотъ вопросы, которыхъ изслѣдованіе было бы крайне любопытно. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное разсужденіе объ этомъ предметѣ. Ограничимся только кстати указаніемъ на 179 ст. X главы Уложенія, изъ которой видно, что

отвѣтчикъ, не допуская выставленнаго истцомъ свидѣтеля въ смыслѣ общей ссылки, могъ въ то же время и по тому же иску *слаться* на него *въ послушество*.

Мы указали выше на ошибки, въ которыя вовлекло автора уклоненіе отъ теоретическаго взгляда на предметъ свой. Думаемъ, что пренебреженіе къ теоріи было причиною и того, что онъ смѣшиваетъ послушество съ обыскомъ и относитъ къ первому такія статьи Уложенія, которыя относятся исключительно къ обыску. Свидѣтели допрашивались въ судѣ. Мы имѣемъ право думать такъ по соображенію нѣкоторыхъ статей Уложенія, изъ коихъ видно, что за свидѣтелями посылали пристава, недѣльщика или сыскную грамоту; свидѣтеля требовали на судъ, *на правду*. На такой именно образъ допроса указываютъ и правыя грамоты. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ древнему понятію о судѣ и о послушествѣ, сохранившемуся и въ періодѣ Уложенія. Стороны шлются на лицо послуха, нерѣдко онѣ и ставятъ его на судъ: судъ же выслушиваетъ его показаніе. Напротивъ въ обыскѣ ссылка дѣлается безъименно на цѣлую общину или сословіе лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ. Обыскъ поэтому производился на мѣстѣ жительства обыскныхъ людей и не судомъ, а сыщикомъ, «человѣкомъ добрымъ», котораго отряжалъ воевода по требованію суда. Какимъ порядкомъ производился обыскъ, Уложеніе описываетъ довольно подробно (въ 161 и слѣд. ст. X главы); но странно, что авторъ примѣняетъ весь этотъ порядокъ къ допросу свидѣтелей. По Уложенію сыщикъ «сказываетъ обыскнымъ людемъ именно, чтобы они сказывали въ обыску прямо въ правду, никого не бояся и никому не норовя никоторыми дѣлы.» Авторъ нимало не сомнѣвается поставить вмѣсто слова «сыщикъ»—«судья», а обыскныхъ людей превращаетъ въ «свидѣтелей». Сыщикамъ велѣно обыскныя рѣчи писать при себѣ за руками самихъ тѣхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ, а у Нѣмцевъ и иновѣрцевъ за ихъ же руками или тѣхъ, кому они вѣрятъ, или за знамянами ясачныхъ людей.—А по книгѣ выходитъ, что всё это дѣлалось при допросѣ свидѣтелей на судѣ, тогда какъ о порядкѣ такого допроса въ Уложеніи ничего не высказано, кромѣ общаго правила о присягѣ свидѣтелей (гл. X ст. 173). Въ историческомъ изслѣдованіи допускаются конечно и аналогія и предположеніе; но странно было бы не отличить того и другаго отъ положительныхъ пред-

писаній закона. Во всякомъ случаѣ не основательнѣе ли было бы предположить, что когда показаніе давалось на судѣ (производившемся, какъ извѣстно, словесно), передъ судьями, то не было и нужды требовать подписи показаній, и что духовные отцы не пріѣзжали вмѣстѣ съ свидѣтелями съ мѣста жительства ихъ на мѣсто суда для подписи показаній, дававшихся большею частію людьми неграмотными? Не понимаемъ также, на какомъ основаніи авторъ относитъ къ повальному обыску указъ 1782 года, которымъ велѣно производить допросъ свидѣтелей на мѣстѣ ихъ жительства, когда нужно допросить значительное число людей изъ одного или разныхъ селеній.—Не видимъ мы равнымъ образомъ изъ источниковъ, почему бы показанія *старожильцевъ* имѣли особенную силу: въ ряду свидѣтельскихъ показаній сказки старожильцевъ и окольныхъ людей отличались тѣмъ только, что употреблялись тамъ, гдѣ сторонній или молодой человѣкъ не имѣлъ возможности свидѣтельствовать, какъ-то: при отводѣ спорной межи или при дознаніи о старинномъ владѣніи.—Указывая на случаи, въ которыхъ можно было отводить свидѣтелей, авторъ не касается тѣхъ случаевъ, въ которыхъ отводъ не принимался вовсе. А такихъ случаевъ въ Уложеніи указано три (гл. X, ст. 158, 159, 176), и объ нихъ невозможно позабыть.—Въ разсужденіи о повальномъ обыскѣ странно встрѣтить слѣдующее положеніе: «отъ обыска должны быть устранены родственники, люди и пріятели тяжущихся». Какое понятіе можетъ получить объ обыскѣ читатель, если повѣритъ на слово печатной книгѣ! Изстари до нашего времени отличительнымъ свойствомъ повальнаго обыска по дѣламъ гражданскимъ была именно рѣшительная и безусловная невозможность отвода. Авторъ въ подкрѣпленіе своего вывода указываетъ на 161 статью X главы Уложенія. Но въ этой статьѣ сказано: «а которыхъ людей кто учнетъ на судѣ изъ повальнаго обыску отводити и тѣмъ отводнымъ людемъ на судѣ подастъ именную роспись, и напишетъ въ росписи *родъ и племя и друзей многихъ* людей, и тому отводу *не вѣрити, обыскивати всѣми»*. Кажется это ясно. На этомъ самомъ правилѣ Уложенія основана 2413 ст. X т. Свод. Зак. Гражд. изд. 1842 г. (412 ст. Зак. о Судопр. Гражд. изд. 1857 г.), въ которой сказано, что при учиненіи повальнаго обыска не дозволяется ни истцу, ни отвѣтчику отвести кого либо изъ обыскныхъ людей, хотя бы причиною

отвода была дружеская или родственная связь сихъ обыскныхъ людей съ тяжущимся. Старинное положеніе во всей своей цѣльности перешло въ новое законодательство.—Далѣе авторъ пишетъ, что и въ эпоху Уложенія, и при послѣдующемъ развитіи законодательства повальный обыскъ сталъ подъ вліяніе правилъ отвода, отстраненія отъ участія въ обыскѣ лицъ, неспособныхъ къ свидѣтельству. Гдѣ это вліяніе, гдѣ этотъ законъ между Уложеніемъ, недопускающимъ отвода при обыскѣ, и Сводомъ Законовъ, который, какъ мы сей часъ видѣли, остался вѣренъ Уложенію? Не видитъ ли его авторъ въ новоуказныхъ статьяхъ 22 января 1669 года? Но въ этихъ статьяхъ, именно въ 28-й, опять говорится: «сыскивать повальнымъ обыскомъ.......всякихъ чиновъ многими людьми *безъ отводу*»; и хотя далѣе предписывается не допрашивать и при обыскѣ дѣтей на родителей, отпущенниковъ на прежнихъ господъ, и работниковъ на хозяевъ, то все-таки этимъ не измѣнено общее правило не допускать отвода. Во всякомъ случаѣ едва ли мы имѣемъ право придавать этому закону офиціальное значеніе въ области гражданскихъ судныхъ дѣлъ. Статьи 1669 года изданы, какъ видно изъ самаго ихъ заглавія, въ дополненіе XX и XXI главъ Уложенія «по разбойнымъ, убивственнымъ и татебнымъ дѣламъ» и потому не приняты въ составъ законовъ гражданскихъ при изданіи Свода, а приведены подъ 260 ст. XV тома Свода Законовъ о Судопроизводствѣ по дѣламъ о прест. и проступк. (изд. 1857 г.), которою велѣно, между прочимъ, отстранять отъ обыска по такимъ дѣламъ дѣтей противъ родителей, вольноотпущенныхъ противъ прежнихъ помѣщиковъ и находящихся въ услуженіи противъ господъ; впрочемъ и въ этихъ случаяхъ запрещено принимать отъ обвиняемаго отводъ противъ обыскныхъ людей.

«Сила свидѣтельскихъ показаній, говоритъ авторъ, *зависѣла* отъ различныхъ обстоятельствъ, а именно: 1) *смотря по тому*, кто изъ тяжущихся сослался на свидѣтеля. Въ этомъ отношеніи, если свидѣтель, на котораго сослался тяжущійся, показывалъ противъ его, то тяжущійся обвинялся....» Указавъ на такой случай, не представляющій никакой особенности, авторъ выводитъ изъ него слѣдующее заключеніе: «Уложеніе смотритъ на показанія свидѣтелей болѣе *съ формальной* стороны, нежели съ матеріальной (?). Такъ, не обращаясь къ другимъдоказательствамъ, судъ по Уложенію можетъ

обвинить тяжущагося *только потому*, что онъ *изъ воли слался* на извѣстныхъ ему свидѣтелей, а тѣ ничего не показали или показали противъ его ссылки.» И такъ, если вѣрить автору, по Уложенію, только та сторона могла быть обвинена свидѣтельскимъ показаніемъ, которая сама изъ воли сослалась на свидѣтеля. Допустимъ противный случай. Положимъ, что истецъ сослался на свидѣтелей, а отвѣтчикъ не отвелъ ихъ или отводъ его не былъ уваженъ. Свидѣтели показали противъ отвѣтчика, согласно съ ссылкою истца. Неужели показаніе это не должно имѣть никакой силы къ обвиненію отвѣтчика потому только, что самъ онъ не слался на тѣхъ свидѣтелей? Судя по книгѣ, выходило бы такъ. Подобное ограниченіе силы свидѣтельскихъ показаній было бы весьма страннымъ явленіемъ въ исторіи законодательствъ; но, къ счастію, оно принадлежитъ автору книги, а не Уложенію. Общее правило Уложенія совершенно согласно съ теоріей доказательствъ и приведенный нами случай разрѣшается именно 185 и 159 ст. Х-й главы Улож: дѣло велѣно вершить *по сказкѣ* тѣхъ людей, на кого сдѣлана ссылка тою или другою стороною, истцомъ или отвѣтчикомъ. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ ссылается на 160 ст. Х-й гл. Улож.; но, къ сожалѣнію, мысль его и здѣсь только скользитъ по буквѣ закона, не доискиваясь въ ней внутренняго смысла. Дѣло въ томъ, что 160-я статья указываетъ не на общее правило: въ ней упоминается объ особенномъ значеніи послушества, когда одна изъ сторонъ ссылается на свидѣтеля «*изъ виноватыхъ*». Это выраженіе поставлено конечно не случайно и должно имѣть особенный смыслъ, который необходимо было изслѣдовать обстоятельнѣе, потому что оно давно уже изчезло изъ юридическаго языка, а въ періодъ Уложенія составляло, по видимому, общеупотребительный и ясный терминъ. Тоже выраженіе употреблено между прочимъ въ 168, 175, 178, 180 и 182 статьяхъ Х-й же главы; а еще ранѣе оно встрѣчается въ правой грамотѣ 1571 года Николаевскому Корельскому монастырю и въ другой 1612 года по дѣлу о владѣніи оброчными пашнями въ Нижней Кехтѣ, помѣщенныхъ въ Юридическихъ актахъ (N 23 и 26). Въ послѣднемъ дѣлѣ ссылка «изъ виновата» принята была даже въ основаніе рѣшенія. Изъ соображенія всѣхъ этихъ источниковъ можемъ заключить, что когда истецъ или отвѣтчикъ или оба вмѣстѣ, ссыла-

ясь на свидѣтеля, сами желали придать его показанію рѣшительную въ отношеніи къ себѣ силу, т. е. объявляли, что хотятъ «быть правы и виноваты» по его показанію, то ссылка такого рода называлась ссылкою изъ виновата. Показаніе свидѣтеля могло имѣть въ такомъ случаѣ особенную силу въ отношеніи къ тому лицу, которое на него сослалось. Напримѣръ въ обыкновенной ссылкѣ, когда та или другая сторона указывала на свидѣтеля въ доказательство событія или дѣйствія, имѣющаго важность въ дѣлѣ, показанія свидѣтелей служили только средствомъ для удостовѣренія фактовъ, на основаніи которыхъ судья при разсмотрѣніи дѣла могъ заключить кто правъ и кто виноватъ: дѣло рѣшалось «по сказкѣ». Но когда тяжущійся ссылался *изъ виновата*, т. е. когда, доказывая свое право или свою невинность, добровольно рѣшался положить то и другое въ руки избраннаго имъ свидѣтеля, подчинялъ себя заранѣе всему, что онъ ни объявитъ, хотѣлъ тѣмъ свидѣтелемъ «правъ и виноватъ быти»,—въ этомъ случаѣ Уложеніе, по нашему мнѣнію, придавало особенное значеніе ясно выраженной волѣ истца или отвѣтчика и обвиняло его не потому, что высказанный свидѣтелями фактъ прямо указывалъ на его виновность, но потому что свидѣтели, на которыхъ онъ сослался *изъ виновата*, показали «не противъ его ссылки, или хотя и противъ ссылки, да не всѣ въ одну рѣчь, или просто отозвались незнаніемъ». Представимъ себѣ напр., что истецъ требуетъ отъ отвѣтчика возвращеніе взятой на подержаніе вещи. Отвѣтчикъ, доказывая, что вещь уже возвращена имъ, могъ просто сослаться на людей, которые «про то дѣло вѣдаютъ». Что бы ни показали эти свидѣтели, обвиненіе или оправданіе отвѣтчика могло еще зависѣть отъ суда и отъ разсмотрѣнія другихъ доказательствъ. Но если отвѣтчикъ ссылался на свидѣтелей, присутствовавшихъ при возвращеніи вещи «изъ виноватыхъ», объявлялъ, что хочетъ ими «правъ и виноватъ быти», и если эти свидѣтели разнорѣчили между собою или объявляли, что «про дѣло ничего не вѣдаютъ», тогда, по Уложенію, слѣдовало отвѣтчика *тѣмъ* (то есть такимъ показаніемъ) *обвинити*, не допуская дальнѣйшихъ доказательствъ, потому что «онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли, а они сказали не противъ его ссылки». Это правило Уложенія, по нашему мнѣнію, весьма замѣчательно: установленное имъ различіе между простою ссылкою и ссылкою

изъ виновата, не существуетъ уже въ новѣйшемъ законодательствѣ, и кажется было бы несправедливо оставить безъ вниманія эту замѣчательную черту юридическаго смысла нашихъ предковъ.

На страницѣ 131 авторъ говоритъ, что по Уложенію лица бѣлаго и чернаго духовенства, допрашиваемыя въ качествѣ свидѣтелей, освобождались отъ присяги, и далѣе, на страницѣ 136, приводитъ указъ 1753 года, состоявшійся о томъ въ подтвержденіе Уложенія. Намъ кажется, что этимъ еще не все сказано. До 1753 года и даже послѣ того въ нашемъ законодательствѣ замѣтно колебаніе по этому предмету. Уложеніе положительно не допускаетъ присяги духовныхъ лицъ; но въ Воинскомъ Уставѣ о судныхъ процессахъ (гл. III, п. 7) столь же положительно предписано присягать всякому свидѣтелю безъ исключенія, «хотя бы оный и архіереемъ былъ». Сила этого Устава распространена была при самомъ изданіи его на всѣхъ земскихъ правителей; отсюда возникали сомнѣнія, слѣдуетъ ли допрашивать духовныхъ лицъ по Уложенію, или по новому Уставу, и хотя указомъ 1753 года подтверждено было держаться Уложенія, но изъ указа 11 декабря 1767 года видно, что самъ Сенатъ въ то время былъ такого мнѣнія, что лицъ священнаго сана слѣдуетъ допрашивать, согласно Воинскому Уставу, подъ присягою.

Въ числѣ судебныхъ доказательствъ, допускаемыхъ, или требуемыхъ Уложеніемъ, авторъ помѣщаетъ показанія свѣдущихъ людей. По словамъ книги «въ Уложеніи выражено было правило, по которому судъ въ потребныхъ случаяхъ долженъ обращаться преимущественно къ такимъ людямъ, отъ добросовѣстнаго и истиннаго показанія которыхъ можно надѣяться справедливаго показанія». Смѣемъ увѣрить автора, что онъ не найдетъ подобнаго правила въ Уложеніи. Приводимыя имъ 272 и 274 ст. X гл. предписываютъ въ случаѣ порчи драгоцѣннаго камня, взятаго въ работу мастеровымъ, или взятой въ наймы лошади назначать вознагражденіе за испорченное по оцѣнкѣ стороннихъ людей. Ни слова не говорится объ участіи въ оцѣнкѣ людей, свѣдущихъ въ мастерствѣ.

XI-я глава оканчивается отдѣломъ: о письменныхъ доказательствахъ. Мы видѣли, что предыдущая часть сочиненія не отличается ни порядкомъ въ изложеніи, ни полнотою собранныхъ матеріаловъ, ни вѣрностію выводовъ: по крайней мѣрѣ въ ней замѣтно было, что авторъ слѣдовалъ какому нибудь плану, давалъ себѣ трудъ сгруп-

ппровать матеріалы; но послѣдующія главы книги, за исключеніемъ развѣ XVI главы объ апелляціи, не представляютъ ничего похожаго на систематическое изложеніе. Начиная съ седьмаго отдѣла XI главы и до самаго конца книги видимъ передъ собою сухой перечень указовъ, безъ связи и порядка, съ частыми повтореніями одного и того же. Выписки изъ указовъ сдѣланы на удачу и перемѣшаны безъ всякаго разбора; даже хронологическая послѣдовательность не вездѣ соблюдается. Вмѣсто историческаго изслѣдованія читателю предлагаются какія-то черновыя замѣтки. Все законодательство XVII-го и первой четверти XVIII-го столѣтія оставлено въ сторонѣ; авторъ исключаетъ уже изъ своихъ источниковъ какъ Уложеніе, такъ и новоуказныя статьи, а изъ новѣйшаго законодательства приводитъ только отрывочныя и далеко неполныя выписки. Говоря наприм. о письменныхъ доказательствахъ, онъ прямо начинаетъ съ 1723 года, какъ будто прежде того не было въ законахъ и помину объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ извѣстно, что въ Уложеніи постановлено различіе между исками крѣпостными и некрѣпостными, кабальными и безкабальными. Это различіе такъ существенно и важно, что его можно и должно было прослѣдить въ послѣдующемъ развитіи законодательства. И по Уложенію и по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, такіе иски, которые могутъ быть начаты не иначе, какъ по представленіи крѣпостей, или письменныхъ доказательствъ, отличаются отъ исковъ, которые можно доказывать не крѣпостями, а напримѣръ свидѣтелями. Какого рода акты по роду дѣлъ требовались, какого рода возраженія и доказательства допускались противъ крѣпостей, какъ велѣно было поступать въ случаѣ извѣта, или спора о фальшивости крѣпостей, и въ какихъ случаяхъ такой споръ вовсе не допускался, также допускался ли и когда именно споръ о безденежности акта,—обо всемъ этомъ есть постановленія и въ Уложеніи и въ последующихъ указахъ до 1723 года, напримѣръ: въ 252 ст. X гл. Улож., въ указѣ 28 сент. 1650 г., 21 февр. 1697 г., 9 дек. 1699 года, въ Уставѣ воинск. проц., въ Уставѣ Петра II о таможенномъ судѣ, и проч.; но авторъ не говоритъ объ нихъ ни слова. Правило о доставленіи въ поверстный срокъ крѣпостей, на которыя въ судѣ сдѣлана ссылка, по словамъ книги, установлено въ 1753 году, тогда какъ оно ясно выражено въ Уложеніи (гл. X ст. 22).

Въ XII-й и XIII-й главахъ безпорядочность изложенія еще поразительнѣе. Общія правила о рукоприкладствѣ подъ записками смѣшаны съ особенными учрежденіями Сената и съ Инструкціей Оберъ-Секретаря. Заглавіе XIII-й главы гласитъ о *развитіи доклада*, но о докладѣ сказано нѣсколько словъ, а полторы страницы заняты повтореніемъ того, что̀ говорилось о рукоприкладствѣ въ предыдущей главѣ. Между тѣмъ всѣ этѣ главы носятъ громкое названіе историческаго развитія.

Составленіе записки и докладъ относятся къ важнѣйшимъ формальностямъ судопроизводства: записка служитъ основаніемъ рѣшенія; сообщеніемъ выписки тяжущимся, допущеніемъ ихъ къ докладу дѣла, дается имъ по нашимъ законамъ почти единственное средство для повѣрки судебныхъ дѣйствій, по дѣлу ихъ совершающихся. Это предметъ весьма важный и стоило бы труда прослѣдить тщательно всѣ видоизмѣненія въ законахъ о докладѣ дѣлъ и объ актахъ доклада. Въ первой половинѣ книги есть особая глава о дѣлопроизводствѣ; но и тамъ находимъ только обѣщаніе— подробно изложить въ своемъ мѣстѣ постановленія о докладѣ и запискахъ. Авторъ не исполнилъ этого обѣщанія. Онъ не объясняетъ даже и того, съ какого времени появляется въ нашемъ судопроизводствѣ форма выписки изъ дѣла. XII-я глава начинается у него такъ: «по указу 1723 года составленная изъ дѣла записка должна быть сообщена тяжущимся для прочтенія и рукоприкладства». Можно подумать, что нынѣшняя форма выписки существовала съ незапамятныхъ временъ, отъ глубокой древности. А мы знаемъ, что въ періодъ Уложенія подьячіе въ приказахъ составляли еще судную записку изъ всего, что подавалось на судъ и что говорилось на судѣ истцомъ, отвѣтчикомъ и судьею, и что потомъ изъ этой записки писался судный списокъ или судное дѣло за скрѣпою дьяка; что цѣлью этой формальности было, во 1-хъ, изготовленіе дѣла къ вершенью, а во 2-хъ, обезпеченіе не тяжущагося, а самого судьи на случай спора (Ул. гл. XII ст. 12, 22); знаемъ, что въ послѣдствіи яснѣе обозначилась и другая цѣль этого дѣйствія— обезпечить и для тяжущихся полноту дѣла. Прежде 1723 г., именно еще въ 1719 году янв. 15-го, изданы правила о составленіи записокъ, которыя называются уже «докладными»; въ томъ же году велѣно приводить въ запискахъ приличные указы. Извѣстно также,

что и о порядкѣ доклада состоялось правило въ Генер. Регламентѣ 1720 года, слѣдовательно гораздо ранѣе 1731 года, съ котораго авторъ начинаетъ главу свою о докладѣ. По видимому ни одна судебная формальность не обращала на себя такого вниманія законодательства въ XVIII столѣтіи, какъ выписка изъ дѣла. Законодательство этого времени изобилуетъ правилами о составѣ и значеніи выписки при судѣ и при ревизіи дѣла и о рукоприкладствѣ тяжущихся; но авторъ не захотѣлъ воспользоваться обиліемъ матеріаловъ.

Исторія узаконеній о рѣшеніяхъ начинается въ книгѣ только съ 1723 года. Неужели до указа о формѣ суда не было никакихъ правилъ и формъ для рѣшеній? Правда, что въ Уложеніи очень мало содержится правилъ и указаній по этому предмету; но тѣмъ любопытнѣе знать, на какихъ формальностяхъ остановилось вниманіе законодательства въ XVII-мъ вѣкѣ. Кажется, здѣсь прилично было бы сказать, что̀ называлось по Уложенію засуженымъ дѣломъ (гл. X, ст. 113), когда прекращался пріемъ новыхъ доказательствъ и наступалъ моментъ вершенія. Далѣе въ Уложеніи упоминается, какимъ образомъ и на какихъ основаніяхъ должно было происходить самое вершенье (гл. X, ст. 22, 23.) Въ 113 ст. X гл. говорится о томъ, кому и на какіе сроки объявляется рѣшеніе: установлены даже понудительныя мѣры на случай уклоненія сторонъ или ихъ поручителей отъ этого объявленія. А по книгѣ выходитъ, что вниманіе законодательства обращено было на этотъ предметъ не прежде 1737 года. Въ XVIII-мъ столѣтіи, съ 1713 по 1723 годъ, было издано нѣсколько указовъ о формальныхъ принадлежностяхъ приговора и о порядкѣ объявленія рѣшеній, объ очереди дѣлъ къ рѣшенію. Къ этому же времени относится изданіе Генеральнаго Регламента. Странно также, что первое постановленіе о вступленіи рѣшенія въ законную силу отнесено авторомъ къ 1775 году, тогда какъ еще въ Уложеніи есть довольно ясное правило: «дѣла, судомъ рѣшеннаго, въ другой разъ не начинать и не производить (X, 154; XI, 8; XX, 119); цѣлая глава (XV-я о вершеныхъ дѣлахъ) посвящена въ особенности этому предмету. Въ 1675 году велѣно рѣшеныхъ дѣлъ изъ одного Приказа въ другой не переносить по просьбамъ сторонъ. Сюда же относятся указы 17 марта 1676 г., 3 окт. 1684 г., 18 окт. 1689 г., 4 сент. 1713 г. и другіе, которыми предписывалось и подтверждалось вершеныхъ дѣлъ не пересуживать, а невершеныхъ въ

Приказы не брать. На практикѣ бывали отступленія отъ этого правила и судебныя мѣста принимали нерѣдко жалобы на собственныя рѣшенія: это давало законодательству поводъ подтверждать объ охраненіи началъ, признанныхъ Уложеніемъ (таковы наприм. указы 10 іюня и 13 октября 1755, и іюня 1768 года). Наконецъ замѣтимъ, что авторъ не провелъ ясной черты между вступленіемъ рѣшенія просто въ законную силу и въ окончательную законную силу; между тѣмъ слѣды этого различія таятся еще въ Уложеніи, хотя въ первый разъ оно выражено въ 1755 году и потомъ подтверждено въ 1768 году. Именно Уложеніе допускало въ нѣкоторыхъ случаяхъ *пересудъ*, и понятіе о пересудѣ, до сихъ поръ вполнѣ еще не разъясненное, заслуживало бы подробнаго изслѣдованія. Еще въ 1730 году (П. С. З. N 5600) возбужденъ былъ вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ судебное мѣсто можетъ послѣ рѣшенія дѣла принимать отъ тяжущихся пополнительныя прошенія и доказательства и приступать по нимъ къ новому рѣшенію. Тогда допущенъ былъ одинъ только случай: указаніе на несвѣдомые прежде указы; въ 1761 году іюня 5 (П. С. З. N 11264) означенъ другой случай: «когда въ прошеніи изъяснены точные договоры, которыхъ при прежнемъ рѣшеніи было не видно». Остальные случаи, допущенные въ 1768 году, перешли, какъ извѣстно, въ дѣйствующее законодательство (ст. 2007 и 2057 Х т. изд. 1832 г.)

Исполненію судебныхъ рѣшеній посвящена въ книгѣ особая глава; но изъ нея невозможно себѣ составить яснаго понятія о предметѣ. Трудно повѣрить, чтобы въ разсужденіи о русскомъ судопроизводствѣ отъ Уложенія 1649 до 1832 года глава объ исполненіи судебныхъ рѣшеній начиналась слѣдующими словами: «По указу 1722 года въ дѣлахъ, касающихся до исполненія судебныхъ рѣшеній, въ домахъ пословъ и посланниковъ полиція должна относиться къ нимъ чрезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ». Но такова манера автора. Онъ не стѣсняется ни теоріей, ни исторіей, и начинаетъ изложеніе откуда ему вздумается, приводитъ такіе законы, какіе ему угодно и прилагаетъ смыслъ ихъ по своему усмотрѣнію,— sic volo, sic jubeo, stet pro ratione voluntas.... Нѣтъ возможности угадать для чего авторъ указываетъ на одинъ законъ и вовсе умалчиваетъ о другомъ, для чего говоритъ о побочныхъ обстоятельствахъ и умалчиваетъ о главнѣйшемъ: все это въ его волѣ. Точно

также изъ XIX-й главы не узнаемъ ровно ничего о томъ, исполнялись ли и какимъ порядкомъ исполнялись рѣшенія судебныхъ мѣстъ ранѣе второй четверти XVIII-го столѣтія и въ чемъ отличался тогдашній порядокъ отъ нынѣшняго.

О правой грамотѣ и о томъ, съ котораго времени утратилось ея значеніе, нѣтъ и помину. О способахъ взысканія ни слова; ни слова о правежѣ, о выдачѣ головою, о порядкѣ удовлетворенія изъ имѣнія отвѣтчика; а кажется стоило бы подробно заняться всѣми этими предметами, если авторъ заговорилъ уже объ исполненіи рѣшеній.

Неизвѣстно, какими соображеніями руководствовался авторъ, помѣстивъ въ главѣ объ исполненіи судебныхъ рѣшеній особый отдѣлъ: о наслѣдственности тяжебъ и исковъ. Оба предмета не имѣютъ между собою связи. Право наслѣдника начинать тяжбу, или продолжать начатую по праву своего предмѣстника, относится къ ученію о тяжущихся сторонахъ. Если же дѣло идетъ объ отвѣтственности наслѣдника въ искахъ, или взысканіяхъ присужденныхъ, то это предметъ собственно гражданскаго права. Другой отдѣлъ той же главы: о предостереженіяхъ противъ неправильнаго вчинанія тяжебъ и исковъ, начинается прямо съ указа 1802 года, тогда какъ штрафъ за неправый искъ и неправую жалобу установленъ былъ указомъ Петра В., 28 января 1715 года. Тогда онъ имѣлъ двоякое основаніе и двоякую цѣль: «дабы судьи неправедно судить, а челобитчики судей клеветать не дерзали». На этомъ основаніи судьи, неправо рѣшившіе дѣло, подвергались также штрафу въ случаѣ удовлетворенія жалобы. Правило о взысканіи штрафа съ судей, отмѣненное при Екатеринѣ II и потомъ снова возстановленное въ 1802 году, удержалось до 1828 года; однако объ немъ авторъ не упомянулъ вовсе. Самый способъ исчисленія штрафа неоднократно измѣнялся (см. ук. 5 февр. 1724 и 3 іюля 1727 годовъ); указомъ же 1802 года учрежденъ былъ новый порядокъ, который донынѣ существуетъ относительно взысканія съ тяжущихся. Правда, что всѣ указы о штрафѣ, изданные до 1802 года, потеряли уже силу, не вошли въ составъ Свода и не значатся въ цитатахъ его; но, предпринявъ историческое изслѣдованіе судебныхъ учрежденій съ Уложенія до Свода Законовъ, авторъ едва-ли былъ въ правѣ ограничивать трудъ свой одними источниками,

приведенными подъ статьями Свода. Между тѣмъ послѣднія главы книги невольно наводятъ на мысль, что онѣ составлялись именно только по этому механическому способу. Какъ бы ни былъ важенъ фактъ въ исторіи учрежденія, мы не находимъ его въ изложеніи этихъ послѣднихъ главъ, если его нѣтъ въ цитатахъ подъ статьями Свода, соотвѣтствующими содержанію главы. Какую же важность для исторіи можетъ имѣть трудъ составителя, если читатель не найдетъ въ немъ ничего, кромѣ передѣлки статей Свода, разложенныхъ по цитатамъ, съ той разницей, что въ Сводѣ видитъ онъ послѣдовательное и систематическое изложеніе предмета, а въ книгѣ г. Михайлова это изложеніе разбито на отрывки и выписки по годамъ безъ системы и связи.

Слѣдуя Своду Законовъ, авторъ въ XX-й главѣ, говоритъ о земской давности для начатія тяжебъ и исковъ; здѣсь выписки начинаются также съ 1787 года, вовсе не касаясь прежнихъ узаконеній о давности и о срокахъ для начатія исковъ, какъ будто ранѣе извѣстнаго Манифеста 1787 года сроковъ этихъ вовсе не было.

Въ началѣ XVI-й главы помѣщены нѣкоторыя разсужденія о существѣ апелляціи и объ отличіи частныхъ жалобъ отъ апелляціонныхъ. Различіе это, по словамъ автора, состоитъ въ томъ, что частная жалоба касается формальной стороны процесса, а апелляціонная имѣетъ предметомъ существо рѣшенія. Думаемъ, что это опредѣленіе не совсѣмъ точно. Правда, что съ апелляціей исключительно связано разсмотрѣніе существа дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ апелляціи же можетъ быть и нарушеніе формъ въ теченіи производства, законченнаго рѣшеніемъ. Съ другой стороны частная жалоба не всегда имѣетъ предметомъ только нарушеніе судебныхъ формальностей. Напримѣръ, вопросъ о положеніи спорнаго имущества до окончанія тяжбы, взысканіе проѣстей и волокитъ по окончаніи дѣла—невозможно причислить къ формамъ судопроизводства: однако же и тотъ и другой предметъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ порядкомъ частной жалобы. Частное производство въ судѣ относится къ апелляціонному какъ часть къ цѣлому, какъ отдѣльный моментъ къ цѣльному явленію. Предметъ суда—споръ о правѣ. Цѣль суда—превратить спорное право въ безспорное. Цѣль эта достигается посредствомъ рѣшительнаго опредѣленія о спорномъ правѣ. Приговоръ обнимаетъ собою всю сущность

спора, исчерпываетъ все содержаніе спорнаго дѣла, есть результатъ всѣхъ дѣйствій, бывшихъ на судѣ. Соотвѣтственно этому понятію и апелляція вмѣстѣ съ сущностью рѣшенія обнимаетъ и всѣ дѣйствія, которыя происходили на судѣ до приговора, всѣ отдѣльные моменты суда, окончательно слившіеся въ рѣшеніи, и потому послѣдствіемъ апелляціи бываетъ по нашимъ законамъ ревизія, какъ рѣшенія, такъ и производства. Отъ воли тяжущагося зависитъ уловить каждый отдѣльный моментъ судопроизводства, остановиться на отдѣльномъ дѣйствіи суда и тотчасъ же сдѣлать его предметомъ частной жалобы, или дождаться рѣшенія, и тогда уже разомъ обжаловать въ своей апелляціи всѣ дѣйствія судебнаго мѣста, которыми онъ недоволенъ. Но это обстоятельство случайное: оно зависитъ единственно отъ воли тяжущагося, доволенъ ли онъ всѣми дѣйствіями суда, или не доволенъ; существо же апелляціи отъ этого не измѣняется. Она состоитъ по законамъ нашимъ въ томъ, что тяжущійся вновь защищаетъ право свое предъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ, стремится вновь сдѣлать его спорнымъ и превратить въ безспорное: вотъ существенное, необходимое содержаніе апелляціи; въ высшей инстанціи право это подвергается новому разсмотрѣнію; въ высшей инстанціи судъ не повторяется въ дѣйствительности, но всѣ доказательства и опроверженія сторонъ разсматриваются вторично, дѣйствія же низшаго судебнаго мѣста подвергаются пересмотру, поколику они могутъ имѣть вліяніе на разрѣшеніе спора о правѣ и поколику объемлются апелляціей. Напротивъ предметомъ частной жалобы служитъ въ особенности *дѣйствіе* судебнаго мѣста, которымъ недоволенъ тяжущійся. При апелляціи высшая инстанція разрѣшаетъ споръ между тяжущимися лицами. Частная жалоба не предполагаетъ сама по себѣ спора двухъ сторонъ и можетъ возникнуть даже въ томъ случаѣ, когда споръ о правѣ не существуетъ. Далѣе, за рѣшеніемъ слѣдуетъ исполненіе, которое производится у насъ подъ надзоромъ суда и по его указаніямъ. Дѣло стало уже безспорнымъ. Судъ въ собственномъ смыслѣ уже оконченъ. Но судебное мѣсто можетъ еще давать исполненію то или другое направленіе, можетъ разрѣшать вопросы, возникающіе при исполненіи: вопросы эти по большей части касаются не до однихъ только формъ судопроизводства; предметомъ ихъ служитъ образъ исполненія, нерѣдко самая мѣра и сте-

пень положеннаго взысканія, которую при разрѣшеніи спора не всегда возможно бываетъ опредѣлить съ точностью. Однако и здѣсь на опредѣленіе судебнаго мѣста приносятся не апелляціонныя, а частныя жалобы. Апелляція можетъ быть принесена не иначе, какъ по совершенномъ окончаніи суда, послѣ рѣшенія, тогда какъ частныя жалобы приносятся во все время производства, до рѣшенія и послѣ онаго, лишь бы послѣдовало дѣйствіе судебнаго мѣста, на которое можно жаловаться. Все это показываетъ, что предметомъ частной жалобы могутъ быть не одни только формы судопроизводства, но вообще всякое *дѣйствіе,* или постановленіе судебнаго мѣста, которое относится не къ существу спора.

«Результатомъ историческаго развитія отечественнаго законодательства по части судебной, говоритъ авторъ, было постепенное опредѣленіе существа апелляціи,—правъ на нее тяжущихся и порядка апелляціоннаго переноса дѣлъ». Эта фраза нисколько не удовлетворяетъ читателя, который желалъ бы узнать изъ книги г. Михайлова, въ чемъ именно выразилась та постепенность развитія, о которой говоритъ авторъ, когда и какъ установилось понятіе объ апелляціи въ нашемъ законодательствѣ, въ чемъ состояли видоизмѣненія апелляціоннаго обряда. На скудость источниковъ нельзя пожаловаться: вся вторая половина XVIII-го и первая четверть XIX-го столѣтія наполнены постановленіями и указами по этому предмету: изъ нихъ можно видѣть, какъ утвердилось въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ нынѣшнее понятіе о существѣ апелляціи и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она допускается. Апелляціонный обрядъ съ 1713 по 1832 годъ также имѣетъ свою исторію, и ей должно быть мѣсто въ Исторіи Русскаго Судопроизводства. Но авторъ по обычаю указываетъ намъ только то, что мы могли бы сами прочесть въ Сводѣ Законовъ. Притомъ слѣдить за выписками по книгѣ бываетъ иногда весьма трудно: такъ безпорядочно онѣ перемѣшаны. Возьмемъ въ примѣръ XVII-ю главу объ апелляціи Сенату: она начинается повтореніемъ прежняго—о дозволеніи принимать частныя жалобы; потомъ говорится о формѣ апелляціи Сенату; далѣе о справкахъ изъ запечатаннаго дѣла, поступившаго въ Сенатъ; за тѣмъ слѣдуютъ правила о составленіи выписокъ въ Сенатѣ, о переносныхъ деньгахъ и цѣнѣ переносимыхъ дѣлъ, о выдачѣ копіи съ Сенатскихъ опредѣленій. Послѣ того ав-

торъ переходитъ къ правиламъ о пересмотрѣ дѣлъ въ общемъ собраніи Сената и въ Государственномъ Совѣтѣ. Тутъ же говорится о докладѣ дѣлъ въ Сенатѣ. За тѣмъ слѣдуютъ вновь на трехъ страницахъ правила о вызовѣ тяжущихся въ Сенатъ къ рукоприкладству подъ записками и о составленіи записокъ (вспомнимъ, что эти правила авторъ, неизвѣстно для чего, включилъ уже прежде въ VII-ю главу о докладныхъ запискахъ въ первой степени суда). Далѣе повторяется, что новыхъ доказательствъ въ Сенатѣ принимать не велѣно, изчисляются случаи возвращенія прошеній съ надписью; за тѣмъ повторяется снова сказанное о рѣшеніи дѣлъ въ Общемъ Собраніи Сената и о пріемѣ апелляціонныхъ жалобъ. Потомъ авторъ возвращается снова къ докладнымъ запискамъ, повторяетъ прежнее о возвращеніи жалобъ съ надписью; выписываетъ статью о частныхъ жалобахъ и о предѣлахъ власти Сената, и оканчиваетъ правилами о печатаніи записокъ въ Общемъ Собраніи Сената. Все это смѣшеніе носитъ громкое названіе историческаго развитія апелляціи на судъ второй инстанціи.

Авторъ выбралъ для себя слишкомъ обширную задачу и не могъ или не хотѣлъ съ нею справиться: «Русское гражданское судопроизводство въ историческомъ его развитіи отъ 1649 г. до Свода Законовъ». Положимъ, что въ эту широкую раму вмѣщаются только правила, общія всѣмъ родамъ судопроизводства; положимъ, что авторъ могъ не упоминать вовсе объ особенныхъ родахъ тяжебъ и исковъ; но и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ сколько важныхъ предметовъ оставлено имъ вовсе безъ вниманія. На эти пропуски мы имѣли уже случай указать при разборѣ отдѣльныхъ частей книги. Здѣсь прибавимъ, что невозможно было автору умолчать о главныхъ формахъ судопроизводства по нашимъ законамъ: вотчинной и исковой. Извѣстно, что вопросъ о происхожденіи и объ историческомъ значеніи этихъ формъ принадлежитъ къ числу спорныхъ и не разъясненъ еще въ наукѣ; что нѣкоторые изслѣдователи, какъ наприм. Кавелинъ, вовсе отвергаютъ историческую основу такого раздѣленія и почитаютъ его новѣйшимъ учрежденіемъ; другіе, какъ наприм. Морошкинъ, готовы почитать это явленіе за коренное въ нашемъ судопроизводствѣ и видятъ ясные признаки его въ памятникахъ, относящихся къ періоду Уложенія. Но ни съ той, ни съ другой стороны окончательнаго заключенія еще не вы-

ведено; притомъ оба названные нами ученые не занимались въ особенности изслѣдованіемъ этого вопроса и коснулись его какъ бы мимоходомъ. Съ того времени, когда появилась рѣчь Морошкина объ Уложеніи (1839 г.) и диссертація Кавелина (1844 г.), издано довольно новыхъ актовъ, которые могли бы разъяснить сомнительное дѣло.—Слѣдственная форма судопроизводства съ послѣдней четверти XVIII-го столѣтія получила у насъ весьма важное значеніе въ спорныхъ дѣлахъ объ имуществѣ, защищаемомъ правомъ казны; но объ ней въ книгѣ г. Михайлова не говорится вовсе, также какъ о судѣ третейскомъ и объ историческомъ значеніи формы суда 1723 года. Не мудрено, что авторъ умолчалъ обо всемъ этомъ: руководствомъ ему служила не историческая идея, которою онъ пренебрегъ вовсе, и не внутреннее содержаніе выбраннаго имъ предмета, а готовый планъ, взятый безъ дальнихъ справокъ прямо изъ первыхъ трехъ раздѣловъ VI-й книги Свода Законовъ Гражданскихъ (изд. 1832 и 1842 г.). Этого плана держался авторъ, и говорилъ только о томъ, къ чему приводили его цитаты подъ статьями Свода. Не смотря на то, что система Свода принадлежитъ исключительно его редакторамъ, а не исторіи, г. Михайловъ опускается въ историческую древность съ этимъ готовымъ планомъ и съ понятіями новѣйшаго времени. Мудрено ли, что при такихъ пріемахъ историческій смыслъ каждаго явленія и учрежденія остался неизслѣдованнымъ, что историческое зерно учрежденій вовсе не тронуто и не замѣчено за наружными его оболочками. Мудрено ли, что, прочтя книгу г. Михайлова, никто не вынесетъ изъ нея яснаго понятія ни объ одномъ учрежденіи, если оно коренится довольно глубоко въ исторіи; не уразумѣетъ ясно ни связи новыхъ учрежденій съ прежними, ни того, чѣмъ прежній порядокъ отличается отъ новаго?

Но пусть бы еще было такъ. Если авторъ не выполнилъ только своей задачи во всемъ ея значеніи, если сочиненіе его не соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ исторической критики, то пусть будетъ оно при своемъ экзегетическомъ характерѣ, лишь бы осталось ему вѣрно. Еслибъ г. Михайловъ предположилъ себѣ разложить каждую статью первыхъ раздѣловъ VI-й книги X тома Свода на составныя части ея по тѣмъ только цитатамъ, которыя обозначены въ Сводѣ, и исполнилъ эту задачу съ точностью, трудъ его заслуживалъ бы полную благодарность русскихъ юристовъ. Тогда мы имѣли бы

историческій комментарій на нѣсколько сотъ важнѣйшихъ статей X тома; тогда сборникъ принесъ бы на практикѣ дѣйствительную пользу. Но разсматриваемое сочиненіе не имѣетъ и этого значенія. Далеко не всѣ цитаты подъ статьями Свода замѣчены и провѣрены авторомъ, а тѣ, на которыя онъ обратилъ свое вниманіе, изложены отрывочно, не полно и часто, къ сожалѣнію, не вѣрно.

Для юриста, привыкшаго дорожить каждымъ словомъ, вдумываться въ каждое выраженіе памятниковъ законодательства, завѣщанныхъ намъ мудростію предковъ, странно и какъ-то непріятно видѣть, съ какою небрежностію обращается г. Михайловъ съ текстомъ этихъ памятниковъ. Онъ излагаетъ его своими словами, выпуская нерѣдко то именно, чѣмъ опредѣляется особенный смыслъ фразы; отъ того смыслъ многихъ статей Уложенія является у него въ искаженномъ видѣ; въ иныхъ мѣстахъ онъ вовсе и не добирается до смысла. А языкъ Уложенія можетъ быть названъ образцовымъ по своей ясности и опредѣлительности. Невозможно слѣдить за всѣми «вольностями» автора въ этомъ отношеніи, такъ много разсыпано ихъ въ книгѣ. На нѣкоторыя мы имѣли уже случай указать; вотъ еще нѣсколько примѣровъ. На страницѣ 83-й авторъ увѣряетъ, будто 5-й статьей XIV главы Уложенія дозволено повѣренныхъ приводить къ присягѣ вмѣсто тяжущихся; «*но при этомъ требовалось, чтобы они* (кто же-они?) *имѣли не менѣе 20 лѣтъ.*» А смыслъ статьи таковъ: не смотря на общее запрещеніе цѣловать крестъ недостигшимъ 20-лѣтняго возраста, истцы и отвѣтчики, которымъ менѣе 20, но не менѣе 15-ти лѣтъ, могутъ присягать сами, если имъ не кѣмъ замѣнить себя.—На страницѣ 128-й 22-я статья VI главы Уложенія излагается такимъ образомъ: въ дѣлахъ о бѣглыхъ крестьянахъ, если отвѣтчики запирались въ укрывательствѣ бѣглыхъ крестьянъ и ихъ животовъ, но въ послѣдствіи признались при присягѣ отчасти въ томъ, въ чемъ запирались прежде, то въ остальной части иска, въ которой они продолжали по прежнему запираться, не слѣдовало ихъ обвинять. А статья говоритъ совершенно противное: если отвѣтчики на судѣ запирались и въ крестьянахъ и въ животахъ, а передъ присягою повинились въ однихъ крестьянахъ, то ихъ слѣдуетъ винить и въ животахъ.—На страницѣ 21 приведены между прочимъ изъ воинскихъ процессовъ слѣдующія причины отвода судей: свойство или *явная* (а въ тек-

стѣ сказано—*особливая*) дружба; если судья обязанъ услугою *отвѣтчика* (въ текстѣ: *челобитчика*); если судью видѣли въ *комнатѣ* съ тяжущимся часто шептавшимся на ухо (а въ текстѣ: если судья въ одной *компаніи* съ отвѣтчикомъ часто бывалъ или видѣли его шептавшимся на ухо); если онъ *подобное дѣло судить долженъ*. Послѣдняя причина не имѣетъ ни юридическаго, ни логическаго смысла: она существовала не въ самомъ законѣ, но въ невѣрномъ русскомъ переводѣ съ нѣмецкаго подлинника воинскихъ процессовъ: справясь съ оригиналомъ, напечатаннымъ насупротивъ перевода, можно видѣть настоящій смыслъ фразы: «Wenn er eine Sache mit einem andern vor dem Gerichte schwebend hat, so von eben selbiger Beschaffenheit ist.» Этотъ именно смыслъ удержанъ во всѣхъ послѣдующихъ редакціяхъ законовъ объ отводѣ.—Въ книгѣ постоянно встрѣчаются цитаты неполные, въ которыхъ выпущены выраженія, составляющія духъ и характеръ закона: отъ того иногда авторъ обобщаетъ частные случаи, исключенія приводитъ въ видѣ общаго правила. Напримѣръ, онъ говоритъ, что по Уложенію отпущенные на волю рѣшительно не могли быть истцами противъ жены и дѣтей умершаго—бывшаго своего господина. А по Уложенію (гл. XX, ст. 65) такое запрещеніе относится только къ искамъ о животахъ, удержанныхъ бывшимъ господиномъ.—Судя по книгѣ, малолѣтніе могли на основаніи Уложенія (XVI, 23; XVII, 13) съ достиженіемъ возраста вчинать иски по дѣламъ, оконченнымъ судебнымъ порядкомъ во время ихъ несовершеннолѣтія. Но Уложеніе вовсе не содержитъ такого общаго правила, которое принадлежитъ позднѣйшему законодательству; а въ приведенныхъ статьяхъ дѣло идетъ о передѣлѣ имѣнія раздѣленнаго и о поворотѣ имѣнія, проданнаго старшими братьями, или родственниками во время малолѣтства меньшихъ братьевъ, или безъ спросу ихъ. Тутъ нѣтъ рѣчи о возобновленіи рѣшенныхъ тяжебъ, но привилегіи, данной впослѣдствіи малолѣтнымъ.—Правило 64 и 65 ст. XVI гл. объ отсрочныхъ челобитныхъ авторъ относитъ къ суднымъ дѣламъ и помѣщаетъ въ числѣ причинъ неявки на судъ, тогда какъ оно прямо относится къ просьбамъ о дачѣ помѣстья изъ утаенныхъ или «порозжихъ» земель, или въ куплю; въ дѣлахъ этого рода ни суда, ни отвѣтчика не предполагалось, и рѣчь не о томъ, обвинять ли истца неявкою, но о томъ, можетъ ли онъ сохра-

нить свое право, когда самъ долго хожденія по дѣлу не имѣетъ, а между тѣмъ будутъ иные челобитчики о тѣхъ же помѣстныхъ земляхъ, о которыхъ была подана просьба.—Авторъ говоритъ рѣшительно, что тяжущійся, не явившійся на судъ, обвиняется безъ суда, и что по дѣламъ, рѣшеннымъ неявкою, Уложеніе запрещаетъ давать судъ. Но Уложеніе въ томъ и другомъ случаѣ прибавляетъ: «опричь крѣпостныхъ дѣлъ (X, 108, 109)». Примѣровъ этихъ довольно, чтобы показать, на сколько можно довѣриться автору въ изложеніи законовъ. Цитаты и выноски сдѣланы съ замѣчательною небрежностью. Есть страницы (наприм. 141), на которыхъ почти ни одна ссылка не подходитъ къ тому предмету, по которому сдѣлана. Такими недостатками наполнена вся книга, такъ что не всегда можно повѣрить автора по его собственнымъ указаніямъ. Тоже должно сказать о внѣшнихъ качествахъ книги: отъ юридическаго сочиненія нельзя не ожидать ясности и точности изложенія, а этихъ именно качествъ и недостаетъ въ сочиненіи г. Михайлова. Не говоримъ уже о выраженіяхъ, логически неправильныхъ (*) и непонятныхъ: ихъ не пересчитаешь. Раздѣливъ сочиненіе свое по предметамъ на главы и отдѣлы, авторъ безпрерывно выходитъ за границы, имъ же самимъ положенныя, и смѣшиваетъ одинъ предметъ съ другимъ. Не странно ли, наприм., въ главѣ о подсудности встрѣтить описаніе внутренняго устройства Сената и обязанности фискаловъ, въ главѣ объ отводѣ судей—подозрѣніе на землемѣровъ; въ исполненіи судебныхъ рѣшеній—разсужденіе о наслѣдственности тяжебъ и исковъ?

Остается упомянуть о той части сочиненія, которую авторъ по преимуществу называетъ «*результатомъ многолѣтняго труда*», именно о Положеніяхъ, помѣщенныхъ въ началѣ книги. Въ нихъ выражается, по словамъ г. Михайлова, собственное его *субъективное*, критически-ученое убѣжденіе и воззрѣніе на нынѣ дѣйствую-

(*) Наприм.: кромѣ неопредѣленности, затруднительности и несообразности мы не встрѣчаемъ никакихъ улучшеній .... Содержаніе теряетъ личность своего развитія .... сѣнь законной защиты .... Правило укоренилось въ отношеніи опредѣленнаго какого либо рода дѣлъ .... Развитіе законодательства клонилось къ опредѣленію случаевъ, старалось опредѣлить качества.... Практика поднята на значеніе правосудія .... Моментъ, дающій начало исхода .... и т. п.

щее гражданское судопроизводство: всѣ они, прибавляетъ онъ рѣшительно, заключаютъ въ себѣ *«истины, въ первый разъ* высказываемыя».

Сознаемся, что эти рѣшительныя слова автора сильно завлекли наше любопытство. Не любопытно ли въ самомъ дѣлѣ испытующему юристу узнать новыя истины, въ первый разъ высказываемыя въ русской юридической литературѣ? Странно только показалось намъ на первый разъ слово: субъективное воззрѣніе, въ примѣненіи къ истинѣ. Если авторъ прямо называетъ свое положеніе истиною, то конечно не допускаетъ истины въ противоположномъ взглядѣ, и тогда собственный взглядъ свой не можетъ признавать только субъективнымъ; если же выражаетъ только мнѣніе свое въ качествѣ субъективнаго взгляда, то за чѣмъ такъ рѣшительно придаетъ ему названіе истины? Конечно въ основаніи философіи права, въ глубинѣ теоретическаго воззрѣнія лежатъ великія и непреложныя истины, взятыя изъ глубины духа человѣческаго, признанныя и освященныя мудростію вѣковъ и народовъ; но авторъ говоритъ не о философіи и не о теоріи, притомъ здѣсь не совсѣмъ-то и легко добыть анализомъ истину, которая была бы новымъ открытіемъ. Предметъ автора—исключительно дѣйствующіе русскіе законы о судопроизводствѣ. Въ правѣ положительномъ истина отвлеченная, истина матеріальная поглощается истиною формальною и уступаетъ ей мѣсто. Возникаютъ ли вопросы, возбуждаются ли сомнѣнія,—полное разрѣшеніе ихъ принадлежитъ одной только силѣ—авторитету. Здѣсьтолько органъ власти законодательной, или судебной, и ничто болѣе, можетъ постановить опредѣленіе и дать ему названіе истины; но всякое мнѣніе, не освященное силою закона, остается только мнѣніемъ, подлежащимъ спору и опроверженію.

Положенія, высказанныя авторомъ, представляются съ перваго же взгляда чѣмъ то особымъ, отрѣшеннымъ отъ содержанія книги: онъ заявляетъ взглядъ свой, но не заботится нисколько объяснить, какъ пришелъ онъ къ этому взгляду и на какихъ основаніяхъ построена у него такъ называемая истина. Всѣхъ положеній болѣе 30; но едва ли есть въ числѣ ихъ три, на которыя нашлось бы объясненіе въ книгѣ. Не это ли свойство своихъ положеній авторъ хотѣлъ выразить словомъ: субъективное убѣжденіе? Онъ такъ

думаетъ, онъ такъ убѣжденъ, *ipse dixit:* къ чему же тутъ объясняться? Но формула *ipse dixit* давно уже перестала служить исключительнымъ аргументомъ въ наукѣ. Въ ней съ незапамятныхъ временъ принято иное правило: каждое положеніе должно быть доказано, особенно если оно представляется какъ выводъ изъ сочиненія, имѣющаго спеціальное значеніе диссертаціи.

Прочитавъ положенія, о коихъ идетъ рѣчь, никто не станетъ спорить, что въ этихъ положеніяхъ есть истины и притомъ ясныя, неопровержимыя; но такія истины не принадлежатъ вовсе субъективному взгляду автора, а выражены положительно въ Сводѣ Законовъ; что же можетъ быть неопровержимѣе закона? Сюда относятся слѣдующія правила, которыя автору угодно было помѣстить въ числѣ результатовъ труда своего: апелляціонное производство отличается отъ слѣдственнаго—участіемъ казеннаго вѣдомства; наслѣдственное право ограничивается только десятилѣтнею давностію; прошенія бываютъ вотчинныя, исковыя, явочныя, встрѣчныя, мировыя, одними начинается судъ, другими прекращается, а иными только удерживается право иска; просьбы возвращаются съ надписью или по неформальности, или по несоблюденію подсудности; судебный отвѣтъ есть возраженіе на искъ; присягою оканчивается дѣло рѣшительно; рѣшеніемъ опредѣляется существо спорнаго дѣла; производство бываетъ или апелляціонное, или частное; ревизія есть повѣрка дѣла въ производствѣ и по существу; въ 3-й инстанціи новыя доказательства не принимаются; рѣшенія исполняются полиціей; слѣдственный порядокъ соблюдается и въ исковыхъ дѣлахъ, въ которыхъ участвуетъ казна; формы прошеній имѣютъ въ виду опредѣлительность изложенія и облегченіе въ собраніи свѣдѣній; есть доказательства, свойственныя лишь нѣкотораго рода дѣламъ. Если все это истины новыя, въ первый разъ высказываемыя, то всякій, кому сколько нибудь знакомо содержаніе Свода Законовъ, можетъ сдѣлать въ теченіи двухъ часовъ несравненно болѣе подобныхъ открытій.

Другаго рода истины хотя и не прямо выражены въ Сводѣ, но въ существованіи ихъ едва ли кто сомнѣвался, напр.: въ запрещеніи давать дѣтямъ судъ противъ родителей—отражается семейное начало; сила судебныхъ доказательствъ основывается на большей,

или меньшей ясности ихъ въ отношеніи къ спорному предмету; докладная записка есть новая форма и есть вѣрное изложеніе существа дѣла. Положеніе о томъ, что судъ по формѣ не былъ преобразованіемъ древняго порядка, а только развитіемъ древне-русскихъ началъ, вовсе не новое, и самъ авторъ легко могъ бы убѣдиться въ томъ изъ магистерской диссертаціи г. Кавелина, гдѣ оно не только высказано отдѣльно въ видѣ тезиса, но и доказано блистательнымъ образомъ. Нельзя впрочемъ не сознаться, что, кромѣ указанныхъ нами старыхъ и извѣстныхъ новостей, между положеніями автора встрѣчаются и такія, которыя безспорно высказаны имъ въ первый разъ. Къ сожалѣнію однако почти всѣ онѣ или оставлены безъ всякаго объясненія (наприм. 2-е, 12-е, 16-е), слѣдовательно не могутъ почитаться доказанною истиной, или прямо противорѣчатъ безспорной догматической и исторической истинѣ. Возьмемъ напримѣръ 3-е положеніе: «Хотя въ нашемъ судопроизводствѣ есть раздѣленіе судопроизводства на вотчинное и исковое, но различіе это ограничивается единственно предметами того и другаго; вообще же по духу, порядку судопроизводства и формамъ судебнымъ, они сходны между собой». Очевидно авторъ говоритъ здѣсь не объ исторіи основныхъ формъ нашего судопроизводства, но о настоящемъ ихъ значеніи, потому что догматически различіе это признано только новѣйшимъ законодательствомъ со второй четверти XIX столѣтія. Никакъ нельзя согласиться съ авторомъ, что различіе вотчинной формы отъ исковой ограничивается только предметомъ дѣла: въ такомъ случаѣ различіе это было бы только мнимое, нарицательное, безъ дѣйствительнаго значенія на практикѣ. Напротивъ того раздѣленіе судопроизводства на вотчинное и исковое до такой степени существенно въ дѣйствующемъ законодательствѣ, что оно даетъ, такъ сказать, тонъ каждому судебному дѣлу: каждый процессъ необходимо долженъ принадлежать къ тому или другому изъ двухъ исковыхъ отдѣловъ, иначе онъ не возможенъ, не допускается на практикѣ. Вотчинная и исковая формы конечно сходны въ томъ, что къ нимъ одинаково прилагаются общія правила судопроизводства и это весьма естественно; нѣтъ логическаго дѣленія, которое нельзя было бы привесть къ общему началу; различіе родовъ и видовъ тогда только и можетъ быть доступно сознанію, когда сознано общее ихъ начало. Какъ бы

ни были различны формы судебныя, сущность процесса остается неизмѣнною въ тѣхъ условіяхъ, безъ которыхъ процессъ существовать не можетъ, напримѣръ, въ понятіяхъ о судѣ, о тяжущихся, о рѣшеніи, и т. п. Но представимъ себѣ въ дѣйствительности тяжущагося, который желалъ бы войти въ процессъ съ тѣмъ только запасомъ свѣдѣній, которыя извлекъ изъ общихъ правилъ судопроизводства: съ этимъ однимъ запасомъ не будетъ ему возможно ни начать процесса, ни отвѣчать на судѣ, не зная тѣхъ условій, которыя требуются въ особенности тою или другою формою судопроизводства, безъ коихъ ему нельзя, такъ сказать, шагу ступить на судѣ, не сдѣлавъ ошибки, влекущей за собою нерѣдко важныя разрушительныя послѣдствія. Я могу знать наприм. въ подробности общія правила о томъ, какъ составляется прошеніе; но если не знаю особыхъ условій, которыя требуются для написанія и подачи первоначальныхъ прошеній въ той или другой формѣ судопроизводства, то прошеніе мое будетъ недѣйствительно. Съ общими правилами далеко не уйдешь, если не владѣешь искусствомъ прилагать ихъ въ дѣйствительности къ отдѣльнымъ случаямъ,—и вотъ почему намъ кажется, что авторъ книги не могъ, безъ ущерба полноты и ясности сочиненія, ограничить свое изслѣдованіе одною только общею частью судопроизводства, тѣмъ болѣе, что онъ поставилъ себѣ задачею изслѣдованіе о предметѣ не отвлеченномъ, а имѣющемъ дѣйствительное бытіе, практическое значеніе. Но при разрѣшеніи этой задачи, сдвинувъ ея границы, авторъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности разрѣшить ее удовлетворительно. Отъ того и предметъ изслѣдованія не обозначается ясно ни передъ самимъ авторомъ книги, ни передъ читателемъ. Въ настоящемъ случаѣ отъ вниманія его совершенно ускользаетъ вся важность различія исковой и вотчинной формы; онъ называетъ его не существеннымъ, а въ немъ-то именно и выражается основная мысль русскаго судопроизводства. Мы осмѣливаемся сказать утвердительно, что исковое судопроизводство отличается отъ вотчиннаго и по *духу*, и въ *порядкѣ производства*, и по *формамъ судебнымъ*. Думаемъ, что такое мнѣніе наше вполнѣ подтверждается Сводомъ Законовъ, въ которомъ ясно выражено это различіе. Идея его, или духъ, какъ выражается авторъ, весьма понятна: она лежитъ въ исконномъ различіи вещныхъ и личныхъ

исковъ (*). Какимъ путемъ образовалось въ нашемъ законодательствѣ это различіе, впервые сознанное Римскимъ Закономъ, можно ли отличить ясные слѣды его въ старинныхъ нашихъ памятникахъ, и провести въ исторической связи до Уложенія и дальше,—это вопросъ особый; и еще неразъясненный. Невозможно отрицать, что въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ это различіе не только сознано и признано, но и составляетъ, такъ сказать, ключевой сводъ всей системы нашего судопроизводства. Различіе въ производствѣ и формахъ вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ не только есть, но и весьма рѣзкое. Во первыхъ, начало подсудности въ тѣхъ и другихъ совершенно различное, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что здѣсь выражается съ особенною ясностію разность вещнаго и личнаго начала: въ тяжбѣ forum опредѣляется имуществомъ, въ искѣ лицомъ отвѣтчика. Далѣе: способы начатія дѣлъ, вчинанія иска вовсе не одинаковы въ той и другой формѣ. Въ одномъ случаѣ споръ поставленъ въ зависимости отъ ввода во владѣніе, отъ оглашенія пріобрѣтеннаго права, отъ особыхъ сроковъ; видимъ, что споръ, начинаясь въ полицейскомъ, или межевомъ мѣстѣ, доходитъ до суда—безъ особаго иска—посредствомъ одной пересылки прошенія; въ другомъ случаѣ началомъ судебнаго процесса служитъ въ особенности *искъ*. Здѣсь видимъ особый обрядъ безспорнаго производства и особые сроки для соблюденія права на искъ въ случаѣ изъявленнаго спора. Видимъ, что въ иныхъ случаяхъ (напримѣръ въ дѣлахъ о закладныхъ и о завладѣніи) исковое начало приходитъ въ столкновеніе съ вотчиннымъ и поглощается имъ; а въ другихъ, (напримѣръ въ искѣ о вознагражденіи за неправильное владѣніе) исковая часть процесса строго отдѣляется отъ вотчинной. Въ вотчинныхъ дѣлахъ видимъ господство крѣпостнаго начала и сообразно тому особую систему доказательствъ, особое правило о пересудѣ и пополнительныхъ прошеніяхъ. Наконецъ въ исковыхъ дѣлахъ видимъ обезпеченіе иска, а въ вотчинныхъ мѣсто его занимаетъ временное владѣніе спорнымъ имуществомъ.

Авторъ точно также не видитъ никакого различія въ порядкѣ производства между двумя видами исковаго судопроизводства: о не-

(*) Кстати замѣтимъ здѣсь, что термины—вещный и личный въ примѣненіи къ договорамъ встрѣчаются уже въ манифестѣ Петра Великаго 1702 г. о вызовѣ иностранцевъ въ Россію.

исполненныхъ обязательствахъ, и объ обидахъ, ущербахъ и завладѣніи. Это положеніе также противорѣчитъ законнымъ условіямъ того и другаго рода дѣлъ: они прямо выражены въ законѣ; стоило только вникнуть въ смыслъ его. На это различіе могла навести автора даже теорія, допускающая въ исковомъ производствѣ особый родъ такъ называемыхъ суммаричныхъ процессовъ. Судопроизводство по долговымъ обязательствамъ законъ нашъ называетъ скорооканчательнымъ, названіе, которое оправдывается значительными особенностями въ самомъ производствѣ такихъ дѣлъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ обратить вниманіе на правила о чтеніи выписокъ, о доказательствахъ и объ исполненіи рѣшеній, исключительно присвоенныя этой только формѣ судопроизводства, именно потому, что характеръ его скорооканчательный.

Въ 21 положеніи говорится, будто бы собственное признаніе принадлежитъ къ числу такихъ доказательствъ, которыя свойственны только нѣкотораго рода дѣламъ, но не во всякомъ дѣлѣ могутъ быть примѣняемы. Это мнѣніе явно противорѣчитъ законной сущности собственнаго признанія, какъ доказательства. Любопытно было бы знать хотя одинъ примѣръ такого гражданскаго судебнаго дѣла, въ которомъ не допускалось бы признанія. Самъ авторъ едва ли рѣшился бы утверждать, что въ иныхъ случаяхъ истца можно принудить къ продолженію собственнаго иска, когда онъ этого не желаетъ, или отвѣтчика къ упорному возраженію противъ истца, когда онъ желаетъ уступить его требованію. Такое мнѣніе слишкомъ явно было бы въ разладѣ съ самыми основными понятіями объ искѣ и правѣ собственности, и его смѣло можно было бы назвать юридическою несообразностію, самою грубою ересью въ области права. Между тѣмъ приведенное положеніе рѣшительно допускаетъ возможность такихъ дѣлъ, въ которыхъ собственное признаніе не почитается доказательствомъ. А отрицать въ нѣкоторыхъ гражданскихъ судебныхъ дѣлахъ силу собственнаго признанія не все ли равно, что утверждать будто бы истецъ не всегда воленъ отказаться отъ иска, а отвѣтчикъ признать его, или свою неправду? Собственное признаніе, какъ всякое доказательство и какъ все человѣческое, имѣетъ свои границы, личныя—относительно того, кто даетъ его, вещественныя—относительно того права, которое имъ

объемлется; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы существовало какое бы то ни было гражданское право, котораго невозможно было бы признать, отъ котораго невозможно было бы отказаться.

Нельзя не удивляться той рѣшимости, съ которою авторъ выражаетъ мнѣнія бездоказательныя, придавая имъ значеніе «истинъ». Такъ въ 24 положеніи онъ утверждаетъ, что справки принадлежатъ къ новѣйшимъ формамъ, установленнымъ по части судебной, и что до *Учрежденія о губерніяхъ* справки въ формальномъ ихъ значеніи не были употребляемы. Формальное значеніе справокъ по дѣламъ судебнымъ авторъ конечно видитъ въ 2442 ст. X т. Св. Зак. Гражд. изд. 1842 г. (ст. 441 X т. Зак. о Судопр. Гражд. изд. 1857 г.). Въ ней сказано, что судъ обязанъ объяснить приготовляемое къ слушанію дѣло всѣми потребными обстоятельствами, ничего случившагося не умолчать и приступать къ рѣшенію дѣла. . . . не иначе какъ по учиненіи надлежащихъ справокъ, и т. д.—Относительно справокъ это самая выразительная статья въ X т. Но какимъ образомъ авторъ относитъ начало этой формальности къ Учрежденіямъ о губерніяхъ, когда во всемъ Учрежденіи о губерніяхъ 1775 года вовсе не упоминается о справкахъ? Зная обыкновенные пріемы автора направлять свое изслѣдованіе по цитатамъ Свода, мы догадываемся отчего произошла эта ошибка. Подъ 2442 ст. Гражд. Зак. изд. 1842 г. не приведено цитатъ, а сдѣлана слѣдующая ссылка: *см. Общ. Учрежд. Губ. ст. 115*. Можетъ быть читатель ошибется; но не въ правѣ ли онъ предполагать, что авторъ, принявъ ссылку эту за цитату и не повѣривъ ее, смѣшалъ общее губернское учрежденіе во II томѣ Свода съ Екатерининскимъ учрежденіемъ о губерніяхъ? Но если бъ, слѣдуя за ссылкою, онъ заглянулъ во II томъ Свода, то убѣдился бы и безъ изслѣдованія по источникамъ, что собираніе справокъ составляло общую формальность гораздо ранѣе 1775 года. 115-статья II тома Св. Зак. изд. 1842 г. въ редакціи своей почти совершенно согласна съ 2442 ст. Зак. Гражд.; но подъ нею подведены указы 1720, 1737, 1766 и 1778 годовъ, а объ Учрежденіи о губерніяхъ нѣтъ и помину въ цитатахъ. Дѣйствительно еще въ указахъ 1714 года встрѣчаемъ правило: считать не подлежащими рѣшенію такія дѣла, въ которыхъ велѣно «окреснить или изъяснить» какое либо сомнительное

обстоятельство. Генеральнымъ Регламентомъ 1720 года предписывается челобитныя всякія дѣла рѣшать по выправкамъ (гл. IV): «Ежели дѣла сумнительны и какого изъясненія требуютъ, то не скоро вершить, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельствъ напредь или Сенату докладывать, или справиться, откуда надлежитъ (гл. VI). Указъ 1723 года о формѣ суда допускаетъ «дальныя справки» по обстоятельствамъ, приводимымъ на судѣ сторонами.

Въ послѣднемъ положеніи говорится, что штрафы судебные *прекращаются* миролюбивыми сдѣлками, и что они назначаются между прочимъ въ пользу *общеполезныхъ* учрежденій. И то и другое несправедливо. Во 1-хъ, подъ словомъ штрафы судебные разумѣются здѣсь взысканія за неправое вчинаніе иска и неправую апелляцію. Правда, что съ помирившихся прежде рѣшенія судебнаго мѣста не взыскивается никакого штрафа; но въ такомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о *прекращеніи* взысканія, ибо прекращается только то, что началось, а штрафъ налагается именно въ слѣдствіе того, что искъ признанъ неправымъ, или жалоба неосновательною; признаніе можетъ послѣдовать не иначе, какъ при рѣшеніи дѣла, слѣдовательно безъ рѣшенія объ искѣ не можетъ быть и штрафа за искъ. Если же тяжущіеся мирятся послѣ рѣшенія, то штрафъ вовсе не прекращается, а уменьшается только на половину доли, присужденной въ казну. Во 2-хъ, половина штрафа за неправый искъ, слѣдующая въ казну, причисляется всегда къ государственнымъ доходамъ, и ни одно изъ такъ называемыхъ *общеполезныхъ* учрежденій не имѣетъ на него права. Только деньги, вносимыя въ залогъ правой апелляціи, обращаются въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія, если апелляція не уважена; но этотъ вносъ существенно отличается отъ штрафа.

Между историко-юридическими сочиненіями новѣйшаго времени книга г. Михайлова представляетъ какое-то странное явленіе. Въ послѣднее двадцатилѣтіе явилось много новыхъ дѣятелей по этой части: они быстро двинули впередъ разработку исторіи права; съ каждымъ годомъ накопляются богатѣйшіе матеріалы для изслѣдователей, и чѣмъ болѣе дробится раздѣленіе труда между ними, тѣмъ строже становятся требованія юридической критики: основательные труды Неволина, Морошкина, Кавелина, и другихъ пріу-

чили ее ожидать отъ всякаго изслѣдованія внимательнаго обсужденія предмета и особенной точности, безъ которой теряетъ свою цѣну всякій юридическій трудъ, какое бы имя ни носилъ онъ: дѣловой ли записки, или ученаго изслѣдованія. Г. Михайловъ взялъ на свою долю разсмотрѣніе весьма важнаго и любопытнаго предмета и вмѣстилъ въ свою задачу русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія до Свода Законовъ—задача широкая, трудъ не малый. Къ этому труду приступилъ онъ въ томъ убѣжденіи, что исторія русскаго судопроизводства, въ теченіи указаннаго періода составляетъ пробѣлъ, не занятый еще ни однимъ изслѣдованіемъ (*), и взялся его пополнить. Мы видѣли, какъ задача эта выполнена. Въ сочиненіи г. Михайлова не только нѣтъ историческаго взгляда, который обнаружилъ бы внутренній смыслъ главныхъ явленій и преемственную ихъ связь, но нѣтъ даже полноты, которая, за недостаткомъ взгляда, дала бы возможность обозрѣть на одномъ планѣ всѣ замѣчательныя явленія; нѣтъ порядка, который показалъ бы намъ эти явленія въ отдѣльныхъ группахъ; нѣтъ яснаго изложенія, которое дало бы возможность ясно уразумѣть тѣ явленія, на которыя авторъ обратилъ свое вниманіе. Давно уже не встрѣчали мы юридической книги, столь небрежно составленной и изданной.

Если пробѣлъ, который надлежало пополнить, остался тѣмъ же пробѣломъ, съ этимъ можно было бы еще помириться, въ ожиданіи новыхъ трудовъ, болѣе замѣчательныхъ, и о книгѣ г. Михайлова можно было бы молчать, еслибъ сама она умалчивала о себѣ. Но когда авторъ называетъ самъ свой трудъ значительнымъ въ юридической литературѣ; когда онъ увѣряетъ насъ, что собралъ всѣ факты, относящіеся къ избранному имъ предмету; когда указываетъ самъ на практическую важность своего сочиненія; когда вмѣсто дѣльнаго, послѣдовательнаго и точнаго изложенія учрежденій, даетъ намъ отрывочныя выписки, измѣняетъ нерѣдко по

(*) Это впрочемъ несправедливо. Магистерская диссертація г. Кавелина относится именно къ этому періоду—отъ Уложенія до 1775 года, и по своимъ достоинствамъ составляетъ капитальное пріобрѣтеніе для русской юридической литературы.

произволу буквальный смыслъ самаго текста законодательныхъ памятниковъ, и свои взгляды, построенные на этихъ невѣрныхъ представленiяхъ, выдаетъ за истины, въ первый разъ высказываемыя, — въ такомъ случаѣ критика обязана вступиться за истину и принять на себя званiе судьи. А о судьѣ существуетъ такое правило: *judex damnatur cum nocens absolvitur.*

К. Побѣдоносцевъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

3 августа, въ 11 часовъ утра, паровозъ тронулся отъ Петербургской станціи, и съ быстротою 30 верстъ въ часъ понесся по направленію къ Москвѣ. Путь мой по желѣзной дорогѣ оканчивался у рѣки Волхова, у станціи Волховской, во 118 верстахъ отъ Петербурга: въ четыре часа съ половиною паровозъ остановился у каменнаго моста черезъ Волховъ, устроеннаго на трехъ быкахъ, съ двумя береговыми устоями. Желѣзная дорога до станціи Волховской идетъ по мѣстамъ ровнымъ и низкимъ, мимо Колпина, Тосны и Чудова, нѣсколько удалившагося къ московскому шоссе; по обѣимъ сторонамъ дороги мелкій лѣсъ и болота и только направо вдали видиѣлось Царское село, ярко освѣщенное солнцемъ.

На станціи Волховской пароходъ, стоявшій у пристани, уже дымился, ожидая пассажировъ въ Новгородъ. Берега рѣки Волхова не высоки, но оживлены селеніями. Сосницка, начинающаяся отъ пароходной пристани, раскинулась по обѣимъ берегамъ и тянется на полторы версты. За Сосницкою весь правый берегъ занятъ военными поселеніями гусаръ и улановъ; съ него бѣгутъ въ Волховъ рѣчки: Дупна, Осьма, двѣ Городянки и рѣка Вишера. Лѣвый берегъ съ рѣчками Дыменкою, двумя Еглинками и Пидьбою, мнѣ показался населеннѣе праваго; села его: Коломно, Антоньево, Петровское и Усть-Пидьбы извѣстны съ XV вѣка (1); а Онѣгъ и Теремецъ, небольшія деревни, одними уже именами своими напоминаютъ старину. Отъ деревни Жарковъ, верстъ за 25 до Новгорода, начинаются поселенія драгунъ и идутъ вплоть до самого города. Въ 12 верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу, показался Хутынскій монастырь съ пятиглавымъ соборомъ и каменною стѣною; пассажиры, занимавшіе носовую часть парохода, русскіе крестьяне, встали съ мѣстъ и съ полу и набожно помолились. Хутынскіе колокола, по сказанію

(1) Акты Экспед. III, 452.

лѣтописцевъ, звонившіе сами собою передъ покореніемъ Новагорода, молчали, и пароходъ «Петръ», миновавъ устье Пидьбы, Деревяницкій, Колмовъ и Антоніевъ монастыри, благополучно прибылъ въ Новгородъ въ половинѣ 9 часа, вечеромъ.

4 августа, въ 8 часовъ утра я былъ въ Софійскомъ соборѣ, заложенномъ въ 1045 году (1). Въ этотъ древній храмъ входятъ обыкновенно южными вратами. У сѣверныхъ, внутри церкви, лежатъ два, вдѣланные въ полъ, камня съ надписями; одна изъ нихъ начинается словами: «лѣта 7105 (1596) сентября 21 дня . . .» Западныя врата, особенно замѣчательныя, называются Корсунскими; онѣ срисованы и описаны Аделунгомъ и состоятъ изъ 48 мѣдныхъ досокъ, вставленныхъ въ металлическія рамки. На 26 изъ нихъ изображены новозавѣтныя и библейскія событія, на остальныхъ аллегорическія и миѳологическія фигуры и портреты—статуи. При изображеніяхъ вырѣзаны пояснительныя надписи: 29 на русскомъ, 17 на латинскомъ и 8 на двухъ языкахъ, латинскомъ и русскомъ (2). Изображеніе Вихмана, епископа Магдебургскаго, умершаго въ 1192 году, указываетъ на мѣсто и время работы нѣкоторыхъ досокъ съ латинскими надписями, и я полагаю, что онѣ отлиты при жизни Вихмана, т. е. во второй половинѣ XII столѣтія: мастера, изобразившіе себя, изобразили и своего, современнаго имъ, епископа. Нѣтъ также никакого основанія не допускать, чтобы врата, къ которымъ принадлежали изображенія Вихмана и другихъ предметовъ съ латинскими надписями, не были въ Швеціи прежде 1188 года, когда, по сказанію тамошнихъ лѣтописей, Русскіе разрушили шведскій городъ Сигтуну и увезли съ собою, вмѣстѣ съ другими сокровищами, драгоцѣнныя церковныя двери. Когда и кѣмъ передѣланы эти такъ называемыя Корсунскія врата, рѣшить трудно, но при поверхностномъ взглядѣ на нихъ нельзя не замѣтить явныхъ слѣдовъ позднѣйшихъ передѣлокъ: рама была, безъ сомнѣнія, въ началѣ вся одного рисунка, а не трехъ разныхъ, какъ теперь; кромѣ того большое различіе въ стилѣ изображеній, непослѣдовательное размѣщеніе ихъ на вратахъ и отсутствіе латинскихъ надписей на 29 изображеніяхъ, заставляютъ предполагать, что Корсунскія врата

---

(1) Полн. собр. лѣт. III, 6553 годъ.—(2) Корсунскія врата въ Новгород. Соф. соборѣ, соч. Ѳ. Аделунга, переводъ Артемова, стр. 95.

заключаютъ въ себѣ изображенія, сдѣланныя не въ одно время (¹), и что въ настоящій ихъ видъ онѣ приведены гораздо позднѣе, можетъ быть въ XIV вѣкѣ, когда, по русскимъ лѣтописямъ, «владыка Василей у святѣй Софеи двери медяны золочены устроилъ» (²).

Кромѣ этихъ такъ называемыхъ Корсунскихъ вратъ, въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ есть еще другія мѣдныя врата, называемыя Шведскими; онѣ находятся при входѣ въ придѣлъ Рождества Богородицы и также срисованы и описаны Аделунгомъ. На нихъ изображенъ крестъ, длинное древо котораго, прорѣзанное двумя поперечными древами, въ видѣ буквы S, поднимается снизу до нижняго поперечнаго древа; въ обѣихъ изгибахъ украшенія, похожаго на букву S, помѣщены цвѣтки, состоящіе изъ трехъ листковъ (³). Аделунгъ, при описаніи этихъ дверей, замѣчаетъ, что подобный греческій крестъ изображенъ на бронзовыхъ вратахъ римской церкви S. Paolo fuori delle mura, сдѣланныхъ въ XI вѣкѣ византійскимъ художникомъ Ставрокіосомъ Тухитосомъ, и что такой крестъ не встрѣчается ни на какомъ другомъ памятникѣ среднихъ вѣковъ (⁴). Не находились ли эти такъ называемыя Шведскія врата на мѣстѣ нынѣшнихъ Корсунскихъ? Генрихъ Бреннеръ, узнавъ, въ бытность свою въ Новгородѣ (въ 1722 году), что въ тамошнемъ соборѣ передъ алтаремъ (coram altari) находятся серебряныя врата съ надписями, непонятными для Русскихъ, отправился въ соборъ и осмотрѣлъ эти врата; онѣ имѣли, по его словамъ, латинскія надписи и выпуклыя изображенія, изъ которыхъ онъ упомянулъ изображеніе Іисуса Христа, бѣгущаго въ Египетъ. Это изображеніе можно видѣть и теперь на такъ называемыхъ Корсунскихъ вратахъ, находящихся съ наружной стороны церкви, при западномъ входѣ (⁵). Не могу также умолчать, что названіе Корсунскихъ вратъ могло произойти отъ Корсунскаго образа Спасителя, находившагося, какъ говорили мнѣ, еще въ недавнее время, на Корсунской паперти близъ такъ называемыхъ Корсунскихъ вратъ, къ которымъ съ большимъ правдоподобіемъ можно отне-

(¹) Вельтмана, О господинѣ Новгородѣ Великомъ, стр. 14.—(²) Полн. собр. лѣт. III, 77.—(³) Корсун. врата, стр. 148.—(⁴) Тамъ же, стр. 149 и 176—177.—(⁵) Тамъ же, стр. 156—157.

сти названіе Шведскихъ или Сигтунскихъ. О Корсунской паперти Софійскаго собора упоминаетъ новгородская третья лѣтопись подъ 1299 (6807) годомъ: «преставися архіепископъ новгородскій Климентъ и положиша честно въ притворѣ святыя Софіи отъ владычня двора, въ Корсунской паперти (1)». Замѣчательно, что новгородская первая лѣтопись (харатейная), оканчивающаяся, безъ приписокъ, 1333 годомъ и слѣдовательно за три года до устройства владыкою Василіемъ мѣдныхъ золоченыхъ вратъ Софійскаго собора, молчитъ о Корсунской паперти; въ ней сказано только: «преставися архіепископъ новгородскый Климентъ, бывъ въ епископіи лѣтъ 23, и положенъ бысть въ притворѣ святыя Софія отъ владычня двора, архимандритомъ Кюрилломъ (2)». Подъ 1450 годомъ новгородская третья лѣтопись упоминаетъ и о Корсунскихъ вратахъ (3).

Близь Корсунскихъ вратъ, въ западной стѣнѣ собора, находится высѣченный изъ камня крестъ съ надписью: «писанъ бысть крестъ сей въ Новѣгородѣ.... повелѣніемъ..... епископа... и поставленъ на поклонене правовѣрнымъ... и здравіе и спасене и дѣтемъ его всему міру».

Внутри Софійскаго собора почиваютъ мощи новгородскихъ святителей: Никиты, Іоанна и Григорія, княгини Анны, дочери короля шведскаго Олафа, князей Владиміра Ярославича, Мстислава Ростиславича и Ѳеодора Ярославича, брата Александра Невскаго, и преподобнаго Ѳеодора Блаженнаго. У перваго отъ входа столба, противъ древняго Корсунскаго образа апостоловъ Петра и Павла (4), устроены два мѣста, одно, безъ сомнѣнія, для царя. Оба мѣста богато украшены, и внизу на одномъ изъ нихъ находится слѣдующая старинная надпись: «Сіе мѣсто дѣлали Иванъ Бѣлозерецъ да Еутропей Стефановъ сынъ да Исакъ Яковль сынъ». Когда сдѣланы эти мѣста я не могъ узнать, но, судя по работѣ, они принадлежатъ къ XVI столѣтію, и надо полагать, что это тѣ самыя мѣста, о которыхъ въ новгородской третьей лѣтописи подъ 1571 (7080) годомъ сказано: «въ соборной церкви у Софіи Премудрости Божіей построиша мѣста

(1) Полн. собр. лѣт. III, 221. — (2) Тамъ же, стр. 67. — (3) Тамъ же, стр. 240.—(4) Этотъ образъ былъ увезенъ въ Москву по взятіи Новгорода царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1571 г. Полн. собр. лѣт. III, 262.

новые, царское и святительское, вырѣзано травами и золочено (1)». Среди церкви, противъ главнаго придѣла, виситъ богатое старинное паникадило, приношеніе, какъ говорятъ, Бориса Ѳедоровича Годунова. Надъ симъ паникадиломъ, вверху въ куполѣ, видѣнъ образъ Спасителя, о которомъ въ новгородской третьей лѣтописи содержится слѣдующая легенда: «И устроивъ церковь, приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ, и написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со благословящею рукою. Во утріи день видѣ епископъ Лука образъ Господень написанъ не благословящею рукою; иконописцы же писаша то три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа Господня, иконнымъ писцемъ глаголющь: писари, писари, о писари! не пишите мя благословящею рукою, напишите мя сжатою рукою, азъ бо въ сеи руцѣ моеи сей Великій Новгородъ держу; а когда сія рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе (2)». Въ алтарѣ середняго придѣла стѣны украшены старинною мозаикою съ изображеніемъ крестовъ, и устроено митрополичье мѣсто о нѣсколькихъ ступеняхъ для сослужащихъ съ митрополитомъ; на престолѣ этого алтаря серебряная одежда, принесенная въ даръ Государемъ Императоромъ въ 1832 году.

Ризница Софійскаго собора помѣщена вверху, на одной высотѣ съ церковными хорами; передъ входомъ на хоры стоитъ деревянная Халдейская пещь, устроенная на подобіе круглой ширмы. Въ ней въ недѣлю праотецъ, предъ Рождествомъ Христовымъ, совершался во время заутрени чинъ сожженія трехъ отроковъ, или пещное дѣйство (3).

Въ ризницѣ хранятся: 1) облаченіе, желѣзные вериги, посохъ и шапка преподобнаго Никиты, епископа новгородскаго, скончавшагося въ 1108 году (4); 2) бѣлый клобукъ, присланный цареградскимъ патріархомъ къ новогородскому архіепископу Василію, умершему въ 1352 году (5); 3) омофоръ новгородскаго архіепископа Моисея, умершаго въ 1362 году, съ словами: «Моисія архіепископа молитвами святыя Соѳія»; 4) панагія для возношенія Богородичной просфоры, 1432 года, съ надписью; 5) плащеница, устроенная при

(1) Полн. собр. лѣт. III, 262.—(2) Полн. собр. лѣт. III, 211.—(3) Древ. Вивл. VI, 183—186.—(4) Полн. собр. лѣт. III, 3.—(5) Тамъ же, стр. 227.

новгородскомъ архіепископѣ Евѳиміи въ 1456 году, съ надписью; 6) посохъ изъ кости московскаго митрополита Геронтія, умершаго въ 1489 году (1), съ надписью; 6) посохъ новгородскаго архіепископа Пимена, видѣвшаго покореніе Новгорода въ 1570 году и вскорѣ лишеннаго святительскаго сана (2), съ надписью; 7) кандія или звонецъ, имѣющій видъ кубка, съ крышкою, 1571 года, съ надписью: лѣта 7079 (1571) поставилъ сію кандію въ домъ святому Николы на Боровно старецъ Ануфрей; 8) свѣща (родъ небольшаго паникадила) XVI вѣка, бывшая въ употребленіи при открытіи мощей преподобнаго Никиты, архіепископа новгородскаго; 9) мѣдное паникадило, относимое ко временамъ перваго новгородскаго епископа Іакова, умершаго въ 1030 году (3), съ херувимами и центаврами; 10) знамя, называемое новгородскимъ; 11) палка, будто бы принадлежавшая Іоанну Грозному; 12) шапка изъ краснаго полинявшаго бархата, съ изображеніемъ херувимовъ и съ остатками мѣховаго околыша, называемая шапкою Новгородскихъ Князей; 13) серебряное блюдо съ изображеніемъ всадника, поражающаго копіемъ змія; 14) сосудъ съ древнею надписью: «сьсудъ Петриловъ и жены его Варвары»; 15) серебряное блюдо съ изображеніемъ въ серединѣ двухъ бойцевъ, вышедшихъ на поединокъ, а по краямъ съ головными изображеніями Ганнибала, Александра Македонскаго, Клеопатры и другихъ; 16) блюдо съ шведскою надписью, называемое Сигизмундскимъ; 17) рукомойникъ, имѣющій слѣдующую надпись: «Лѣта 7161-го (1653) великій господинъ святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Русіи, сей рукомойникъ далъ вкладу въ домъ святѣй Софеи по себѣ и своихъ родителехъ».

Кромѣ сихъ вещей въ ризницѣ я видѣлъ еще два харатейныя Евангелія, одно XII, а другое XIV вѣка, по отмѣткамъ митрополита Евгенія, и Евангеліе, писанное на бумагѣ въ 7016 (1502) году на островѣ Валаамѣ.

Софійская библіотека, богатая рукописями, находится въ сѣверо-восточной части собора, на одной высотѣ съ ризницею. Въ 1784 году іеромонахъ Іоаннъ и священникъ Іоаннъ Ѳоминъ составили реестръ книгъ и рукописей Софійской библіотеки; первымъ показа-

---

(1) Истор. Карам. VI, пр. 321.—(2) Полн. собр. лѣт. III, 262. — (3) Никон. лѣт. подъ № 6638.

но 1214, а послѣднихъ, въ листъ, 1162 и почти всѣ духовнаго содержанія. Рукописи по сему реестру подъ №№ 1—4 содержатъ Библію, подъ №№ 5—15—Евангелія, подъ №№ 48, 1023 и 1024—списки Кормчихъ, подъ №№ 55 — 61 и 223 — 296 — Апостолы, подъ №№ 62 — 66 и 297 — 307 — Псалтири, подъ № 76—церковный обиходъ (на пергаминѣ), подъ №№ 80—87—Макаріевы Четьи Минеи (списокъ современный), подъ №№ 88—100—Прологи, подъ №№ 106—114—списки церковнаго Устава, подъ №№ 115 — 136 и 392—397—Октоихи, подъ №№ 140—153 и 430—449—Тріоди, подъ №№ 154—195 и 450—590—Мѣсячныя Минеи, подъ №№ 207—210 и 1201 и 1202 — Синодики, подъ № 229 — Сатиры Кантемира, подъ № 235 — Сказаніе о началѣ Крестнаго монастыря, подъ № 256 — Инструкція іеремонаху Неофиту и указы объ олонецкихъ раскольникахъ, подъ №№ 332 — 362 — службы разнымъ святымъ, подъ №№ 367 — 368 — Паремейники, подъ № 384 — 388—Ирмологіи, подъ №№ 399 и 400 — списки Шестоднева, подъ № 401 — 403 — Богородичны, подъ №№ 408 — 413 и 1026 — 1029 — Часословы, подъ № 415 — мѣсяцословъ, подъ №№ 416 — 426 и 1067—1078—Требники, подъ №№ 591 — 1019 и 1109 — 1162 — служебники. Выписки изъ реестра рукописей Софійской библіотеки 1784 года сдѣланы мною въ библіотекѣ новгородской Семинаріи, гдѣ хранится списокъ съ реестра; при пересмотрѣ рукописей Софійской библіотеки я замѣтилъ, что онѣ теперь еще имѣютъ тѣ самыя нумера, которые показаны въ реестрѣ 1784 года. Кромѣ сего реестра въ Софійской библіотекѣ находится еще другая опись рукописныхъ сборниковъ, составленная едва ли не митрополитомъ Евгеніемъ: по крайней мѣрѣ на многихъ рукописяхъ, показанныхъ въ сей описи, находятся разныя заглавія статей, писанныя рукою покойнаго преосвященнаго и согласныя съ описью. Я не имѣлъ времени осматривать рукописей, только взглянулъ на нѣкоторыя изъ нихъ, случайно попавшіяся мнѣ въ руки. Кромѣ Евангелія съ приписью: «Въ лѣто 6870-е индикта изволеніемь Божіимь, а поспѣшеніемь святаго Духа написано бысть еуангеліе се въ Великомъ Новѣгородѣ повелѣніемь боголюбиваго архіепископа новогородьского Олексѣя въ великое княженіе Дмитрія Костянтиновица, и проч.», я видѣлъ слѣдующія рукописи: № 302, гдѣ помѣщены три посланія преподобнаго игумена Кирилла Бѣлозерскаго (сконч.

1427 г.) къ великому князю Василію Дмитріевичу (см. л. 187); № 335, гдѣ находятся выписки изъ лѣтописей (л. 271) и Алфавитъ, съ объясненіемъ словъ еллинскихъ, греческихъ, еврейскихъ и армянскихъ; № 338, содержащій въ себѣ: 1) Вопрошаніе Кириково, имъ же вопроша епископа новогородского Нифонта, извѣстный памятникъ XII вѣка (л. 55); 2) правилъ 12 отъ Градскаго закона (л. 110); 3) посланіе константинопольскаго патріарха Іосифа къ московскому митрополиту Фотію (сконч. 1431 г.) о Григоріѣ Самвлакѣ (л. 122); 4) о началѣ Тихвинскаго монастыря (л. 261); 5) о Исидоровѣ приходѣ въ Москву (л. 276); 6) о преставленіи князя Дмитрія Юрьевича Краснаго (л. 330); 7) чинъ поставленія на великое княженіе Ивана Васильевича (л. 414); 8) посланіе ростовскаго архіепископа Вассіана (умер. въ 1481 г.) къ великому князю Іоанну Васильевичу (л. 421); 9) посланіе новгородскаго архіепископа Іоны къ митрополиту Өеодосію (умер. въ 1463 г.) (л. 431); 10) образцы писемъ (л. 433); 11) посланіе изъ св. горы къ великому князю (л. 435); 12) посланіе митрополита Геронтія къ великому князю Іоанну Васильевичу, 1471 года (л. 440); 13) посланіе объ Исидорѣ митрополитѣ (л. 443); 14) посланіе Іоакима, патріарха александрійскаго, о паденіи купола іерусалимскаго храма Воскресенія Христова (л. 446) и 15) посланіе преподобнаго Кирилла, игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря къ князю Юрію Дмитріевичу (л. 449); № 442, въ которомъ находятся записки о современныхъ событіяхъ, составленныя монахомъ бѣлозерскаго монастыря Гуріемъ Тушинымъ, въ концѣ XV вѣка (л. 173); № 491, гдѣ заключается извѣстіе о концахъ и пятинахъ новгородскихъ и сказаніе о взятіи Новагорода въ 1478 году (л. 297 об.); № 594, содержащій поученія Фотія, митрополита московскаго и всея Руси, умершаго въ 1431 году; № 677, гдѣ помѣщены: 1) Палѣя (л. 1); 2) о Флорентійскомъ соборѣ и о пришествіи Исидора въ Москву (л. 368 обор.); 3) окружное посланіе Іоны, митрополита московскаго и всея Руси, объ отступничествѣ Исидоровомъ (л. 394); 4) Исидорово хожденіе на Флорентійскій соборъ (л. 408); 5) рукописаніе или исповѣданіе вѣры владиміро-волынскаго епископа Даніила, въ которомъ онъ отвергаетъ Флорентійскій соборъ и даетъ обѣщаніе повиноваться митрополиту Іонѣ, 1452 года (1). (л. 439); 6) краткій лѣтописецъ,

(1) Карамз. Истор. V, прим. 311.

отъ 1230 по 1405 годъ, съ смоленскими происшествіями (л. 445); 7) хожденіе монаха Игнатія въ Солунь, св. гору и Царьградъ, въ концѣ XIV вѣка (л. 451); 8) о царскомъ вѣнчаніи греческихъ царей (л. 466); 9) присяга іеромонаха Емеліана Брадатаго, нареченнаго архіепископа новгородскаго, 1425 г. (л. 469); 10) о путешествіи Исидора на Флорентійскій соборъ (л. 472), и 11) Арсенія діакона, объ окрестностяхъ іерусалимскихъ (л. 496 об.); № 789 содержитъ келарскій обиходникъ, въ которомъ любопытенъ церемоніалъ встрѣчи царя во время пришествія его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; № 873—книгу о кормахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; № 955—повѣсти и житія св. отецъ скитскихъ, расположенныя по алфавиту; № 976—начало Римскимъ книгамъ Георгія мниха; выписки изъ хронографа; № 1425—житіе Климента, папы Римскаго, и Константина философа. Почти всѣ эти рукописи писаны въ 4-ю долю листа и потому не находятся въ реестрѣ 1784 года, изъ котораго выписки предложены мною выше.

Въ новгородскомъ Дѣтинцѣ, или Кремлѣ, кромѣ Софійскаго Собора съ Корсунскими вратами, есть еще зимній соборъ во имя Входа Христова въ Іерусалимъ, первый при въѣздѣ съ моста черезъ Волховъ, и церкви св. Іоанна Архіепископа за Софійскимъ Соборомъ, св. Андрея Стратилата, недалеко отъ восточной, и Покрова Пресвятыя Богородицы подлѣ западной стѣны Дѣтинца (1). Въ этой послѣдней церкви служба бываетъ только два раза въ годъ, въ Свѣтлое Воскресенье и въ Покровъ Пресвятыя Богородицы, и я видѣлъ ее только снаружи. Она одноглавая съ тремя овальными выступами для алтаря; на одномъ изъ этихъ оваловъ, ближайшемъ къ стѣнѣ, гдѣ колокольня, виднѣется изъ подъ извести высѣченный изъ камня крестъ и даже буквы. Говорятъ, что изъ Покровской церкви есть ходъ внутри городской стѣны въ башню, находящуюся съ южной стороны церкви и которая будтобы называется княжею. Подлѣ церкви Покрова Пресвятой Богородицы по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ находилась Дьячья изба (2).

---

(1) Есть еще въ Кремлѣ церковь Сергія Радонежскаго (см. Красова, о мѣстополож. древн. Новгорода), по положенія ея не помню.— (2) О мѣстоположеніи древ. Новгорода, соч. Красова, 21 стр.

При выѣздѣ изъ Дѣтинца, подлѣ самаго моста черезъ Волховъ, стоитъ часовня съ *Чуднымъ крестомъ*. Крестъ этотъ деревянный и подъ нимъ, тоже на деревѣ, вырѣзана надпись: «въ лѣто 7056 (1547) сентября при царѣ и государѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси» и проч. Передъ этимъ крестомъ, въ 1508 году, во время бури и страшнаго пожара на торговой сторонѣ, архіепископъ Серапіонъ пѣлъ молебенъ о прекращеніи казни Божіей на градъ (¹). Онъ тогда назывался *Чудный*, а прежде имѣлъ названіе *Чернаго* (²). Объ немъ упоминается и подъ 1493 годомъ, въ описаніи крестныхъ ходовъ архіепископа Геннадія около «новаго каменнаго города» или Дѣтинца и вокругъ деревянной стѣны «стараго года», т. е. всей Софійской стороны (³).

Антоніевъ монастырь, основанный въ началѣ XII столѣтія, находится въ сѣверо-восточной части Новгорода, на правомъ берегу р. Волхова. Церковь во имя Рождества пресвятыя Богородицы, заложенная въ немъ преподобнымъ Антоніемъ въ 1117 (6625) г. (⁴) и поправленная послѣ пожара 1378 (6886), существуетъ до сихъ поръ, окруженная пристройками конца XVII вѣка; придѣлъ во имя преподобнаго Антонія выстроенъ въ 1671 году, на южной сторонѣ храма, придѣлъ во имя Іоанна Богослова въ 1680, на сѣверной, а паперть въ 1699 при западной; по правую сторону алтаря находится ризничая палата (⁵). — Библіотека новгородской Семинаріи помѣщается въ зданіи на восточной сторонѣ монастырской ограды; изъ рукописей, видѣнныхъ мною здѣсь, я могу упомянуть только о четырехъ. Рукопись подъ № 5-мъ заключаетъ въ спискѣ новаго письма: «Собраніе грамотъ царскихъ и другихъ, обрѣтающихся въ Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ». Первая изъ этихъ грамотъ принадлежитъ 1584 году, прочія позднѣйшихъ временъ; всѣ онѣ относятся до ярославскихъ монастырей, и могутъ быть употреблены въ дѣло, если подлинники ихъ утратились. Рукопись подъ № 6-мъ содержитъ переписку новгородскаго митрополита Іова, скончавшагося

(¹) Полн. собр. лѣт. III, 244.—(²) Тамъ же, 245.—(³) Тамъ же, 144 и 145.—(⁴) Полн. собр. лѣт. III, 4.—(⁵) Истор. Рос. Іерарх. III, 105—106.

въ 1716 году ([1]). Рукопись подъ № 14-мъ есть реестръ книгъ и рукописей Софійской библіотеки, составленный въ 1784 году. Рукопись подъ № 5484—Promptuarium Statutorum omnium regni Poloniae.

Рождественскій на Михалицѣ монастырь, основанный въ 1199 г. супругою князя Ярослава Владиміровича ([2]), упраздненъ въ 1764 г.; теперь отъ этого монастыря, котораго первою игуменьею была жена посадника Завида Нервинца, сохраняются двѣ церкви, стоящія одна подлѣ другой, на небольшомъ холмѣ. При входѣ въ одну изъ нихъ, сѣверную въ отношеніи къ другой, находится вдѣланный въ наружную стѣну старинный каменный крестъ, съ греческою надписью, а на сѣверной стѣнѣ другой церкви видны фрески. Мѣсто, занимаемое этими церквами, въ третьей новгородской лѣтописи называется Молотковымъ.

Въ ризницѣ Духова Новгородскаго монастыря я видѣлъ напечатанное въ 1644 (7152 іюл. 20) году Евангеліе, которое въ 1649 (7157 март. 3) Варлаамъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій, внесъ въ новгородскій Михалицкій дѣвичь на Молотковѣ монастырь, въ церковь Рождества пречистыя Богородицы, по отцѣ своемъ священноіерсѣ Карпѣ и матери инокѣ схимницѣ Еуѳиміѣ ([3]). Переплетъ сего Евангелія обложенъ золотнымъ бархатомъ и украшенъ четырьмя бирюзами, четырьмя *бирзяками* и двумя зелеными *взмизнями* ([4]). Золотный бархатъ и камни, называвшіеся бирзяками и взмизнями, до сихъ поръ цѣлы и могутъ объяснить старинныя названія камней, вышедшія теперь изъ употребленія.

На торговой сторонѣ я былъ въ церквахъ св. Великомученика Георгія, Успенія Божіей Матери, Параскевы Пятницы и Михаила Архангела и въ Никольскомъ и Знаменскомъ соборахъ. Церковь Великомученика Георгія, съ кладовыми внизу, находится близь гостиннаго двора, подлѣ одноглавой церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ. У входа въ Георгіевскую церковь, на Знаменской улицѣ, стоитъ часовня, гдѣ почиваютъ мощи Ѳеодора Блаженнаго: она выстроена въ недавнее время купцомъ Соколовымъ.

М. КОРКУНОВЪ.

([1]) Полн. соб. лѣт. III, 279.—([2]) Тамъ же, 25, 218.—([3]) Взято изъ полистной на Евангеліи приписки.—([4]) Такъ эти камни названы въ припискѣ.

ОРЛОВСКАЯ СТАРИНА.

Въ бытность мою въ Орловѣ, въ 1852 году, я провелъ цѣлый вечеръ, слушая тамошняго старожила, мѣщанина Басова, который извѣстенъ по составленной имъ лѣтописи, не случившейся однако у него въ то время въ рукахъ, почему онъ замѣнилъ ее мнѣ изустными разсказами. Ему уже было болѣе 70 лѣтъ; но передаваемое имъ онъ зналъ кромѣ того отъ своего отца, умершаго также въ преклонныхъ лѣтахъ, и отъ одного старика, которому въ 1827 году было 138 лѣтъ. Такимъ образомъ его воспоминанія восходили по преданіямъ до конца XVII вѣка, а по памяти современниковъ событій до начала XVIII столѣтія. Впрочемъ на почвѣ исторической разскащикъ мой былъ слабъ, хотя зналъ твердо имена Ивана Васильевича Грознаго, Бориса Годунова, Растриги, Болотникова, Пожарскаго, царя Михаила Ѳедоровича, которые попеременно являлись дѣйствующими лицами въ оживленныхъ картинахъ, которыя онъ рисовалъ передо мною съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ и жаромъ. Оставляя въ сторонѣ эти преданія, сохранившіяся въ видѣ фактовъ, дошедшихъ до насъ въ достовѣрныхъ памятникахъ, мы считаемъ неизлишнимъ внести въ нашъ «Архивъ» тѣ воспоминанія старика Басова, которыя знакомятъ насъ отчасти съ началомъ Орла и съ прошлымъ бытомъ его жителей, съ ихъ правами и обычаями.

Н. К.

Для заложенія новой крѣпости царь Иванъ Васильичь послалъ бояръ изъ города Мценска. Пріѣхавъ на мѣсто, они нашли въ нынѣшней 2-й части города лишь болота и лѣса, въ 3-й части тоже лѣса, а въ 1-й части, между Окою и Орликомъ, перелѣсокъ, на которомъ боярамъ и разсудилось заложить крѣпость. Ходя по мѣсту и думая какъ-бы назвать новый городъ, они увидѣли между Окою и Орликомъ, въ самомъ углу, дубъ, а на дубѣ велся орелъ, который сидѣлъ на немъ съ дѣтенышемъ. «Вотъ, сказали они, самъ хо-

зяинъ сидитъ здѣсь», и во имя его зарубили городъ, а во имя птенца его назвали рѣку Орликъ. Старый городъ стоялъ до временъ Растриги. Тогда онъ былъ сожженъ. Новое заселеніе Орла началось построеніемъ пяти дворовъ. Потомъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, была заложена новая крѣпость. Воеводская изба поставлена въ нынѣшней первой части, гдѣ Орликъ впадаетъ въ Оку. Жителей накликали кличемъ изъ разныхъ мѣстъ. При этомъ прощалась недоимка въ податяхъ, лишь бы переходили на житье въ городъ: прапрадѣду разскащика было такимъ образомъ прощено пять рублей, когда онъ сюда переселился.

Лѣтъ сто тому назадъ вотъ какой былъ нарядъ щеголя-купца: Кафтанъ смураго (сѣроватаго) цвѣта, суконный, на бокахъ вставлены шитыя стрѣлки изъ снурковъ; воротникъ и полы обшиты галуномъ; на ногахъ коты, обшитыя также мишурнымъ галуномъ; волосы длинныя, лежавшія почти по плечамъ; шляпа поярчатая, обложенная по краямъ галуномъ, тулья у шляпы высокая, обтянутая бархатомъ или плисомъ, а на бархаткѣ одна или двѣ стальныя пряжки; перчатки нитяныя; на груди, когда откладывался воротъ кафтана, видны были наметки изъ александрійской пестряди, обложенныя позументомъ.

Женскій костюмъ у богатыхъ того же времени: на головѣ кокошникъ въ видѣ рѣшета, большой, иногда низанный жемчугомъ; на лбу висѣла поднизь жемчужная, которая даже закрывала глаза; рубаха тамбурная (шитая); охобень (верхнее платье) безъ рукавовъ, для того, чтобы видны были рукава рубахи, шитыя; на ногахъ башмаки на высокихъ каблукахъ.

Главные прикащики у купцовъ получали пять рублей въ годъ, другіе, меньшіе, пятдесятъ копѣекъ, рубль; а какъ скоро прикащику давалось два рубля, то онъ могъ жениться, т. е. у него доставало средствъ, чтобы жить съ женой.—По лавкамъ товаръ забирался на *бирку*. Если въ назначенный срокъ хозяинъ товара приходилъ къ кому за долгомъ съ биркою и должникъ отказывался платить, говоря, что нѣтъ денегъ, то кредиторъ грозилъ ему *срѣзать*

долгъ его съ бирки: тогда должникъ кланялся въ ноги и просилъ, чтобы не срѣзывалъ (ибо это считалось безчестьемъ). Но если и затѣмъ должникъ не платилъ денегъ, то кредиторъ срѣзывалъ долгъ его съ бирки, а въ воскресный день становился у дверей церкви и по отходѣ обѣдни снималъ съ должника шляпу. Послѣ этого такому обезчещенному никто въ цѣломъ городѣ не давалъ уже ни копѣйки въ долгъ.—На подлежавшихъ розыску, когда они были найдены, надѣвали хомуты.

До 1790 года покойниковъ хоронили по приходамъ, каждаго при его церкви. Хоронили въ дубовыхъ колодахъ; а если кто хоронился въ досчатомъ гробѣ, то это значило, что онъ былъ удавленникъ или утопленникъ. Зимой умершіе, изъ бѣдныхъ, клались въ *убогихъ домахъ* при кладбищахъ на погостахъ (такъ продолжалось до 1823 года); на Ѳоминой же недѣлѣ во вторникъ имъ дѣлалось публично погребеніе,—всѣ они опускались въ одну яму.

КНИГА, ГЛАГОЛЕМАЯ ТРАВНИКЪ.

Важность рукописей, извѣстныхъ въ нашемъ народѣ подъ именемъ *Травниковъ*, для изученія употребляемыхъ имъ названій разныхъ лекарственныхъ растеній, равно какъ и способовъ леченія, не подлежитъ никакому сомнѣнію и, сколько намъ извѣстно, признается самими медиками. Но для изучающихъ бытъ народный, находящіяся здѣсь указанія на его суевѣрныя понятія о чарующей силѣ травъ, какъ приворотнаго или отворотнаго зелья и какъ противодѣйствія злымъ духамъ, заслуживаютъ конечно не меньшаго вниманія. Къ сожалѣнію, о большей части извѣстныхъ намъ древнихъ травниковъ или лечебниковъ должно сказать, что они переводныя. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ помѣстить въ нашемъ изданіи одну изъ рукописей, которая хотя и не отражаетъ въ себѣ слѣдовъ глубокой старины, но, безъ сомнѣнія, есть произведеніе народное и во всякомъ случаѣ принадлежитъ по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XVIII вѣка (*). Мы получили ее отъ *В. В. Гу-*

(*) Наше мнѣніе мы основываемъ на томъ, что въ рукописи, откуда мы заимствуемъ помѣщаемый здѣсь матеріалъ, прочія статьи относятся къ этому

берти, которому и считаемъ долгомъ принести нашу благодарность за сообщеніе этого любопытнаго матеріала.

Печатаемый нами Травникъ, въ подлинникѣ въ 8-ю долю листа, въ кожаномъ переплетѣ, почерка новаго, притомъ писанъ небрежно и безграмотно, почему въ немъ встрѣчаются не только описки, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непонятныя вовсе слова; первыя изъ нихъ мы, по возможности, исправили, послѣднія же оставили безъ измѣненія.

Редакторъ.

---

1) Есть трава на земли именемъ *архилимъ*, ростомъ въ локоть, тонка, а видомъ синя, на сторонахъ листиковъ по девети; на ней четыре цвѣта: червленъ, багровъ, синь, желтъ. Та трава велми добра: кто ея рветъ, и тотъ человѣкъ вынимаетъ золотую или серебряную гривну, ту траву носитъ на себѣ, и тотъ человѣкъ не боится діявола ни во дни, ни въ нощи, ни злаго человѣка, и на суду сопротивника одолѣешь, и люди его любятъ. А растетъ по берегамъ рѣкъ, при болотникахъ. А корень ея добръ: у которыя жены дѣтей нѣтъ, и ты истопи того коренья въ какомъ ни есть молокѣ и дай пить, то будутъ дѣти; а у кого старая порча хоть за 30-ть лѣтъ—выдетъ вонъ.

2) Есть трава, именемъ *Царскіе очи*. Та трава ростетъ кустиками, собою мала, въ иглу; желта что̀ злато, а посмотришь подъ солнце, то кажутся всякіе узоры. У кого очи болятъ, держи при себѣ, то отнюдь болѣть не станутъ; или мужъ жены не любитъ, или жена мужа, и ту траву держать при себѣ, то любить станутъ; или птицъ ловить станешь, то уловишь много.

3) Есть трава именемъ *толкунъ*. Ростетъ по берегамъ рѣкъ и по пригоркамъ, верхнимъ концемъ къ мемли (*?) корючитца. Кто ея

времени. Такъ именно встрѣчаются здѣсь, на нѣмецкомъ языкѣ, правила (проектъ), изданныя генералъ-фельдмаршаломъ Минихомъ въ 1739 г., о томъ какъ поступать при осадѣ крѣпости, и его же «Расположеніе боеваго порядка и маневры въ общемъ генеральномъ сраженіи противъ Турокъ».

(*) Вмѣсто «мемли» не слѣдуетъ ли читать «земли?»

рветъ и даютъ ѣсть скоту, конемъ и коровамъ, и тотъ скотъ повѣтріемъ не умретъ и телята стоятъ; а кто въ великій четвертокъ встанетъ до солнца и окуритъ тою травою дворъ, то весь годъ скотъ его не рушится отъ звѣря и отъ упаду. Та трава добра всякому человѣку въ дому своемъ держать, а волею скотъ тое травы не ѣстъ, потому что она горка.

4) Есть трава, именемъ *яктовь*, ростетъ въ стрѣлу, листочки меленки, цвѣтъ кувшинцами. Та трава велми добра отъ грыжи и отъ щитотки (?), а хлебать въ суслѣ или въ молокѣ по молоду мѣсяцу, помилуетъ Богъ.

5) Есть трава именемъ *поромонъ*, ростетъ возлѣ болотъ, кустиками; собою волосата, что черныя волосы. Та трава велми добра отъ нечистаго духу и отъ черной болѣзни. А у нея вверху что шапка, а какъ отпадутъ, ино черненки, что стрѣлныя желѣзцы. И та трава болѣ давать по молоду и по ветху мѣсяцу, помилуетъ Богъ.

6) Есть трава, именемъ *измодинъ*, ростетъ по старымъ росчистямъ, ростомъ въ пяду; собою мохната и листочки мохнаты жъ, съ одну сторону. Кто тое траву ѣстъ, и тотъ человѣкъ живучи никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу.

7) Есть трава именемъ *матозникъ*, *(маточникъ?)*, ростетъ по старымъ межамъ и по перелогамъ, собою синя, цвѣтъ синьжа, вверху листочки какъ котенки. И та трава добра: ко пчеламъ на тое траву сама матка пчелиная выходитъ и беретъ что ей надобенъ на потребу. И тое траву кто держитъ, и весною въ борти и въ ульи кладетъ, и въ тѣхъ ульяхъ пчелы будутъ.

8) Есть трава именемъ *одоленъ*, ростетъ при рѣкахъ и при камени черномъ, на старыхъ лугахъ; собою голуба, ростомъ въ локоть, цвѣтъ рудожелтъ, листочки бѣленки. Та трава велми добра: когда кто кого окормитъ смертнымъ, то дай съ нее пить или ѣсть, то скоро понесетъ верхомъ или низомъ. А коренья ея добры отъ зубной болѣзни и когда пастухъ хощетъ пасти стадо, и чтобы у него скотъ не расходился, держать при себѣ, то не будетъ расходитца. Или кто тебя не любитъ, то дай пить—не можетъ отъ тебя до смерти отстать. А похочешь звѣрей пріучить, дай ѣсть, то скоро пріучишь.

9) Есть трава именемъ *плакунъ*, ростетъ возлѣ рѣкъ и озеръ,

высока, въ коноплю, цвѣтъ багровъ. Та трава велми добра: держать при себѣ въ чистотѣ и давать скоту, которая вертитца, или которое дитя не спитъ, и класть въ головы, то станетъ спать. А которой человѣкъ крестъ носитъ на себѣ, честенъ будетъ въ людехъ, и никакой пакости не убоится, и злою смертiю не умретъ, и безъ той травы никакой травы не рвет, потому что отъ нихъ помощи не будетъ.

10) Есть трава именемъ *бронецъ*, ростетъ кустиками какъ гороховина, цвѣтъ воронъ, ягоды голубыя. Та трава добра: хотя старая порча или грыжа, и ея пить съ хмѣлемъ по молоду мѣсяцу, то всю нечистоту выгонитъ и очи свѣтлы будутъ и кашлю запретитъ.

11) Есть трава именемъ *воронецъ*, ростетъ при камени, собою низка, что капуста, лапушками, вороная, цвѣтъ прибѣлъ, и ягоды на ней вороны. Та трава добра: аще который человѣкъ трясется тѣломъ, топи въ молокѣ и хлебай и пей сокъ ея по молоду мѣсяцу и по ветху мѣсяцу, помилуетъ Богъ.

12) Есть трава именемъ *Адамля глава*, ростетъ возлѣ силныхъ раменныхъ болотъ, кустиками, листиковъ по 5679 вмѣстѣ, ростомъ въ пяду и выше, цвѣтъ багровъ, или рудожелтъ, а какъ разцвѣтетъ—кувшинцами. Та трава добра, а рвать ее со крестомъ Господнимъ и говорить «Отче нашъ» да псаломъ «помилуй мя Боже», и когда жена не разродитца, то дай съ ней пить,—тотчасъ разродится.

13) Есть трава именемъ *бѣль*, ростетъ въ водѣ, концемъ стоитъ противъ воды, а какъ сорвешь и кинь на воду, то поплыветъ противъ, а внизъ не пойдетъ. И та трава велми добра носить при себѣ (противъ) всякаго еретика и сопротивника и кто на тебя зло мыслитъ. А коренья добры: возми и положи въ замокъ, то отомкнется.

14) Есть трава *кудрявой купырь*, безъ серца. Та трава добра отъ еретиковъ: кто ее ѣстъ на тощее серца, тотъ день не боится никакой отравы; а въ люди пойдешь, зѣло любятъ тебя люди.

15) Есть трава именемъ *варахиль*, ростомъ въ стрѣлу, толста, а цвѣтъ у нея что у девясилу. Кто ея пьетъ, утопя въ винѣ съ муравлями на тощее серца, то которой человѣкъ хмѣлное пьетъ, тотъ не станетъ пить и будетъ духу хмѣлнаго бѣгать. Добра та трава отъ тараканѡвъ: покуря дымомъ, то отъ той травы вонъ выдутъ тараканы и сверчки и всякой гадъ.

16) Есть траваименемъ *мышки*, ростетъ по крапивѣ, вьется противъ сонца. Та трава велми добра: кто съ ума сшибется, или во снѣ бредитъ, или у кого дѣти не стоятъ, или кой человѣкъ велми хмѣлное пьетъ, отопя дай пить, то хмѣлное пить не станетъ.

17) Есть трава именемъ *осотъ*, велми добра: кто ея знаетъ, великъ талантъ на земли обращаетъ; ростетъ по сильнымъ раменнымъ мѣстамъ при мокрыхъ земляхъ, кустиками, ростомъ съ пяду, цвѣтъ разной, всякой видъ, узориста и прекрасна и свѣтла, листочки кругленки что̀ денешки; кому покажется синя. Велми добра; держать торговому человѣку добра: хочетъ богатъ быть, носи на себѣ; гдѣ не поѣдишь, и во всякихъ промыслахъ Богъ поможетъ, и въ людехъ честію вознесешися. А корень ея, какъ противъ сонца положишь, свѣтелъ желтъ, якоже воскъ.

18) Есть трава *совиные очи*, зѣло́ страшна: когда въ полѣ или въ лѣсу человѣкъ найдетъ на нее, у того человѣка смутится умъ и заблудится; ростомъ не велика, тонка, подлѣ земли знать ея, пестренка, по всей по ней слюны, а корени черви, на верху кисточки, на ней все мошки. Та трава добра: кто у кого что украдетъ, лише ея подложи, и тотъ воръ воротитца—пути ему некуды не будитъ.

19) Есть трава именемъ *ряска*, ростетъ розно кустиками, мелка и синенка, по земли тянется. Та трава велми добра: положи женѣ въ головы, и она все скажетъ, съ кѣмъ бывала или что на тебя думала худо; а положить не просто надобно отъ себя—30, 50, 40 (*).

20) Есть трава именемъ *каръ ивнъ*, ростетъ при рѣкахъ на сильныхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ стрѣлу, на ней два цвѣта, синь да красенъ, листочки меленки, что̀ денешки, по сторонамъ. Та трава всѣмъ травамъ царь: кто умомъ рушится, носи при себѣ, или кто издавна посѣкся (*); а корень—кто хощетъ избѣжать худымъ конемъ у добраго, тотъ корень держи при себѣ, и уѣдишь.

21) Есть трава именемъ *Петровъ крестъ*, ростетъ кустиками, что̀ молодая детлявина, вышиною въ локоть; корень у нея все крестами связаны. Та трава дѣтемъ малымъ давать въ молокѣ, и ника-

(*) Мы не понимаемъ значеніе этихъ цыфръ и передаемъ ихъ такъ, какъ онѣ находятся въ подлинникѣ.

(*) Въ подл. вмѣсто: «посѣкся»—песокъ ся.

кая скорбь не ввяжится, или кая жена скорбна мѣсячной, и тое траву въ чемъ нибудь варить, и давать хлебать, помилуетъ Богъ отъ всякія пакости; а въ циръ поѣдипъ—возми ся съ собою отъ еретиковъ и отъ напрасныя смерти.

22) Есть трава именемъ *прострѣлъ*, ростетъ въ борахъ: въ мартѣ и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сквозь снѣгъ, ростомъ въ пяду, цвѣтъ синь; и какъ станешь ея рвать, и въ то мѣсто положить великоденское яйцо. И носить тое траву при себѣ, и отъ того человѣка діяволъ бѣжитъ, и въ домѣ добро держать, и хоромы строить—подъ уголъ класть, жить стройно будетъ.

23) Есть трава именемъ *переносъ*, ростомъ мала, листомъ темна, цвѣтъ вонь, а оцвѣтать станетъ стручками, а въ нихъ сѣмечки. И та трава давать конемъ пить отъ всякіе болѣзни; а когда человѣкъ ляжетъ спать, то положить въ головы: хотя день спитъ, не коснется ему никакой гадъ, ни ужъ, ни змѣя, ни нечистый духъ; а сердечко положи въ ротъ и поди въ воду, то отъ него вода роступитца; а корень тоя травы будто человѣкъ.

24) Есть трава именемъ *золотуха*, ростетъ по лѣсамъ, гдѣ женской полъ не ходитъ. Добра она отъ волосатика. А ростетъ изъ воденыхъ колодъ, собою толста что̀ полевые петушки, а сама желта и цвѣтъ желтъ. Тою травою добро и нырокъ лечить.

25) Есть трава именемъ *ушко,* по ельникамъ и по березникамъ, ростомъ въ пяду и болѣ, цвѣтъ въ половину со всѣ стороны до верху что̀ петушки. Та трава добра отъ грыжи пить въ уксусѣ или въ молокѣ порану, на тощее серца токмо—грыжа минетъ.

26) Есть трава *кукоосъ,* ростетъ по березникамъ, собою синя, листочки на ней что̀ язычки пестренки, а корень на двое, одинъ мужичекъ, а другая женочка, мужичекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женской испить въ винѣ, и съ той травы станетъ любить ея зѣло; или жена мужа не любитъ, дай мужеской грысть—станетъ любить.

27) Есть трава именемъ *коволка*, собою велика, ростетъ въ человѣка; на ней что̀ иглы коленцами, цвѣтъ мохнатъ синь; ростетъ по старымъ пахатнымъ мѣстамъ и по межамъ. Добра во всякой храминѣ держать; а у кого скотина вертитца, вложи корень съ воскомъ въ шерсть, и нечистый духъ отойдетъ.

28) Есть трава именемъ *ужикъ*, ростетъ по раменямъ и по орѣш-

никамъ, изъ земли чуть знать, что яичной желтокъ. Та трава добра отъ зубной болѣзни, или (*) пупъ болитъ.

29) Есть трава именемъ *Богородицкая,* ростетъ кустиками, ростомъ мала, какъ дикая маленкая мята, цвѣтъ синенекъ. Добра та трава отъ уроковъ человѣку и скоту окуривать всякой животъ; а у которой женки груди болятъ, сю парить и хлебать въ молокѣ.

30) Есть трава *котовы шуляты,* ростетъ по ржамъ и по межамъ, кустиками, шишки синенки. Та трава добра: у кого желва подъ щеками, вари ее и хлебай, и ею парь, помилуетъ Богъ.

31) Есть трава *папутникъ* (**). Добра та трава отъ окорму и къ посѣку или къ порѣзу: усуша присыпай, скоро живитъ.

32) Есть трава *ребенка,* ростомъ въ стрѣлу, цвѣтъ синь, листочки долгинки крестиками, а коренья ея что бѣлые волосы. А сю дѣтей парить отъ тѣсныя болѣзни и отъ всѣхъ быты.

33) Есть трава *деветисилъ.* Та трава добра: кто ея часто въ уксусѣ рветъ, то скоро отъ убою раны живитъ; и инымъ многимъ статьямъ пригодна.

34) Есть трава *хмелникъ,* ростетъ подлѣ рѣкъ кустиками, собою смугла, ростомъ въ стрѣлу; духъ ея велми тяжекъ. Та трава добра конемъ давать—черви изъ нихъ выгоняетъ, и къ ранамъ присыпать.

35) Есть трава *ужикъ,* ростомъ въ пяду и выше, листочки долгинки что стрѣлныя желѣзцы по сторонамъ откинулись; вверху шишичка мохната на три грани. Та трава добра къ порѣзу и посѣку присыпать—тотчасъ заживетъ; а когда рана велика, парь мятою и присыпай—скоро заживетъ и не пухнетъ.

36) Есть трава *губа,* ростетъ на древѣ или подлѣ кореня, собою бѣла, туга и горка велми. Добра отъ порчи всякой пить и отъ кашлю, въ чемъ хочешь утопя на тощее серца.

37) Есть трава *губа,* словетъ *идовы уши,* ростетъ на березѣ, сверху бѣла, а въ ней красно, въ раменныхъ мѣстахъ. Повари ее въ молокѣ прѣсномъ и то мало попей отъ гортанной болѣзни и отъ кашлю, а губу вынь и спрячь—опять пригодитца.

38) Есть *губа* же, ростетъ подъ орешникомъ, въ ней живетъ масло, а словетъ *безмѣрное доброе.* Пригодна во всякое лекарство въ малхань класть и къ ранамъ прикладавать и мазать: клади въ

(*) Въ подл. за симъ прибавлено: «кого».—(**) Такъ въ подл. «папутникъ».

склянпцу и ставь въ печь въ волной духъ и топи, чтобъ склянпцѣ не жарко, и масло истопится.

39) Есть трава *папортъ*, безсердешная, ростетъ на востокъ лицемъ. Копать ея на Іоанна Предтечу корень съ травою и носить на себѣ: гдѣ пойдетъ, на того человѣка никто сердитъ не бываетъ, хотя и недругъ, а на зло и не помыслить. А копать ея—положить на земли съ четырехъ странъ сребра сколько хочешь.

40) Есть птица *ласточка* и *касаточка*. Изъ молодыхъ топить масло велми пригодно ко всякимъ лекарствамъ; а малыя ласточки когда въ гнѣздахъ сидятъ и хотятъ вонъ летѣть изъ гнѣзда, и ты возьми иглу новую нешивоную и тою иглою выколоть глаза и замѣтить, урѣзать хвоста, и не ходить къ нимъ три дни, и въ четвертый день приди, и у ней будутъ иные глаза, и ты вынь ея изъ гнѣзда вонъ и раздери все серце и печень и пупокъ и кишки надъ черепкомъ и все водою вымой, и найдешь въ ней три камушка: бѣлшкой, черншкой и красншкой, и тѣ три камушка велми пригодны и много мочи человѣку держати; а въ иныхъ гнѣздахъ сдѣлать по тому жъ указу, хотя и слишкомъ приготовить.

41) Есть трава именемъ *лось*, собою бѣла, ростетъ при борахъ, цвѣтъ походитъ на багровъ, ростомъ въ пяду, у ней два корня, одинъ бѣлой, а другой черенъ что орѣшки; бѣлой положь за щеку, то...... ....(*), а отъ черного не станетъ. Добра та трава: отъ нея килы отвязаваются и порчи выходятъ.

42) Есть трава *укрой*, ростетъ по старымъ рощистямъ, собою высока, въ коноплю; листъ у нея широкъ и дологъ; съ половины у нея до верху какъ котенки. Та трава добра скоту отъ всякой болѣзни и отъ шату лошедямъ и въ домѣ отъ нечистаго духа. Аминь.

РАЕКЪ ЯРОСЛАВЦА.

Ярославскій крестьянинъ—человѣкъ дѣятельный, предпріимчивый. Гоняясь за трудомъ, какъ охотникъ за звѣремъ, онъ не разбираетъ разстояній; побывать за тридесять земель ему нипочемъ. Во многихъ мѣстахъ губерніи земля не можетъ быть для него ма-

(*) Точками замѣнены слова, не подлежащія печати.

терью; онъ знаетъ, что сколько ни потѣй, не выжмешь изъ нея и мѣднаго гроша. Отсюда образовалась у Ярославскаго крестьянина какъ-бы врожденная способность къ своеличной, самостоятельной дѣятельности, болѣе свободной, чѣмъ земледѣліе.

Надо зашибить копѣйку,—смѣтливый, переимчивый Ярославецъ долго не задумается, сколачиваетъ, напримѣръ, изъ досокъ четвероугольный ящикъ съ конькомъ на верху, краситъ его въ яркій цвѣтъ, накупаетъ, по дешевымъ цѣнамъ, картинъ, склеиваетъ ихъ концами одну на другую продольно, и мотаетъ на тонкое деревцо, прикрѣпляя къ нему первую картину клеемъ. Приборъ этотъ вкладывается потомъ въ боковыя отверстія ящика, ближе къ задней стѣнкѣ, на фасѣ ящика выбуравливаются четыре или пять небольшихъ отверстій, вершка въ полтора въ діаметрѣ, въ нихъ вставляются увеличительныя стеклышки, — и вотъ косморама готова!

Косморама эта болѣе слыветъ подъ именемъ *райка,* потому что первоначальный авторъ ея показывалъ только «*рай да муку* и не дороже какъ по копѣйкѣ штуку»,—что встрѣчается услышать и нынѣ.

Идетъ съ райкомъ предпріимчивый крестьянинъ—бахарь—за поживой на ярмарки, въ торговыя села и въ другія мѣста, гдѣ только есть сходбище простолюдиновъ и уличныхъ зѣвакъ, ставитъ раёкъ на педаль, и посредствомъ веревочки приводитъ въ движеніе руки куклы, изображающей Испанца или иного рыцаря. По этому, какъ будто магическому, движенію, рыцарь начинаетъ хлопать руками, производя звонъ, привязанными у ней мѣдными тарелками и бубенчиками.

Любители уличныхъ удовольствій съ охотою даютъ раёвщику двѣ копѣйки, снимаютъ шапку и прикладываютъ самодовольное лицо свое къ стеклышку райка. Когда деньги всѣ собраны, раёвщикъ посредствомъ проволочной ручки спускаетъ картины съ валика одну за другую, изустно толкуя значеніе каждой, на распѣвъ, виршами, составленными безъискуственнымъ воображеніемъ, но иногда нелишенными меткаго ума и дѣльнаго юмора.

Павелъ Шестернинъ.

ОДНА ИЗЪ МѢРЪ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ГРАМОТНОСТИ.

Въ числѣ разныхъ толковъ о мѣрахъ къ распространенію грамотности, которая въ настоящее время стала девизомъ всѣхъ, желающихъ добра нашимъ простолюдинамъ, всѣхъ, кому дорого ихъ образованіе и развитіе, какъ необходимое условіе для улучшенія ихъ быта, намъ довелось слышать отъ князя М. А. Оболенскаго одно очень дѣльное мнѣніе. Сообщаемъ его здѣсь въ предположеніи, не встрѣтитъ ли оно сочувствіе въ тѣхъ, которые ищутъ способовъ употребить свой капиталъ съ цѣлью содѣйствовать къ распространенію въ народѣ всякаго рода знаній. Мнѣніе это касается нашихъ древнихъ лѣтописей, которыя въ старину составляли на Руси любимое чтеніе всѣхъ классовъ, отъ высшаго до низшаго. Нельзя думать, чтобы стремленіе къ чтенію въ простолюдинахъ въ настоящее время не равнялось любознательности нашихъ предковъ. Расходящіеся въ милліонахъ экземпляровъ сказки, лубочныя картины, сонники, оракулы и пѣсни говорятъ сильно въ пользу этой потребности: какъ ни дурно они издаются, сбытъ ихъ постоянно обезпеченъ и счетъ изданій многихъ изъ подобныхъ произведеній уже давно забытъ. А между тѣмъ чему учится народъ, читая съ жадностью разсказъ о какомъ нибудь Бовѣ королевичѣ, любуясь картиной двухъ дерущихся пьяныхъ (противъ картинъ аллегорическихъ, заставляющихъ обращаться къ событіямъ историческимъ или къ нравственнымъ размышленіямъ, мы ничего не говоримъ), вдумываясь въ замысловатую фразу, найденную въ гадательной книжкѣ?—Онъ безъ нихъ не обходится—значитъ, досугу его нужно развлеченіе, а уму его необходима пища. Слѣдовательно онъ читаетъ то, что̀ ему даютъ, что̀ есть у него подъ руками. Но дайте ему чтеніе болѣе здоровое, и онъ едва ли отъ него откажется. Къ такому чтенію конечно прежде всего принадлежатъ сочиненія религіозныя и нравственныя. Однако они требуютъ значительнаго духовнаго развитія, которое, по нашему мнѣнію, должно быть подготовлено помимо книгъ; поэтому мы думаемъ, что хотя бы сочиненія такого рода были изданы въ большомъ количествѣ и сравнительно дешево, они все-таки не встрѣтятъ въ самомъ началѣ такого сочувствія и сбыта, какъ упомянутыя выше изданія. Вотъ почему съ своей стороны князь М. А. Обо-

лонскій убѣжденъ, что эти послѣднія могли бы быть съ успѣхомъ замѣнены изданіями лѣтописей для народнаго чтенія. Если, по его мнѣнію, въ лѣтописяхъ встрѣчаются нѣкоторыя мѣста и слова, не совсѣмъ ясныя для простолюдина, нѣтъ однако сомнѣнія, что бо̀льшая часть сказаннаго здѣсь для него удобопонятно и должно сразу расширить его мысли, заинтересовать его любопытство провѣдать о томъ, что̀ когда - то, въ старину, дѣялось на родинѣ, и, удовлетворяя этому стремленію, усилить въ немъ жажду узнать еще больше. Съ этою цѣлью лѣтописи должны быть издаваемы славянскимъ крупнымъ шрифтомъ, такъ чтобы мальчикъ, выучившійся читать псалтырь, могъ тотчасъ же перейти къ чтенію какого нибудь лѣтописнаго сборника. И вотъ, говоритъ князь, представьте себѣ картину въ избѣ крестьянина, когда, послѣ короткаго зимняго дня, проведеннаго въ непродолжительной и нетрудной работѣ, всѣ члены семьи соберутся домой. Что̀ будутъ они дѣлать цѣлый вечеръ? Безъ сомнѣнія, бабы прясть или шить, мужики чинить сбрую, плести лапти, точать сапоги, и т. п.; но почему имъ въ тоже время не послушать разсказъ, который долженъ быть имъ такъ сроденъ и по языку и по содержанію? Такимъ образомъ узнали бы они о началѣ Русскаго царства, о премудрой Ольгѣ, о красномъ солнышкѣ Владимірѣ, о побояхъ съ Татарами, о царѣ Иванѣ Васильичѣ Грозномъ, о убіеніи царевича Димитрія, о народной войнѣ съ Поляками, объ избраніи на престолъ царя Михаила Ѳедоровича. И усилилась бы въ нихъ привязанность къ отчизнѣ, къ ея дѣяніямъ и славѣ; усилилась бы ихъ преданность къ царямъ, которые такъ давно правятъ святою Русью, такъ часто проливали за нее кровь свою въ тяжелой борьбѣ съ ея врагами, да и теперь съ такою любовью пекутся о судьбѣ простолюдина. . . . Но изданіе лѣтописныхъ сборниковъ въ такомъ видѣ должно имѣть еще другое весьма важное значеніе: они замѣнили бы намъ подлинныя рукописи, которыя теперь издаются въ сводныхъ текстахъ, гдѣ содержаніе каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности, болѣе или менѣе теряется въ связи съ другими и требуетъ новыхъ усилій и трудовъ для его возстановленія. И такъ нельзя ли думать, что тотъ кто рѣшился бы приступить къ изданіямъ лѣтописныхъ сборниковъ въ ихъ подлинномъ видѣ не былъ бы въ убыткѣ, а между тѣмъ принесъ бы огромную пользу и простому народу и ученымъ.

— **въ.**

